ПОЭТЫ-РАДИЩЕВЦЫ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ПОЭТЫ-РАДИЩЕВЦЫ

(А. Х. ВОСТОКОВ, И. П. ПНИН, И. М. БОРН, В. В. ПОПУГАЕВ И ДРУГИЕ ПОЭТЫ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ)

Вступительная статья,
биографические справки,
составление и подготовка текста
П. А. Орлова

Примечания П. А. Орлова и Г. А. Лихоткина

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1979

СБ1
П 67

Настоящий сборник, выходящий под условным названием «Поэты-радищевцы», объединяет образцы творчества поэтов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, сыгравшего заметную роль в идейной и литературной жизни России первой четверти XIX века. В отличие от первого издания этой книги в Большой серии «Библиотеки поэта» (1935), в новом издании видное место занимают стихи А. Х. Востокова, одного из крупнейших поэтов Общества. Разделы, посвященные другим основным поэтам (И. П. Пнину, И. М. Борну, В. В. Попугаеву, Н. Ф. Остолопову, А. Е. Измайлову, А. П. Бенитцкому, Г. П. Каменеву), обновлены по составу или пополнены ранее неизвестными текстами.

П $\frac{70401-042}{083(02)-79}$ 389—79 4702010100

ПОЭТЫ-РАДИЩЕВЦЫ

В русской литературе конца XVIII — начала XIX века обращает на себя внимание многочисленная группа молодых поэтов, членов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, получивших в 30-е годы XX века наименование «поэтов-радищевцев».

Авторы вступительных статей к сборнику «Поэты-радищевцы» (Л., 1935) В. А. Десницкий и В. Н. Орлов, предлагая это обозначение, руководствовались следующими соображениями. Личность и творчество Радищева были чрезвычайно популярны в Вольном обществе, а некоторые из его членов были лично знакомы с автором «Путешествия из Петербурга в Москву». Антикрепостнические и тираноборческие настроения, просветительская тема человека — творца и зиждителя — в поэзии членов Вольного общества перекликаются со сходными мотивами произведений Радищева. Поиски Радищевым новых поэтических форм — безрифменный стих, античная метрика, ориентация на народную поэзию — были продолжены в творчестве поэтов Вольного общества. Однако определение этой группы поэтов как «радищевцев» вызвало возражение со стороны ряда литературоведов[1] и философов,[2] указавших на серьезные различия между Радищевым и поэтами Вольного общества. Прежде всего это относится к революционным и республиканским взглядам Радищева, которые не разделял ни один из «радищевцев».

В этой полемике по-своему правы обе стороны, поскольку изве-

---

[1] Г. П. Макогоненко, Радищев и его время, М., 1956, с. 700; А. Н. Соколов, История русской литературы XIX века (первая половина), М., 1976, с. 35.

[2] И. З. Деркачев, Был ли Пнин радищевцем? — «Вопросы философии», 1958, № 8, с. 74.

стная близость отдельных радищевцев к Радищеву объясняется принадлежностью их к демократическому просветительскому лагерю, а расхождение — разной степенью радикализма их просветительства. В этом отношении показателен тот факт, что сборники, изданные в Большой и Малой серии «Библиотеки поэта», В. Н. Орлов назвал «Поэты-радищевцы», а исследование, посвященное творчеству представленных в них поэтов, — «Русские просветители 1790—1800-х годов» (1-е изд. — 1950, 2-е — 1953 г.). Для большей точности необходимо отметить, что взгляды самих радищевцев также не отличаются полным единством и выражают разную степень оппозиционности по отношению к окружающим их общественным порядкам.

1

Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (первоначальное и очень кратковременное его название — Дружеское общество любителей изящного) было открыто 15 июля 1801 года в Петербурге по инициативе бывших воспитанников Академической гимназии — И. М. Борна, В. В. Попугаева, В. В. Дмитриева, А. Г. Волкова, В. И. Красовского и М. К. Михайлова. Сама же идея общества принадлежала Борну и Попугаеву.

Обращает на себя внимание время создания Общества — 1801 год, то самое «дней Александровых прекрасное начало», которое наступило вслед за тираническим правлением Павла I. После пяти лет тягостного молчания и вынужденного бездействия передовая русская интеллигенция вновь окрылилась мечтой о возможности плодотворной общественной деятельности под эгидой правительства, тем более что первые годы царствования Александра давали известные основания для такого рода надежд.

В том же 1801 году в Общество вступили еще четыре новых члена: С. А. Шубников, А. Х. Востоков, А. М. Яковлев и П. М. Иванов. В последующие два года в него влилось уже свыше двадцати человек, в их числе писатели — А. Е. Измайлов, Н. Ф. Остолопов, И. П. Пнин, Г. П. Каменев, художники — Ф. Ф. Репнин, А. Иванов, скульптор И. И. Теребенев, ученые — Н. С. Арцыбашев, А. И. Ермолаев, А. Ф. Севастьянов, Г. А. Глинка и ряд других.

Все они были очень молоды, многие совсем недавно окончили то или иное учебное заведение — Академическую гимназию, кадетский корпус, университет, — и каждый из них буквально томился жаждой разумной и плодотворной деятельности.

Характерно само название вновь созданной организации — Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Будучи

просветителями, члены Общества были уверены в том, что все несчастья человеческого рода происходят от «невежества», то есть от непонимания людьми их собственной природы» и тех принципов, на основе которых интересы одного человека могут сочетаться с интересами других людей. Поэтому на первое место было поставлено распространение полезных знаний, просвещения, способных рассеять заблуждения и восстановить истину. Что касается словесности, наук и художеств, то они представлялись тремя китами, на которых держалось здание человеческой мудрости.

«Общество, — говорилось в одном из документов, — поставило перед собой две главные цели:

1. Взаимно себя усовершенствовать в сих трех отраслях способностей человеческих.

2. Споспешествовать по силам своим к усовершенствованию сих трех отраслей» [1] — то есть, просвещая себя, углубить различные области знаний, а тем самым просвещать и других.

Словом «вольное» подчеркивался неказенный, неофициальный характер объединения, спаянного общностью убеждений и целей. Добровольность дружеского союза не исключала дисциплины и четкой организации. Возглавлял Общество президент (первым из них был И. М. Борн), протоколы заседаний и переписку вел секретарь, материалы для печати готовили корректоры и свой внутренний цензор. Все названные должности были выборными. Каждый из членов Общества обязан был время от времени представлять свое собственное или переведенное им сочинение научного, политического или беллетристического характера. В случае неявки на заседание полагалось объяснять причину отсутствия. Многократное непосещение влекло за собой исключение из Общества.

Среди переводных сочинений на первом месте стояли труды европейских просветителей XVIII века — Монтескье, Мабли, Беккария, Филанджиери. Одновременно создавались оригинальные трактаты, в которых авторы предлагали рецепты для излечения различных общественных недугов. На каждом из них печать времени — вера во всемогущую силу разума, способного по своим законам пересоздавать действительность. Большая часть этих сочинений была адресована Александру I: мысль о союзе монархов и философов еще не изжила себя. Востоков написал «Речь о просвещении человеческого рода». Пнину принадлежит трактат «Вопль невинности, отвергаемой

---

[1] «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», ч. 1, СПб., 1804, с. 1.

законами», созданный в защиту так называемых «незаконных» детей, к числу которых принадлежал и сам автор. Измайлову — «Рассуждение о нищих...» и «Вчерашний день, или Некоторые размышления о жаловании и пенсиях». Попугаев был автором трактатов «О политическом просвещении вообще» и «О рабстве и его начале и следствиях в России». Из всех перечисленных выше произведений последнее сочинение Попугаева — самое смелое и самое важное, поскольку речь в нем шла о необходимости отмены в России крепостного права. «Рабство, — писал Попугаев, — есть семя всех пороков... и государство, где оное коснеют истребить, скорыми шагами стремится к своему падению».[1] Подобно многим просветителям, Попугаев горячо верит во всеобщее благоденствие, которое должно наступить тотчас же после уничтожения крепостничества. «Возврати вольность крестьянину, — обращается он к царю. — ...Все удивительно процветет! Все воспримет новое существование!»[2] Произведения, написанные членами Общества, читались на его заседаниях, после чего присутствующие делились своими мнениями об их достоинствах и недостатках. Другой формой оценки служили рецензии, подготовленные заранее назначенными лицами. Само вступление в Общество было обусловлено представлением нескольких художественных или ученых трудов, по достоинству которых судили о целесообразности пополнения Общества новыми членами. «Собрания» были «обыкновенные», «чрезвычайные» и «торжественные». Первые имели место один раз в две недели; чрезвычайные созывались президентом в случае необходимости; торжественные происходили дважды в году: в день основания Общества — 15 июля и в день его «высочайшего» утверждения — 26 ноября. Местом встречи первоначально была квартира И. М. Борна, расположенная в немецком училище св. Петра, позже, с 1810 года — квартира Д. И. Языкова в здании Главного правления училищ и, наконец, с 1811 года — зал Медико-филантропического комитета Михайловского замка, вследствие чего и само Общество называлось в публике «Михайловским».

15 июля 1802 года Общество с большим воодушевлением отметило первую свою годовщину. С речами выступили Попугаев и Борн. Из их выступлений становится известным, что в самом начале своего существования Общество испытало нападки со стороны нескольких его участников, которых Попугаев именует «геростратами». Эти

---

[1] Г. П. Шторм, Неизвестное сочинение В. В. Попугаева. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1959, т. 18, вып. 1, с. 60.
[2] Там же, с. 58.

честолюбцы, по словам ораторов, угрожали спокойствию и даже целостности еще не окрепшего содружества, за что и были исключены из его рядов.

Второй из ораторов — Борн — призвал собравшихся готовить материал для новых изданий («„Свитка муз“ мало»), а также уделить в своих статьях больше внимания философии и «морали».

Третий из выступавших — Востоков — предложил слушателям речь «О просвещении человеческого рода».

К осени 1803 года, в результате настойчивой подготовительной работы был создан устав Общества, определявший его цели, внутреннюю организацию, права и обязанности его членов.

В конце 1803 года Общество получило от Александра I официальное признание и могло теперь открыто вести свои заседания. Правда, не все его участники были довольны этим разрешением, некоторые из них, особенно Борн, полагали, что подобного рода признание не облегчит, а скорее затруднит их деятельность.

Самым ранним изданием Общества был стихотворный альманах «Свиток муз», представленный двумя книжками (1802—1803). Авторы его — Востоков, Попугаев, Волков, Красовский и Михайлов. В 1804 году была сделана попытка организовать свой журнал, который назывался «Периодическое издание Вольного общества. . .». В первой и единственной его части наряду со стихотворениями много места было отведено прозаическим произведениям, как переводным, так и оригинальным. Среди последних обращает на себя внимание антикрепостническая повесть Попугаева «Негр». Вторая часть «Периодического издания. . .», уже подготовленная к печати, не увидела света по цензурным причинам. Вследствие этого члены Общества печатали свои произведения в «Северном вестнике» И. И. Мартынова, в «Журнале российской словесности» Н. П. Брусилова, «Любителе словесности» Н. Ф. Остолопова, в «Журнале для пользы и удовольствия» А. Н. Варенцова, в «Цветнике» А. Е. Измайлова, в «Сыне отечества» Н. И. Греча, в «Санктпетербургском вестнике» А. Е. Измайлова.

С 1818 до 1826 года журналом Вольного общества был «Благонамеренный» (издатель А. Е. Измайлов).

Исследователи Вольного общества различают в его истории два непохожих друг на друга периода: первый начинается с 1801-го и продолжается до 1807 года; второй — с 1807-го и до 1826 года.

Первый — более яркий и плодотворный. Он отличается интенсивностью творчества входящих в него писателей и высоким общественным пафосом их произведений. Само Общество жило в это время слаженной, целеустремленной жизнью.

Затем наступает упадок. «На заседаниях, — пишет один из историков Вольного общества, — читались бедные по содержанию и неблестящие по форме стихотворения, рассказы, анекдоты, эпиграммы, или же председатель ⟨А. Е. Измайлов⟩ угощал членов произведениями, присланными ему ... о качествах которых нечего и распространяться». [1]

Такое представление о судьбе Вольного общества нуждается в ряде уточнений и поправок. Прежде всего это относится к выяснению причин, вызвавших постепенное затухание его деятельности.

В. Н. Орлов, проделавший огромную и весьма плодотворную работу по собиранию, изучению и публикации произведений поэтов Вольного общества, во вступительной статье к первому собранию их стихотворений 1935 года объясняет изменения в жизни Общества «фракционной раскольнической деятельностью так называемой „языковской партии“». [2] Однако факты и догадки исследователя, на наш взгляд, не подтверждают предложенной им версии. Для примера рассмотрим инцидент 1804 года. Суть его состоит в том, что в «Периодическом издании. . .» была помещена «История» Общества, написанная В. В. Попугаевым, которую резко осудили за содержание и за стиль Д. И. Языков и Н. А. Радищев.

В. Н. Орлов расценивает этот конфликт как завуалированную политическую борьбу между «непримиримыми радищевцами» (Борн, Попугаев) и их идейными антагонистами, однако собственные аргументы исследователя противоречат этому выводу. Статья Попугаева, пишет В. Н. Орлов, действительно «изобиловала совершенно мелочными подробностями. .. и была изложена чрезвычайно скверным языком, а в иных случаях и просто безграмотно (с грамматикой Попугаев. .. был вообще не в ладах)». [3] Но в таком случае придется признать, что оценка, данная статье Попугаева Языковым и Н. Радищевым, была продиктована не «раскольническими» соображениями, а самой элементарной требовательностью каждого из них.

В той же «Истории» Попугаев сообщал, что члены Общества на своих заседаниях «особенно занимались чтением Рейналя и Воль-

---

[1] И. А. Кубасов, Александр Ефимович Измайлов, СПб., 1901, с. 23.

[2] В. Н. Орлов, История Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. — В кн.: «Поэты-радищевцы», «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1935, с. 126. Та же точка зрения и с теми же доказательствами повторена в кн. В. Н. Орлова «Русские просветители 1790—1800-х годов», 2-е изд., М., 1953, с. 257—276.

[3] В. Н. Орлов, История Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, с. 129.

нея», то есть писателей, находившихся в России под цензурным запретом. Более того, три экземпляра «Периодического издания...», где было помещено это сообщение, Попугаев сам отправил царю, министру просвещения и товарищу министра просвещения. Неудивительно, что столь легкомысленное поведение Попугаева также вызвало со стороны Д. Языкова и Н. Радищева резкое осуждение.

После смерти Пнина, очередного президента Общества, «языковская партия, — пишет В. Н Орлов, — переходит в решительное наступление». Но из той же статьи мы узнаем, что сам Языков с середины 1806-го до середины 1807 года «путешествовал по России» (странное поведение вожака партии в момент «наступления»), вследствие чего президентом Общества был избран... Борн, а секретарем — Попугаев.

Не следует также преувеличивать радикализм Борна и консервативность Д. Языкова. Дневник Борна (см. сноску к с. 180), хранящийся в Научной библиотеке имени Горького Московского государственного университета, рисует нам человека весьма умеренных взглядов, прекрасно использовавшего для своей карьеры должность учителя русского языка при принце Ольденбургском, с наслаждением отмечавшего в своих записях каждый свой новый чин и новый орден. Сам отход Борна от Вольного общества объясняется прежде всего его служебным положением при могущественном покровителе.

Что касается Языкова, то взгляды этого члена Общества отнюдь не отличаются реакционностью. Напомним, что его перу принадлежат переводы двух капитальных трудов европейского Просвещения: «Рассуждение о преступлениях и наказаниях» Беккария и «Дух законов» Монтескье. Филологические изыскания Языкова обнаруживают в нем свободно мыслящего ученого, далекого от рутины. В «Замечаниях о некоторых русских буквах» [1] он в самом начале XIX века предлагал коренную реформу русского алфавита: уничтожение твердого знака в конце слова, замену «яти» обыкновенным «е», упразднение фиты, ижицы — словом, все то, что было осуществлено лишь сто лет спустя.

Рассмотренные выше факты не дают основания видеть в Вольном обществе борьбу двух группировок, которая якобы и привела к его постепенной деградации. Причина измельчания общественной и литературной деятельности его членов иная: она зависела не от внутренних распрей между ними, а от изменения политической атмосферы вокруг них. Подходила к концу недолгая и совсем не бурная весна

[1] «Цветник», 1809, № 4, с. 55.

александровского царствования. Войны с Наполеоном все более и более отвлекали внимание правительства от внутренних преобразований. Но тучи сгущались не только на театре военных действий. Надвигалась реакция, приближались времена аракчеевщины. Эпоха надежд уступила место эпохе разочарований. Свободомыслие членов Вольного общества не было настолько глубоким и серьезным, чтобы они отважились, подобно будущим декабристам, вступить с правительством в политический конфликт. Оставалось отказаться от мысли об участии в общественных преобразованиях, а это сразу же снизило уровень их поэтического творчества.

Последующая история Вольного общества сложнее, нежели ее представил И. А. Кубасов. В связи с событиями Отечественной войны 1812 года оно почти на четыре года — с начала 1813-го и до декабря 1816-го — прекратило свое существование. После этого вынужденного перерыва заседания возобновились, чему немало способствовали усилия А. Е. Измайлова, А. Х. Востокова и Н. И. Греча.

Для того чтобы оживить деятельность и поднять авторитет Общества, они стремятся привлечь в его ряды возможно большее число участников, в первую очередь известных писателей, и это им удается. В 1817 году были приняты Крылов, Жуковский, Батюшков и Дельвиг; в 1818-м — Баратынский и Пушкин. Более того, членами Общества становятся представители декабристского движения, которые, видимо, хотели его использовать для своих целей. В конце 1816 года в действительные члены был принят Ф. Н. Глинка, тогда уже член декабристского «Союза спасения». В последующие годы ряды Общества пополняют В. К. Кюхельбекер, А. Ф. Раевский, А. А. Бестужев, К. Ф. Рылеев. На заседаниях Общества, пишет В. Г. Базанов, «были впервые оглашены гражданские оды Глинки, Рылеева, А. Бестужева... В 1820 году барон Дельвиг читал на одном из собраний знаменитую сатиру Рылеева „К временщику"; А. Бестужев выступал со стихотворениями „К некоторым поэтам" и „Подражание первой сатире Буало"».[1] На заседаниях Общества читались также «Кавказский пленник» и отрывки из «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина.

Но вместе с тем бросается в глаза слишком пестрый и подчас даже случайный состав участников Общества. Наряду с перечисленными выше писателями в нем принимали участие и заведомые ретрограды типа графа Д. И. Хвостова, и лица с сомнительной политической репутацией вроде Ф. В. Булгарина. Все это свидетельствовало

---

[1] В. Базанов, Вольное общество любителей российской словесности, Петрозаводск, 1949, с. 130—131.

об отсутствии в Обществе боевой целеустремленной программы, которая бы сплотила лучшие его силы и которая бы отвечала новым требованиям времени.

Вследствие этого писатели декабристской ориентации после 1820 года или совсем выбывают из Общества, или крайне редко посещают его заседания, которые становятся все более и более малочисленными.

События 14 декабря 1825 года косвенно отразились и на судьбе Вольного общества. В обстановке, наступившей после восстания, любая литературная, не говоря уже о политической, организация вызывала у правительства настороженность и подозрение.

В июне 1826 года министр народного просвещения А. С. Шишков в специальном отношении выговаривает руководителям Общества за то, что они, несмотря на его требования, не представили ему своих «мемориев», то есть, проще говоря, протоколов заседаний.

18 октября 1826 года требование повторяется. Шишков предлагает сообщить ему о всех «важнейших распоряжениях» и «мерах» Общества в текущем году. С содержанием ответа, составленного Измайловым (председатель) и Востоковым (цензор и казначей Общества), можно познакомиться по протоколу заседания от 12 ноября 1826 года.

«Донести г. министру, — говорится там, — что Общество в нынешнем году до 12 ч⟨исла⟩ сего ноября не имело заседаний, потому что члены оного, будучи озабочены занятиями по службе, или изданиями журналов, альманахов, также сочинениями разного рода и переводами, трудились каждый отдельно и не имели времени посещать Общество, которое по сим причинам едва ли может когда приступить совокупными силами к какому-либо важному труду и возобновить с желаемым успехом свои заседания, кои и прежде были довольно редки и малочисленны». [1]

Ответ Шишкову, по сути дела, означал официальное известие о прекращении существования Вольного общества.

Литература о Вольном обществе сравнительно невелика. Самое раннее известие о нем относится к 1804 году, когда в пятом номере журнала «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» был напечатан устав Общества и было объявлено о его официальном признании правительством. В том же году в «Периодическом

---

[1] Протокол заседания Вольного общества от 12 ноября 1826 года. — Архив Вольного общества. Фундаментальная библиотека Ленинградского государственного университета.

издании. . .» Общества (ч. 1) публикуется его краткая история, составленная В. В. Попугаевым. В дальнейшем, вплоть до закрытия, Общество напоминает о себе своими литературными изданиями. Затем память о нем постепенно сглаживается.

Новые работы о Вольном обществе появляются в конце XIX — начале XX века. Они посвящены отдельным писателям, входившим в его состав. К такого рода исследованиям относятся: монография Л. Н. Майкова «О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова» (1887), напечатанная в первом томе сочинений поэта, статья К. В. Петухова «Несколько новых данных об А. Х. Востокове»,[1] статьи И. А. Кубасова «А. С. Пушкин, член санктпетербургского Общества любителей словесности, наук и художеств»[2] и «А. П. Бенитцкий (1780—1809)»[3] и им же написанная книга «А. Е. Измайлов» (1901), работа В. И. Срезневского «Заметки А. Х. Востокова о его жизни»,[4] книга В. И. Маслова «К. Ф. Рылеев» (1912).

Что касается истории самого Вольного общества, то ей была посвящена лишь небольшая статья Н. К. Пиксанова в новом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. 11). В советский период усиливается интерес к истории литературных направлений и обществ XIX века. Эта тенденция нашла свое отражение в исследованиях о Вольном обществе В. А. Десницкого,[5] В. Г. Базанова,[6] Л. И. Гительмана,[7] В. Н. Орлова.[8] В 1935 году в Большой серии «Библиотеки поэта» выходят стихотворения А. Х. Востокова и капитальное издание «Поэтов-радищевцев», представленное произведениями двадцати двух членов Вольного общества. Оба издания были подготовлены В. Н. Орловым. В меньшем объеме (четыре автора)

---

[1] «Журнал министерства народного просвещения», 1890, № 3, с. 56.

[2] «Русская старина», 1899, № 5, с. 471.

[3] «Журнал министерства народного просвещения», 1900, № 4, с. 280.

[4] «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1901, т. 70, № 6, с. 5.

[5] В. А. Десницкий, Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. — «Литературная учеба», 1934, № 8, с. 5; № 9, с. 3.

[6] В. Г. Базанов, К истории Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. — В кн.: «Вольное общество любителей российской словесности», Петрозаводск, 1949, с. 125.

[7] Л. И. Гительман, Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. — В кн.: «Театральное наследство», М., 1956, с. 24.

[8] В. Н. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, М., 1950 (2-е изд. — М., 1953). Книга удостоена Государственной премии.

сборник «Поэты-радищевцы» (составитель В. Н. Орлов) был издан в 1953 и в 1961 годах в Малой серии «Библиотеки поэта».

Поэзия членов Вольного общества отличается ярко выраженным просветительским характером, в связи с чем возникает необходимость определить своеобразие их просветительства. Литературоведы, зачислявшие Пнина, Борна, Попугаева в круг последователей Радищева, явно завышали степень их радикализма. Думается, что не прав и Г. П. Макогоненко, отметивший близость отдельных стихотворений названных выше поэтов к произведениям Карамзина и на этом основании объявивший их карамзинистами.[1] Вся же суть проблемы состоит в том, что и Радищев, и Карамзин, и члены Вольного общества органически были связаны с Просвещением, хотя и выражали разные тенденции этого сложного и разнородного идеологического движения. Принадлежность поэтов Вольного общества к просветительскому лагерю благоприятствовала использованию ими творческого опыта Радищева и Карамзина, хотя в целом они не были ни радищевцами, ни карамзинистами, а представляли совершенно особое явление, отмеченное в ряде случаев печатью эклектизма.

2

Стихотворения поэтов Вольного общества с точки зрения их проблематики довольно четко делятся на четыре вида: философская лирика, гражданская, «сентиментальная» и «легкая» поэзия. Исследователи, как правило, много внимания уделяют двум первым, едва упоминают о третьем и абсолютно не замечают четвертого. Между тем все они выросли на просветительской почве и в равной степени заслуживают внимания и изучения. Наиболее очевидна связь с нею в философской и гражданской лирике. Первая понимается здесь в том широком значении, которое она имела в литературе XVIII века, когда в круг «философских» проблем включались религиозные, этические и естественно-научные вопросы.

Философские и политические проблемы были краеугольным камнем учения просветителей. От правильного решения этих вопросов зависело благо всего общества. Серьезность поставленной задачи требовала для своего воплощения столь же монументальной жанровой формы. Этой формой в первую очередь сделалась классицистическая ода — философская и гражданская, созданная Ломоносовым, Сумароковым и Державиным. Чеканный стиль классической оды

---

[1] Г. П. Макогоненко, Радищев и его время, с. 700.

с ее строфическим построением, с ее высоким ораторским пафосом, с ее дидактической направленностью полностью отвечал воспитательно-гражданским целям, которые ставили перед собой русские просветители конца XVIII — начала XIX века. Наряду с одой использовались и «низкие» жанры классической литературы — сатира и басня, в которых поэты Вольного общества осуждали и высмеивали разного рода невежд и тиранов.

Разрушению социально-политических основ феодального мира предшествовала борьба просветителей с идеологией этого мира. «Религия, понимание природы, общество, государственный строй... — все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него», [1] — писал Энгельс об исторической роли просветителей. Идеологи феодализма венцом исторического развития считали монархическое централизованное государство. Для просветителей центром мира и мерилом всех ценностей сделался человек. Все недостатки общества объяснялись многочисленными заблуждениями, глубоко укоренившимися в сознании. «Невежество, — писал Поль Гольбах, — заблуждения и ложь являются истинными источниками бедствий». [2] Поэтому борьбу с общественным злом просветители начали с критики «ложных» взглядов и широкой пропаганды принципов новой освободительной мысли. Этой же задаче служила и философская лирика поэтов Вольного общества, в первую очередь — философская ода.

В такой оде обычно решалась какая-нибудь важная проблема общественного, религиозного или нравственного характера. Объект размышления выносился в название произведения. В оде одновременно было представлено и «заблуждение», с которым поэт вступал в полемику, и «истина», которую он самоотверженно защищал, вследствие чего правильный взгляд на мир как бы завоевывался на глазах читателя, а не преподносился ему в готовой и безапелляционной форме. Все это, вместе взятое, — развенчание и ниспровержение заблуждения, вдохновенное утверждение добра, правды, справедливости — составляло поэтическую атмосферу философской оды, ее боевой лирический пафос

Наибольшее число философских од принадлежит И. П. Пнину. Они отличаются не только поэтическими достоинствами, но и смелостью в решении поставленных в них проблем. Лучшие среди них —

---

[1] Ф. Энгельс, Антидюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, с. 16.

[2] П.-А. Гольбах, Естественная политика. — Избр. произв в 2-х тт., т. 2, М., 1963, с. 99.

оды «Человек» и «Бог». Востокову принадлежат оды «Фантазия» и «Парнас, или Гора изящности», Николаю Радищеву — ода «Время», Попугаеву — «К согражданам», Арцыбашеву — ода «Случай». Словом, почти каждый из поэтов Вольного общества испытал свои силы в этом жанре.

Одной из важных задач, поставленных в их философских одах, была критика ортодоксальных представлений о боге, природе и человеке. В своих философских взглядах никто из поэтов Вольного общества не дошел до атеизма. Подобно большинству просветителей XVIII века, они остановились на деизме, признававшем в боге первопричину всего сущего. Но важным и боевым началом в их деизме была мысль о полном невмешательстве божества в судьбы людей, а следовательно, и в общественную жизнь. Полнее всех эту идею раскрыл Пнин в оде «Человек». В противовес традиционному церковно-христианскому представлению о человеке как существе слабом, несовершенном, нуждающемся в постоянной поддержке и защите со стороны высшего промысла, Пнин выдвигает мысль о человеке-творце, зиждителе, преобразующем окружающий его мир. «Какой ум слабый, униженный Тебе дать имя *червя* смел?» — гневно вопрошает Пнин. «Человек» и «раб» — эти понятия не совмещаются в его сознании: «Прочь, мысль презренная! ты сродна Душам преподлых лишь рабов».

Вопрос о том, с кем полемизировал Пнин в оде «Человек», вызвал в начале истекшего десятилетия оживленную дискуссию.[1]

Но кто бы ни был адресатом этого произведения, его антицерковная направленность несомненна. В отличие от церковников, Пнин воспевает безграничные творческие возможности человека, который измерил «планет теченье», создал искусства, издал законы и заставил «чтить правосудие». Всем этим он обязан только себе — своему «труду» и своей «опытности»:

Скажи мне, наконец, какою
Ты силой свыше вдохновен...
...Скажи?.. Но ты в ответ вещаешь,
Что ты существ не обретаешь,
С небес которые б сошли,
Тебя о нуждах известили,
Тебя бы должностям учили
И в совершенство привели.

---

[1] См. прим. к оде «Человек» в наст. издании (№ 37).

Основные идеи оды «Человек» находят свое дальнейшее развитие в оде Пнина «Бог», полемически направленной против известной «духовной» оды Ломоносова, «выбранной из Иова», а косвенным образом — и против самой Библии. Связь между одами Пнина и Ломоносова прослеживается даже в метрике обоих стихотворений и в отдельных чисто фразеологических совпадениях:

Ломоносов	Пнин
О ты, что в горести напрасно На бога ропщешь, человек. . .	Повсюду слышу лишь стенанья! Народы ропщут на творца...
Колючий терн его ⟨бегемота⟩ — охота Безвредно попирать стопой.	Где только ты ступил ногой, Там терн растет колючий, злой.

Но дело, конечно, не в перекличке мотивов двух произведений, а в единстве поставленной в них проблемы и в диаметрально противоположных ее решениях. Речь идет о причинах человеческих страданий и зависимости их от воли божества.

Ломоносов оправдывает страдания людей предначертаниями высшего промысла. Бесконечная мудрость творца предполагает в конечном счете благо человечества, чего не в силах понять слабый и бренный ум человека. И подобно тому как Петр I — «земное божество» (см. «Надпись к статуе Петра Великого») — никому не давал отчета в своих государственных преобразованиях, точно так же и бог в «духовной» оде Ломоносова требует от человека полного доверия и беспрекословного подчинения:

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпеньи часть.
Он всё на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

Пнин подходит к той же проблеме с иной, просветительской точки зрения. Зло и добро заключены в самом человеке. Страдания имеют чисто земное происхождение. Об этом в оде говорит сам бог:

О человеки! вы виною
Терпимых между вами бед!

Коль кровь сирот течет рекою,
Коль правосудья вовсе нет
И суть злодейства без числа,
То ваши — не мои дела!

Отсюда следовал единственно правильный вывод: если бедствия людей проистекают из их собственных проступков и заблуждений, то и избавление от страданий — также всецело в руках человеческих.

Ту же мысль, но в более осторожной форме высказали Востоков и Попугаев. Творец, считают они, создавая человека, вложил в его сердце любовь к благу, но вместе с тем предоставил людям право свободного выбора между добром и злом, дабы они

. . .своим бы лишь рассудком управлялись
В набрании себе путей.

(А. Х. Востоков, «Бог в нравственном мире»)

Точно такую же идею в стихотворении «Бог» развивает и Попугаев. Всевышний, по словам поэта,

. . .править небесам землей не показал,
Но чувство совести влил в сердце человека,
Но в недре оного закон свой начертал.

Даже и этот смягченный вариант освободительной просветительской мысли предоставлял человеческому разуму право устраивать общественное бытие без вмешательства высшего промысла.

Критика феодально-абсолютистских порядков велась просветителями не во имя другой, более совершенной социально-исторической формации, а во имя вечных и неизменных законов природы, от которых, по их мнению, отошло современное им общество. Отсюда берет свое начало культ природы, столь характерный для публицистических и поэтических произведений поэтов Вольного общества.

В оде Востокова «Парнас, или Гора изящности» природа персонифицирована в образе прекрасной античной богини. «Млекополными» грудями она щедро питает всех своих бесчисленных чад. У нее нет ни любимцев, ни париев. Всем людям без разбора она дала все потребное для их блага. Для того чтобы быть счастливым, необходимо соблюдать ее законы и постоянно совершенствовать дарованные ею способности.

В ком есть желанье, всяк способен
Возвысить дух свой, просветить
Свой разум. Пашне он подобен,
Могущей всё произрастить,
Когда приложит пахарь руку.

Так утверждается просветителем Востоковым мысль о природном равенстве всех людей.

Сословным привилегиям феодального мира деятели Просвещения противопоставили идею всеобщего равенства перед законом. Этому принципу они придавали столь серьезное значение, что почитали его чуть ли не главным условием существования разумно устроенного общества. Показательна в этом отношении «Ода на правосудие» Пнина с эпиграфом из книги Гольбаха «Естественная политика»: «Правосудие есть основание всех общественных добродетелей». Бросается в глаза симметричное построение оды, четко поделенной на две части. В первой — перечисляются блага, которые несет с собой честный, нелицеприятный суд; во второй — беды, порожденные неправосудием. Такого рода композиция, несущая в себе противопоставление истины и заблуждения, наиболее распространена в просветительской литературе. Своей поэтикой, прежде всего композицией, ода Пнина более всего обязана радищевской «Вольности».

Человек для просветителей — исходный, отправной пункт в решении социальных и политических вопросов. Общественное благополучие зависит, по их мнению, от особенностей его мышления, его воли, его страстей. Чтобы быть счастливым, необходимо прежде всего хорошо представлять свою собственную натуру. Поэтому-то просветители выдвигают лозунг «Познай самого себя!». Предметом исследования становится не только физическая природа человека (вспомним работы Дидро по анатомии и физиологии), но и его духовная жизнь. В этом отношении наиболее показательна поэзия Пнина, которого интересует и физиологическая природа сновидений («Стихи на сон»), и сложные психологические побуждения, влекущие человека то к подвигу, то к преступлению (ода «Слава» и ода «Надежда»). Впрочем, термин «ода» не совсем уместен: от нее здесь сохранилась лишь десятистишная строфа. По содержанию же перед нами небольшая «философская» медитация, в которой поэт стремится уяснить сущность того или иного явления (предмет размышления вынесен в название произведения). В начальных строфах уточняется проблема, занимающая автора:

Надежда! что ты есть такое?
Пролей свой свет ты на меня.
Скажи: мечтанье ль ты пустое
Иль луч блуждающа огня? . .

(«Надежда»)

Далее на ряде примеров, взятых из истории или повседневного быта, автор постепенно подходит к ответу на поставленные им вопросы, чем и завершается все стихотворение.

3

С философской лирикой поэтов Вольного общества тесно связана их гражданская поэзия. Главной чертой общественных взглядов просветителей Ленин считал горячую вражду к крепостному праву и ко всем его порождениям. Подобные воззрения разделялись и поэтами Вольного общества. В стране, где крепостничество существовало столетиями и рабство поддерживалось правительством и авторитетом церкви, нужно было сначала развеять миф о его необходимости и законности.

Пнин в оде «Человек» ставит вопрос о рабстве в общем, теоретическом плане. Рабство, по его мнению, противоречит законам природы, и поэтому оно противоестественно. Рабство унижает достоинство человека, искажает его нравственный облик, и потому оно отвратительно:

В каком пространстве зрю ужасном
Раба от *Человека* я?
Один — как солнце в небе ясном,
Другой — так мрачен, как земля.

Примирение рабов со своим положением Пнин может объяснить только их «непросвещенностью», то есть непониманием ими своих природных прав:

Когда б познал свою раб должность,
Спросил природу, рассмотрел,
Кто бедствий всех его виною,
Тогда бы тою же рукою
Сорвал он цепи, что надел.

Современного читателя не должно смущать слово «раб», которое в русской литературе XVIII — начала XIX века было синонимом

крепостного крестьянина. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» неоднократно пользуется им применительно к русской действительности. Эта взаимозаменяемость понятий (раб — крепостной) давала возможность писателям под видом нападок на рабовладение в Америке осуждать крепостнические порядки в России. По такому принципу был написан ряд произведений — повесть «Зара» Н. С. Смирнова, стихотворения «Против сахара» С. С. Боброва, «Перуанец к испанцу» Н. И. Гнедича, очерк В. В. Попугаева «Негр», опубликованный автором дважды, в 1804 и 1807 годах.

Бóльшую часть произведений Попугаева занимает лирический монолог молодого негра, по имени Амру, сделавшегося невольником «свирепейших» европейцев. Подобно Пнину, Попугаев доказывает неправомочность рабства: «Негр не может принадлежать белому ни по каким правам. Воля не есть продажною... никакой тиран ею располагать не может». [1]

Попугаев опровергает один из лицемерных доводов крепостников, оправдывавших необходимость «душевладения» грубостью, невежеством зависимых от них людей. По мнению писателя, ужасен и отвратителен нравственный облик не невольников, а их поработителей: «Европеец, славящийся своим просвещением и человеколюбием, сколь ужасное ты чудовище!» [2]

Тем же убеждением продиктована и «Эпиграмма» Попугаева на одного из русских крепостников:

Сто душ имеешь ты, поверю, за собой, —
Да это и когда я мнил опровергать?! .
Назвав тебя бедняк, хотел лишь я сказать,
Что нет в тебе одной.

С эпиграммой Попугаева перекликается «Эпитафия» русскому помещику-крепостнику, написанная А. Е. Измайловым:

Я месяц в гвардии служил,
А сорок лет в отставке жил.
В деревне я курил табак,
Наливки пил, учил собак,
Сам птиц стрелял, крестьян сам сек —
Вот в чем провел я целый век.

---

[1] В. В. Попугаев, Негр. — «Периодическое издание...», с. 47.
[2] Там же, с. 44.

С просветительских позиций поэты Вольного общества подходят не только к крепостному праву, но и к самодержавию. Не отвергая монархический тип правления, они вместе с тем стремятся развеять тот ложный ореол, которым была окружена самодержавная власть в феодальном обществе, когда монархов считали помазанниками божьими, существами, по природе своей отличными от обычных людей. В стихотворении «Бренность почестей и величий человеческих», перекликающемся с державинским «Властителям и судиям», Пнин напоминает о том, что смерть не делает различия между царями и рабами:

Ударит час — и царь вселенной
Падет, равно как раб презренный,
Оставя скипетр, трон, венец.

Монархам не следует также обольщаться своим положением в обществе. Как верхний камень пирамиды покоится на нижних, так и царская власть обязана своей прочностью поддержке народа:

Тот камень, что свой блеск бросает с высоты,
Разбился б в прах — частей его не отыскали,
Когда б минуту хоть одну
Поддерживать его другие перестали.

(«Царь и придворный»)

Подобно Вольтеру, Монтескье, Дидро, поэты Вольного общества враждебно относятся к правителям-тиранам, которым они противопоставляют добродетельных, просвещенных монархов. В этом их существенное отличие от Радищева, отрицавшего сам принцип единовластия. «Самодержавство, — писал он, — наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Отсюда берет свое начало и еще одно различие между поэтами Вольного общества и Радищевым. У Радищева народная революция сметает сам монархический образ правления, доказавший свою несостоятельность, и заменяет его народоправием, республикой (ода «Вольность»).

Поэты Вольного общества воспевают не революцию, а тираноборческие выступления, направленные против монархов-деспотов, забывших о своей должности. Так, в частности, мыслил и один из самых демократических по своим взглядам писателей Вольного общества — В. В. Попугаев:

Где стон из груди излетает,
Где добродетельный в цепях,

Там меч свой правда вынимает.

. . . .

О добродетель, ты ограда
Великих Титов и Петров.

(«Пигмалион»)

Своим просветительским содержанием это стихотворение Попугаева напоминает основные положения пушкинской оды «Вольность», вплоть до известного предупреждения монархам в конце стихотворения:

П о п у г а е в	П у ш к и н
Блюдите, сильные! законы, Храните счастие людей, Предупреждайте слезы, стоны И правды шествуйте стезей. . . . . Сограждан сил не истощайте. *(«Пигмалион»)*	И днесь, учитесь, о цари... . . . . Склонитесь первые главой Под сень надежную закона, И будут вечной стражей трона Народов вольность и покой. *(«Вольность»)*

Тираноборческие мотивы имеют также место в поэзии Борна и Востокова. Первый написал стихотворение «Ода Калистрата», второй — «Оду достойным». Оба произведения были вызваны убийством кучкой заговорщиков Павла I. Событие это встретило в русском обществе почти открытое ликование. Дневниковая запись А. Х. Востокова ярко иллюстрирует тогдашнее настроение: «Марта 12-го рано поутру, проснувшись, слышу о смерти Павловой. Радость — присяга. „Ода достойным“».[1]

По аналогии с русской дворцовой «революцией», Борн воспевает убийство афинского тирана Гиппарха двумя греческими гражданами — Гармодием и Аристогейтоном:

Вечно пребудет на земле слава
Гармодия и Аристогейтона!
Тиран пал от руки вашей! Вольность
Дана вами Афинам и правосудие!

В том же духе написана ода Востокова. Обращаясь к «истине», поэт восклицает:

---

[1] Заметки А. Х. Востокова о его жизни. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1901, т. 70, № 6, с. 18.

Но кто жертвует жизнью, имением,
Чтоб избавить сограждан от бедствия
И доставить им участь счастливую,
Пой, святая, тому свой гимн!

Демократизм общественных идеалов, требование свободы, равенства, братства своеобразно сочеталось в произведениях поэтов Вольного общества с глубоким убеждением в том, что путь к этим благам проложат не массы обыкновенных, рядовых людей (они сами коснеют в невежестве), а немногочисленные избранники, подвижники, ранее других приобщившиеся к истине. Вывод этот в равной степени распространялся и на науку, и на политику, поскольку и ученый, открывающий законы природы, и гражданин, восстающий против тирании, — оба борются с «невежеством» и часто во имя общественного блага вынуждены жертвовать своим благополучием, свободой и даже жизнью.

К мыслителям, к ученым обращено стихотворение Востокова с характерным названием «К строителям храма познаний». На первом месте среди них стоят имена Галилея, Ньютона, Лавуазье, Гальвани, Франклина, Лафатера и Канта. Это их

. . .дивный ум, художнически руки
Полезным на земле посвящены трудам,
Чтоб оный созидать великолепный храм
. . . .
Для человечества...

Купеческий сын Савва Москотильников в своей «Оде Александру I» прославляет Вольтера и его участие в деле «злосчастного» Каласа. Александру Измайлову принадлежит «Надпись к портрету Вольтера». Попугаев восхищается Руссо и его книгой «Общественный договор».

В круг благодетелей человечества поэты Вольного общества уверенно вводят русских писателей и ученых. Востоков прославляет имена Ломоносова, Державина и Карамзина («Парнас, или Гора изящности»), Пнин в «Оде на болезнь» воспевает известного петербургского врача и ученого О. К. Каменецкого («О! муж искусный, добрый, честный, Друг человечества нелестный»). Попугаев славит академика И. И. Лепехина: «О старец истинно почтенный, Познаний истинный герой».

В духе гражданских представлений членов Вольного общества следует воспринимать и их отношение к Радищеву. Хотя идея

крестьянской революции, провозглашенная автором «Путешествия из Петербурга в Москву», не разделялась ими, тем не менее величественная фигура отважного писателя, дерзнувшего в одиночку выступить, по словам Пушкина, «противу самодержавия, противу Екатерины», не могла не поразить их воображение.

Трагическая смерть Радищева еще более усилила симпатии к благородному страдальцу. «Друзья! — писал Борн, — посвятим слезу сердечную памяти Радищева. Он любил истину и добродетель. Пламенное его человеколюбие жаждало озарить всех своих собратий сим немерцающим лучом вечности».[1] Стихи на смерть Радищева написали Пнин и Борн. Радищев изображен в них вдохновенным мыслителем («пламенник ума»), проповедником вольности («К счастью вел путем свободы»), защитником добродетели («Был гражданин, отец примерный»). Презирая гонителей, он бесстрашно отстаивал свои убеждения («смело правду говорил») и, подобно Сократу, поплатился за свое мужество жизнью. «Он родился быть просветителем, жил в утеснении и сошел в гроб», — резюмирует Борн основную мысль своего стихотворения.

Большим авторитетом среди своих друзей и как поэт и как человек пользовался И. П. Пнин. Его преждевременная смерть в 1805 году, подобно гибели А. Радищева, глубоко потрясла членов Вольного общества и также послужила поводом к написанию нескольких стихотворений. По своему характеру почти все они напоминают стихи на смерть Радищева. Пнин, по словам Остолопова, «нимало не боялся в твореньях правду говорить», уста его «мудростью пленяли», а сердце дышало «добром» (Измайлов). Он защищал «невинность» и попирал «предрассудки» (Н. Радищев). В целом из этих разрозненных характеристик складывается обаятельный образ гражданина-просветителя, самоотверженно распространяющего полезные знания и смело защищающего всякое правое дело.

Среди гражданских стихотворений поэтов Вольного общества особенно важное и почетное место занимают произведения, вызванные Отечественной войной 1812 года. Лучшие из них, запечатлевшие ряд знаменательных событий того времени, принадлежат Востокову.

Вероломное вторжение Наполеона в пределы России глубоко потрясло и возмутило поэта. В аллегорическом стихотворении «Неразрешимый узел» он противопоставляет дерзости завоевателя единство и сплоченность русского народа перед лицом грозящей ему опасности:

---

[1] И. М. Борн, На смерть Радищева. — «Свиток муз», кн. 2, СПб., 1803, с. 136.

Пусть Македонянин приидет расторгать
Сей узел наш неразрешимый, —
Единодушием связуемый, держимый,
И в мире и в войне пребудет крепок он.

Тема верности русского народа своему гражданскому, патриотическому долгу кратко и сильно выражена в интересном четверостишии А. Х. Востокова, сохранившемся в архиве Академии наук СССР:

Я — русский; верности и веры не нарушу.
Ты тело мне клейми,
Не запятнаешь душу!
А руку и с клеймом, изволь, — себе возьми!

Смысл этого стихотворения помогает понять надпись к одному из рисунков И. И. Теребенева — члена Вольного общества, близкого друга Востокова, прославившегося своими остроумными карикатурами на Наполеона и французскую армию. Рисунок носит название «Русский Сцевола». На нем изображен русский крестьянин с топором в левой руке и с вытянутой вперед правой рукой. По бокам стоят два французских солдата, с ужасом отпрянувшие от своего пленника. Под картинкой дана следующая надпись: «В армии Наполеона клеймили всех вступающих в его службу. Следуя сему обыкновению, наложили клеймо на руку одного русского крестьянина, попавшего в руки французов. Едва узнал он, что сие значит, тотчас схватил топор и отсек клейменую руку прочь».[1] Это событие вдохновило В. И. Демута-Малиновского создать скульптуру под тем же названием (1813). Приведенное выше четверостишие Востокова, по всей вероятности, и было задумано как надпись к этому памятнику.

В октябре 1812 года, в один из переломных моментов Отечественной войны, когда Наполеон вынужден был оставить Москву и спешно отступать из России, Востоков в «Сыне отечества» печатает стихотворение «К россиянам», исполненное тревоги за судьбы родины и в то же время уверенности в силе и мужестве русского народа:

Година страшных испытаний
На нас ниспослана, россияне, судьбой.
Но изнеможете ль во брани?
Врагу торжествовать дадите ль над собой?

---

[1] Е. К. Мроз, В. И. Демут-Малиновский. — «Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Первая половина XIX века», под редакцией А. И. Леонова, М., 1954, с. 70.

Нет, нет. Еще у вас оружемощны длани,
И грудь геройская устремлена на бой...

В этом произведении Востоков еще следует поэтическим канонам классицизма. Не случайно он называет свое произведение «дифирамб», имитируя один из жанров древнегреческой гражданской поэзии. Из того же источника взяты и сложные эпитеты: «оружемощны» длани, «молниевидный» меч. Борьба Кутузова с Наполеоном уподобляется поединку Геркулеса с Антеем. Глубоко патриотическое содержание пока еще облечено в условную античную форму. Но Востоков на этом не остановился.

Понимая народный характер войны 1812 года, в которой Россия отстаивала свою национальную независимость, он сумел найти для этой темы адекватную ей поэтическую форму. Так рождается стихотворение «Российские реки», написанное в 1813 году, после изгнания французов из пределов России.

К Волге-матушке обращаются с приветствием «свобожденные реки российские», протекающие по землям, ранее занятым французской армией. Содружество рек символизирует целостность русской земли, ее исконное и нерушимое единство. Стихотворение написано безрифменным тоническим стихом. Его образная система ориентируется теперь уже не на античную, а на русскую устно-поэтическую традицию. Этой же причиной объясняется и использование автором образов и выражений, почерпнутых из «Слова о полку Игореве»:

Он хотел тебя шлемами вычерпать,
Расплескать он хотел тебя веслами.

Или:

Он богатствами дно наше вымостил,
Он оставил нам все животы свои!

«Словом» подсказан и особый лиризм стихотворения, в котором человек, природа и родина сливаются в одно неразрывное целое.

Наступает 1814 год. Наполеон, хотя и потерял почти всех своих союзников, но еще угрожает спокойствию Европы. В русской и европейской печати раздаются голоса, требующие довести борьбу с ним до решительного конца. В первом номере «Сына отечества» за 1814 год неизвестный автор характеризует это время как «последнюю брань правды с коварством, света со тьмою, добродетели с пороком».[1] В этом же номере Востоков поместил новую редакцию

[1] «Сын отечества», 1814, № 1, с. 36.

ранее написанного им стихотворения «Гимн Негодованию», озаглавив его теперь «Гимн Немезиде». Тема справедливого возмездия Наполеону подчеркнута не только в названии, но и в новой редакции двух последних строф:

Склонися к нам, Немезида крылата,
Божественной правотой
Взвешивающа жизнь смертных!
Тебя поем, тебя мы призываем
С подругою твоей святой,
Со правосудием непобедимым. [1]

Военную тематику разрабатывают в эти годы и другие члены Вольного общества, причем в их творчестве наблюдается та же самая закономерность: наряду с высокими одическими жанрами они стремятся создавать произведения, близкие к устному народному творчеству. Так, И. А. Кованько написал «Солдатскую песню», начинавшуюся словами:

Хоть Москва в руках французов,
Это, право, не беда!
Наш фельдмаршал князь Кутузов
Их на смерть пустил туда. [2]

Н. Ф. Остолопов в стиле «высокой» поэзии XVIII века прославляет полководцев 1812 года — М. И. Кутузова («Победителю Наполеона», «На погребение Кутузова-Смоленского»), П. И. Багратиона («Лирическая песнь при известии о кончине П. И. Багратиона»), воспевает взятие Парижа («Петр и Александр в Париже», «Песнь богу по взятии Парижа»). И наряду с этим, видимо не без влияния Кованько, создает свою солдатскую «Песнь» от имени гренадера Фанагорийского полка Никанора Остафьева. Гражданская поэзия членов Вольного общества не прошла бесследно для последующей русской литературы, в первую очередь для поэзии декабристов. Осуждение правительственного деспотизма и крепостного права, воспевание самоотверженных тираноборцев, жертвующих собой для блага общества, прославление подвигов участников Отечественной войны 1812 года — все эти мотивы найдут свое дальнейшее развитие в лирике дворянских революционеров. В поисках героиче-

---

[1] Там же, с. 19—20.
[2] Там же, 1812, № 1, с. 45.

ских характеров поэты Вольного общества, так же как позже поэты-декабристы, обращаются и к временам Древней Руси (А. Х. Востоков, Н. А. Радищев), и к эпохе Древней Греции и Древнего Рима (И. М. Борн, В. В. Попугаев), воскрешая великие тени Сократа, Брута, Катона, Муция Сцеволы.

4

Следующий раздел в творчестве поэтов Вольного общества принадлежит «сентиментальной» поэзии. О сентиментализме долгое время существовало предвзятое мнение как о сугубо дворянском и даже реакционном литературном направлении. В действительности же, как показали работы последнего времени,[1] сентиментализм самым тесным образом связан с Просвещением.

Как и все просветители, сентименталисты видят в человеке лучшее творение природы. Будучи сенсуалистами, они больше всего ценят его «душу», его «сердце». Чувствительность, опошленная эпигонами сентиментализма, надолго сделалась предметом многочисленных насмешек не только читателей, но даже историков литературы. Между тем отношение к ней столпов просветительства было совершенно иным. «Обладать чувствительностью, — писал Поль Гольбах, — значит очень быстро и очень живо ощущать впечатления, производимые предметами... Мы называем ... чувствительным того, кого до слез трогают вид несчастного человека, рассказ о какой-нибудь катастрофе».[2]

Таким образом, наиболее важным качеством чувствительности просветители считали ее социальную природу, выражавшуюся в способности понимать несчастия другого человека, сострадать ему и приходить страдальцу на помощь. «Человек, — писал Радищев, — сопечалится человеку, равно он ему и совеселится».[3] В связи с этим наличие или отсутствие чувствительности становится у писателей-сентименталистов мерилом достоинств человека и в домашней и в общественной сфере. Лица, наделенные ею, вызывают уважение и даже преклонение, лишенные ее — сожаление и осуждение. «Увы, бесчувственность всего на свете злее», — скажет Пнин в стихотворении «Плач над гробом друга моего сердца».

---

[1] См.: И. Ф. Волков, «Фауст» Гете и проблема художественного метода, М., 1970; С. В. Тураев, Спорные вопросы литературы Просвещения. — В кн.: «Проблемы Просвещения в мировой литературе», М., 1970.

[2] П.-А. Гольбах, Система природы... — Избр. произв. в 2-х тт., т. 1, М., 1963, с. 160.

[3] А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 2, М.—Л., 1941, с. 54.

В русском сентиментализме «чувствительными» героями чаще всего были крестьяне и «просвещенные» дворяне. Отсутствием чувствительности характеризовались грубые крепостники и представители высшего «света». Картину этого общества дает Пнин в «Плаче над гробом друга моего сердца»:

О, свет! ужасных бедств, ужасных мук содетель!
Где мзда с пороками равняет добродетель,
Где гордость, до небес касаяся главой,
Невинность робкую теснит своей ногой.

«Городу», «столице», «свету» сентименталисты противопоставили «деревню», «усадьбу», «уединение» — словом, все то, что сближает человека с природой и помогает ему сохранить драгоценную чувствительность. Прославление природы имело в сентиментализме особый оттенок: она вызывает сложные, утонченные переживания лирического героя, свидетельствующие о богатстве его натуры. Таково стихотворение Пнина «К роще», все сотканное из меланхолических переживаний поэта. Тематически оно перекликается со стихотворением М. Н. Муравьева «Роща». Следует отметить, что лирика Муравьева, одного из интересных поэтов-сентименталистов XVIII века, в значительной степени уже содержала большинство тех «сентиментальных» мотивов, которые позже будут разрабатывать поэты Вольного общества: осуждение «света», прославление природы, жизни в деревне, филантропию и т. п.

К этой же группе стихотворений относится элегия Попугаева «К соловью» с типично сентиментальными словосочетаниями: «певец унылости», «сын меланхолии», «унылость сладкая».

Тема «уединения», долгое время трактовавшаяся в литературе о сентиментализме как одна из наиболее криминальных, на самом деле выглядит не столь уж одиозно. Она свидетельствовала прежде всего о нежелании писателей-сентименталистов принадлежать к кругу лиц, облеченных властью, окруженных богатством и роскошью, то есть несла в себе четко выраженное оппозиционное начало. Поэзия Вольного общества полностью подтверждает такое объяснение:

Прости, блестящий град: твои богаты стены,
Где, с детства самого до юности моей,
Наиподлейших был я жертвою людей,
Суть яд в глазах моих, — бегу их, как измены.
Бегу — куда ж? — к тебе, мое уединенье!
Пусть знатные кого хотят к дворцу зовут;

Спокойно, счастливо здесь дни мои текут,
Я не завидую в их скользком возвышенье!

(Пнин, «Уединение»)

Скромное жилище поэта (стихотворение Н. Ф. Остолопова «К моей хижинке») приобретает широкое, обобщающее значение, поскольку все эти «хижины», «шалаши» противопоставляются не только «палатам» и «дворцам», но и тому укладу жизни, который они символизируют. Не случайно поэт, обращаясь к хижине, заявляет, что он находит в ней «Астрею», то есть утраченный «золотой век», общество, основанное на принципах естественного равенства. Не располагая средствами переделать окружающий мир с его «богачами», «честолюбцами», «скупцами» и «подлецами», поэт стремится хотя бы в узких рамках домашней жизни увидеть воплощение своих просветительских идеалов:

В тебе, в тебе, мой друг любезный,
В сей век испорченный, железный
Златые дни я провожу.

Сословной и служебной иерархии феодального мира сентименталисты противопоставили отношения, в основе которых лежат любовь, уважение, благодарность, взаимные симпатии. Обвинение сентименталистов в том, что они якобы «бегут» от «общества» в мир семейных отношений, можно объяснить лишь незнанием социальных воззрений просветителей. «Как будто любовь к ближним, — недоумевал Руссо, — не является началом той, которой он обязан по отношению к государству... Как будто доброго гражданина не образуют добрый сын, добрый муж, добрый отец». [1]

Просветительским характером мышления поэтов Вольного общества объясняется, в частности, органическое соединение в их поэзии общественной и интимной проблематики. Так, любовь, воспеваемая ими, никогда не служит барьером между любящими и окружающим их миром. Наоборот, чувство, переживаемое «любовниками», делает их добрее, отзывчивее и тем самым благотворно отражается на их общественных эмоциях. Любовь, по словам Остолопова,

---

[1] Жан-Жак Руссо, Эмиль, или О воспитании, СПб., 1913, с. 362.

Людей всегда переменяет,
Дает их чувствам новый вид,
Любить добро их заставляет.

(«К Амине»)

Сентименталистов привлекают не «разрушительные» «страсти», как это будет позднее в творчестве романтиков, а «чувства», цементирующие общество, вызванные дружескими, домашними, семейными отношениями. Радищев в «Житии Федора Васильевича Ушакова», Карамзин в очерке «Венок на гроб моего Агатона» проникновенно рассказали о друзьях своей молодости и оплакали их преждевременную кончину. Способность к дружбе, по мнению просветителей, подтверждает социальную природу человека. «Дружба, — писал Руссо, — самый священный из всех договоров».[1] Столь же почетное место занимает эта тема в поэзии Вольного общества. Сама принадлежность к нему мыслилась как добровольный союз людей, объединенных общими взглядами и взаимными симпатиями. «Связию Общество положило дружество и согласие»,[2] — писал В. Попугаев.

Борн называет Вольное общество «священным кругом» друзей, он противопоставляет его искателям почестей, «мирских сует», которых «манит» к себе «чертог сатрапский». Блажен, по его словам, лишь тот,

...кто в жизни сей превратной
С душою твердою спешит
Обнять друзей нелестных...
...Кто добродетель лишь приемлет
Отличием земных властей.

(«На смерть Радищева»)

Попугаев пишет «Воззвание к дружбе», которое во многом является подражанием «Песне мира» Карамзина, восходящей, в свою очередь, к шиллеровской оде «К радости». Воодушевленный наивной верой просветителя в добрую, социальную «природу» человека, Попугаев призывает «дружбу» уничтожить войны, рабство и бедность, мешающие людям жить в довольстве и согласии:

---

[1] Там же, с. 223.

[2] В. Попугаев, История Общества любителей словесности, наук и художеств. — «Периодическое издание...», с. 1.

Дружба, дар небес бесценный,
Утешитель жизни сей!
Ниспустись на мир сей бренный,
Дай покой вселенной всей.

(«Воззвание к дружбе»)

Таким образом, воспевание дружеских отношений подразумевает в сентиментальной литературе не эгоистическое бегство из общества, не самодовольное уединение, а, напротив, живейшее участие в жизни человечества. Именно такую программу провозглашает Попугаев в послании «К друзьям»:

Но будем мы всегда готовы
Судьбу несчастных облегчить,
За правду даже несть оковы,
За обще благо кровь пролить.

В связи с этим особую роль в сентиментальной лирике приобретает тема благотворительности, понимаемая не в узком, филистерском смысле этого слова, а в том первозданном его значении, которое выражают составляющие его понятия «творить» и «благо». Сентименталисты не пренебрегают «частной» филантропией, но она подразумевает у них всегда переход к широкой, общественной «благотворительности». «Упражняйтесь всегда в частных добродетелях, — писал Радищев, — дабы могли удостоиться исполнения общественных».[1]

Федор Ленкевич в стиле философских медитаций XVIII века воспевает благотворительность, поднимая ее до степени одного из основополагающих законов человеческого общества:

Благотворительность священна!
Душа миров, творений мать!
Тобою движется вселенна:
Твоя всесильна благодать...

(«К благотворительности»)

В. Попугаев в «Стихах на великодушный поступок Ангерстейна» прославляет филантропию, не знающую ни сословных, ни национальных предубеждений.

Интересно в обоих стихотворениях сочетание чисто сентиментальной темы с одической формой, унаследованной от классицисти-

[1] А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, М. — Л., 1938, с. 294.

ческой поэзии XVIII века. Такого рода поэтические «гибриды» встречаются и у других писателей-сентименталистов. Карамзин описание филантропической деятельности известного Фрола Силина облек в форму торжественной речи, а просьбу к Екатерине II о смягчении участии Н. И. Новикова («К милости») — в жанр похвальной оды.

5

Четвертую разновидность лирических произведений поэтов-радищевцев составляет так называемая «легкая» поэзия, наиболее совершенные образцы которой создали Батюшков и Пушкин, хотя истоки ее в русской литературе восходят еще к середине XVIII века.

Долгое время легкую поэзию считали одним из течений русского романтизма. Наиболее четко эта мысль была высказана Г. А. Гуковским в книге «Пушкин и русские романтики» (1946). Однако такая точка зрения вызывает ряд серьезных возражений.

Романтическое восприятие действительности трагично, поскольку романтики и в человеке и в окружающем его мире видят дисгармоническое, глубоко враждебное ему начало. Романтические герои — Рене, Чайльд-Гарольд, Манфред, Алеко — не только страдают сами, но вольно или невольно несут страдания другим людям. Вечная неудовлетворенность и вынужденное скитальчество — неизбежные следствия их мироощущения.

В отличие от романтических, герои легкой поэзии наделены беззаботным и жизнерадостным характером. Мир, по их мнению, создан для счастья и наслаждения. И то и другое вполне достижимо, человеку необходимо лишь правильно понять свою собственную натуру.

По своему характеру, по своей жизненной философии легкая поэзия — родное детище европейского Просвещения, одним из художественных выражений которого она, в сущности, и является. Согласно учению просветителей, человеческая натура глубоко гедонистична, поскольку люди всегда стремятся к удовольствиям и неизменно избегают страданий. В этом проявилась забота о человеке самой природы, которая удовольствие сделала сигналом благоприятных, а страдание — неблагоприятных для него обстоятельств. Вследствие этого оба они оказались своеобразными телохранителями человеческого рода. По словам Поля Гольбаха, человек поставлен под защиту удовольствия и страдания.[1]

---

[1] П.-А. Гольбах, Катехизис природы... — Избр. произв. в 2-х тт., т. 2, М., 1963, с. 13.

В «Санктпетербургском журнале», издаваемом И. П. Пниным и А. Ф. Бестужевым, этому вопросу была посвящена специальная статья под названием «О человеке и его природе». Неизвестный автор утверждал в ней, что «человек есть существо чувствующее, одаренное понятиями, рассудительное, склонное к общежитию, которое во всякую минуту своего бытия старается сохранить себя и составить приятное себе существование... Нет человека, который бы не полагал всех возможнейших средств к достижению счастия и избежанию печали».[1]

Культ наслаждения, проповедуемый в легкой поэзии, связан с просветительством еще одним чрезвычайно важным признаком: проповедью умеренности, которая не была свойственна ни ренессансной, ни романтической литературе. В искусстве Возрождения чувственные удовольствия не только не подвергались никакому ограничению, но, освобожденные от средневекового аскетизма, они подчас переходили в противоположную крайность.

«Страсти» романтических героев, сравнительно с искусством Ренессанса, отличаются более высоким, «идеальным» и даже «демоническим» характером, но и в том и в другом случае они не терпят над собой никакого контроля. Сама мысль об «умеренности», о разумном ограничении своих желаний органически чужда природе романтизма.

Что касается «легкой» поэзии, то она и в этом вопросе теснейшим образом связана с просветительским XVIII веком. Еще Пушкин в стихотворении «Вельможа» тонко подметил своеобразие эпикуреизма этого времени. «Умеренно проказил», — скажет он в послании «К вельможе» о князе Юсупове, русском аристократе, поклоннике Вольтера и Дидро.

Стремясь познать «природу» человека, просветители обратили внимание на необходимость ограничения своих желаний, так как всякого рода излишества пагубно отражаются на здоровье эпикурейца. «Удовольствие, — писал Поль Гольбах, — является благом лишь постольку, поскольку оно служит сохранению здоровья и поддержанию хорошего состояния человека, но удовольствие становится злом... когда последствия наслаждений наносят вред счастию и благополучию наслаждающегося».[2] Поэтому полагаться на одни только ощущения, хотя бы и приятные, — опасно. Последнее слово принадлежит и здесь разуму, который должен определить «меру» удовольствий.

---

[1] «Санктпетербургский журнал», 1788, № 10, с. 79.

[2] П.-А. Гольбах, Катехизис природы... — Избр. произв. в 2-х тт., т. 2, с. 15.

Учение просветителей о спасительной роли «умеренности» чрезвычайно точно передает в стихотворении «Зима» А. Х. Востоков. Прославив в конце своего произведения «удовольствия»:

Теперь круг нас амуры вьются,
Из свежих мирт венки плетут,
Все удовольствия смеются,
И все цветы забав растут, —

он в то же время напоминает и о «шипах», которые таятся вокруг «розы» любви и о которых должен помнить мудрец, дабы не познать раньше времени скуку, болезни и преждевременную старость («жестоку зиму»):

О нет! умеренность благая!
Тебе потщимся мы внимать.
Твои законы соблюдая,
Болезней можем мы не знать;
И скуки, дщери пресыщенья,
Не убоимся приближенья,
Твоим щитом граждены...

Будучи одним из явлений просветительского искусства, легкая поэзия близка к сентиментализму, и более всего там, где она прославляет мирную уединенную жизнь на лоне природы, воспевает невинные «умеренные» радости, которые дает такая жизнь. Но основной пафос сентиментализма и легкой поэзии различен. Лучшие произведения сентиментальной литературы всегда связаны с трагической стороной действительности. Легкая поэзия жизнерадостна, она склонна к идиллии, ее предметом являются радости бытия. Сентиментализм начинается там, где в мир идиллических отношений врываются враждебные силы и разрушают их. Герои легкой поэзии — счастливцы; герои сентиментализма — или страдальцы, или те, кто стремится облегчить страдания другого.

Почти каждый из членов Вольного общества заплатил дань легкой поэзии. Востоков, склонный к умозрительной, философской лирике, выбирает и переводит из книги Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» отрывок, перекликающийся по своему содержанию с учением просветителей о благостной для человека роли приятных ощущений:

Божественное *Услажденье,*
Без коего б и жизнь не жизнью нам была!
Всех тянет твой магнит, всему дает движенье.

Мы для тебя несем опасности, труды:
И полководец, и простой воитель,
Последний раб и мощный повелитель, —
Все пореваются для сей единой мзды.

(«Гимн Услаждению»)

Среди «истинных» радостей на первом месте в легкой поэзии стоит любовь — хранительница жизни и согласия на земле. Не случайно в ряде стихотворений служение ей настойчиво противопоставляется военным подвигам, несущим с собой смерть и разрушение. Такова «Ода» Попугаева, в которой поэт отказывается воспевать «громы страшных боев, блеск оружий, звук мечей». Его ужасает и отталкивает «градов разоренье, Побежденных вопль и стон» и, наоборот, привлекают любовные утехи:

Вашей я нейду стезею,
Я хочу любовь звенеть.
Я хочу струной златою
Прелести любезной петь.

(«Ода»)

Ту же тему, правда в шутливо-мифологической форме, повторяет Востоков в «идиллии» «Шишак». Марса из объятий Киприды вырывает звук военной трубы. Бог войны поспешно облачается в свои доспехи, но когда очередь доходит до шлема («шишака»), то он обнаруживает в нем горлиц, уже успевших вывести там своих птенцов. При виде этой картины Марс мгновенно утрачивает свой военный пыл:

Он страстно пал в объятья красоты
И гласу труб зовущих не внимает.

А. Бенитцкий называет бога любви Амура царем «небесным и земным», которому все подвластно на земле («К Амуру»). По словам Пнина, «жить без любви нельзя. Вселенная сия Любовью лишь хранится» («Любовь»). «Любить есть всех удел», — вторит ему Попугаев («К Хлое»).

Любовь, воспеваемая в легкой поэзии, представляет собой сугубо чувственную, телесную страсть и, в сущности, является одним из тех приятных ощущений, к которым, по словам просветителей, настойчиво стремится все человечество. Своим обаянием героиня легкой поэзии обязана не душевным качествам, а исключительно

физической красоте, или, как чаще говорят сами поэты, своим «прелестям». Именно этим вызвано в легкой поэзии изображение купающейся или спящей, обнаженной или полуобнаженной героини. Попугаев, обращаясь к ручью, пишет:

Тебе случается нагую
Нередко также Лизу зреть.
Дивлюсь, как, прелесть зря такую,
Ключом не станешь ты кипеть.

(«Ручей»)

В стихотворении А. Г. Волкова «Плутишка целый» Амур «свалился» «за груди» прелестной Темиры и смеясь выглядывает из своего убежища.

В своих анакреонтических стихах поэты Вольного общества обращаются к образам, взятым из античной мифологии, но круг этих героев не тот, что у классицистов. Классицистические божества — Аполлон, Минерва, Марс, Нептун — воплощение мудрости и власти. Легкой поэзии больше к лицу жизнерадостные, чувственные божества — Венера, Амур, Вакх, Пан, Зефир, — которые по своему характеру вполне соответствуют ее эпикурейскому мироощущению.

Стихотворения Бенитцкого «Песнь Вакху» и «Возвращение Бахуса из Индии» по тематике и образам — ближайшие предшественники в русской литературе вакхических стихотворений Батюшкова и Пушкина. Не случайно автор «Вакханки» и «Моих пенатов» столь живо интересовался судьбой этого многообещавшего поэта.

Для художественного воплощения идеалов легкой поэзии не менее удачными оказались идиллические пастухи и пастушки — Хлои, Дафны, Сильвии и их любовники. Образы этих «детей природы» помогали прославлять «чистые», разумные, хотя и чувственные радости и вместе с тем осуждать пышную жизнь честолюбцев и скупцов («Дафна и Сильвия» Н. Остолопова, «Сентябрь» А. Бенитцкого).

Легкая поэзия в разной степени характеризует поэтов Вольного общества. У Востокова, Попугаева, Остолопова она — лишь одно из слагаемых их поэтической деятельности. У Волкова и Бенитцкого она — существо их творчества. Эту черту лирики Волкова тонко и проникновенно отметил в свое время Востоков:

Волков, милый певец! что ты молчишь теперь?
Ты своею давно анакреонскою
Лирой нас не пленяешь

И парнасских не рвешь цветов! ..
...Пусть декабрь оковал воды, в снега зарыл
Луг, на коем цвели розы и ландыши, —
Чаши налиты пуншем,
Щеки девушек лучше роз!

(«К А. Г. Волкову»)

6

До сих пор мы обращали внимание на черты, объединявшие поэтов Вольного общества в единый литературный стан, боевым знаменем которого было Просвещение. Однако каждый из поэтов, оставаясь в пределах просветительской идеологии, все-таки выбирал для себя наиболее близкие и дорогие ему проблемы.

Самым талантливым среди членов Вольного общества бесспорно был А. Х. Востоков, стихами которого открывается настоящий сборник. Востокова привлекало в просветительстве не столько отрицание, заключенное в нем, сколько его исторический оптимизм, его планы и даже иллюзии, которые в конечном счете вытекали из явной переоценки просветителями своей исторической миссии.

Сам Востоков неоднократно указывал на мечтательный, оптимистический характер своей поэзии. В стихотворении «К Фантазии» он писал:

С тобой люблю я, в мыслях сладких,
Собрать, устроить, просветить
Народы; тигров, к крови падких,
В смиренных агнцев превратить...
...И так, отрадными мечтами
Почаще дух мой услаждай.

Пройдет десять лет, и в стихотворении «Моя богиня» поэт снова будет прославлять двух «сестер», облегчающих его жизненный и поэтический путь: «фантазию» и «надежду».

В область фантазии будут уходить и поэты-романтики, но мечты Востокова еще всецело связаны с просветительской верой во всемогущество наук, знания, открывающих человеку «правильный» взгляд на самого себя, на природу и общество:

Тобою взвешен мир, измерен;
Высок твой ум, рассудок верен,
Свое постиг ты естество!

(«К Фантазии»)

Характер мечтаний Востокова полностью принадлежит просветительскому XVIII веку. Здесь и идея «вечного мира» — «С Сен-Пьером вечный мир даю», — и картины блаженного «естественного состояния», пресловутого «золотого века», вновь обретенного человечеством:

...Се грядет Астрея!..
...Дарами естества питайся,
Сбирай с земли сторичный плод.

(«К Фантазии»)

Взгляд Востокова на историю и исторический процесс ясен и безоблачен. Он не отрицает наличия зла, но вместе с тем не верит в его силу и продолжительность. Добро и справедливость, по его мнению, восторжествуют даже в том случае, когда стихийные или гражданские бедствия, казалось бы, приобрели грозный, неодолимый характер:

Коммод какой-нибудь, неистовый тиран
На человечество наложит тесны цепи
На малый токмо час. Оно все узы рвет
И с новой силою к добру свой и́мет ход.

(«Бог в нравственном мире»)

Всюду должна победить гармония, «из нечетов лишь чёт, из хаосов порядок» — это для Востокова вечная и бесспорная истина.

В поэзии XVIII века чрезвычайно популярной была тема всесильного Времени, приближающего человека к смерти и тем самым уравнивающего все «состояния» от раба до монарха. «Суетен будешь ты, человек, Если забудешь краткий свой век», — поучал А. П. Сумароков. У Державина «глагол времен» напоминает о той же самой быстротечности и непрочности бытия. Этому неумолимому закону («Ода на смерть князя Мещерского») подлежат не только отдельные люди, но целые царства и даже небесные светила. Востоков в одном из ранних своих стихотворений — «Тленность» — также отдал дань традиционной теме, но вслед за тем пересмотрел и переосмыслил ее. Время у Востокова не просто погружает в небытие «народы, царства и людей», как это было у Сумарокова и Державина. Оно становится у него «мудрейшим из богов», пружиной, мощным двигателем истории. Время не дает злу утвердиться и тем самым помогает добру победить своего противника:

Противустать тебе какое может зло?
Хотя бы тяжестью Кавказа нас гнело,

Ты приспеваешь к нам, судьбою уреченно,
И — сердце наше стало облегченно,
И там, где мрак в очах, сжимал где душу лед, —
Элизиум цветет!

(«Ода Времени»)

В трех поэмах, написанных Востоковым на условные «древнерусские» сюжеты, — «Светлана и Мстислав», «Полим и Сияна», «Певислад и Зора» — та же самая закономерность. Востоков слишком верит в добрую природу человека и в конечное торжество правого дела, чтобы допустить в своих произведениях трагическую развязку. Поэтому как бы плохо ни складывались вначале судьбы главных героев, какие бы препятствия ни преграждали им путь к счастью, читатель может быть абсолютно спокоен за их будущее. Раскаивается князь Владимир, воспылавший было страстью к невесте Мстислава. Несостоявшийся бой между ними уступает место веселому свадебному пиру. Так меняет свой характер под пером Востокова древний драматический сюжет о поединке отца с сыном. Царственный старик Волхов прощает своей дочери — русалочке Сияне — любовь к простому смертному, пастуху Полиму, и сама богиня любви Лада благословляет их брак. Свадьбой заканчивается и последняя из перечисленных поэм — «Певислад и Зора».

Исторический оптимизм оказывает свое воздействие в поэзии Востокова и на сугубо личные, камерные темы. Там, где прежде имели место скорбь и жалобы, впоследствии побеждает успокаивающее, просветленное начало. В стихотворении «Тленность» Востоков под именем Флора горестно оплакал смерть одного из своих товарищей по Академии художеств — А. Д. Фуфаева. Проходит полтора года, и поэт пишет «Видение в майскую ночь», в котором покойный друг не только предстает автору в прежнем облике, но спокойно оповещает его о своем бессмертии. Сама же эта идея подана Востоковым не в форме христианского «того света», а как один из не познанных еще законов природы:

Всё возможно! Зришь ли миры блестящи
Тамо, землю здесь? — Что она пред ними,
То и жизнь твоя пред другими жизньми
В вечной природе.

Даже в собственных недугах Востоков, с присущим ему добродушием, сумел найти их полезную сторону. Поэт, как известно, всю жизнь страдал сильнейшим заиканием, что обрекало его почти на

постоянное безмолвие. Несмотря на это, в стихотворении «К Гарпократу» (бог молчания) Востоков перечисляет шутливо наряду с невыгодными и выгодные стороны своей болезни. Она избавляет его от разговоров с глупцами, от светского празднословия, от злоязычия. Она же, обрекая его на уединение, способствует его поэтическим занятиям.

Поэзия Пнина существенно отличается от поэзии Востокова, хотя оба писателя принадлежат к просветительскому лагерю. Пнин не обольщается мыслью о всемогуществе добра и не склонен преуменьшать силы и возможности зла. Он скорее скептик, нежели мечтатель и фантазер. «К добру весьма случа́ев мало. Ко злу премного их всегда», — пишет он. Это вовсе не значит, что Пнин считает бедствия постоянным уделом человечества, однако путь к всеобщему благополучию, по его твердому убеждению, тернист и труден. Роль руководителя и вожака в этом шествии принадлежит разуму.

Хотя ты прах один возжженный,
Но мыслию велик своей! —

писал Пнин в оде «Человек».

Н. П. Брусилов в посмертной статье о жизни и сочинениях Пнина называл его «поэтом-философом».[1] Брусиловым правильно указан преобладающий пафос творчества Пнина. В поэзии он прежде всего мыслитель, аналитик, стремящийся уразуметь сущность каждого воспеваемого или отрицаемого им явления. Что касается объектов его поэзии, то все они имеют непосредственное отношение к общественному поведению человека и в силу этого приобретают сугубо социальное содержание. Предметы поэтического размышления всегда выносятся автором в название произведения: «Бог», «Человек», «Слава», «Надежда», «Ода на правосудие».

Аналитическую сторону своих од Пнин в ряде случаев специально подчеркивает риторическими вопросами: «Надежда! что ты есть такое?» Или «О Сон! что в существе есть ты?»

Основная задача поэта в каждой из его од состоит в освобождении «истины» от «заблуждения», «правильного» взгляда на предметы от «неправильного». Так, например, в оде «Слава» сначала выведены жалкие честолюбцы:

---

[1] Н. П. Брусилов, О Пнине и его сочинениях. — «Журнал российской словесности», 1805, № 10, с. 57.

Прославить все хотят себя.
Один — в победах над врагами...
...Тот пышны храмы созидает,
Другой их в пепел превращает,
Мня славным быть чрез подвиг сей.

Затем показаны истинные герои, действительно достойные благодарной памяти потомков, — Сцевола, Курций, Сократ. В заключение делается вывод — мораль всего произведения в целом — подлинная слава неотделима от добродетели:

Тот только в храм ко мне вступает,
Кто добродетелью сияет,
А без нее — нет в храм следа.

В оде «Надежда» — та же самая картина. Напоминая, что надежда поддерживает в трудный случай каждого из людей, Пнин вслед за тем разделяет и противопоставляет друг другу их ложные и справедливые стремления. В «Оде на Правосудие» общество, страдающее от беззакония, сравнивается с обществом, находящимся под защитой справедливых законов и их честных исполнителей. В оде «Человек» мнению, унижающему достоинство человека, противостоит высокое мнение о «зиждителе» и «царе земли» самого автора.

Привычка находить истину в сопоставлении разных явлений отражается иногда даже в названии произведений Пнина: «Сравнение старых и молодых людей относительно к смерти», «Различие между роскошным и скупым человеком», «Сравнение блондинки с брюнеткою».

Закономерным следствием интеллектуального, рационалистического характера поэзии Пнина явились созданные им в разные годы эпиграммы, эпитафии, краткие философские размышления, в которых запечатлелись его наблюдения над высокими и низкими, грустными и комическими сторонами человеческой жизни.

С именем А. Е. Измайлова сразу же ассоциируются два родственных жанра — басня и стихотворная «сказка», в которых в наибольшей степени раскрылось его поэтическое дарование. «Сказка» по содержанию и даже по форме близка к басне и отличается лишь меньшей назидательностью, вследствие чего в ней, как правило, отсутствуют иносказание и «мораль». Басни писали и Востоков, и Пнин, и Остолопов, и Бенитцкий, но только в творчестве Измайлова басня заняла центральное место и значительно повысила свои худо-

жественные достоинства. Поэтому судить о значении поэтической деятельности Измайлова (а он писал в разных жанрах) следует прежде всего по его басням и «сказкам».

Басня — один из древнейших жанров, существовавший еще в античную эпоху. В русской литературе она закрепляется в XVIII веке в творчестве А. П. Сумарокова, В. И. Майкова, М. М. Хераскова. В конце XVIII века большой популярностью пользовались басни и «ска́зки» поэта-сентименталиста И. И. Дмитриева. В сравнении с «притчами» Сумарокова и его учеников, «сказки» и басни Дмитриева были изящны и остроумны, но вместе с тем их отличала салонная игривость, жеманность и сентиментальная чувствительность. В творчестве Измайлова басня демократизируется, ее содержание наполняется материалом, почерпнутым из быта средних и низших слоев русского общества. Подобно всем просветителям, Измайлов видит главное назначение басни в том, чтобы уничтожать заблуждения и открывать читателям «истину». Об этом сам поэт сказал в произведении, носящем название «Происхождение и польза басни». Однако Измайлов — меньше всего сухой моралист. Ему дорога не только назидательная сторона басни, но и тот жизненный материал, те бытовые сценки, из которых вытекает ее «мораль».

В лучших своих произведениях Измайлов пользуется не условными аллегорическими образами, почерпнутыми из растительного и животного мира, а фактами окружающей его действительности. Многие его басни отличаются четко выраженной социальной направленностью. Баснописца возмущает беззастенчивое ограбление помещиками крестьян («Крестьянин и кляча»), грубое вмешательство господ в интимную жизнь своих слуг («Каприз госпожи»). Он понимает условность социальной и сословной иерархии общества («Лестница»). Для каждой из этих социальных проблем он умеет найти соответствующую жанровую сценку, придающую его мысли жизненную достоверность и художественную убедительность.

Сильной стороной басен Измайлова является также их язык. Баснописец великолепно воспроизводит многообразные интонации живой разговорной речи различных представителей тогдашнего русского общества: бойкой, словоохотливой служанки («Сплетница»), хозяйственных, практичных мужичков («Два крестьянина»), опустившегося пьяницы-чиновника («Пьяница»), старухи крестьянки и ее молодой невестки («Свекровь и невестка»). Все это, вместе взятое, позволяет видеть в Измайлове одного из ближайших предшественников И. А. Крылова.

Несколько особняком среди поэтов Вольного общества стоит Г. П. Каменев. Его участие в Обществе носило во многом внешний и случайный характер. Живя в Казани, он сначала даже не подозревал о существовании этого объединения и был зачислен в него буквально за несколько месяцев до смерти. Что касается его произведений, то они были напечатаны в «Периодическом издании...» уже после кончины автора. Но дело, разумеется, не в этой, чисто внешней, стороне вопроса, а прежде всего в характере произведений Каменева, существенно отличавшихся от стихотворений его товарищей по Вольному обществу.

Творчество Востокова, Пнина, Борна, Попугаева, Измайлова объединяет жизнеутверждающий, гражданский, просветительский пафос. Они убежденные рационалисты, чуждые мистике, стирающей грань между реальным и фантастическим миром. В творчестве Каменева преобладают мрачные кладбищенские настроения:

На всё гляжу сквозь черный флер,
Нигде, ни в чем красот не вижу,
В веселых кликах стоны слышу,
При солнце мрачность кроет взор.

(«Вечер 14 июня 1801 года»)

Тема смерти, мысль о бренности всего земного настойчиво повторяется в произведениях Каменева: «Так, стало, всё мечта на свете» (ода «Мечта»), «Время быстро, скоротечно Разрушает всё, губит» («Малиновка»), «Везде напасти мы встречаем, Живем средь горестей и бед» («Желание спокойствия»). Местом, где поэт предается своим невеселым размышлениям, чаще всего оказывается кладбище, которое кажется ему наиболее убедительным подтверждением его скорбной жизненной философии. Таковы стихотворения «Кладбище», «Бури свирепством роза погибла...», «Сон», «Вечер 14 июня 1801 года». Мрачные предчувствия писателя облекаются в одном из его произведений в кошмарные сновидения: вставший из гроба мертвец пророчит ему скорую кончину («Сон»).

Основанием для этих настроений, в известной степени, могли служить чисто биографические причины: тяжелая болезнь, постоянные мысли о близкой смерти. Но вместе с тем поэзия Каменева опирается на определенную литературную традицию.

Увлечение унылой кладбищенской тематикой и тесно связанной с ней мистикой характерно для многих писателей второй половины 90-х годов XVIII века. Главной причиной подобного рода настрое-

ний была правительственная реакция, резко усилившаяся в царствование Павла I.

В явном противоречии с основными принципами просветителей, отстаивавших право человека на земные радости, некоторые писатели этого времени, принадлежавшие ранее к просветительскому лагерю, начинают доказывать невозможность такого счастья, возлагая все надежды на загробную жизнь. «Благополучие? .. Но есть ли оно на земле? .. Истинное благополучие непревратно. А здесь что постоянно и надежно? .. Ничто... Следовательно, нет и благополучия совершенного»,[1] — писал П. Львов. По мнению автора, только смерть может быть надежной гарантией от страданий. «...Блажен тот, чья ладья скорее достигает безбедного пристанища вечности»,[2] — вторит Львову М. Бакаревич.

Эти настроения проникают и в поэзию. Анна Турчанинова в оде «Достоинства смерти» писала:

Ты мученье прерываешь,
Смерть, достойная любви...
...Бремя горестей, болезней
Ты снимаешь навсегда.[3]

Стихотворная эпитафия становится одним из распространенных жанров. Место действия многих поэтических произведений переносится на кладбище. Неоднократно переводится и в прозе и в стихах элегия Томаса Грея «Сельское кладбище». Возобновляется интерес к «Ночным думам» Э. Юнга. В 1799 году поэма выходит двумя изданиями: в Москве и в Петербурге.

В этой литературной атмосфере и формируется поэзия Каменева, которая представляет собой не начало русского романтизма, как пробовал доказать Е. А. Бобров,[4] а одно из явлений позднего русского сентиментализма, уже утратившего свой просветительский пафос. В пользу мнения о Каменеве как о поэте-романтике часто приводят слова Пушкина, известные по запискам племянницы Каменева — А. А. Фукс. Приведем их полностью: «Этот человек достоин был уважения: он *первый в России осмелился отступить от правил классицизма.* Мы, *русские романтики,* должны принести должную

---

[1] «Приятное и полезное препровождение времени», ч. 8, М., 1795, с. 125—126.

[2] Там же, ч. 16, М., 1798, с. 117.

[3] Там же, ч. 18, с. 298.

[4] Е. А. Бобров, Первый русский романтик Г. П. Каменев. — «Исторический вестник», 1903, № 8, с. 526.

дань его памяти: этот человек много бы сделал, ежели бы не умер так рано».[1]

Трудно сказать, с какой степенью точности воспроизведена здесь мысль Пушкина, но даже в записи Фукс она не дает оснований зачислять Каменева в романтики. Не будем забывать о том, что в слово «романтизм» Пушкин вкладывал более широкий смысл, чем литературоведы нашего времени. Для него романтическим было всякое произведение, в котором поэт не пользовался «классическими» формами. Пушкину, разумеется, было хорошо известно, что еще до Каменева Карамзин и Дмитриев уже «отступили» от классицистических норм, и поэтому слова «первый в России» — не более чем дань вежливости родственнице казанского поэта.

Из русских поэтов-современников скорбная поэзия Каменева обнаруживает несомненное родство с лирикой Жуковского, в творчестве которого мысль о бренности земной жизни и всего, что с ней связано, занимает одно из центральных мест. Жуковский, как известно, и начал свой творческий путь как один из сотрудников сентиментального журнала «Приятное и полезное препровождение времени». Ему же принадлежит один из лучших переводов «Сельского кладбища» Грея. Поэма Каменева «Громвал» в известной степени приближается к мрачным фантастическим балладам Жуковского. И вместе с тем именно Жуковскому, а не Каменеву было суждено осуществить в русской литературе переход от сентиментализма к романтизму.

7

Поэты Вольного общества, особенно А. Х. Востоков, оставили заметный след в истории русского стихосложения. Их поиски в этой области соотносятся с деятельностью Радищева, Карамзина, Гнедича и Жуковского, а в Германии — с опытами Клопштока, Фосса, Бюргера, Шиллера и Гёте.

Русская метрика конца XVIII — начала XIX века переживает период ломки. Главной причиной этого был кризис классицизма, монархический, государственный пафос которого воспринимается как устаревшее и даже реакционное явление. Отношение к идеологии классицизма переносилось и на поэтические формы, выработанные им, которые кажутся теперь стеснительными, официальными, мертвыми.

Поиски нового шли в разных направлениях, одно из них было

---

[1] А. А. Фукс, Пушкин в Казани. — «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников», т. 2, М., 1974, с. 219.

связано с отношением к рифме. Ряд писателей настаивает на введении безрифменного стиха. «Парнас окружен ямбами, и рифмы везде стоят на карауле»,[1] — с досадой писал Радищев. А. Х. Востоков считал, что «рифма... не есть необходимо нужное условие в наших... стихах, которые могут очень хорошо быть без рифм, т. е. белыми стихами».[2] С. С. Бобров в «предварительных мыслях» к поэме «Херсонида...» высказывался еще более резко — он утверждал, что в поисках рифмы поэты вынуждены часто «ослаблять» мысли и чувства, вследствие чего «убивают» «душу сочинения».[3]

Введение безрифменного стиха воспринималось как освобождение поэзии от чуждых, несвойственных ей форм, как возвращение ее к народным, национальным истокам. Карамзин к богатырской сказке «Илья Муромец», написанной безрифменным четырехстопным хореем с дактилической клаузулой, сделал следующее примечание: «Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами».[4] Сам стих, предложенный Карамзиным, получил в поэтической практике того времени название «русского стиха». Этим стихом была написана А. Радищевым поэма «Бова», сюжет которой восходит к известной сказке о Бове-королевиче.

В поэзии Вольного общества употребление безрифменного стиха было строго мотивировано. Прежде всего он использовался там, где имела место сознательная ориентация автора на «народность» содержания или формы художественного произведения. Таково стихотворение Востокова «Российские реки», где безрифменный стих соответствовал народному характеру самой поэтической речи. Произведения Н. Ф. Остолопова «Бедная Дуня», «Не бушуйте, ветры буйные...», «Солнце красное! оставь ты небеса...» — имитируют не только народный язык, но и жанр фольклорной песни. «Русским стихом» написана «древняя повесть» Востокова «Певислад и Зора». Здесь автор идет по стопам Карамзина и А. Радищева, а выбор стиха определяется «историческим», национальным сюжетом поэмы. Безрифменным стихом пишутся также те произведения, которые являются переводом или имитацией древнегреческих стихотворений, Это было специально оговорено Востоковым. «Древние греки, — писал он, — не употребляли в стихах сей игры созвучностей потому, вероятно, что не имели в оной нужды, услаждаясь и без того...

---

[1] А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву. — Полн. собр. соч., т. 1, М. — Л., 1938, с. 353.

[2] А. Х. Востоков, Опыт о русском стихосложении, СПб., 1817, с. 84—86.

[3] С. С. Бобров, Херсонида..., СПб., 1804, с. 6—7.

[4] «Аглая», кн. 2, М., 1796, с. 171

богатою мерой своих стоп».[1] Сюда же относились так называемые «анакреонтические» оды, еще со времен Кантемира писавшиеся белым стихом.

В 30-е годы мысли Востокова о безрифменном стихе сочувственно вспомнит А. С. Пушкин. «Думаю, — писал он, — что со временем мы обратимся к белому стиху... Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным».[2]

Правда, предсказание Пушкина подтвердилось не полностью, а лишь частично. Русские поэты XIX и даже XX века не отказались от рифмы. Однако в результате теоретических работ и творческих опытов начала XIX века, в которых приняли участие и поэты Вольного общества, белый стих заметно расширил свои владения и приобрел в русской поэзии права гражданства наравне с рифмованным.

Второй путь исканий имел место в области ритмики и выражался прежде всего в резко отрицательном отношении к каноническим стихотворным размерам классицистической поэзии — к четырехстопному ямбу и александрийскому стиху. Первый из них был закреплен за одой, второй — за эпической поэмой и трагедией.

Поэты конца XVIII — начала XIX века не отказались от четырехстопных и шестистопных ямбов, но вместе с тем стремятся к расширению ритмических возможностей русского стиха за счет увеличения в нем роли трехсложных стоп. Карамзин в одном из писем советовал Дмитриеву: «Если же ты... вздумаешь воспеть великие подвиги свои и всего воинства нашего, то, пожалуй, пой дактилями и хореями, греческими гекзаметрами, а не ямбическими стихами, которые для героических поэм неудобны и весьма утомительны».[3]

Остолопов посвящает гекзаметру пространную статью,[4] в которой раскрывает разнообразные художественные возможности этого старинного размера. Востоков полагал, что Ломоносов напрасно «не избрал для «Петриды» своей ⟨поэмы «Петр Великий»⟩ вместо единообразного александрийского свободнейший какой-нибудь размер, например, анапесто-ямбический или дактилохореический».[5]

---

[1] А. Х. Востоков, Опыт о русском стихосложении, с. 89.

[2] А. С. Пушкин, Путешествие из Москвы в Петербург. — Полн. собр. соч. в 16-ти тт., т. 11, М. — Л., 1949, с. 263.

[3] Н. М. Карамзин, Письма к И. И. Дмитриеву, СПб., 1866, с. 10.

[4] Н. Ф. Остолопов, Словарь древней и новой поэзии, ч. 1, СПб., 1821, с. 306.

[5] А. Х. Востоков, Опыт о русском стихосложении, с. 24.

Сам Востоков пишет трехстопным анапестом «Оду достойным». Борн в «Оде к истине» соединяет стихи, написанные дактилическими стопами, со стихами, состоящими из амфибрахиев. Каменев в поэме «Громвал» два первых стиха каждого четверостишия пишет дактилями, а два последних — анапестами.

Кроме античных размеров Востоков пользуется народной песенной ритмикой, в которой стопы отсутствуют, а ритм поддерживается одинаковым числом ударений в каждом стихе. По этому принципу написаны стихотворения «Полинька», «Российские реки», а также переводы сербских песен, предвосхищающие работу Пушкина над «Песнями западных славян».

Увлечение древнегреческой поэзией приводит некоторых из поэтов-радищевцев к попыткам перенести на русскую почву античные строфы с сохранением присущего им ритмического рисунка. Для того чтобы облегчить читателям скандирование такого рода поэтических новинок, поэты предваряли текст стихотворений графическим изображением их ритма. Так были напечатаны произведения Востокова «К Борею в маие», «К А. Г. Волкову» и некоторые другие. К последнему из названных стихотворений Востоков сделал следующее примечание: «Стихи, называемые асклепиадейскими по имени изобретателя их, хориямбическими по сложению стоп».

В истории русской литературы и русской общественной мысли Вольное общество представляет собой явление, которого еще не знал XVIII век. Перед нами широкий круг писателей, связанных между собой не только профессиональными, чисто творческими интересами, но прежде всего общественными — политическими и социальными — задачами. Эта общность поддерживается принадлежностью к одному и тому же идеологическому лагерю. Деятельность поэтов носит многосторонний характер: они выступают как писатели, критики, публицисты, ученые. Они выпускают альманах, периодические издания, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию. В своих рядах они стремятся поддерживать порядок, дисциплину. Все это, разумеется, пока еще отличается абсолютно мирным, легальным характером, но сам принцип органического соединения литературных задач с общественными станет позднее характерным признаком таких литературных организаций, как Вольное общество любителей российской словесности, кружок петрашевцев и многие другие.

«Радищевцы» не создали значительных произведений, вошедших в золотой фонд русской поэзии. Исключение составляют лишь

отдельные стихи Востокова, которые могут украсить любую антологию («Ода достойным», «К А. Г. Волкову», «Русские реки», «К Гарпократу» и некоторые другие). Но деятельность членов Вольного общества не прошла бесследно для русской литературы. Она оказалась одним из связующих звеньев между поэзией XVIII и XIX веков. В их творчестве завершилась трансформация оды, которая наполнилась теперь новым просветительским содержанием. Античная и народная тематика их стихов, равно как и размеры, связанные с ними, облегчили в дальнейшем творческие опыты Батюшкова, Катенина, Дельвига и поэтов-декабристов.

Павел Орлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

А. Х. ВОСТОКОВ

Александр Христофорович Востоков родился 16 марта 1781 года в г. Оренсбурге Лифляндской губернии, расположенном на острове Эзель. Он был сыном остзейского дворянина Х. И. Остен-Сакена. (От слова «Osten», означающего по-немецки «восток», ведет происхождение литературный псевдоним поэта, ставший и его официальной фамилией.) О матери Востокова ничего не известно. Воспитывался он в чужой семье, у некоей «майорши» Трейблут. Здесь, среди простых, необразованных людей прошло его раннее детство. Читать он выучился по немецкой Библии, а русские сказки узнал от гарнизонного солдата. Когда мальчику исполнилось семь лет, его отвезли, по распоряжению отца, в Петербург. Общественное положение Востокова в столице было неопределенным и двусмысленным, что причиняло ему немалые нравственные страдания.

Высокопоставленный родственник К. И. Остен-Сакен, брат его отца, воспитатель великого князя Константина, руководил судьбой Востокова и даже разрешал ему навещать себя в Зимнем дворце. Но мальчику фактически отказывают в родстве, наделяя его вымышленной фамилией Остенек. Его помещают в Сухопутный кадетский шляхетный корпус, точнее в гимназию при корпусе, где обучались дети разночинцев, из которых готовили будущих преподавателей корпуса. Тем самым Востоков должен был остаться без дворянского звания и связанных с ним привилегий. В первые годы пребывания в гимназии Востоков совершенствует свои знания в русском языке, одновременно изучает французский, много читает и начинает писать русские стихи.

Творческим интересам Востокова немало способствовали традиции корпуса, воспитавшего в своих стенах А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова.

Литературные занятия кадетов находили поддержку и поощрение со стороны преподавателя словесности П. С. Железникова,

познакомившего своих воспитанников с только что вышедшими тогда произведениями Карамзина.

В 1794 году, по решению К. И. Остен-Сакена, Востокова переводят из кадетского корпуса в Академию художеств. Причиной перевода было сильнейшее заикание, которое преграждало Востокову путь к должности преподавателя.

В Академии Востоков не обнаружил больших способностей ни в живописи, ни в архитектуре, но интереса к чтению и литературным занятиям не потерял. Не порывает он дружбы и со старыми товарищами по гимназии. Увлечение литературным творчеством поддерживают и новые друзья Востокова по Академии художеств — И. А, Иванов, Ф. Ф. Репнин, А. Д. Фуфаев. Во взглядах Востокова и его приятелей ощущается в эти годы влияние просветительских идей. «Читаем Вольтера с Ермолаевым. . . Негодуем на Павла I»,[1] — пишет он в своем дневнике.

После окончания Академии (сентябрь 1800) Востоков для усовершенствования в знаниях был оставлен при ней пансионером, а с 1803 года зачислен академическим переводчиком и помощником библиотекаря.

В сентябре 1801 года он вступает в Общество любителей изящного, позже переименованное в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, добросовестным и ревностным членом которого он оставался свыше двадцати лет, выполняя обязанности секретаря, одного из цензоров и даже казначея.

Первое выступление Востокова в печати относится к 1802 году. Во второй части хрестоматии, составленной П. С. Железниковым и носившей название «Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам Первого кадетского корпуса», наряду с произведениями Ломоносова, Державина, Дмитриева были напечатаны анонимно два стихотворения молодого поэта: «Осеннее утро» и «Парнас, или Гора изящности». Наиболее интенсивная творческая деятельность Востокова связана с изданиями Вольного общества — с альманахом «Свиток муз» (1802—1803) и «Периодическим изданием Вольного общества. . .» (1804), где были помещены многие как оригинальные, так и переводные его произведения.

В 1805—1806 годах поэт издает в двух частях свои «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах».

В последующие десять лет поэтическая деятельность Востокова идет по линии затухания. Время от времени отдельные его стихотво-

---

[1] Заметки А. Х. Востокова о его жизни. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1901, т. 70, № 6, с. 18.

рения появляются в альманахе «Талия», журналах «Цветник», «Санктпетербургский вестник», «Сын отечества». Творческие интересы Востокова в основном были связаны с традициями XVIII века, в первую очередь с его просветительскими устремлениями. К началу 1820-х годов эта поэтическая эпоха отошла в прошлое. Видимо, это понял и сам писатель. В 1821 году вышел последний его сборник «Стихотворения», явившийся своеобразным итогом литературной деятельности Востокова. Основой книги послужили стихи из «Опытов лирических», «исправленные» и «дополненные», по словам автора, новыми, написанными после 1806 года.

Нуждаясь в средствах к существованию, Востоков должен был постоянно служить. С 1804 года он исполнял обязанности переводчика в Комиссии составления законов, а с 1811 года — ту же должность в Департаменте герольдии. Постепенно ему удается сочетать службу со своими филологическими интересами. В 1815 году он получает место помощника хранителя рукописей (позже — хранителя рукописей) в Публичной библиотеке. Кроме того, с 1824 по 1844 год он исполнял сначала обязанности библиотекаря, а потом старшего библиотекаря и главного хранителя в Румянцевском музее (в Петербурге).

Неизмеримо большее признание, чем поэзия, получила научная деятельность Востокова в области филологии, которой он отдал много сил и в которой оставил более глубокий след. Его труды поражают широтой интересов, смелостью и оригинальностью выводов.

В 1812 году в «Санктпетербургском вестнике» был опубликован «Опыт о русском стихосложении» (отдельное, дополненное издание вышло в 1817 году). Обратившись к народному песенному стиху, Востоков тщательно изучил эту совершенно своеобразную метрическую систему. По его наблюдениям, определяющими признаками в ней служили не стопы и не равносложность стихов, а количество ударных слогов в каждом стихе.

Другая работа ученого — «Рассуждение о славянском языке» (1820) — положила начало подлинно научному изучению церковнославянского языка. До Востокова не было ясности ни в определении его исторической основы, ни в понимании его отношения к русскому языку. По мысли Востокова, церковнославянский язык, на котором были написаны старинные книги, был «наречием одного какого-нибудь племени» славян (Востоков не уточняет, какого именно). Сначала живой, потом книжный, этот язык претерпел в своем развитии ряд изменений. Как полагал ученый, лучшее представление о живом церковнославянском языке дают древние памятники, в особенности «Остромирово евангелие». В конце своей работы

Востоков поместил описание основных грамматических особенностей церковнославянского языка.

Позже, в 1842 году, он издал и само «Остромирово евангелие» с параллельным греческим текстом оригинала. Кроме того, им были выпущены «Русская грамматика» (1831), выдержавшая двенадцать изданий, и на ее основе — «Сокращенная русская грамматика» (1833), имевшая шестнадцать изданий, а также «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим оного памятникам» (1863).

Почти за десять лет до известного словаря В. И. Даля Востоков издал «Опыт областного великорусского словаря» (1852), а несколько позже — «Словарь церковнославянского языка» (1858—1861).

В течение многих лет он работал над научным описанием русских и славянских рукописей Румянцевского музея.

За большие научные заслуги Востоков был избран членом Отделения русского языка и словесности при Академии наук и почетным членом многих зарубежных обществ и академий.

Умер Востоков 8 февраля 1864 года восьмидесяти двух лет от роду.

1. К ФАНТАЗИИ

Тебе, Олимпа дщерь священна,
Тебе, Фантазия, мой глас
И звучна арфа посвященна!
На что крылатый мне Пегас?
Ты можешь здесь, в сени укромной,
Явить мне Пинда верх огромный,
Кастальский ток, жилище муз!
Уже восторгом дух пылает,
Твоей амврозии алкает
И рвется вон из плотских уз.

В зарях ли, иль гремящей тучей
От горних спустишься небес,
Или возлюбишь мрак дремучий
И тень прохладную древес
Раскинешь над главой моею, —
Чтоб ключ крутящейся стезею,
Гремя по камням, вниз бежал,
Пустынным гулом повторяясь,

И, листвий с шорохом мешаясь,
Твое присутство б возвещал;

И ветры б свирепеть престали,
К земле со скрыпом древо гнуть;
Одни зефиры б лобызали
Младой весны цветущу грудь:
В твоем присутствии, богиня,
И африканская пустыня
Творится садом Гесперид!
И дебри финнов каменисты,
И северны поморья льдисты
Теряют свой унылый вид.

Грядущих в дальности сумра́чной
Столетий ряд моим очам
Яви сквозь твой покров прозрачный!
Что зрю? — Сон скиптрам и мечам!
Орел, терзавший Промефея,
Отогнан. Се грядет Астрея!..
О преблаженный смертных род!
Любовью, миром наслаждайся,
Дарами естества питайся,
Сбирай с земли сторичный плод.

Земной превыше атмосферы
Взносись, царь мира, человек!
Расширил ты познаний сферы,
К началам всех вещей востек;
Как луч проник твой взор сквозь бездны,
Ты круги облетаешь звездны,
Их испытуя вещество;
Тобою взвешен мир, измерен;
Высок твой ум, рассудок верен,
Свое постиг ты естество!

Все плевелы искоренились,
В соседстве с пользой нет вреда;
С рассудком страсти примирились,
Легла их древняя вражда.
И люди счастие познали,
И люди — ангелами стали!

Но сбудется ль сие иль нет? ..
Вникать глубоко не желаю,
К другим предметам направляю
С тобой, Фантазия, полет.

С тобой я на Кавказ взбираюсь
И в жерло Этны нисхожу,
В шумящие моря пускаюсь
И в тишине пустынь брожу.
Исполненный благоговенья,
По необъятностям творенья
Я на крылах твоих парю!
Во океане звезд купаюсь —
Но вверх лечу ль, иль вниз спускаюсь,
Брегов и дна нигде не зрю.

С тобой люблю я, в мыслях сладких,
Собрать, устроить, просветить
Народы; тигров, к крови падких,
В смиренных агнцев превратить.
С тобой я извергов караю
И добродетель награждаю,
Достойным скиптры раздаю,
А угнетенным всем свободу,
И человеческому роду
С Сен-Пьером вечный мир даю!

Тебе стихии все послушны,
Послушны небеса и ад.
Там строишь замки ты воздушны,
А там сади́шь Армидин сад.
Махнешь — и граций узришь пляски;
Воскликнешь — божества парнасски
Сладчайшу песнь тебе гласят.
Фантазия многообразна,
Всегда нова, всегда прекрасна,
Ты тьму нам да́руешь отрад!

Коснися мне жезлом чудесным,
В забвенье сладко погрузи,
К святым селениям небесным
На крыльях ветра понеси.

Пусть сладость рая предвкушает,
Пусть в море счастья утопает
Мой дух, исполненный отрад!
Да отженется всяка скверна;
Прочь ненависть, прочь зависть черна,
Коварства, лести, злобы яд!

Вселившийся в стране блаженной,
Куда вам неприступен вход,
Совлекся я одежды бренной
Взнестись к началу всех доброт.
И се... вознесся, — наслаждаюсь,
Озрелся вкруг и восхищаюсь,
Повсюду совершенство зря!
Далеко вас и вашу землю
Оставил, бурь ее не внемлю —
Забыла их душа моя!

Всё то, что стройно и согласно,
Слиялось здесь в моих ушах;
Всё то, что благо и прекрасно,
Я созерцаю в сих местах.
Всё то, что душу возвышает
И с божеством ее сближает,
Чрез нервы всё я внутрь беру;
Ах, льзя ль мне днесь землей прельщаться,
Тщете, неправде поклоняться?
Пусть в сих восторгах я умру.

Но что?.. ужели исчезает
Питавшая мой дух мечта?
От уха пенье утекает,
От взоров — райска красота!
Я с содроганием очнулся,
Кругом печально оглянулся —
И зрю лишь дикий, темный лес.
В ответ на вздох мой — ветр ревущий
И ключ, в гранитно дно биющий,
Шумят сквозь ветвие древес.

Почто, Фантазия всесильна!
Покров снимаешь с глаз моих?

Печалей жатва столь обильна,
А роза-радость вянет вмиг!
Но должно ль оттого терзаться
И плакать? — Нет, мы будем знаться,
Посланница небес, с тобой!
Когда ко мне с улыбкой входишь,
Ты всякую печаль отводишь
И в душу сладкий льешь покой.

И так отрадными мечтами
Почаще дух мой услаждай;
Живыми, нежными цветами
Дорогу к смерти усыпай
И будь мой ангел-благодетель!
Ты облекаешь добродетель
Небесных граций в злат хитон
И, нас красой ее пленяя,
Велишь, Фантазия благая,
Любить святой ее закон.

Июнь 1798

2. ШИШАК

Идиллия (подражание)

Марс в объятиях Киприды
Забывал кроваву брань.
Около прелестной выи
Ластилася мощна длань;
Грудь, твердейшую металла,
Взор Венерин растопил;
Сладкому огню Эрота
Жар сражений уступил.
Вкруг четы богоблаженной
Резвится любовей рой;
Марсов меч, копье дебело
Служит шалунам игрой;
Растаскали всё оружье,
Веселясь добычей сей:
«Нами Марс обезоружен,
В нашей власти бог смертей!»

Вся забылася природа
Посреди утех и игр,
Подле агниц беззащитных
Засыпал свирепый тигр.
Ястреб горлицам на ветке
Целоваться не мешал,
И, казалось, самый воздух
Тонким пламенем дышал.

Но Марса вдруг опять зовет
Звук труб, орудий глас гремящий;
Летит победа, подает
Ему копье и щит блестящий,
На коем изваян герой,
Презревый сладкие забавы,
Томящу негу и покой
Для многотрудных лавров славы.
Свой долг на оном Марс прочел,
Отторгся от любви, вспрянýл и полетел
Вооружить себя, — но в шишаке блестящем,
У ног богининых лежащем,
Ах, что военный бог узрел?

Гнездо двух нежных горлиц, —
Они под сенью крылий
Усы́пили птенцов.
Друг друга милованье
И сладко воркованье —
Троякая любовь!
Какая власть посмеет
Тронýть рукою дерзкой
Ковчег святыни сей? . .

Остановился Марс. Дивится, смотрит.
Смягчается при виде сей четы:
Уже его и слава не пленяет;
Он страстно пал в объятья красоты
И гласу труб зовущих не внимает.

Веленьем матери своей
Амуры всех оттоль прогнали

Литаврщиков и трубачей
И все орудия попрали
Сих нарушителей утех;
На место ж грубых звуков тех
Златыя лиры и цевницы
Любезный мир превознесли.

Не Афродитины ли птицы
Тогда от браней свет спасли?

Ноябрь 1798

3. ИБРАИМ

(С немецкого)

Когда Фернанд[1] благочестивый
Еще, в неистовстве святом,
Не гнал род мавров нечестивый,
Тогда Гусмановым копьем
Омар младой повержен витязь.

В стране врагов страшась отмщенья
(Убитый знатен был, богат),
Бежал Гусман, и в утомленьи
Перед собой увидел сад,
Высоким тыном огражденный.

Когда через сию ограду
С трудом гишпанец перелез,
Узрел хозяина он саду,
Который там в тени древес
Вечернюю вкушал прохладу.

Он о покрове умоляет,
Весь в поте, — э́мир Ибраим
Его приемлет и сажает,
И спелы овощи пред ним
Со взором дружелюбным ставит.

---

[1] Фердинанд, прозванный Католическим, король Арагонский, положивший конец владычеству мавров в Гишпании.

«Ты гость мой, — старец рек почтенный, —
И будешь у меня укрыт;
Странноприимства долг священный
Тебе защиту дать велит», —
И гостя лаской ободряет.

Но вдруг на время в дом свой вызван
Великодушный старец был;
Итак, чтоб не был кем он признан,
Старик поспешно заключил
Его в садовую беседку.

В мучительнейшем ожиданьи
Гусман в ней три часа сидел,
Пока при лунном он сияньи
Опять идущего узрел
Хозяина, который плакал.

«Жестокий, — рек он в сокрушеньи, —
Убил ты сына моего!
Увы, хотя и сладко мщенье,
Но слаще во сто крат того
Быть верну в данном мною слове!

Перед садовыми вратами
Стоит мой лучший конь готов —
Беги, ты окружен врагами,
В Толедо, град твоих отцов!
Да будет бог тебе защитник!»

О, зри героя в нем, читатель,
Благотворящего врагам,
Хотя б, кумиров почитатель,
Молился ложным он богам,
Но он есть друг творца вселенной.

Сентябрь 1799

4. ЗИМА

ОДА К ДРУГУ, В 1799 ГОДУ

Пришла печальна старость года,
Зима, по осени златой;
Осиротела вся природа,
Ива́нов, друг любезный мой!
Ах, скоро вечности пучина
Сего времян поглотит сына,
И сей уже не будет год.
Его заступит место новый,
И, свергнув зимние оковы,
Он узрит вновь весны приход.

Так наших дней зима наступит
И чувств огонь погасит в нас,
Ослабит память, ум иступит
И разольет по жилам мраз,
Доколе смерть нас не изымет
Из уз телесных и подымет
Пред нами вечности покров.
Мы там в странах святых вселимся,
Где с бедством, с ну́ждой разлучимся,
Где нет тиранов, ни рабов.

Но прежде претечем покорно
Начертанный судьбами круг;
Потщимся с пользой, непозорно,
И жить и умереть, мой друг!
Прямую изберем дорогу,
Вождю надежнейшему — богу
Предав себя в святый покров;
Окажем к слабым снисхожденье,
К порочным жалость, к злым презренье,
А к добрым пламенну любовь.

Теперь, Ива́нов, можем зваться
Весенними сынами мы;
Еще не скоро прикасаться
К нам хладу жизненной зимы:
Итак, прилежно ниву вспашем,
Чтоб в юношеском сердце нашем

Привязанность к добру росла;
Чтоб, в жаркую годину лета
Огнем благих страстей нагрета,
Плоды нам в осень принесла.

Теперь вкруг нас амуры вьются,
Из свежих мирт венки плетут,
Все удовольствия смеются
И все цветы забав растут.
Сорвем попавшуюся розу,
Но осторожно, чтоб занозу
Нам от шипов не получить!
А то, мой друг, и прежде сроку
Узнаем зиму мы жестоку
И для болезней будем жить.

О нет! умеренность благая!
Тебе потщимся мы внимать.
Твои законы соблюдая,
Болезней можем мы не знать;
И скуки, дщери пресыщенья,
Не убоимся приближенья,
Твоим щитом ограждены:
Для нас здоровие небесно,
Сие твое дитя прелестно,
Продлит еще весенни дни.

Ноябрь 1799

5. ОСЕННЕЕ УТРО

1800

Серы, волнисты, тучи дождливы
    Медленно сеются врозь;
Сребряно ложе флеровых облак
    Нежну покоит луну.

Мраки, редея, взору открыли
    Спящу природу везде;
Изредка слышно карканье вранов,
    Изредка гул в тишине.

Мало-помалу хо́лмы яснеют,
Мрак исчезает с полей.
Дремлющи села петел будящий
К утренним кличет трудам.

Думы, заботы, горесть и радость
В оных проснулись теперь:
Скрыпнули створы, слышен уж частый
Бой молотящих цепов.

К темной дубраве путь я направлю,
К осени вниду во храм;
Ветер бушующ с свистом проносит
Бурю сквозь ветви древес.

Мертвые травы, желтые листья
Тщетно кропимы дождем:
Хладну лишь землю он напояя,
Сячется тихо в нее.

Образ истленья, скучную осень
Здесь оставляет мой дух,
В сладком забвеньи, с утренним паром
Медленно к небу взносясь.

Плавает всюду, всё обнимает,
Легких касается туч;
Мчится с восторгом выше и выше,
К дальним несется мирам.

Сколь бесконечно благо, премудро
Создал вселенную бог!
Неизмеримость звездами смотрит:
Видит повсюду себя!..

Небо прияло утренню ясность;
Но не увидим весь день
Солнца за кровом пасмурных облак:
Бледно цветит их края!

Древо, склонивши голые сучья,
Смотрит на листья свои,

Кои упали к корню и тлеют
Подле родившего их.

Но в одеяле мягкого снега
Землю они утучнив,
В соке живящем паки весною
К стеблям своим востекут;

Паки расцветши, свежестью новой
Чувства восхитят мои!
Всё превращает вид свой в природе, —
Не исчезает ничто.

Матерь Природа! сколь благодатна,
Сколько ты к чадам щедра!
В осень сырую, в зиму сурову
Благословляю тебя!

Если б ненастья, бури и стужу
Смертный не знал никогда,
Мог ли бы летом он наслаждаться,
Сердцем весною цвести?

Октябрь 1800

6. К БОГИНЕ ДУШИ МОЕЙ

1800

Где существуешь ты, души моей богиня?
Твой образ в сердце у меня.
Везде ищу тебе подобных я красавиц,
Но тщетны поиски мои.
Ищу везде, — прошу тебя у всей природы,
Божественная красота!
Из тишины ночной тебя я иззываю,
От трона утренней зари,
Из недра светлых вод, родивших Афродиту,
Когда их ветерок струит,
Когда вечерний Феб поверхность их целует
И дальный брег в туманах спит.
Не в мирных ли лугах гуляешь юной нимфой,
Или во глубине пещер?

Не в горных ли странах свежеешь ореадой,
    Превыше грома и сует?
Явись и осчастливь мой дух уединенный
    Любовью ангельской, святой;
Неисчерпаемых, небесных наслаждений
    Снеси мне розовый сосуд:
Томлюся и грущу, напиться оных жажду, —
    Приди, утешь меня, напой!
Как агнец на лугах опочивает злачных,
    Так я на лоне у тебя;
Как пламя двух свещей, так наши обе души
    Сольются радостно в одну.
Приди ж и учини меня благополучным,
    Богиня моея души!

Январь 1801

7. ОДА ДОСТОЙНЫМ

Дщерь всевышнего, чистая Истина!
Ты, которая страстью не связана,
Будь днесь Музой поэту нельстивому
    И достойным хвалу воспой!

Дети счастия, саном украшенны!
Если вы под сияющей внешностью
Сокрываете слабую, низкую
    Душу, — свой отвратите слух.

К лаврам чистым и вечно невянущим
Я готовя чело горделивое,
Только Истину чту поклонением;
    А пред вами ль мне падать ниц?

Нет, кто, видев, как страждет отечество,
Жаркой в сердце не чувствовал ревности
И в виновном остался бездействии, —
    Тот не стоит моих похвал.

Но кто жертвует жизнью, имением,
Чтоб избавить сограждан от бедствия

И доставить им участь счастливую, —
Пой, святая, тому свой гимн!

Если мужество, благоразумие,
Твердость духа и честные правила
Совместилися в нем с милосердием,
Он воистину есть герой!

О, коль те в нем находятся качества,
Он составит народное счастие,
Поздних правнуков благословение
Будет в вечность за ним идти.

Многих мнимых героев мы видели,
Многих общего блага ревнителей, —
Все ли свято хранят обещание
Быть отцами, закон блюсти?

Но кто к славе бессмертной чувствителен,
Тот потщится, о граждане, выполнить
Долг священный законов блюстителя
И приимет хвалу веков.

И такому-то, Муза божественна,
О, такому лишь слово хваления,
В важном тоне, из уст благопеснивых,
Рцы языком правдивым ты!

Март 1801

8. ПАРНАС, ИЛИ ГОРА ИЗЯЩНОСТИ

Огнекрылаты кони Феба
Спустились в западны моря.
С сафиром голубого неба
Слилася алая заря.
Прострясь холодными крылами,
Уснули ветры над валами;
Один в кустах Зефир не спит.
Кристальна зыбь чуть-чуть струится,

В нее лесистый брег глядится
И с травок теплый дождь слезит.

Я в размышлении глубоком,
Вступив на моря брег крутой,
Носился восхищенным оком
По рдяной влаге золотой.
Мой дух светлел, как вод зерцало,
И сердце у меня играло,
Как яркая в струях заря.
«Очаровательные сцены!
Минуты сладки и бесценны! —
В восторге духа вскликнул я. —

Питомцы муз, сюда теките!
Сюда, изящности сыны!
И души ваши насладите, —
Вам виды здесь посвящены.
Пусть дух, мечтами обольщенный,
Пусть сластолюбец пресыщенный
Без чувств при виде красоты, —
Досуг божественный! питаешь
В пиитах жар... и открываешь
Всегда им нову прелесть ты!

Блажен, в ком сердце не хладеет
Ко ощущенью сих красот, —
Предохранять себя умеет
От скуки и разврата тот.
Коль дух в изящное вперяет,
Он истинную жизнь вкушает
И живо чувствует себя,
Он презрит злато, пышность, чести;
Не будет он поэтом лести,
Прямую красоту любя.

Он льет в согласны, звонки струны
Гармонию души своей.
Любим, гоним ли от фортуны,
Не раболепствует он ей,
Его Природа не оставит,
Отрады сладкие доставит:

О благе чад, послушных ей,
Пекущаяся матерь нежна
И им всегда, во всем споспешна
От детства до преклонных дней.

Природа! днесь перед тобою
И я обет святый творю,
Что лжевествующей трубою
Вовек похвал не вострублю
Кумирам золотым, бездушным,
И что потщусь всегда послушным
Тебе, чистейшая, пребыть;
Что добродетель, правду вечну,
Ум, доблесть, мир, любовь сердечну
И дружбу стану я хвалить.

И ах, когда бы я стопою
Беспреткновенной мог пройти
Стезю, начертанну тобою,
И мог отверстую найти
Дверь храма твоего святаго!
Всего бы, что красно́ и благо,
Упился жаждущий мой дух.
Я стал бы счастлив и спокоен,
Любви избра́нных душ достоин,
Всем грациям, всем музам друг!»

Я так вещал — и опустился
В тени дерев на косогор;
Мой дух в забвенье погрузился,
На влаге опочил мой взор.
Она еще едва мерцала,
В подобье тусклого зерцала,
И мгла синелася вдали
На гор хребте уединенном.
В безмолвном торжестве священном
Дубравы и поля легли.

Крылами мягко помавая,
Зефир прохладу в грудь мне лил,
С ветвей на ветки он порхая,
Тихонько листья шевелил,

Цветов ночных благоуханья
Вносил мне в нервы обонянья, —
Мои все чувства нежил он.
А с ним, скользнув под сени темны
И мне смежив зеницы томны,
Объял все чувства сладкий сон.

Лишь вдался я ему, чудесным
Меня восхи́тил он крылом
И перенес к странам безвестным.
Я смутный кинул взор кругом:
Везде равнины, лишь к востоку
Увидел гору я высоку
И к оной множество путей.
Из них одни вели лугами,
Другие блатами, буграми —
Сквозь дичь лесов, сквозь зной степей.

При оных мне путях стоящу
Предстала некая жена,
И я ее узрел, держащу
Обвитый крином скиптр. Она
В двуцветну ткань была одета,
На коей нежно зелень лета
Спряглась с небесной синетой.
Ступая ж поступью свободной,
Соединяла в благородной
Осанке важность с простотой.

Как нивами покрыты холмы
Волнуются от ветерков,
Так точно груди млекополны,
Которых скрыть не смел покров,
Дыханьем кротким волновались,
И реки млечны изливались
Из оных, всяку тварь поя.
По прелестям ее священным
Блуждал я оком восхищенным,
И в ней узнал Природу я,

Толико благолепна взору
Она явившись моему
И скиптром указав на гору,
Рекла: «Стремленью твоему
Ты видишь цель; по сим долинам,
Сквозь те леса, по тем стремнинам
Достигнешь на священный верх,
На верх возможного блаженства,
Изящности и совершенства,
Который лучше тронов всех».

«Но возвести мне, о Природа!
(Дерзнул я обратить к ней речь)
На высоту сего восхода
Равно ли трудно всем востечь?
Или мне думать, что пристрастье
К иным ты кажешь, — вечно счастье
И вечно им успехи шлешь?
Что ты, лишь только их рождаешь,
Любимцами предызбираешь
И все таланты им даешь?

Ах, нет! как смертному возможно
Тебя в неправости винить!
Открой мне, не сужу ль я ложно,
Потщись сомненье разрешить!»
На то богиня отвечала:
«Я всем живущим даровала
Орга́ны, свойственные им;
Орга́ны те благонаправить
Или в бездействии оставить —
Даю на волю им самим.

В ком есть желанье, всяк способен
Возвысить дух свой, просветить
Свой разум. Пашне он подобен,
Могущей всё произрастить,
Когда приложит пахарь руку.
Терпением стяжай науку,
Которой ты себя обрек.
Счастливейший на свете гений,

Уснув в вертепе вредной лени,
Парнаса не достигнет ввек».

Рекла — и с кротостью воззрела.
«Хочу, — примолвила она, —
Чтоб райского того предела
Была вся прелесть явлена
Твоим, о смертный, взорам бренным».
Я пал и с духом восхищенным
Благодарить ее хотел.
Но божество внезапно скрылось,
Всё вкруг меня преобратилось,
И я — Парнаса верх узрел.

Там лавров, пальм и мирт зеленых
Кусты благоуханье льют,
В брегах цветущих, осененных
Ручьи кристальные текут.
Там вечно ясен свод небесный.
В лугах и в густоте древесной
Поэтов сонмы я встречал;
Сотворший «Илиаду» гений
Над вечным алтарем курений
Во славе тамо председал.

Кло́пшток, Мильто́н, в короне звездной,
Сияли по странам его.
Там Геснер, Виланд, Клейст любезный —
Поэты сердца моего.
Там Лафонтен, питомец граций,
Анакреон, Насон, Гораций,
Вергилий, Тасс, Вольтер, Расин,
О радость! зрелись и из россов
Великий тамо Ломоносов,
Державин, Дмитрев, Карамзин.

В приятной дебри, меж холмами,
Отверстый отовсюду храм,
Огромно подпертый столпами,
Моим представился очам.
Во оном трон младого Феба
И муз, прекрасных дщерей неба.

Во оном славные творцы,
Друзья людей, друзья природы,
Которых память чтят народы,
Которы были мудрецы, —

Прямые мудрецы, на деле,
Не только на словах одних, —
В эфирном мне являлись теле,
В беседах радостных, святых
Красно, премудро совещали
И взор любови обращали
На просвещенный ими мир.
Блаженством их венчались чела,
Божественность в очах горела,
Их голос — звон небесных лир.

Средь дивного сего чертога,
В соборе девственных сестер,
Изящности я видел бога.
На арфу персты он простер.
Из струн звук сребрян извлекая
И с оным глас свой сопрягая,
Воспел бессмертно-юный бог.
Я взор не мог насытить зреньем
Его красот, ни ухо пеньем
Насытить сладким я не мог.

Власы его златоволнисты
Лились по статным раменам,
И благогласный тенор чистый
Звенящим жизнь давал струнам:
Он пел — и всё вокруг молчало,
И всё вокруг вниманьем стало;
Из алых уст его текла
Премудрость, истина и сладость,
И неизменна чувствий младость
В речах его видна была.

То вопль Сизифов безотрадный,
То зов сирен, то Зевсов гром
Ловил в той песни слух мой жадный.
Воскликнуть, пасть пред божеством

Готов я был во исступленье,
И вздрогнул — сильное движенье
Меня отторгло вдруг от сна
На утренней траве росистой —
То пели птички голосисты
Восшедшему светилу дня.

Апрель 1801

9. ВИДЕНИЕ В МАЙСКУЮ НОЧЬ

К ФЛОРУ

Майска тиха ночь разливала сумрак.
Голос птиц умолк, ветерок прохладный
Веял, златом звезд испещрялось небо,
Рощи дремали.
Я один бродил, погруженный в мысли
О друзьях моих, вспоминал приятность
Всех счастливых дней, проведенных с ними,
Видел их образ.
«Где ты, мой Клеант! — я, вздыхая, думал, —
Чтоб со мной теперь разделять восторги?
Где вы все? где Флор? где Арист? Филон мой
Где незабвенный?
Утром цвел! .. о Флор! не давно ли плачем
По Филоне мы? Уж весна двукратно
Оживляла злак над его могилой,
Птички любились».
Я вздыхал и, взор устремив слезящий
На кусты, на дерн, вопрошал Природу:
«Друг у нас зачем с превосходным сердцем
Отнят так рано?»
Мне была в ответ — тишина священна!
Дале вшел я в лес, оперся́ на древо;
Листвий сладкий шум вовлекал усталы
Чувства в забвенье.
Вдруг из мрака бел мне явился призрак,
Весь в тумане, он приближался тихо,
Не был страшен мне, я узнал в нем милый
Образ Филона:

Благовиден, млад, он взирал как ангел,
Русы по плечам упадали кудри,
Нежность на устах, на челе спокойство
Изображались.
Он уста отверз, — как с журчащим током
Шепчет в дебрях гул или арфу барда
Тронет ветер — так мне влиялся в ухо
Голос эфирный.
Он гласил: «Мой друг, веселись, не сетуй;
Я живу, — излей и во Флора радость
О судьбе моей, а свою с терпеньем
Участь сносите.
Всё возможно! Зришь ли миры блестящи
Тамо, землю здесь? Что она пред ними,
То и жизнь твоя пред другими жизньми
В вечной Природе.
Ободрись же ты и надейся с Флором
Лучших жизней там; но не скорбью тщетной —
Благородством чувств и любовью к благу
Чти мою память!»
Он исчез. «Филон! мой любезный, где ты?»
Руки я к нему простирал в тумане,
Сердце билось — ах! Но повсюду были
Мрак и безмолвье.

Январь 1802

10. СВЕТЛАНА И МСТИСЛАВ

Богатырская повесть в четырех песнях

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Светлана в Киеве счастливом
Красой и младостью цвела
И изо всех красавиц дивом
При княжеском дворе была.
Но более еще сияла
Душевной прелестью она,
С приятством кротость съединяла,
Была невинна и умна.

Князей, богатырей и гридней [1]
Всегда текла толпа за ней.
«Светлана Лады миловидней!» —
Баяны [2] напевали ей.
И кто б, воззрев, не покорился
Ее божественным очам!
В любви достойную влюбился
Великий князь Владимир сам.

«Люби меня, девица красна! —
Владимир-солнце [3] ей твердит. —
Волненье, муки сердца страстна
Приятный взор твой утолит,
Люби меня! Во ткани златы
Твою одену красоту,
Дам волости тебе богаты
И всем княгиням предпочту!

Склонись!» Но тщетно он слагает
Пред нею княжескую власть,
Он тщетно молит, угрожает:
Она его отвергла страсть!
Какая ж бы, он мнит, причина
Сея холодности была?
Но ах, когда б он знал, что сына
Ему Светлана предпочла!

К отцу из своего удела
Тмутараканский прибыл князь.
Светлана юношу узрела —
Заискрелась и разлилась

---

[1] Гридни — правильнее гридины или гридьба, так назывались придворные во времена первых князей. Гридня или гридница — чертог или зала дворцовая.

[2] Баяны — русские барды. Употреблено по примеру г-на Нарежного, см. в «Приятном и полезном препровождении времени», ч. XX, песнь Владимиру киевских баянов.

[3] В старинных русских сказках и песнях обыкновенное прозвище Владимиру — солнышко.

Любовь в груди девицы красной.
От всех она ее таит;
Но ей изменит вздох всечасный
И разгорание ланит.

Вступал ли в стремена златые
На играх рыцарских Мстислав,
Метал ли копья из десныя
В высоку цель, иль, щит подъяв,
Скакал чрез поприще широко,
Одолеваючи князей, —
За ним ее летало око,
И сердце трепетало в ней.

Уже ты, бедная, мечтаешь
О нем во сне и на яву,
И злых людей не примечаешь:
Разносят о тебе молву!
Но киевского слух владыки
Молва сия, как гром, разит;
Немедля сына князь великий
В чертог к себе призвать велит.

«На то ль ты, отрок дерзновенный!
Удельный град оставил свой, —
Вещал Владимир раздраженный, —
Чтоб отчий нарушать покой?
Уже девиц ты обольщаешь,
Злосчастный! Сеешь здесь раздор!
О, ты мне сердце отравляешь,
Оставь немедленно мой двор!»

«Отец мой! — с должным преклоненьем
Млад витязь изумленно рек, —
Скажи, каким я преступленьем
Вдруг гнев твой на себя навлек?»
— «Каким! Личиною обмана
Свои ты хочешь козни скрыть:
Не влюблена ль в тебя Светлана?
Не ты ль дерзнул ее прельстить?»

«Что слышу! Я любим Светланой!
Ах, вподлинну ль, родитель мой,

Столь счастлив я? Стократ желанной
Я мог ли вести ждать такой!..
Явлю во всем повиновенье,
Во всем, — лишь мне Светлану дай.
Готов идти я в заточенье,
Но с ней меня не разлучай!»

Кто гнев Владимира опишет,
Борьбу страстей жестоких в нем!
Он ревностью, досадой дышит,
Врага он в сыне зрит своем.
«Не будь ко мне жестокосердым, —
Прекрасный продолжал Мстислав,
Почтительно, но гласом твердым,
К ногам родительским припав. —

Мой князь, тебя я почитаю,
Отец мой, я тебя люблю,
Но я Светлану обожаю
И никому не уступлю!»
С сим словом встал и распростился
С умолкшим в ярости отцом,
От коего он известился
Теперь лишь только сам о том.

Но сам еще не доверяет
Тому, что девой он любим;
Спешит, минуты не теряет —
И восхищен известьем сим,
И купно опасаясь гнева
Отцовского, — спешит туда,
Где вожделенна сердцу дева,
Светлана где живет млада.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Под тихим кровом ночи темной
Мстислав прокрался к тем местам.
Но как в чертог уединенный
Предстать Светланиным очам?
И ночью ж? Но всесильну злату
И просьбам дом отвóрен стал;

Введен рабыней, вшел внезапу
И изумившейся вещал:

«Нельзя мне долее таиться,
Давно плененному тобой!
Я слышал, — но могу ли льститься, —
Что не противен я драгой!
Могу ль сему поверить счастью?
Ответствуй мне, мой рок сверши!
Грядущий час грозит напастью
Тебе и мне — ах! поспеши!»

С любовью стыд в ней равносильны,
Но первая превозмогла;
Возведши робко взор умильный,
«Люблю тебя», — произнесла.
Сей взор Мстислава восхищает,
Бальзам в него слова те льют;
Он руку нежную лобзает
И вздохом зыблемую грудь.

Но дороги для них мгновенья,
И скоро во младых сердцах
Наместо сладка упоенья
Вселился справедливый страх.
Мстислав решается. «Драгая! —
Светлане он сказал своей, —
Пойдем, нас ждет страна иная,
Оставим град опасный сей!

Мой остров [1] пажитями красен,
Обширен мой престольный град,
Обилен, весел, безопасен,
Там ждет нас Леля, [2] бог отрад;
И жизнь свою отдам я прежде,
Чем милую!» Она на то:
«Даюсь тебе, моей надежде!
Жених мой ты или никто!»

---

[1] Остров Тмутараканский — ныне Таман.

[2] Леля — славенский Амур. Подробнее обо всех богах славенских, здесь и далее упоминаемых, можно прочесть в «Досугах» Попова и в «Абевеге русских суеверий» Чулкова, коим следовал автор.

Потом срядилась для дороги
Светлана скрытно ото всех;
Оставила свои чертоги
Со вздохом, — может быть, навек;
Но с нею шел любовник милый,
О чем еще ей горевать,
Какие Чернобожьи силы
Противу Лады могут стать!

Свою дружину собирает
Мстислав, тмутараканский князь;
С собою путь им назначает,
С любезной на коня садясь.
Сколь привлекательным находит
Она его в сей страшный час!
С младого рыцаря не сводит
Своих любующихся глаз.

И между тем их борзы кони
По усыпленным стогнам мчат.
Страшася каждый миг погони,
Любовники спешат, спешат.
Уже из Киева удачно
Предместьем выбрались глухим;
Вкруг их безмолвно всё и мрачно
По дебрям и горам крутым.

Спокойным села сном забылись,
На всё простерла ночь покров;
Во мраке туч от взоров крылись
И звезды, теремы богов.
Лишь вод Днепровых тихий ропот
Носился путникам вослед,
И эхо только конский топот
От гор горам передает.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

О Ладо, красоты богиня!
Любовников в пути храни:
Чиста их склонность и невинна,
Достойны счастия они.

ОПЫТЫ ЛИРИЧЕСКІЕ

И ДРУГІЯ МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ ВЪ СТИХАХЪ.

А. Востокова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

При Морской Типографіи, 1806 года.

Раздоры, бедствия рождает
И мучит нас твой горький Дид,[1]
Но Леля радость восставляет,
Сердца связует и мирит.

Владимир по уходе сына
Остался вне себя, не знал,
На что решиться: зла кручина
Рвала в нем сердце. Он пылал
Жаленья, гордости, любови,
Неистовства, стыда огнем.
Вдруг дышит мщеньем, жаждет крови;
Вдруг действует природа в нем.

Природа к сыну преклоняла,
Который так достоин был
Отца во всем; напоминала,
Что он такую полюбил,
Которую никто не может
Увидеть, не влюбясь; но вдруг
Опять свирепа ревность гложет,
Опять делят в нем страсти дух.

Какой конец борьба получит,
Какая страсть одержит верх?
И не родит ли новы тучи
Сей неожиданный побег?
Восстал Владимир, — но оставим
Великокняжеский терём
И за Светланою направим
Полет свой ясным соколом.

Сквозь дичь, сквозь мрак, на крыльях Лели
С дружиной верною своей
Светлана и Мстислав летели.
Они уже среди полей
Переяславских; но Зимцерла

---

[1] Дид — противный Леле бог, что заключают из припева: Дидо калина, Леля малина. Автор разумел под именем Дида любовь несчастную, мучительную, а под именем Лели счастливую, сопровождаемую успехом и удовольствием.

Еще по небесам ковров
Своих червленых не простерла,
И не был ночи снят покров.

С полей же тех был виден славный
Надгробный памятник славян,
Еще до Кия, в веки давны
Насыпан кругл, высок курган.
Густою окружаясь рощей,
Над нею гордо возносил
Хребет свой, зеленью поросший,
И путника к себе манил.

Но страхом заперло дорогу
К нему сквозь лес дремуч и дик,
Затем что там имел берлогу
Разбойник Вепрь Железный Клык.
Он по три дни и по три ночи
Всё рыскал, — нé спал, не дремал;
Но снова богатырски очи
На столько ж суток он смыкал.

Мстислав без страху в лес пустился
И около кургана там
С дружиною расположился,
Дать отдых усталы́м коням.
В свои объятья взяв, ссажает
С коня Светлану юный князь;
Зеленый дерн их ожидает.
И вся по роще разошлась
Для стражи князева дружина.

Отрадной мыслию полна
Душа Владимирова сына:
«Она со мной! Моя она!»
Стыдлива, юная девица
С любезным женихом своим
На травку мягкую садится,
Беседуя приятно с ним.

Наговориться, наглядеться
Не может милая чета;

Что речь, что взгляд — то вздох их сердца,
И часто сходятся уста,
Рука жмет часто руку нежно,
Огонь блистает во очах;
Клянутся друг ко другу вечно
Живейшу страсть питать в сердцах.

Но вдруг восторг их прерывает
Ужасный топот, шум и крик.
И — некто черен выезжает
Из-за кургана в тот же миг.
Сидит на аргамаке чалом,
При бéдре светлый меч висит,
Шелом с опущенным забралом,
Копье в десной, а в шуйце щит.

Он, к двум сидящим прискакавши,
Невнятно, глухо провещал:
«Ба! я прервал утехи ваши,
На счастие же я попал!..
Послушай! чур со мной делиться!
Сейчас мне дéвицу отдай;
Или — решись со мною биться
И тяжесть сей руки узнай!

Что смотришь? Нет тебе подмоги,
Твоя дружина пала вся,
И сам ты здесь подкосишь ноги!
Сдавайся, — *Вепрь-разбойник я*!»
Тмутараканский князь, в безмерной
Досаде от помехи сей,
Воскликнул гневно: «Дерзновенный,
Пришел за смертью ты своей!»

Со смехом черный отвечает:
«Хотелось бы увидеть мне —
Язык твой много обещает! —
Таков ли храбр ты на коне,
Как на траве с младой девицей?»
Мстислав, досадою горя,
Схватил копье — скок нá конь, мчится,
Летит на грозного *Вепрń*.

Что сталось, нежная, с тобою!
Что чувствовала ты в тот миг,
Когда к кровопролитну бою
Возлюбленный твой тек жених!
Ты тщетно робкий взор вперяла,
Чтоб по́ виду врага узнать:
Лицо — решеткою забрала,
Весь стан закрыт железом лат.

Уж остры копья притупили,
В листовые щиты вонзив,
И светлы сабли обнажили,
Поспешно с седел соскочив,
Сошлись для страшного сраженья.
Кольчуги, шлемы их звучат,
От тяжкого мечей паденья
С доспехов иверни летят.

Мстислав противнику полшлема,
Мечом ударив, отделил
И сшиб с главы, но в то же время
Его меч вражий улучил.
Он побледнел, поник — из раны
Кровь жарким брызнула ручьем!
Раздался жалкий вопль Светланы
При нестерпимом виде том.

Но вид еще иной открылся:
Расколот шлем, лишен подпруг,
С черноодетого скатился...
Лицо его наруже вдруг.
Светлана вскликнула: «Владимир!»
«Отец мой!» — вскрикнул юный князь...
— «Так; помиримся, сын любимый!
Огнь ревности моей погас».

Вещал — и, нежно беспокоясь
И с ужасом откинув меч,
С себя срывает белый пояс,
Чтобы скорее кровь пресечь,

Текущу из сыновней раны;
Причем без зависти он зрит
Пособье плачущей Светланы
И попеченье с ней делит.

От тяжка шлема разрешает
Светлана юноше главу,
Поддерживая, лобызает, —
Он опустился на траву.
Владимир рек: «Обуревала
Меня неукротима страсть;
Но се природа восприяла
Свою над отчим сердцем власть.

А ты, невинная причина
Того, что я, забыв родство,
На кровного стремился сына,
Ввергал во гроб себя, его, —
Светлана! будь ему женою.
Тебе Мстислав, я знаю, мил,
И обладание тобою
Своею кровью он купил!»

Откуда ж вдруг взялся́ Владимир
И как бегущих он настиг?
И в грозное облекся имя:
Разбойник Вепрь Железный Клык?
О сем потщися нам поведать,
Баяне вещий древних лет! ..
Не мог ли вмиг Владимир сведать,
Что в Киеве Светланы нет?

Разосланы гонцы. Открылся
Бегущих след. Немедля сам
Владимир на коня садился,
Сверкнувшим в нем тогда мысля́м,
«Чего царю свершить не можно,
Как если на́ сердце он взял?»
Конечно, так. Но, думать должно,
Разбойник Вепрь тогда дремал,

К стопам Владимировым пали
Светлана и младой Мстислав
И в онеменьи пребывали, —
Но царь, их ласково подняв,
Сказал: «Возлюбленные чада,
Забудьте все напасти вы,
Меня связует с вами Лада
Узлом родительской любви!

А ты мне в силе мышцы равен,
Храбрейший из сынов моих!
И бой для нас обоих славен. . .»
На то Светланин рек жених:
«Он славен, — я не чту позором,
Что побежден рукой отца;
Но ты бы мог единым взором,
Единым манием лица

Меня сразить: зачем ты крылся?»
— «Мой сын, любовь равняет всех;
Отцовской властью я стыдился
Над солюбовником взять верх.
Мечтами страсти ослепленный,
Я думал храбростью одной
Стяжать красы ее бесценны —
И кровью залил пламень свой!

Но искре б не затлеться прежней,
О дщерь моя! не изъявляй
Мне благодарности столь нежной,
Мстислава одного ласкай!
Пойдем, помыслим об отъезде
Теперь заранней в Киев-град.
Вблизи отсель, с моими вместе,
Все спутники твои стоят».

Тогда явилась колесница,
Везома парою коней.
С девицей юноша садится,
А между их Владимир в ней.
В глубоки мысли погруженный,
Что над собой победу взял,

В душе, борьбою утомленной,
Казалось, он триумф держал.

Триумфу оному златая
Была добыча: связь сердец;
Признательность, любовь святая
Несли над ним торжеств венец.
Но приобре́теньем Светланы
И отчей благостью Мстислав
Утешен, не болел от раны,
Был взором светл и телом здрав.

Наставшу утру возвратился
Мстислав с Светланой в Киев-град,
В семь дней от ран он исцелился,
В осьмой был свадебный обряд.
И брачну песнь гремят Баяны,
Цветет отрадой княжий дом,
За скатерти садятся браны,
И турий [1] рог пошел кругом.

Январь 1802

11. ПОЛЕНЬКА

Элегия

◡◡ — ◡◡◡ — ◡◡
◡◡ — ◡◡◡ — ◡◡ — ◡◡

Пусть другие хвалят Киев-град,
Или матушку Москву белокаменну,
Или Тулу, или Астрахань,
Или Низовски края хлебородные, —
Не прельстит меня ни тихий Дон,
Ниже Волга, сто градов напояюща;
Всех приятнее Нева-река:
На брегах ее живет моя Поленька.
И струи ее лазоревы
Часто Поленьке моей служат зеркалом, —

---

[1] Бычачий рог, каковый употребляли на пиршествах вместо чаши, из оного пили мед, как видно по древним русским стихотворениям. На пиршествах у князя Владимира обыкновенно подносили богатырям чару зелена вина и турий рог меду сладкого.

Днем ли черпает прохладу в них,
Или утром красоте омовение.
Встав с зарей, она к окну идет
Между розами вдохнуть свежесть утренню;
Днем из терема отцовского
В легком платьице спешит в зелен сад гулять;
Тихим вечером любуется
Вдоль по каменным мосткам. Но охотнее
В тишине тенистой рощицы,
На цветущих островах ходит Поленька,
То с любезными подругами,
То задумчиво одна-одинешенька;
В светло-русых волосах ее,
Перехваченных венком, легкий ре́звится
Ветерочек, навевает их
На прекрасные плеча, на высоку грудь,
Прохлаждает щечки алые
И дерзает — о, когда б ветерком я был! —
Но на травку села Поленька,
Устремила, вздохнув, на Неву свой взор.
Ах, по ком вздыхаешь, милая?
Отчего сия слеза в воду канула?
Не о суженом ли думаешь,
Не гадаешь ли уже о златом кольце?..
Если б мне судьба позволила
Сцеловать с твоих ланит слезы де́вичьи
И, прижав мое рети́вое
Сердце к сердцу твоему, перенять твой вздох!

Март 1802

12. ВОСТОРГ ЖЕЛАНИЙ

В 1802 году

Предметы сердца моего,
Спокойствие, досуг бесценный!
Когда-то обыму я вас?
Когда дадут мне люди время
Душе моей сказаться дома
И отдохнуть от всех забот?
Когда опять я, не с чужими,
Найду себя — златую лиру,

Венчанну розами, настрою
И воспою природу, бога,
И мир, и дружбу, и любовь?

Ах, долго я служил тщете,
Пустым обязанностям в жертву
Младые годы приносил!

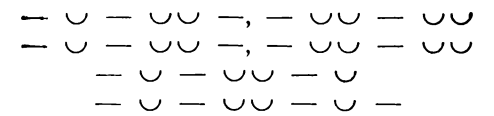
Нет, нет! — теперь уж иго свергну,
Надмеру долго угнетало
Оно мой дух, который алчет
Свободы! О, восстану я!
Направлю бег мой к истой цели
И презрю низких тварей цель.

Так, презрю всё! Но кто меня
Обуздывает? Кто дерзает
Восторгу отсекать крыле? ..
Не ты ль, судьба неумолима?
Не ты ли? .. Ах, итак мне снова
Тщеты несносной быть рабом?!

Спокойствие, досуг бесценный!
Когда-то обыму я вас?
Когда дадут мне люди время
Душе моей сказаться дома
И отдохнуть от всех забот?

1802

13. К А. Г. ВОЛКОВУ, В ДЕКАБРЕ 1802 ГОДА



Волков, милый певец! что ты молчишь теперь?
Ты своею давно анакреонскою
Лирой нас не пленяешь
И парнасских не рвешь цветов!

Что ты, друг мой, молчишь, точно как летние
Птички зимней порой? Или под бременем
Тяжкой скуки страдаешь,
Спутан сетью забот лихих?
Сбрось их, юноша, с плеч! Жить независимо
Должен тот, кто любим чистыми музами:
Должен жить — наслаждаться
И нетщетно в груди питать
Огнь, влиянный в него небом на то, чтобы
Жар свой в ближних сердца, свет свой в умы их лил.
Волков! о, посети же
Круг приятный друзей твоих.
С ними можешь забыть всё, что крушит тебя,
Можешь перебирать резвыми пéрстами
Лиру, сладкие песни
Петь, любовь и весну хвалить!
Пусть декабрь оковал воды, в снега зарыл
Луг, на коем цвели розы и ландыши, —
Чаши налиты пуншем,
Щеки девушек лучше роз!

Декабрь 1802

14. НАДГРОБНАЯ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ КОЗЛОВСКОМУ

Здесь Козловского гроб, ваятеля. Юный художник!
С чувством облобызай славного мастера лик
И из урны к себе вызывай Козловского гений,
Или же оный лови в произведеньях его:
В сладких ли мыслях над бабочкой юная Пси́хе мечтает,
Или, Эротов брат, нежный горит Гименей
В мягкой работе резца; дает ли резец сей Ираклу
Править фракийским конем, челюсти львины терзать,
Росский ли явлен Иракл, царей защитник — Суворов, —
Стань пред образы те, в них-то Козловский живет!

1802

15. ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЬ

1803

Май благодатный
В сонме зефиров
С неба летит,
Полною урной
Сыплет цветочки,
Луг зеленит,
Всех исполняет
Чувством любви!

Выйдем питаться
Воздухом чистым, —
Что нам сидеть
В мертвых стенах сих?
Душно здесь, пыльно, —
Выйдем, друзья!
Пусть нам покажет
Бабочка путь.

Там, где широко
Стелется поле
В синюю даль,
Вол круторогий
Пажить вкушает
В стаде телиц.
Прыткие кони
Скачут и ржут.

Вижу — от юга
Тянутся тучей
Лебеди к нам,
Ласточка в светлом
Небе кружится,
Мчится к гнезду.
Пахарь оставил
Мирный свой кров.

Он уж над пашней
В поле трудится;
Либо в саду
Гряды копает,

Чистит прививки,
По́лет траву;
Либо за птичьим
Смотрит двором.

Девушки сельски
Гонят овечек
Беленьких в луг.
Всё оживилось,
Всё заиграло,
Птички поют.
Радость объемлет
Душу мою!

Свесившись с хо́лма,
Смотрятся ивы
В зеркало вод.
Гибкие ветви
На́ берег злачный
Кинули тень.
Как здесь прохладой
Сладко дышать!

Слушать под тенью
Чирканье птичек!..
Ах! если б вдруг —
Птички, потише! —
Слышится шорох...
Лизанька, ты?
Тени, раскиньтесь!
Лиза со мной!

Апрель 1803

16. К СТРОИТЕЛЯМ ХРАМА ПОЗНАНИЙ

Вы, коих дивный ум, художнически руки
Полезным на земли посвящены трудам,
Чтоб оный созидать великолепный храм,
Который начали отцы, достроят внуки!

До половины днесь уже воздвигнут он:
Обширен, и богат, и светл со всех сторон;
И вы взираете веселыми очами
На то, что удалось к концу вам привести.
Основа твердая положена под вами,
Вершину здания осталося взнести.
О, сколь счастливы те, которы довершенный
И преукрашенный святить сей будут храм!
И мы, живущи днесь, и мы стократ блаженны,
Что столько удалось столпов поставить нам
В два века, столько в нем переработать ка́мней,
Всему удобную, простую форму дать:
О, наши статуи украсят храм познаний,
Потомки будут нам честь должну воздавать!
Как при́дут жертвовать в нем истине нетленной
И из источников науки не́ктар пить,
Рекут они об нас: «Се предки незабвенны,
Которы тщилися сей храм соорудить;
Се Галилей, Невтон, Лавуазье, Гальвани,
Франкли́н, Лафа́тер, Кант — бессмертные умы,
Без коих не было б священных здесь собраний,
Без коих долго бы еще трудились мы».
Итак, строители, в труде не унывайте
Для человечества! Уже награды вам
Довольно в вас самих, но большей уповайте:
Готовьтесь к звездным вы бессмертия венцам!

⟨1804⟩

17. ОДА ВРЕМЕНИ

1805

Мудрейший из богов, на коего всегда
Надежда смертного незыблема, тверда!
Тебе во сретенье все помыслы готовят,
    Тебя объятия и взоры ловят,
Как только вечности через высокий праг
    Занес ты первый шаг!

Все ждут, чтоб ты им *быть* и *жить* благословил.
Младенец требует к развитью жизни сил;

Цветущий юноша рад ею наслаждаться;
Муж опытный — плодом обогащаться;
А старцу бы почить по трудностях пути —
Тебе предел найти.

О Время! истине божественной отец!
О вечного добра и сеятель и жнец,
Трудись над жатвою твоею, над вселенной,
Но к нам в сопутстве дщери вожделенной
Приди! Врагов ее — неправосудье, ложь —
Развей и уничтожь!

Противустать тебе какое может зло?
Хотя бы тяжестью Кавказа нас гнело,
Ты приспеваешь к нам, судьбою уреченно,
И — сердце наше стало облегченно,
И там, где мрак в очах, сжимал где душу лед, —
Элизиум цветет!

Но если, сын небес, от оных ты приял
Росой забвения наполненный фиал,
Истнить все суеты, все скорби и печали, —
О, чтоб тому ж забвенью не подпали
И добрых доблести, и мудрых сладка речь —
Сии потщись сберечь!

Да озарят они еще и поздний век:
Свою изящность в них да у́зрит человек;
Учась Катоновым и Брутовым примером,
Играя с Ариостом и Гомером,
Да будет между тем он кротко сам влиян
Гармоний в океан!

Туда все существа, о Время, ты ведешь;
И богомысленный вселенныя чертеж
Свершается чрез то: от зла добро родится,
Из бедствий нам блаженство учредится.
Итак: по розам ли, по тернию ль твой путь —
Благословенно будь!

Октябрь 1805

18. «ОДА НА СЧАСТЬЕ» Ж.-Б. РУССО

Новый перевод в декабре 1805 года

Дающая успех развратнейшим злодеям,
Фортуна! долго ли ты будешь ослеплять
Сим ложным блеском нас, что вкруг тебя
рассеян?
Доколе нам твоих кумиров почитать
Служением бесчестным и бесплодным?
И прихотей твоих наряд
Всегда ли будет добр и свят
Перед лицом народным?

И худшие твои дела мы обожаем,
Когда венчает их удача — всё тогда
Велико, славно в них; пороки называем
Мы добродетелью изящной, без стыда,
Тебе бы лишь служили в угожденье,
И самый недостойный твой
Любимец есть для нас герой, —
В таком мы заблужденье!

Но сколько б титлами ни славились своими, —
Очами разума вблизи их разобрав,
Сих доблественных мужей, увы! найдем какими?
Безумцы, гордецы, презрители всех прав,
Неистовы, коварны и жестоки, —
Вот доблесть странная, где все
В едином собраны лице
Гнуснейшие пороки!

Премудрость истинных героев совершает
И зрит с высот своих, колико низки те,
Которых только длань Фортуны возвышает;
Нижé завидует, что рок, по слепоте,
Дарит победы им несправедливы:
Они, при всех своих делах,
Нередко суть в ее очах
Разбойники счастливы.

Что? — в страхе всю когда Италию представлю,
Весь Рим в крови — добром я Силлу помяну?
И Македонского за то царя прославлю,
За что я Аттилу как варвара кляну?
Приму я храбрость ту за добродетель,
Что в грудь мне хладно меч вонзит?
И должен я того хвалить,
Кто общих бед содетель?

Какие видим мы черты в бытописаньях,
Завоеватели свирепые, о вас?
О дерзких замыслах, обширных начинаньях —
Законных здесь царей престол тиран потряс,
Опустошает ратник сел обилье,
Огнем стремится грады стерть —
Там стар и млад приемлют смерть,
Там жен и дев насилье.

О, неразумные! о, сколь мы слепо судим,
Когда уже сии нас подвиги дивят;
Ужели царь велик в уничиженье людям,
И только ль славе он, вредом гремящей, рад,
Что грабежом себе, убийством стя́жет?
Сей образ на земле богов
Одним ли верженьем громов
Свою нам мочь окажет?

Но пусть бы не было без ратных дел возможно
И без трудов стяжать едину, прочну честь, —
Скажите, кто свои победы мог неложно
К искусству своему и к храбрости причесть?
Кому случайность тут не помогала?
Неопытен, строптив Варрон
Навлек Эмилию урон,
Прославил Аннибала.

Кому же истое припишем мы геройство
И слава, собственно, кому принадлежит?
Царю, в ком правота и мир — суть сердца свойство,
Который подданных блаженством дорожит;

Льстецов тенетами не уловленный,
Прямой Отечества отец,
Приемлет Тита в образец
К щедроте ежедневной.

Пусть тот, кто в храбрости всю добродетель ставит,
Себе бы Сóкрата вообразил царем,
Что вместо Клитова убийцы царством правит:
Примерный царь, — не царь, но бог сиял бы в нем,
Который осчастливит миллионы;
Но сколько бы, напротив, мал
На Сóкратовом месте стал
Завоеватель оный!

Престаньте ж, витязи, хвалиться тщетным видом
Лавровых сих венцов, на них же кровь и прах!
Тиран, сообщник хитр Антонию с Лепидом,
Вотще б рассеевал по всей вселенной страх:
Он Августом отнюдь бы не нарекся,
Когда б, в противность прежних дел,
О правде он не порадел
И в милость не облекся.

Несчастием свое геройство искусите,
О пресловутые геройские главы!
Измену счастия, не изменясь, снесите!
Пока оно вам льстит, дотоле мочны вы!
Но в малом чем запнет вас рок противен —
Личина сорвана долой,
Исчез блистательный герой,
И слабый смертный виден.

Немногие тому усилия потребны,
В завоеватели кто хочет быть включен;
Но тот, кто победить умеет рок враждебный,
Заслуживает быть Великим наречен.
Ничто его достоинств не отъемлет;
Тивериевых шум побед
И Варуса постигший вред
Он равнодушно внемлет.

В несчастьи никогда дух бодрый не теряя,
А упоение благополучных дней
Всегда спасительной боязнью умеряя, —
Биемый вихрем бед, он глубже и сильней
Во добродетели укоренится.
Фортуна может нас забыть,
Но мудрый должен твердым быть:
Судьба переменится.

Вотще Энею зло Юнона умышляла:
Премудрость! ты ему покров необорим:
Его потомков ты в несчастьях укрепляла,
Доколе наконец победоносный Рим
Пунически сверг стены в прах — сторицей
Своих героев смерть отмстил
И тамо лавры возрастил,
Где были кипарисы.

1805

19. ГИМН УСЛАЖДЕНИЮ

(Из Лафонтеновой «Amours de Psyché...»)

О Душенькино порожденье,
Которого она Амуру родила!
Божественное *Усладденье*,
Без коего б и жизнь не жизнью нам была!
Всех тянет твой магнит, всему дает движенье,
Мы для тебя несем опасности, труды:
И полководец, и простой воитель,
Последний раб и мощный повелитель —
Все пореваются для сей единой мзды.
Когда б и нам, питомцам Аполлона,
Себя хвалы молвой приятной не пленять
И льстивого сего для слуху звона
За весь наш труд себе в награду не вменять,
Зачем бы нам и сочинять?
Что пышно славою у нас именовали,
Сей Олимпийских игр венец,
Чем победителей увенчевали,

Не Услажденье ль то? Не ты ль кумир сердец?
И в самой неге чувств приманка не твоя ли?
Начто ж и Флорины рассыпаны дары?
И златозарен Феб восточный,
И вечер стелет узорочны
Ему из легких туч по небесам ковры?
Начто ж Помона снеди сочны
И Бахус славные дает пиры?
Тебе пременен вид богатыя природы,
Зелены пажити и сребряные воды,
Где ходишь с кроткою задумчивостью ты.
Твои же чада суть художества изящны,
Их звуки сладкие, их формы и цветы.
А милых девушек забуду ль красоты!..
Они твои священницы всегдашни.
О ты, которому в Элладе фимиам
Курился радостный под ясным небосклоном,
Которому учились там
И с Эпикуром, и с Платоном,
О Услаждение, приди, приди и к нам.
Не презри с нами жить: не будешь здесь без дела.
Есть игры, есть любовь у нас,
Есть музыке и книгам час;
Мы шумны города и тихи любим села,
И, словом, всё, чем жизнь весела
В разнообразностях своих оттенена;
И меланхолию, — в иной час и она
Есть Услаждение прямое.
Так осчастливь же нас присутствием своим,
Психеино дитя драгое,
А чтоб насытились вполне блаженством сим,
Продли нам веку вдвое, втрое,
Сто лет уж ровно оточти...
Чтоб сыту быть тобой, нам мало тридцати.

⟨1807⟩

20. БОГ В НРАВСТВЕННОМ МИРЕ

Да воспоет иной, с Клопштоком и Мильто́ном,
Миров и ангелов творца;
Или ко всецарю, в мольбе, псаломским тоном,
Свое и наше воскрилит сердца:
Природы в чудесах его изображает,
Величием его наш разум поражает.

Я в мире нравственном содетеля пою.
Не нужно отлетать мне в сферы неизвестны.
Земля, на коей мы дыши́м, — феатр нетесный,
Где узрю, господи, премудрость я твою!
В деяньях, в помыслах искать тебя я буду,
И в заблуждениях людских.
Ты сам невидимо присутствуешь повсюду;
Всё к исполнению намерений твоих!

Тобой рождаются, цветут, падут народы.
Что пало, вновь взойдет, и плод даст, что цвело.
Из свитка вечности ты развиваешь годы,
Несущи благо нам и зло.
Зло? — но оно таким для нас, для малозрящих!
Противно детям так целебно питие,
Чем против воли их, в болезнях, им грозящих,
Блюдут родители их нежно бытие.

Из нечетов лишь чет, из хаосов порядок —
Сии ты всем вещам законы начертал!
Ты хочешь, чтоб покой был утружденным сладок,
И да не по́жнет тот, кто нивы не вспахал.
В трудах и бедствиях лишь доблесть познается,
И мудрость лишь одним неленостным дается.

Но если видится нам злобы торжество,
Неправосудие коль правду угнетает,
Лукавство простоте коль сети соплетает,
Коль жертва сильного слабейше существо, —
Злодеев счастию завидовать не будем!
Земные благи все оставим в их руках:
Недостает сим жалким людям
Первейшего из благ —
Спокойствия души и сердца неукорна.

Блажен владеющий сокровищем таким!
Он если бы и пал плачевной жертвой злым,
Ему и смерть триумф — им жизнь гнусна, позорна.
Их души под бичом твоим.
Незримые твои удары настигают
Повсюду их. Вотще от оных убегают,
Жегомой совестью душе ища прохлад
В стяжаньях, в роскошах и в шуме ложной славы:
Им всяко место, всякий час им ад,
Коль путь оставлен ими правый.
Но тот, кто столько зол, что совесть заглушил,
Наказан самою бесчувственностью будет.
Помрет он скотски, так, как жил,
И заслуженного в сем мире не избудет
Ни злой, ни добрый человек.

Откуда мы пришли, куда пойдем — не знаем;
Но не без бога наш земной проходит век:
Не глас ли божий мы в самих себе внимаем,
Глас одобрений и упрек?
Не богом ли самим в нас светит разум здравый
Сквозь мрак безумия, с которым он в борьбе?
Сквозь беснование разврата добры нравы
Идут из века в век — не по его ль судьбе?
На всех твоя судьба, о боже, оправдится:
Без воли твоея ничто не совершится,
А воля есть твоя — порядок всех вещей.

И ежели доднесь убийственных мечей
И огнедышащих бойниц не покидаем,
Средь мира даже тысящью смертей,
Распутством, завистью, враждой себя снедаем, —
В том не иное зрю, как благотворный ветр,
Который бурями стихии очищает,
Застаиваться им мешает.
Он минет — и земля из освеженных недр
Нам жизни новые произведет с избытком,
И новый разольет нектар в эфире жидком.

Железо лютыя войны
Разбрет недро тишины,
И улучшается народов целых жребий.

Бич Божий — Аттила и грозный Тамерлан
Не на́век претворят края цветущи в степи;
Коммод какой-нибудь, неистовый тиран,
На человечество наложит тесны цепи
На малый токмо час. Оно все узы рвет
И с новой силою к добру свой и́мет ход.

Как мир физический живет *движеньем,*
Моральный мир живет к добру *влеченьем,*
И в боге обое соединенны суть.
Он движитель систем планетных,
Малейших и больших — равно нам неприметных;
И он же всем к добру, ко счастью кажет путь;
Вернейшим счастия залогом
Свой истый огнь — любовь вложивый в нашу грудь,
Не посему ли ты наименован *богом*[1]
Издревле от языков всех,
Которы естества смотрели чудный *бег,*
Там солнце и луну, там звезды, метеоры,
Здесь многоплодные поля, леса и горы, —
Младенческие их недальновидны взоры
В одних явлениях живоподобных тех
Тебя искали
И поклоненье им со страхом воздавали.
Но мы, питомцы опытных времен,
Превыше ставшие природных феномен,
Которы мыслию берем в свое подда́нство
Стихии, время и пространство, —
Познали, что сей мир, толикого добра
Вместилище, сей мир, толико благолепный,
Есть преходящая и грубая кора,
Под коею живет духовный мир бессмертный,
А оного душа и центр есть ты,
Источник истины, источник красоты!
Велик в явлениях физической природы,
Ее же действием и ходом правишь сам,
Но более велик в явлениях свободы,

[1] На трех известнейших нам коренных языках — греческом, немецком и славянском — примечено сие сходство этимологии: «феос» от глагола «фейн» (бежать), Gott от geht (идет), «бог» от «бегу», см. Лом⟨оносов⟩ «Ритор⟨ика⟩», § 83.

Тобой дарованной моральным существам!
Дар драгоценнейший! Дабы они равнялись
С тобой — своим бы лишь рассудком управлялись
В набрании себе путей:
Рабами ль быть, или — царями быть страстей.
В судьбе души своей всевластны,
Почтенны и тогда, когда чрез то несчастны, —
То заблужденный шаг *свободы* был,
Она ж всегда святее принужденья.
Инстинкт звериный чужд порока, заблужденья,
Зато лишен и тех парящих к богу крил,
Которы суть удел свободных, умных сил.
Как орлии птенцы расправят
Растущи перья мышц своих,
С веселием гнездо оставят,
Где воспиталося слепое детство их, —
Так точно человек, познав себя *духовным,*
Уже не прилеплен к земле:
Мерзя всем тленным и греховным,
Подымет ангельски криле —
И в лоно бога возлетает,
И черплет в полноту души оттоль *любовь,*
Которую потом на ближних изливает
Посредством дел своих и слов.

Любовию он строит грады,
Триумф и славу общежитий,
Ведет людей к законам правды,
Их *человечество* им чувствовать дая,
Любовью силен он над поздними веками;
И за священные дары ея
Достойно иногда могли прослыть *богами*
Благотворители, наставники людей.

Таков божественный был древле Моисей,[1]
Законодатели, святители, пророки,
Которых чистая душа и ум высокий —

---

[1] Моисей, названный в Библии человеком божиим, прослыл у аравитян и у других соседственных народов некиим богом, о коем дошло от них предание в Грецию под именем Аравийского Вакха, завоевателя Индии.

Изображения суть бога самого, —
Достойнейшие те возвестники его!
Венец на сей земле всех божиих творений
Есть человечества неутомимый гений,
Ему же покорен весь свет.
Трудам и розыскам его пределов нет;
Упорнейшие он преграды разрушает,
Себя и мир усовершает...
Зачем? — Изящное и доброе любя,
Он в мире и в себе желает зреть *тебя*!
О, если бы — кого зрит в мире вездесущим,
Того он зрел всегда в душе своей живущим
И шествовал того путем, —
Счастлив бы человек был в мире сем!
Его в объятия свои зовет Природа
И наслаждения чистейшие сулит,
Всяк возраст жизненный и всяко время года
Разнообразно веселит.
Забота бледная подчас его тревожит,
Болезнь и бедствие хотят его препнуть, —
Но трудность в нем охоту множит
Ко храму счастья досягнуть.
Любовь к отечеству и должность гражданина,
Любовь семейная, отца, супруга, сына —
Рождают много слез, но сколько ж и отрад!
А с бедным иногда и плакать кто не рад!
И все те сладости любовь нам доставляет, —
Любовь, которая симво́л твой составляет,
Всесохраняющий отец!..
Да принесут тебе все люди дань сердец!
Как утренний туман, исчезнет
Мрак умственный, душевный хлад,
И солнце милости воскреснет,
Чтобы проникнуть в самый ад.

Тогда твоя любовь землей возобладает,
Всех, всех обрадует златой ее восход,
Ожесточеннейший в лучах ее растает,
Как в теплом солнце вешний лед.

⟨1807⟩

21. К ЗИМЕ

В ноябре 1808 года

Приди к нам, матушка зима,
И приведи с собой морозы!
Не столько их нам страшны грозы,
Сколь сырость, нерешимость, тьма,
В которых гнéздится чума!
А от твоих лобзаний розы
У нас взыграют на щеках,
Из глаз жемчужны выжмешь слезы,
Положишь иней на висках,
И мы — как в сребряных венках.

Ах! долго ли нам грязнуть в тине
И мороситься под дождем?
Ноябрь у нас уж в половине:
Тебя теперь мы, зиму, ждем,
Приди, сбери в морщины строги
Умяклое лицо земли
И на святой Руси дороги
Пушистым снегом устели,
Чтоб наши радовались ноги.

Неву и Бельта воды бурны,
В которых нынешней порой
Не виден неба свод лазурный
И Феб на кои взгляд понурный
Бросает, лучше ты покрой
Своей алмазною корой!

И дай нам странствовать по суху
Над пенной хлябию реки;
Подставив под ноги коньки,
Крылатому подобно духу,
Не уступать в бегу коням,
Катиться легким вслед саням,

Саням, усаженным четами
Младых красавиц в соболях,
Под пурпурóвыми фатами.
Они на новых сих полях
Явятся новыми цветами,

Чтоб царство украшать зимы,
И с ними не озябнем мы!

Дохни, Борей, на нас сурово
И влажный осуши эфир, —
С тобою русакам здорово.
А ты, обманчивый Зефир,
Что веешь к нам с Варяжска моря,
Ты нам теперь причиной горя:
Ведь дождь и слякоть от тебя;
Поди ж и дуй своим поэтам,
Которы, и зимой и летом
Тебе похвальну песнь трубя,
Бесстыдно лгут пред целым светом.

Теплу и стуже время есть.
И то нам и другое в честь.
Не итальянцы мы, не греки,
Которым наших зим не снесть,
У коих не живут и снеги.
Они пусть хвалят злак лугов,
Журчащих ручейков прохладу,
И жизнь невинных пастухов,
И собиранье винограду:
Не чужды нам забавы их,
Но знают ли они отраду
Трескучих зимушек лихих?

Как под снегами зреет озимь,
Так внутрення в нас жизнь кипит
И члены ко трудам крепит.
Доколи бодрость в нас не спит,
Мы рук и ног не отморозим.
И русских удалых сынов
Так не обидела природа,
Чтоб им и помощь и покров
Не дать от мразов, хладов норда:
В лесах надолго станет дров,
И есть полезны там соседи:
Лисицы, волки и медведи —
Для теплых шуб обильный лов!

С куниц и с соболей пужливых
Драгие мехи совлекут,
Дубравы целые ссекут
Для топли изб гостелюбивых.

И если не ущедрил Вакх
Студеный край наш виноградом,
Довольны русским мы Усладом [1]
При добрых брагах и медах.

Конец 1807 или начало 1808

22. К ГАРПОКРАТУ

ОДА НЕМОГО

Священный бог молчанья,
Которому, увы! невольно я служу!
Несчастлив я и счастлив,
Что на устах моих твою печать держу.
Несчастлив, коль безмолвен
В беседе с добрым я и с умным. Ни излить
Пред ним советно мысли,
Ни время с ним могу приятно разделить!
Язык имея связан,
Истолкователя сердечных чувств и нужд,
Я должен, сжавши сердце,
Полезных многих дел и радостей быть чужд,
Которыми владеет
Последний из людей, когда он получил
Божественный дар слова,
Сего слугу ума и движителя сил.
Но мне, его лишенну,
Роптать ли и других завидовать судьбе?
Нет, я не мене счастлив,
Что скрыться иногда могу в самом себе,
С тобою, бог молчанья!
Когда злословием бываю оглушен
И диким пустословьем,
О радость! отвечать я им не принужден.

[1] Славянский бог пиршеств.

А. Х. Востоков

А. Х. Востоков

Могу лишь помаваньем
Главы иль знаками отделаться от них,
Ни в спорах бесполезных,
Нижé часы губя в учтивостях пустых.
И от пороков многих,
Молчанья строгий бог, меня ты оградил;
Я поневоле скромен,
Смирен и терпелив. Во мне ты притупил
Сей обоюдуострый
Опасный меч — язык. Ах! может быть, во зло
Он был бы мне и ближним?
Твое хранение меня от бед спасло.
Из сети искушенья
Не ты ли отрока меня еще извлек
И в сень уединенья
Принес, и чистых муз служению обрек?
Священный бог молчанья,
Которому, увы! невольно я служу,
Несчастлив я и счастлив,
Что на устах моих твою печать держу!

⟨1811⟩

23. ГИМН НЕГОДОВАНИЮ

(С греческого)[1]

Крилатое Негодованье!
Строгоочита Правды дщерь!
Жизнь смертных на весы кладуща,
Ты адамантовой своей уздою
Их бег порывистый умерь!

---

[1] У греков обоготворяема была Немезис, т. е. Негодование, возбуждаемое в нас всяким неправедным, гордым, обидным для человечества поступком. Богиня сия изображалась иногда с крыльями, приподнимающею покров на груди своей, с опущенным на оную взором, или пригнувшею локоть свой ко груди, как бы для вымеряния чего оным, или имеющею у ног своих колесо, а в шуйце — узду, или же держащею в руке колесо, пращу, узду и ветвь древесную. Почти все сии различные изображения Немезиды соединены в сем гимне, сохранившемся до нас с другими отрывками греческой поэзии. Сочинителем оного почитается некто Мезодим.

Не терпишь ты гордыни вредной
И зависть черную женешь,
А счастию — отцу гордыни —
Таинственным твоим, вечнобегущим
Превратность колесом даешь!

Невидимо следя за нами,
Смирительница гордых вый,
Склонив свои зеницы к персям,
Не престаешь неложным мерять лактем
Удел комуждо роковый.

Но и смягчись к проступкам смертных,
Судяще жизнь их правотой,
Крилатое Негодованье!
Тебя поем, тебя мы ублажаем
С подругою твоей святой,

Со Правосудьем грозномстящим!
Его же приближенье к нам
На крыльях, шумно распростертых, —
Смирит и гордость, и негодованье:
Ему послушен Тартар сам!

1812

24. К РОССИЯНАМ

В октябре 1812

Година страшных испытаний
На вас ниспослана, росси́яне, судьбой.
Но изнеможете ль во брани?
Врагу торжествовать дадите ль над собой?
Нет, нет! Еще у вас оружемощны длани,
И грудь геройская устремлена на бой;
И до конца вы устоите,
Домов своих, и жен, и милых чад к защите;
И угнетенным днесь Европы племенам
Со смертью изверга свободу подарите:
Свой мстительный перун вручает небо вам.

Вотще сей бич людей, одет в броню коварства,
Не могши лестью вас, как прочих, уловить,
Всю сóбрал мощь свою, все покоренны царства
Свои привел, чтобы Россию подавить.
Вотще граблением питает ратны силы,
Как саранчу пустив по селам и градам.
Не снедь обильную они находят там,
        Но цепи и могилы;
      Проклятие и вечный срам
      Сбирают в дань Наполеону!

Но Александру в дань — бесчисленных сердец
Любовь. Она есть страж, она подпора трону,
Когда царь не тиран, но подданных отец.
Не ты, о добрый царь, не ты для бренной славы
        Чингисов и Аттил
      Покой народов возмутил,
      Но твой противник, муж кровавый,
В вертеп разбойничий Европу обратил.
      Он утомил твое терпенье,
Друг человечества! Ты должен был извлечь
Молниевидный свой против злодея меч
И грозное свершать за всех людей отмщенье.

      Ты верный свой народ воззвал,
И мирный гражданин бесстрашный воин стал,
      Вожди явились прозорливы,
          И вражьи замыслы кичливы
Уничтожаются. Кутузов, как Алкид,
Антея нового в объятиях теснит.
От оживляющей земли подняв высоко,
Собраться с силами ему он не дает.
Стенающий гигант, вращая мутно око,
Еще упершеюсь пятою в землю бьет.
Дыханье трудно в нем, с него пот градом льет,
Еще последние он силы напрягает,
Из уст злохульных яд и пламень изрыгает;
Но сильная рука его отвсюду жмет.
          Чудовища, ему послушны, —
Подобье басненных кентавров и химер —
Лежат вокруг его изъязвлены, бездушны.
Там Витгенштейн троим драконам жало стер.

Но изочту ль вас всех, герои знамениты,
Которыми враги отражены, разбиты
И коих доблестью Россия спасена?
Священны ваши имена
У благодарного останутся потомства.

И вы, которые легли на брани сей,
Встречая славну смерть средь Марсовых полей
Или от лютости врагов и вероломства,
Стяжавшие себе плачевный мавзолей
Под пеплом городов! усопших россов тени!
Вы с пренебесных к нам взираете селений
И утешаетесь, достойну видя месть
Врагам, забывшим честь.

Мы оскверненную от них очистим землю
И возвратим себе и всем народам мир.
Трясыйся, хощет пасть страшивший их кумир,
Я звук его паденья внемлю,
Для слуха моего сладчайший лир!
С падением его подъемлется Россия,
Венчанна славою. Как солнце после бурь,
Яснее озарив небесную лазурь,
Прострет на всё свои влияния благия:
Растенья нову жизнь в лучах его пиют,
Стада выходят в луг и птички вновь поют.
Так оживем мы все, гремя победны песни
И прославляя мир, благое божество.
Тогда разделят все россйян торжество,
Тогда и ты, Москва, священный град, воскресни,
Как Феникс златокрыл из праха своего!

Октябрь 1812

25

Я — русский; верности и веры не нарушу.
Ты тело мне клейми,
Не запятнаешь душу!
А руку и с клеймом, изволь, — себе возьми!

⟨1813⟩

26. РОССИЙСКИЕ РЕКИ

В 1813 году

«Беспечально теки, Волга-матушка,
Через всю святую Русь до синя моря;
Что не пил, не мутил тебя лютый враг,
Не багрил своею кровью поганою,
Ни ногой он не топтал берегов твоих,
И в глаза не видал твоих чистых струй!
Он хотел тебя шлемами вычерпать,
Расплескать он хотел тебя веслами;
Но мы за тебя оттерпелися,
И дорого мы взяли за постой с него:
Не по камням, не по бревнам мы течем теперь,
Всё по ядрам его и по орудиям;
Он богатствами дно наше вымостил,
Он оставил нам все животы свои!» —
Так вещали перед Волгою-матушкой
Свобожденные реки российские;
В их сонме любимы ее дочери
Ока с Москвой негодующей,
И с чадами своими сердитый Днепр,
Он с Вязьмой, с Вопью, с Березиной,
И Двина терпеливая с чадами,
С кровавой Полотой и с Улою.
Как возговорит им Волга-матушка:
«Исполать вам, реки святой Руси!
Не придет уж лютый враг нашу воду пить:
Вы славян поите, лелеете!»

1813

27. СВИДАНИЕ С МУЗОЮ

«Где ты так долго гостил, мой беглец?» — «Ах, мало ли где я
Был, расставшись с тобой? Там, у восхода горы,
Я забрел в вертеп к *Грамматике*, к оной Сивилле,
Дух имущей пытлив: закабалила меня!
Корни слов послала копать, в стебельки, в лепесточки
Расщипать для нее нежны цветы языка.

В сей работе меня нашли проезжие, взяли
В город с собой — научить дельному, в люди пустить.
Вырвали тут из рук моих и лукошко с корнями,
Кои я накопал, ах! и священный твой дар,
Муза, сняли с меня за плечами висевшую лиру,
И побросали во прах всё, чем я дорожил.
Тщетно я умолял их пустить меня на свободу,
Брошенной ими под куст лиры глазами искал.
С хладной насмешкой мне жестокие так говорили:
«Лета мечтаний прошли, дельным займися теперь.
Труд и заботу возьми в сопутники к храму Фортуны,
С горем носи пополам знаки приязни ее!»
Я вздыхал и нехотя шел с трудом и заботой;
Часто грустил по тебе, спутнице прежней моей».
— «Кто же избавил тебя от их тиранства и лиру
Отдал обратно тебе?» — «Тронут моею мольбой,
Зевс послал Эрмия прогнать от меня бледнолицых
Слуг Фортуны — сует. Он кадуцеем своим
К ним прикоснулся — вздремали. Меня он свободного вывел
На тропу, где я лиру оставил свою.
Там еще она лежала, и ржавые струны
Проросли травой, сладостный тон в ней заглох.
Ты настроишь ли мне ее вновь, благодатная Муза?»
— «Попытаюсь, но нет, всё уже лира не та.
Я подарю тебе другую, с пониженным тоном,
Воспевать не мечты юности, и не любовь —
Воспевать деянья мужей и строгую мудрость».
— «Ах! позволь мне еще юность воспеть и любовь».

28. П. А. С.

Давно я с музой разлучился,
Играть на лире разучился,
Корплю час целый над стихом.
Когда вы от меня хотите
Стихов в прекрасный ваш альбом,
Ах! тот огонь мне возвратите,
Которым прежде я горел,
Когда любовь и дружбу пел.

Но будете ль хоть сим довольны
Желаньем искренним моим,
Чтоб счастье, радость, дни раздольны
Лилися с неба вам двоим
С супругом вашим, чтоб не знали
В свой век ни скуки, ни печали
И чтоб вы нас не забывали.

29

Когда-то, милый друг, удастся нам опять
В спокойной хижине, для мудрых столь любезной,
Пред светлым камельком двух-трех друзей собрать
В кружок доверенности тесной
И там за налитым стаканом толковать
О всякой всячине, приятной и полезной...

СЕРБСКИЕ ПЕСНИ

30. БРАТЬЯ ЯКШИЧИ

Месяц журил звезду-денницу:
«Где ты была, звезда-денница?
Где ты была, где губила время
Три белых дня?» В ответ денница:
«Пробыла я, провела я время
Над белокаменным Белградом,
Глядя на великое чудо,
Как делили отчину братья,
Якшичи братья, Дмитрий с Богданом.
Отчину дружно они поделили,
Все города и земли без спору,
Пополам разделили Белград.
Спор у них вышел только за малость:
Конь вороной и сокол чьи будут?
Себе, как старшему, требует Дмитрий
Сокола и коня вороного;

Не дает ему, не уступает
Богдан ни того, ни другого.
Наутро, чуть свет, взял Дмитрий
Сокола и коня вороного,
Едет в горы на лов. Выезжая ж,
Призвал любу[1] свою, Ангелию:
«Моя верная жена, Ангелия!
Отрави мне брата Богдана;
Если ты его не отравишь,
Не жди меня к белу двору обратно».
То услышав, люба Ангелия
Садилась невесела, кручинна;
Размышляет так сама с собою:
«Чего хочет та зловещая кокушка!
Чтоб я деверя моего отравила, —
Перед богом мне будет грех великий,
Пред людьми укор и бесчестье;
Укорит в глаза старый и малый:
Это та несчастная, скажут,
Что деверя своего отравила!
А ежели его не отравлю я,
Не смею во двор ждать мужа!»
Всё обдумав, придумала одну мысль.
Идет она в глубокие подвалы,
Берет молитвенную чашу,[2]
Скованну из чистого злата,
Которая от отца ей досталась,
Вином ее червленым наливает
И приносит к деверю с поклоном,
Полу платья и руку целует:
«Прими от меня, милый деверь,
Тебе кланяюсь вином и чашей:
Подари коня и сокола мне!»
Жалко стало ее Богдану,
Подарил коня и сокола ей.

---

[1] Люба — по-сербски: жена, супруга. Мы позволили себе употребить и в русском переводе сие поэтическое слово.

[2] У сербов, когда сваты придут в дом невесты, отец ее выносит к ним новую чашу, из которой они пьют за здоровье. Потом, при обряде венчания, из той же чаши поят вином жениха и невесту. Эта чаша, называемая молитвенною, отдается новобрачной, которая хранит ее у себя, для памяти, по смерть.

Дмитрий ездил целый день за охотой,
Ничего не поймал, не наездил.
Уже под вечер привел его случай
В горах ко озеру зелену.
На озере утица златокрыла.
Пустил серого сокола Дмитрий,
Чтоб утицу поймал златокрылу;
Но она не только не далася,
Сама серого сокола схватила
И правое крыло ему сломила.
Как увидел то Якшич Дмитрий,
Сбросил с плеч он цветное платье,
Вплавь по озеру тихому пустился
И на сушу сокола вынес.
Потом серого сокола спросил он:
«Каково тебе без крыла, серый сокол?»
Ему сокол писком отвечает:
«Без крыла моего таково мне,
Как брату одному без другого».
Тогда Дмитрий с раскаяньем вспомнил,
Что он отравить велел брата.
Сел скорее на коня вороного
И погнал что есть мочи к Белграду —
Не застанет ли в живых еще брата.
К Чекмек-мосту пригнав, понуждает
Коня мост переехать скорее;
Сквозь мост коню ноги попали,
Конь выломал передние ноги.
Себе видя невзгоду такую,
Снял Дмитрий седло с вороного,
На булаву на пернату седло вздел,
Скорым шагом потек ко Белграду.
Пришел, прямо к жене обратился:
«Ангелия, моя верная люба!
Ты брата мне не отравила?»
Ангелия ему отвечает:
«Я брата тебе не отравила,
А еще тебя с братом помирила!»

⟨1825⟩

31. СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ

Девушка с юношей крепко любились,
Одной водой они умывались,
Одним полотенцем утирались.
И никто не знал о том всё лето.
На другое лето все узнали;
Отец, мать им знаться запретили,
Девушку с юношей разлучили.
Добрый мо́лодец звезде поручает
Сказать от него душе-девице:
«Умри, драгая, поздно в субботу,
А я за тобою рано в воскресенье».
Что сказали, оба исполняют:
Умерла девица поздно в субботу,
Умер добрый молодец рано в воскресенье.
Друг подле друга их схоронили,
Руки в земле им соединили,
В руки им дали по яблоку зелену.
Протекло за тем малое время —
Выросла над мо́лодцем зеленая сосна,
Вырос над девушкой куст алой розы.
Вьется куст розовый около сосны,
Как вокруг пучка цветов ниточка шелку.

⟨1825⟩

32. СТРОЕНИЕ СКАДРА [1]

Город строили три брата родные,
По отечеству Мрля́вчевичи братья,
Один был брат Вукашин краль,
Другой Углеша воевода,
А третий Мрлявчевич Гойко;
Город строили Скадар на Бояне. [2]

---

[1] Из «Сербских народных песен», кн. II, № 5.

[2] Скадар — сербское название города Скодры или Скутари в Албании. Бояна — имя реки.

Строят три года, мастеров триста,
И не могут скласть删основанья,
А того меньше города построить.
Что в день они выведут строенья,
То всё Вила[1] за ночь разрушит.
Уж когда наступил год четвертый,
Тогда с гор провещилась Вила:
«Ты не мучь себя, Вукашин краль,
И не трать казны понапрасну:
Не скласть тебе, кралю, основанья,
А того меньше города построить,
Пока не найдешь ты приличных
Два имени: Стою и Стояна,
Чтоб были то брат и сестрица.
Когда их заложишь в основанье
Под башню — тогда будет твердо,
И тогда ты выстроишь город».
Как услышал то Вукашин краль,
Призывает он слугу Десимира:
«Десимир, мое чадо дорогое!
Ты был мне верным слугою,
Отныне зову тебя сыном:
Бери, сын мой, коней и колымагу,
Бери с собой сокровищ шесть вьюков,
Поезжай по белому свету
Искать два имени приличных,
Отыскивать Стою и Стояна,
Чтоб были брат и сестрица.
И похитишь ли их где, или купишь,
Привези их к Скадру на Бояну —
Заложить под башню в основанье:
Авось либо будет оно твердо,
Авось либо выстроим мы город!»
То услышав, Десимир поспешает,
Берет коней и колымагу,
Берет с собой сокровищ шесть вьюков

[1] Вила. Так называют сербы баснословное существо, подобное нашей Русалке. Вилы живут на высоких горах и на прибрежных скалах. Их воображают молодыми, прекрасными, одетыми в тонкое, белое платье. Долгие их волосы распущены по плечам и по груди. Они не делают зла никому, разве только кто их оскорбит (наткнувшись на их хоровод, и т. под.); того они убивают стрелами.

И едет по белому свету
Искать два имени приличных,
Отыскивать Стою и Стояна.
Он целые три года ищет;
Не нашел приличных имен двух,
Не нашел он Стои и Стояна.
И вернулся к Скадру на Бояну.
Отдает кралю коней и колымагу,
Отдает ему сокровищ шесть вьюков:
«Вот, краль, твои сокровища обратно;
Не нашел я приличных имен двух,
Не нашел я Стои и Стояна».
Как услышал то Вукашин краль,
Он позвал опять зодчего Рада,
Тот работников своих трехсот,
И опять строят Скадар на Бояне.
Что построят, то Вила разрушит,
Не дает положить основанья,
А того меньше города построить.
Тут опять с гор провещалась Вила:
«Эй, не мучь себя, Вукашин краль!
Не трать казны понапрасну:
Тебе не скласть основанья,
А того меньше города построить;
Но вас трое братьев, и каждый
Имеет свою верную любу.
Чья выйдет утром на Бояну
И вынесет работникам завтрак,
Ту под башню в основанье закладите —
И будет твердо основанье,
И вы состроите город».
Как услышал то Вукашин краль,
Призвал он братьев родимых:
«Вы слышали ль, братья дорогие,
Что Вила с гор провещает:
Мы тратим казну понапрасну,
Не дает Вила скласть основанья,
А того меньше города построить;
И что она еще объявляет:
Нас трое братьев, и каждый
Имеет свою верную любу.

Чья выйдет утром на Бояну
И вынесет работникам завтрак,
Ту под башню нам закласть в основанье,
И будет основание твердо,
И мы тогда город состроим.
Дадим же слово верное друг другу
Не сказывать о том нашим любам,
А лучше оставим на удачу,
Чьей жене роковой будет выход!»
И дали в том слово друг другу.
Домой пришли вечером поздно,
И после господской трапезы
Всяк с женой опочить удалился.
Но послушайте великого чуда!
Вукашин краль слово нарушил,
Он первый открыл своей любе:
«Берегись, моя верная люба,
Выходить завтра утром на Бояну,
Выносить работникам завтрак!
Пойдешь — свою голову погубишь!
Закладут тебя под башню в основанье».
И Углеша слово нарушил,
И он объявил своей любе:
«Смотри, в обман не вдавайся,
Не ходи завтра утром на Бояну
Выносить работникам завтрак:
Пойдешь, моя милая, — погибнешь,
Закладут тебя под башню в основанье».
Млад Гойко слова не нарушил,
Ничего он не сказал своей милой.
Наутро раным-раненько
Встают братья, выходят на Бояну,
Туда, где строится город.
Вот пора уже нести завтрак.
Госпожи была очередь кралицы,
А она говорит своей невестке,
Невестке, Углешиной любе:
«Невестушка, мне неможется что-то,
Голова болит, идти я не в силах.
Снеси-ка ты работникам завтрак!»
Жена Углешина ей отвечает:
«Ах, невестушка, госпожа кралица,

У меня рука болит, невмочь мне,
Попроси младшую невестку!»
Она просит младшую невестку:
«Невестушка, Гойковица, свет мой!
Голова болит, идти я не в силах,
Снеси-ка ты работникам завтрак».
Но Гойкова жена молодая
Представляет ей свои недосуги:
«Матушка, госпожа кралица,
Я охотно б тебе услужила, —
Дитя глупое у меня не обмыто,
Да и белое не выстирано платье».
— «Ничего! — говорила кралица. —
Ты снеси только работникам завтрак,
А я твое выстираю платье,
Невестка дитя твое обмоет».
Нечем Гойковой жене отговориться.
Понесла она работникам завтрак.
Как пришла на реку, на Бояну —
Увидал ее Мрлявчевич Гойко,
Разгорелось в нем ретивое сердце:
Жаль ему верныя любы,
Жаль ему дитяти в колыбели, —
Дитяти месяц только минул!
У молодца выступили слезы.
Приметив то, жена молодая
К нему кроткой поступью подходит
И тихою речью вещает:
«Что сталось тебе, милому другу?
О чем ты слезы роняешь?»
Отвечает ей Мрлявчевич Гойко:
«О горе мне, моя верная люба!
У меня было яблоко золотое,
Оно пало сегодня в Бояну, —
О том плачу я, о том не утешусь!»
— «Не кручинься, — говорит она мужу,
Тебе бы только бог дал здоровье,
Собьешь себе яблоко и получше».
Тогда жалость им пуще овладела,
И он в сторону сам отвернулся,
Чтоб больше не видеть своей милой,
А другие два брата подскочили,

Два деверя Гойковой молодицы,
Ее взяли за белые руки,
Повели на закладку основанья.
Они кликнули зодчего Рада,
Тот своих работников сзывает.
Но смеется тому молодица,
Она думает: шутку с нею шутят.
Поставили ее на закладку,
И все триста работников разом
Прикатили каменьев и бревен,
Обложили ее до колена.
Еще-таки смеется молодица,
Еще думает, что все с нею шутят.
Но те свое дело продолжают:
Нанесли каменьев и бревен
И до пояса ее обложили.
Гнетут ее каменья и бревна.
Тогда видит, что ей, бедной, готовят,
И завопила жалобным воплем.
Умоляет она деверьев милых:
«Не давайте, если бога боитесь,
Закладывать каменьем молодую!»
Умоляет, но всё бесполезно;
Деверья на нее и не смотрят, —
Уже ей не до стыда и зазора.
Обращается к мужу и просит:
«Не давай меня ты, милый друг мой,
Закладывать каменьем молодую!
Пошли к моей матушке старой,
У матушки довольно богатства:
Пусть купит тебе раба или рабыню,
Чтоб под башню заложить в основанье».
Умоляет, но всё безуспешно.
Как увидела злосчастна молодица,
Что все ее просьбы напрасны,
Обращается она к зодчему Раду:
«Будь мне братом по богу, о зодчий!
Оставь для грудей моих оконце
И высунь мои белые груди:
Принесут как если младенца,
Моего несчастного Иову,
Пососал бы дитя моей груди».

Исполнил то желание зодчий,
Оставил для грудей ее оконце
И высунул ее белые груди, —
Принесут когда бедного Иову,
Пососал бы дитя ее груди.
Опять зодчего бедная просит:
«Будь мне братом по богу, о зодчий!
Оставь еще для глаз моих оконце,
Чтоб глядеть, как из дому будут
Приносить ко мне Иову младенца
И прочь относить когда будут».
И то зодчий желанье исполнил:
Оставил для глаз ее оконце,
Чтоб глядела, как из дому будут
Приносить к ней Иову младенца
И прочь относить когда будут.
И так ее в стену заградили.
Приносят дитя из колыбели,
Она грудью его кормит с неделю,
Чрез неделю голос потеряла.
Но младенца еще грудь ее питала,
Целый год его той грудью кормили.
Как тогда было, так и осталось:
Молоко оттоль течет и поныне —
Для чуда и для исцеленья,
У которой жены молока нет. [1]

(1826)

---

[1] Издатель сербских песен, Вук Стефанович, замечает, что между земляками его носится молва, будто бы и поныне из того окошка, где продеты были сосцы, течет какая-то жидкость, сгущающаяся по стене в виде известки. Ее носят при себе и, разведенную водою, пьют женщины, у коих нет молока или у коих болят сосцы.

И. П. ПНИН

Иван Петрович Пнин родился в 1773 году. Он был незаконным сыном фельдмаршала Н. В. Репнина и по этой причине носил лишь вторую половину фамилии своего отца. Отчество же свое Пнин, вероятно, получил от крестного отца. Кем была мать Пнина и где он родился, осталось неизвестным.

В отличие от других незаконных детей Репнина, Пнин все-таки пользовался некоторым вниманием со стороны отца, по крайней мере в детские и отроческие годы. Ему было выхлопотано дворянское звание, а в 1782 году он был определен в Благородный пансион при Московском университете, прославившийся еще в XVIII веке интересом его воспитанников к литературе и сочинительству. Возможно, что именно к этим годам относятся ранние, не дошедшие до нас поэтические опыты писателя (по словам биографа Н. П. Брусилова, Пнин рано обнаружил свое творческое дарование: «в младенчестве еще сочинял стихи»[1]). Через пять лет, по воле отца, он был переведен из московского пансиона в петербургский Артиллерийско-инженерный шляхетный кадетский корпус, который закончил в 1789 году. Будучи артиллерийским офицером русского флота, он в следующем году участвовал в русско-шведской войне (1788—1790).

Большого влечения к военной службе Пнин, видимо, не испытывал. В 1797 году он выходит в отставку и поселяется в Петербурге. Здесь он сближается с А. Ф. Бестужевым, отцом будущих декабристов, и совместно с ним выпускает в 1798 году «Санктпетербургский журнал». Издание субсидировали наследник престола Александр и его друзья — Н. Н. Новосильцев, граф П. А. Строганов и князь А. Чарторыйский, оппозиционно настроенные к павловскому режиму.

---

[1] «Журнал российской словесности», 1805, № 10, с. 60.

Основной целью журнала была пропаганда просветительских взглядов. Пнину удалось напечатать перевод трех глав «Системы природы» и восьми глав «Всеобщей морали» известного французского просветителя-материалиста Поля Гольбаха. Эта публикация по тем временам была большой смелостью.

Многие как прозаические, так и стихотворные произведения, помещенные в журнале, принадлежали Пнину. В обстановке усилившейся реакции издание Пнина и Бестужева резко выделялось передовыми взглядами его сотрудников. Может быть, именно по этой причине оно просуществовало всего один год.

После дворцового переворота 1801 года и вступления на престол Александра I Пнин, увлеченный надеждами на нового царя, поступает на службу письмоводителем канцелярии Государственного совета, а в 1803-м — экспедитором вновь созданного Министерства народного просвещения.

В 1801 году умирает фельдмаршал Репнин. В завещании, оставшемся после него, Пнин не был назван. Эта несправедливость была воспринята Пниным чрезвычайно болезненно. Он написал трактат «Вопль невинности, отвергаемой законами», в котором требовал защиты общественных прав так называемых «незаконных» детей. Трактат автор адресовал самому Александру I. Последствия оказались более чем скромными: царь наградил автора перстнем, а его сочинение предал забвению. В том же 1801 году состоялось знакомство Пнина с А. Н. Радищевым. По словам сына писателя, П. А. Радищева, дом его отца в это время посещали И. С. Бородавицын, А. П. Брежинский и И. П. Пнин. Автор «Путешествия из Петербурга в Москву» охотно беседовал с ними, и «молодые люди,— как вспоминает тот же П. А. Радищев, — слушали его с большим любопытством и вниманием».[1] Эти встречи продолжались до самой кончины Радищева. Смерть его глубоко потрясла Пнина. Об этом свидетельствует послание «К Брежинскому», начинающееся словами: «Итак, Радищева не стало! Мой друг, уже во гробе он!»

С 1802 года начинается последний, наиболее интенсивный период в творческой деятельности Пнина. В это время он сближается с Н. А. Радищевым, Д. И. Языковым, К. Н. Батюшковым и Н. И. Гнедичем, которые были его сослуживцами по Министерству народного просвещения и вместе с тем единомышленниками по литературным вопросам. Молодых литераторов сближали поиски новых путей в литературе и враждебное отношение как к «шишкови-

[1] Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, М. — Л., 1959, с. 99.

стам», так и к эпигонам сентиментализма. 16 ноября 1802 года Пнин, по рекомендации Попугаева, был принят в Вольное общество. Правда, в отличие от многих членов общества, он почти не участвовал в его работе. Однако личное обаяние Пнина и его литературные заслуги были настолько значительны, что несмотря на это он все-таки был избран 15 июля 1805 года президентом Общества.

В 1804 году Пнин написал и напечатал еще один трактат — «Опыт о просвещении относительно к России». Само «просвещение» рассматривается в нем в политическом плане. Оно состоит, по словам автора, в добросовестном исполнении каждым сословием четко разграниченных государственных обязанностей. Но где есть обязанности, должны быть и права, охраняемые законами. В России же этого нет, поскольку крестьянство находится в крепостной зависимости. Тем самым, основным требованием трактата становилась отмена крепостного права. Несмотря на словесное одобрение трактата Александром I, первое издание его, уже после того, как оно поступило в продажу, было конфисковано, а переиздание запрещено цензурным комитетом.

В том же 1804 году Пнин намеревался издать сборник стихов «Моя лира», но, видимо под влиянием неудачи, постигшей его второй трактат, отказался от этого намерения. По словам Н. Брусилова, в последние месяцы своей жизни Пнин «трудился над трактатом „О возбуждении патриотизма“». Кроме того, он написал одно действие драмы «Велизарий» и собирался издавать журнал «Народный вестник». В июле 1805 года Пнин, по состоянию здоровья, подал в отставку, а 17 сентября скончался, по свидетельству Н. Брусилова, от «злой чахотки». Вольное общество откликнулось на эту утрату двумя заседаниями — 20 сентября и 7 октября 1805 года, на которых были произнесены речи и прочитаны стихи, посвященные памяти умершего. Стихи «На смерть Пнина» прочли Н. Ф. Остолопов, Н. А. Радищев, А. А. Писарев, А. Е. Измайлов и Ф. И. Ленкевич.

33. НА ВОПРОС: «ЧТО ЕСТЬ БОГ?»

Сего нам существа определить неможно!
Но будем почитать его в молчаньи мы:
Проникнуть таинство бессильны всех умы,
И чтоб сказать — что он? — самим быть богом должно.

⟨1798⟩

34. СРАВНЕНИЕ СТАРЫХ И МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНО К СМЕРТИ

Не многим юноша чем старца превосходит,
И в участи их та лишь разность состоит,
Что к старцу смерть сама во сретенье бежит,
Напротив, юноша ко смерти сам подходит.

⟨1798⟩

35. ПОСЛАНИЕ К БРЕЖИНСКОМУ

НА СМЕРТЬ РАДИЩЕВА

Итак, Радищева не стало!
Мой друг, уже во гробе он!
То сердце, что добром дышало,
Постиг ничтожества закон;
Уста, что истину вещали,
Увы! — навеки замолчали,
И пламенник ума погас;
Сей друг людей, сей друг природы,
Кто к счастью вел путем свободы,
Навек, навек оставил нас!

Оставил и прешел к покою.
Благословим его мы прах!
Кто столько жертвовал собою
Не для своих, но общих благ,
Кто был отечеству сын верный,
Был гражданин, отец примерный
И смело правду говорил,
Кто ни пред кем не изгибался,
До гроба лестию гнушался,
Я чаю, тот довольно жил.

Сентябрь 1802

36. СЛАВА

Блестящий призрак, дщерь химеры,
Честолюбивых душ кумир!
С какой волшебной льешь ты сферы
Свои лучи на целый мир?
Ты блеском солнце помрачаешь,
Пречудные дела рождаешь
Волшебным прутом ты своим;
Коснешься ль твердой скал вершины —
Мгновенно злачные долины
На место скал гранитных зрим.

О, сколько все стези те странны,
Чрез кои мнят достичь тебя!
Герои, мудрецы, тираны,
Прославить все хотят себя.
Один — в победах над врагами,
Другой — рассудка чудесами,
Последний — тяжестью цепей.
Тот пышны храмы созидает,
Другой их в пепел превращает,
Мня славным быть чрез подвиг сей.

О Слава! изо всех тиранов
Ты самый лютый для людей!
Воззри на тьму сих истуканов
И на число их алтарей,
В различных видах их узнаешь,
Что ты в кумирах сих блистаешь
И что тебе жгут фимиам.
Разрушь, разрушь очарованье!
И в полном покажи сиянье
Стезю к тебе прямую в храм.

Что слышу? Мне богиня вняла
И на роптание мое
В трубу златую так вещала:
«Я заблужденье зрю твое,
И зрю, как скор во всем бываешь;
Несправедливо осуждаешь,
Чего не ведаешь ты сам.

Итак, познай, о бедный смертный,
Что только есть один путь верный,
Ко мне ведущий прямо в храм.

Сей путь осыпан не цветами,
Во храм не Флоры ты идешь.
Но бездны с страшными горами
Ты на пути ко мне найдешь;
И если дух твой содрогнется,
Заноет сердце и забьется
От страху сильно во груди, —
Беги сих скорой мест стопою
И с робкою своей душою
В мою ввек область не входи.

Но если, мужеством пылая,
Исполнен жара ты сего,
Пучины, горы презирая,
Себя превыше зришь всего;
Гигантскою ногой ступая,
Стремнин и гор не примечая,
По малым мнишь идти буграм, —
Тогда со звучными трубами
И с знаменитыми мужами
Сама тебя введу в мой храм.

Введу — и на престол с собою
В венце блестящем посажу, —
С какою твердою душою
Тогда я миру покажу:
Превозмогал ты все преграды,
Во благе общем зря награды,
То духом *Сцеволы* горел,
Как *Курций*, бездны презирая,
Для пользы общей погибая,
Быть равным сим мужам хотел».

«Хотел!» — восторгом упоенный,
Уже готов я был вещать —
«Постой, постой, о дерзновенный! —
Богиня, дав мне знак молчать,

Сим речь свою окончевает:
Что славу всяк в нем разделяет
Ценою настоящих дел,
Служа Отечеству трудами,
Творя добро пред всех очами,
Чтоб всяк пример в добре том зрел.

Пример сильнее наставлений, —
Мы все хвалу добру гласим,
Громады видим поучений,
Где ж исполнители? — не зрим.
Почто не зрим Сократов ныне?
Иль, вспоминая о судьбине
Печальной мудреца сего,
Никто на сцену не вступает,
Всяк на другого уповает,
Что сей свершит всё за него?

Не дщерь химеры, предрассудка,
И не метéор я пустой,
Я ложного по свету звука
Не разношу моей трубой.
Ужели я тому виною,
Что славу ложную с прямою
Мешает человек всегда!
Тот только в храм ко мне вступает,
Кто добродетелью сияет,
А без ее — нет в храм следа».

Сказала — и в одно мгновенье
Исчезла с блеском от меня!
Исчезло с ней и заблужденье,
Познав всю цену слов ея.
О Слава! если то неложно,
Что добродетелью лишь можно
В божественный твой храм вступить, —
Когда ты лиц не различаешь,
Дела едины уважаешь,
То как злодеи могут быть?

⟨*1804*⟩

37. ЧЕЛОВЕК

Зерцало Истины превечной,
Бытий всех зримых обща мать,
Щедрот источник бесконечный,
В ком счастье мы должны искать, —
Природа! озари собою
Рассудок мой, покрытый мглою,
И в недро таинств путь открой;
Премудростью твоей внушенный,
Без страха ум мой просвещенный
Пойдет вслед Истине святой.

О Истина! мой дух живится,
Паря в селения твои;
За чувством чувство вновь родится,
Пылают мысли все мои.
Ты в сердце мужество вливаешь,
Унылость, робость прогоняешь,
С ума свергаешь груз оков, —
Уже твой чистый взор встречаю,
Другую душу получаю
И человека петь готов.

Природы лучшее созданье,
К тебе мой обращаю стих!
К тебе стремлю мое вниманье,
Ты краше всех существ других.
Что я с тобою ни равняю,
Твои дары лишь отличаю
И удивляюся тебе.
Едва ты только в мир явился,
И мир мгновенно покорился,
Прияв тебя царем себе.

Ты царь земли — ты царь вселенной,
Хотя ничто в сравненьи с ней.
Хотя ты прах один возжженный,
Но мыслию велик своей!
Предпримешь что — вселенна внемлет,
Творишь — всё действие приемлет,
Ни в чем не видишь ты препон.

Природою распоряжаешь,
Всем властно в ней повелеваешь
И пишешь ей самой закон.

На что мой взор ни обращаю,
Мое всё сердце веселит.
Везде твои дела встречаю,
И каждый мне предмет гласит,
Твоей рукой запечатленный,
Что ты зиждитель есть вселенной
И что бы степью лишь пустой
Природа без тебя стояла,
Таких бы видов не являла,
Какие зрю перед собой.

Где мрачные леса шумели
И солнца луч не проницал,
Где змеи страшные шипели
И смертный ужас обитал,
Природа вопли испускала,
Свирепость где зверей дышала,
Там зрю днесь — дружество, любовь,
Зрю нивы, жатвой отягченны,
Поля, стадами покровенны,
Природу, возрожденну вновь!

На блатах вязких, непроходных,
Где рос один лишь мох седой,
В пустынях диких и бесплодных,
Где смерть престол имела свой, —
Ты всё, как бог, устроеваешь,
Ты невозможностей не знаешь,
То зиждешь селы, то града,
То царства сильные возносишь,
Каналы чистых вод проводишь
И строишь пристани, суда.

Из хаоса вещей нестройных,
Воззвав порядок с тишиной,
Проник до дна пучин ты водных,
Откуда бисер дорогой
Исторг себе на украшенье.

Но, дел великих в довершенье,
Щедроту ты свою явил:
Земные недра разверзая,
Металл блестящий извлекая,
Богатство по́ свету разлил.

Какой ум слабый, униженный
Тебе дать имя *червя* смел?
То раб несчастный, заключенный,
Который чувствий не имел:
В оковах тяжких пресмыкаясь
И с червем подлинно равняясь,
Давимый сильною рукой,
Сначала в горести признался,
Потом в сих мыслях век остался,
Что *человек лишь червь земной.*

Прочь, мысль презренная! ты сродна
Душам преподлых лишь рабов,
У коих век мысль благородна
Не озаряла мрак умов.
Когда невольник рассуждает?
Он заблужденья лишь сплетает,
Не знав природы никогда,
И только то ему священно,
К чему насильством принужденно
Бывает движим он всегда.

В каком пространстве зрю ужасном
Раба от *Человека* я?
Один — как солнце в небе ясном,
Другой — так мрачен, как земля.
Один есть всё, другой ничтожность.
Когда б познал свою раб должность,
Спросил природу, рассмотрел:
Кто бедствий всех его виною? —
Тогда бы тою же рукою
Сорвал он цепи, что надел.

Прими мое благословенье,
Зиждитель-человек! прими,

Я прославлял в твоем творенье
Не все еще дела твои.
О, сколь величествен бываешь,
Когда ты землю оставляешь
И духом в облака паришь;
Воздушны бездны озирая,
Перуны, громы презирая,
Стихиям слушаться велишь.

Велишь — и бури направленье
Берут назначенно тобой.
Измерил ты планет теченье,
Висящих над твоей главой.
Исчислил звезды, что с эфира
Лиют свой свет в пространство мира,
В котором всё закон твой чтит.
С природой связан ты судьбою:
Ты ей живешь, она — тобою
Свой жизненный являет вид.

Кто показал тебе искусство
Нам в звуках страсть изображать?
То наполнять восторгом чувство,
То вдруг нас плакать заставлять?
Сообразить волшебны тоны,
Проникнуть естества законы,
Таинственный предмет раскрыть,
Постигнуть вечности скрижали
И то, что боги созидали,
В музы́ке то изобразить?

Входя в круг дел твоих пространный,
Я зрю: ты знаки дал речам,
Дал мысли тело, цвет желанный,
И способ говорить очам.
От одного конца вселенной
В другой край мира отдаленный
Явил ты средство сообщать
Понятье, чувствие, желанье
И нынешних времен познанье
Векам грядущим предавать.

Кто дал тебе все совершенства,
Которыми блистаешь ты?
Кто показал стезю блаженства
И добродетелей черты?
Кто подал чашу утешений
Против печалей, огорчений,
Могущих встретиться с тобой?
Кто путь украсил твой цветами
И пролил радости реками
В объятья дружбы толь святой?

Кто правосудие заставил
Тебя дороже жизни чтить?
Кто сострадать тебя наставил
И благо повелел творить?
Кто в сердце огнь возжег священный,
Сей пламень чистый, драгоценный,
Которым гражданин живет,
Его что душу составляет,
Любовь к Отечеству питает
И твердость духа подает?

Скажи мне, наконец: какою
Ты силой свыше вдохновен,
Что всё с премудростью такою
Творить ты в мире научен?
Скажи? .. Но ты в ответ вещаешь,
Что ты существ не обретаешь,
С небес которые б сошли,
Тебя о нуждах известили,
Тебя бы должностям учили
И в совершенство привели.

Ужель ты сам всех дел виною,
О человек! что в мире зрю?
Снискавши мудрость сам собою
Чрез *труд* и *опытность* свою,
Прешел препятствий ты пучину,
Улучшил ты свою судьбину,

Природной бедности помог,
Суровость превратил в добро́ту,
Влиял в сердца любовь, щедроту, —
Ты на земли, что в небе бог!

⟨1805⟩

38. ПОСЛАНИЕ К В. С. С. НА НОВЫЙ ГОД

Брось взор, мой друг, на вечность смелый,
Взгляни без страха на престол,
На коем вид она веселый
Хранит среди развалин, зол,
Среди пролитой крови рабства,
Средь суеверия, коварства,
Среди военных бурь, могил;
Взгляни на сонм вкруг урн стоящих,
Упадших пепел царств хранящих
И слезы, кои мир пролил.

Взгляни спокойными очами
На участь общую людей,
Взгляни на царствы, что пред нами
Погибли в пропасти своей:
Иные вновь чело подъемлют,
Из праха нову жизнь приемлют,
Начто ж? — Чтобы влачить в цепях
Себя и будущие роды...
Вот что с собой приносят годы,
Вот что мы зрим во всех веках!

Но что за призрак из-за бури
Сверкающий к нам мещет зрак?
То вдруг в зарях весь, то в лазури,
То кроется опять во мрак;
Как огнь блуждающий мелькает,
То вдруг как солнце к нам сияет
В прекрасном, блещущем венце;
То, обвиваяся змеями
И с пенящимися устами,
Являет зверство на лице?

То новый год! Он так на смену
Протекшу году в мир идет.
Но лучшую ль в судьбе премену
Себе род смертный в нем найдет?
Род смертный тот же остается,
Он всё невежеством ведется;
Лжесвятство, рабство и война
Владели им и днесь владеют,
Народы к ним благоговеют,
А истина!.. удалена.

Род смертный тот же век пребудет,
Он только пременяет вид;
Сильнейший слабого гнать будет,
Злодей злодея подкрепит.
Невинность с правою душою
Не сыщет для себя покою,
Себя собой не защитит.
Теряют и цари короны,
Рабы на их восходят троны, —
В сем мире случай всё решит.

Так, друг мой, всё случайно в мире,
Закон пред случаем молчит.
И раб в цепях, и царь в порфире
Творят, что случай повелит.
Стать выше случая неможно;
Уметь им пользоваться должно,
Коль скоро предстает пред нас.
Спасай невинность угнетенну
И душу подлую, презренну
Являй злодеев тот же час.

К добру весьма случáев мало.
Ко злу — премного их всегда.
Везде найдешь пороков жало,
Не сыщешь к истине следа.
Почто же годы к нам приходят,
Когда в них люди не находят
Того, что к счастью нужно их?
Коль жизни каждое мгновенье

Родит беду и заблужденье, —
Сей мир, мой друг, есть мир для злых.

В нем добродетель погибает,
Порок трофеями покрыт...
Нет! нет! тот муж не умирает,
Кто ближнему добро творит.
Хоть кости все его истлеют,
Хоть бури прах его развеют,
Могила зарастет травой, —
Но память ввек его пребудет,
Его несчастный не забудет
И смерть его почтит слезой.

⟨1805⟩

39. СТИХИ НА СОН

Хаос идей, призра́к крылатый,
Забвенья сын, отзыв страстей, —
И раб в цепях, и Крез богатый,
И всё, что дышит в жизни сей,
Всё платит дань твоей державе.
Ты царствуешь богов ко славе,
Тебе жжет смертный фимиам.

Ты Неба кажешь нам щедроту,
Вся в мире тварь жива тобой.
Какую зрим в тебе добро́ту!
Когда, рассыпав мак седой,
Природы пульс останови́шь,
В свои объятья призываешь
И счастье в них вкушать даешь.

Но всяк ли из людей вкушает
Покой эфирный, сладкий сей?
Ах, нет! злодей его не знает —
Ты для злодея сам злодей.
Вотще на розах ароматных
Мнит спать приятно враг несчастных;
Наступит ночь — тиран не спит.

Когда ж себя я вопрошаю:
О Сон! что в существе есть ты?
Коль брат ты смерти, то не знаю,
Как зреть могу твои черты?
Быв мертвому тогда подобен,
Как быть могу к чему способен?
Как связь могу иметь с тобой?

Чтобы какие зреть виденья,
Потребно, мню я, для сего
Одну хоть искру воображенья, —
Нельзя сна видеть без того.
Я с сном мечтаний не мешаю,
Когда я сплю, я не мечтаю,
Когда ж мечтаю, то не сплю.

Так что же суть те сновиденья,
Которые нередко зрим?
Они суть плод воображенья,
В то время мы еще не спим.
Дав мыслям вольное теченье,
Мы погружаемся в забвенье,
Блуждая в хаосе идей.

Блуждая, наконец преходим
К забвенью полному, ко сну.
Воздушных замков уж не строим,
Не ездим более в луну.
Отдавшись силе сна волшебной,
Всё забывает добрый смертный
И спит спокойно до утра!

(1805)

40. ОДА НА БОЛЕЗНЬ,

ПОСВЯЩЕННАЯ ГОСПОДИНУ КОЛЛЕЖСКОМУ СОВЕТНИКУ ОСИПУ КИРИЛЛОВИЧУ КАМЕНЕЦКОМУ

Исчадье ада, неги вредной,
Предтеча смерти, враг людей!
Ах, нет, не только бедный смертный —
Все существа вселенной сей,

А. Е. Измайлов

Н. Ф. Остолопов

Живущие в стихиях разных:
В морях обширных, бурных, страшных,
И те, что в воздухе мы зрим,
И те, что зрим в земной утробе, —
Все суть твоей подвластны злобе,
Под скиптром стонет всё твоим.

Кто мне твои исчислит стрелы,
Которыми разишь людей?
Кто мне откроет их пределы?
Из урны гибельной твоей
Текут злы немощи, мученья,
Текут — но всё без уменьшенья:
Всё урна злом полна твоя.
Доколе будет мир храниться,
Из урны зло в мир будет литься,
Так где ж найду отраду я?

Вотще без здравия ласкает
Нас счастье милостью своей,
Без здравья — тускл венец бывает,
Ничто — богатый трон царей.
Всё в мире здравье превышает,
Никто ему цены не знает,
Когда лишается его!
Блажен, кто, зря других пороки,
Умеет извлекать уроки
Из них для счастья своего!

Так что ж есть наша жизнь в сем свете?
Наука мучиться, терпеть!
Счастлив, кто пал в нежнейшем цвете;
Счастлив, кто может предолеть
Страстей волнующих внушенья;
Счастлив без всякого сомненья,
Кто меньше терпит в жизни сей!
Не знает немощей, мучений,
Не знает горьких приключений —
Да ⟨и⟩ к тому не есть злодей!

Но, ах! сего не постигая,
Я удивляюсь завсегда,

Как негр, весь век в цепях страдая,
Коль снимет их тиран когда,
Тогда в минуту восхищенья,
Толь сладкого освобожденья,
За бога он тирана чтит.
Ужели чувство избавленья,
Сугубя в нем уничиженья,
Всё прежнее — забыть велит?

Чему подвержен не бывает
Несчастный смертный в жизни сей!
В слезах родясь, в слезах кончает
Своих остаток горьких дней.
Болезнь, болезнь, коль то неложно,
Что мне здоровым быть неможно,
То ⟨сжалься,⟩ сжалься надо мной!
Раскрой гроб смелою рукою —
Обнявшися тогда с тобою,
Спокойней в гроб ступлю ногой. [1]

Но глухо мне болезнь вещает,
Слова ее мрут на устах,
Меня мгновенно оставляет,
Взор *Каменецкого* узнав.
О! муж искусный, добрый, честный,
Друг человечества нелестный,
Прими от сердца дань сию!
Прими сей знак чувств непритворный.
Ты есть мой гений благотворный,
Ты возвратил мне жизнь мою!

⟨1805⟩

41. БОГ

Ода

Систему мира созерцая,
Дивлюсь строению ея:
Дивлюсь, как солнце, век сияя,
Не истощается, горя.

---

[1] В это время мне очень было худо. Я принужден был позвать к себе г-на Каменецкого. *Сочинитель.*

В венце, слиянном из огней,
Мрачит мой слабый свет очей.

Но кто поставил оком миру
Сей океан красот и благ?
Кто на него надел порфиру
В толико пламенных лучах?
Теченьем правит кто планет?
Кто дал луне сребристый цвет?

Кто звезды на небесном своде
Во время ночи засветил?
Кто неизменный сей в природе
Порядок дивный учредил?
Стремится к цели всё своей —
Льзя ль цели быть без воли чьей?

Где есть порядок, есть и воля,
Которая хранит его:
Вселенной всей зависит доля
От тайного ума сего;
«Но льзя ли мне сей ум познать,
Что мог по воле мир создать», —

Спросил я сердце — и решенье
В моих я чувствиях нашел.
Ужели всё, что зрю в творенье,
Слепой то *случай* произвел?
Да что ж есть *случай* сей *слепой*?
Лишь слов без смысла звук пустой.

Но если случай мог явиться
Такой, чтоб мир сей произвесть,
То надо так же согласиться,
Что случай сей не первый есть.
И льзя ль, чтобы хотя один
Родился случай без причин?

Как можно то назвать случáем,
Где зрю предмет созданий я?
Чрез опыт собственный мы знаем,
Что предприятию нельзя

Без воли доброй или злой
Свершиться самому собой.

Есть, стало, тайно разуменье,
Что миром управляет сим.
Исчезло всё недоуменье!
Есть воля — хоть творец незрим.
Она по действию видна,
Вся ею тварь одарена.

Но кто из смертных проницает
Во *сущность* воли своея,
Хоть тем не мене ощущает
Чудесно действие ея?
Равно постигнуть существа
Нельзя нам *воли* божества.

О ты, кого не постигаю,
Но в ком творца миров чту я!
Кого я богом называю,
Хоть самого не зрю тебя, —
Но благость мне твоя видна:
Вселенна дел твоих полна.

Что слышу: вопль мой слух пронзает!
Я внемлю ропот, стон людей.
Тот руки к небу воздевает,
Лия ручьи слез из очей;
Другой, не зря бедам конца,
Винит в отчаяньи творца!

«Почто, почто меня караешь? —
Вещает в горести своей. —
Детей мне данных погубляешь,
Что крови стоили моей:
В ком мнил иметь подпору я,
Ты то отъемлешь у меня.

Уже цепьми обремененны,
С улыбкой их влачит злодей,
Добычей сею восхищенный,
Смеется слабости моей

И, не щадя власов седых,
Сосет их кровь — в очах моих!»

Повсюду слышу лишь стенанья!
Народы ропщут на творца:
«Доколе будешь злодеянья
Взводить на трон под сень венца?
И под щитом лучей своих
Щадить коварных, гнесть благих?»

При вопле сем небесны своды
Мгновенно, страшно потряслись
И по пространству всей природы —
Сильнее грома — раздались
Священные слова сии:
«О человечество! внемли:

Почто свой ропот ты возносишь
И ставишь бед меня виной?
В чем беспорядок ты находишь?
Вещай теперь передо мной!
Не то ли солнце и лучи,
Не тот ли месяц зрим в ночи?

Какую видишь ты премену
В системе мира? Возвести!
Окинь очами ты вселенну,
Взгляни на всех планет пути,
Что я повесил над тобой, —
В чем зрит нестройность разум твой?

Или не той идет чредою
Теченье годовых времен?
Престали ль цвесть древа весною,
Иль лето не родит семен,
Что зреют осенью златой,
Иль нет полям ковра зимой?

Иль дней твоих для сохраненья
Я мало ниспослал даров?
Ужели в поле наслажденья
Находишь мало ты цветов?

Где только ты ступил ногой —
Там терн растет колючий, злой!

Вещайте вкупе, все народы,
Чего — любя вас — не дал я?
В утробе зримыя природы
Все всё найдете для себя.
Всё счастье ваше в ней одной;
Вы сами ваших бед виной!

О человеки! вы виною
Терпимых между вами бед!
Коль кровь сирот течет рекою,
Коль правосудья вовсе нет
И суть злодейства без числа,
То ваши — не мои дела!

Где опыт, где рассудок здравый,
Что вас должны руководить?
Они покажут путь вам правый,
По коему должны идтить.
Лишь под щитом священным их
Найдете корень зол своих».

О! бог мой, милостей податель!
Ты, коим жизнь храню мою,
Отец существ и их создатель,
Воззри на жертву чувств сию:
Доколь огнь духа не погас,
Услышь мой благодарный глас!

⟨1805⟩

42. ОДА НА ПРАВОСУДИЕ

Правосудие есть основание всех
общественных добродетелей.

Гольбах

Блаженство смертных, царств подпора,
Злодеев страх, невинных щит,
Ты, коего трепещет взора
Порок, хоть он венцом покрыт;

Ты, кое лиц не разбираешь,
Равно щадишь, равно караешь
Рабов, вельможей и царей;
Ты, без кого б и боги сами
Не почитались бы богами
И не имели алтарей.

О Правосудие! тобою
Хранится только смертных род.
Где ты — там с мирною душою
Трудов своих вкушают плод.
Где ты — там собственность священна,
Тобою твердо огражденна,
Ликует в счастливых сердцах.
Там всюду золотой рекою
Текут сокровища с тобою
И зрится радость на челах.

Где ты — там царствуют законы,
Там человек всегда почтен.
Там тверды в основаньях троны
И к правде путь не загражден.
Там истина без страха ходит,
Ко всем без робости подходит
И чистою своей рукой
Личину с зависти срывает,
Коварство, мщенье обнажает
И кажет умысел их злой.

Где ты — там равными правами
Гражда́не пользуются все.
Там над породой и чинами
Заслуги верх берут одне.
Там гнусна лесть у всех в презреньи,
Наружный блеск не в уваженьи,
Не чтут достоинством его.
Богатый с подлою душою
Ничто пред честной нищетою, —
Добро превыше там всего.

Где ты — там вопль не раздается
Несчастных, брошенных сирот;

Всем нужна помощь подается,
Не раболепствует народ.
Там земледелец не страшится,
Чтобы насильством мог лишиться
Им в поте собранных плодов, —
Любуется, смотря на ниву,
В ней видя жизнь свою счастливу,
Благословляет твой покров.

Где ты — там воин презирает
Опасности и жизнь свою.
«Умру! — в восторге восклицает, —
Умру за родину мою!
Я жизни ввек не пожалею,
Хотя жену, детей имею;
Паду ли от врагов моих
И более меня не будет —
Тогда закон их не забудет,
Есть Правосудие для них».

Где ты — там гений Просвещенья,
Лучами мудрости своей
Открыв зловредны заблужденья,
Ведет на путь прямой людей.
Науки храмы там имеют,
Художества, искусства зреют,
Торговля богатит народ.
Там дух зиждительный свободы,
Проникнув таинства природы,
Сторичный собирает плод.

Душа покоя и устройства,
Источник всех великих дел!
Ты образуешь дух геройства,
Бессмертие есть твой удел.
О Правосудие! неможно
Тебя нам описать, как должно:
Ты божество между людей!
Природа в красный день весною
Не восхищает нас собою,
Когда не зрим твоих лучей.

Где нет тебя — там всё рыдает,
Всё стонет, смерть к себе зовет,
Пожар вражды везде пылает
И жертвы острый меч сечет.
Там всюду кровь течет ручьями,
Родители в борьбе с сынами,
Сыны против отцов идут.
Там сетует сама природа,
Права отъяты у народа,
И тигры агнцев там пасут.

Где нет тебя — там все несчастны
От земледельца до царя,
Законы дремлют и безгласны,
Там всяк живет лишь для себя.
Нет ни родства, союза, веры,
Там видны лишь злодейств примеры,
Шипят пороки и язвят;
Там выгод нет быть добрым, честным,
Быть другом искренним, нелестным;
Там чашу смерти пьет Сократ.

Где нет тебя — там нет невинных,
Там гибнут все своей чредой;
Тот ныне жертвою был сильных,
А завтра сильных жребий злой
Ведет на эшафот кровавый.
Там совесть и рассудок здравый
Не сильны произнесть свой глас.
Народы там живут без цели,
Для коей жить они хотели;
Горят раздоры всякой час.

Но если то должно случиться,
Что мир с своей оси падет,
Вселенна в хаос погрузится
И солнце шар земной зажжет,
То роковой сей день природы
Тогда постигнет лишь народы,
Когда ты скроешься от них!

О! лучше мир пусть истребится
И больше смертный не родится,
Чем жить ему в бедах таких!

Нет, нет, живи ты вечно с нами,
Храни сей мир, храни людей,
Да твой обвитый скиптр цветами
Составит счастье наших дней!
Совокупи ты все народы,
Детей единыя природы,
Под сень державы твоея;
Владей над целою вселенной
И сей внушай закон священный:
Что нет блаженства без тебя!

⟨1805⟩

43. ГИМН

НА СЛУЧАЙ ВЫСОЧАЙШЕГО ПОСЕЩЕНИЯ, УДОСТОЕННОГО ИХ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЕЛИЧЕСТВАМИ РОССИЙСКОЕ КУПЕЧЕСТВО ПО ЗАЛОЖЕНИИ НОВОЙ БИРЖИ 1805 ГОДА, ИЮНЯ 23 ДНЯ

Ликуй, Нева благословенна,
Счастливая из всех река,
Зря *Александра*, вдохновенна
Великим гением *Петра*!
Тот град из блата вызывает
На чудо племенам земным,
Но *Александром* процветает
Торговля вместе с градом сим.
Блажен народ, царем любимый,
Блажен и царь, народом чтимый:
Да здравствует наш *Александр*!

Взирайте, все народы света,
Завидуйте во счастьи нам,
Как *Александр, Елисавета,*
Дающие пример царям,

К блаженству общему стремятся
И силою считают царств,
Коль их народы просветятся,
Найдут в торговле мать богатств.
Блажен народ, царем любимый,
Блажен и царь, народом чтимый:
Да здравствует *Елисавет*!

Взносися, процветай, Россия!
И в роды преноси родов,
Как благотворная *Мария,*
Приемля юношей в покров,
К торговле их предназначает,
Велит всему их обучать,
Что счастье жизни составляет,
Что может их обогащать.
Блажен народ, царем любимый,
Блажен и царь, народом чтимый:
Да здравствует *Марии* Дом!

А вы, все чуждые народы,
Что, бурных не страшась морей,
Сокровищ ищете природы
Далече от страны своей, —
К *Петрову* граду все теките,
Где мудрый *Александр* царит,
И с нами счастье разделите,
Что нам сей добрый царь творит.
Блажен народ, царем любимый,
Блажен и царь, народом чтимый:
Да здравствует наш *Александр*!

⟨1805⟩

44. УЕДИНЕНИЕ

Le sage avant sa mort doit voir la verité.[1]

Прости, блестящий град: твои богаты стены,
Где, с детства самого до юности моей,
Наиподлейших был я жертвою людей,
Суть яд в глазах моих, — бегу их, как измены.

Бегу — куда ж? — к тебе, мое уединенье!
Пусть знатные кого хотят к дворцу зовут;
Спокойно, счастливо здесь дни мои текут,
Я не завидую в их скользком возвышенье!

Как безрассудны мы! Должны ль в беды вдаваться,
Чтоб счастие найти, которого хотим?
Оставим мы людей, желанья укротим,
И станем, жив с собой, мы лучше научаться.

Коль целью человек имеет наслажденье,
То льзя ли в обществах, сих вихрях суеты,
Прямого счастия найти ему цветы?
Ах, нет! — они цветут в одном уединенье.

Цветут — не вянут век, стократно возрождаясь,
Я рву их без помех с возлюбленной моей.
Природой, Сашенькой пленяяся своей,
Не знаю горестей, всечасно наслаждаясь.

С спокойствием смотрю на дней моих теченьс,
Я в настоящем лишь утехи нахожу,
На будущее же без трепета гляжу
И, зря прошедшее, не прихожу в смущенье.

Блажен, кто, общее людей презревши мненье,
Что может лишь одно тщеславье утверждать,
Считает, как и я, тогда счастливым стать,
Коль истину, как я, нашел в уединенье.

⟨1805⟩

---

[1] Мудрец, прежде чем умереть, должен увидеть истину (франц.). — *Ред.*

45. К РОЩЕ

О роща тихая, густая,
Где солнца луч, не проницая,
Прохладу сладкую рождал!
Где часто дни я провождал
С Руссо, Бернардом, Дюпати,
О роща милая... прости!
Прости, убежище драгое,
Где все часы мои текли
В сладчайшем для меня покое!
Как скоро те часы прошли!..
Быть может, уж не возвратятся
Они для сердца моего.
Ах, лучше б век не наслаждаться,
Чем наслаждаться для того,
Лишиться чтоб потом всего!
О роща! не видать мне боле,
Как будешь ты освещена,
Когда янтарная луна
Покажется в эфирном поле
И, тихий свет свой разлия,
Тобою станет любоваться, —
Тогда в чужой стране уж я
Далеко буду от тебя,
И лиры томной звон моей
Не будет боле раздаваться,
О роща! в тишине твоей,
И с вздохом горлицы мешаться,
Которая в любви своей
Нередко, как и я, страдала,
Когда с любезнейшим дружком
Минуту вместе не бывала.
И ах! уж не услышу я,
Когда над чистым ручейком
Польются трели соловья!..

И ты, о липа! сей мой вздох
Прими — он может быть последний..
Пускай пушится серый мох,
На коем я, в часы вечерни,

Под сению твоей лежал
И те цветочки разбирал,
Что милой в дар готовил я.
Ах, если ты ее когда
Увидишь только близ себя,
Зови под тень свою всегда,
Расти, густися, зеленей
Для Сашеньки одной моей —
А я навеки сохраню
Любовь и верность к ней мою!

⟨1805⟩

46. ПОСЛАНИЕ К НЕКОТОРЫМ ПИСАТЕЛЯМ

К вам, друзья мои писатели,
К вам мою речь обращаю я,
С вами я хочу беседовать!
Вы поведайте причину мне,
Для чего вы так злословите
Вам подобных сочинителей?
Неужели, зря погрешности
В сочиненьях издаваемых,
Без обид и без ругательства
Вам неможно говорить о них?
Неужели почитаете
То похвальным вы деянием,
Чтобы честь и добродетели,
За ошибки, всем нам сродные,
Осуждать с такою злостию
Брата вашего писателя?

Ах, послушайте, друзья мои,
Что намерен предложить я вам
При удобном теперь случае, —
Не подумайте, чтоб я хотел
Вас учить или предписывать
Вам какие-либо правила:
Без меня людей довольно есть,
Кои век свой занимаются
Налагать оковы разуму, —
Нет, не то в виду имею я!

Откровенно вам признаюся,
Я намерен лишь напомнить вам,
Что, мне кажется, забыли вы
И что свято б сохранять должны
Вы в своей ученой памяти.

Если даром красноречия
И искусством хорошо писать
Вы пред прочими блистаете,
Если ум ваш изобилует
Теми знаньями глубокими,
Кои нужны для суждения
О каком-либо творении
И прямого доказательства,
Что в нем ложно и неправильно,
Почему, где заблуждается
Сочинитель в своих мнениях
И напрасно устраняется
От стези, себе назначенной
И по коей бы он должен был
Своего вести читателя
До предмета, им желанного, —
Словом, если вы имеете
Совершенства, коих нет в других
И посредством коих видите
Ясно в прочих все погрешности, —
То ужели дарования
Вам на то даны природою,
Чтобы, слабость зря писателей
(Впрочем, цель всегда похвальную
Нам своим трудом являющих),
По единственной причине сей
Принимать их за врагов себе
И стрелами ядовитыми
Злобной и завистной критики
Уязвлять их без пощады всех?

Ах, опомнитесь, друзья мои,
Вы забыли, что есть способы,
Кои вы употреблять должны
Завсегда в подобных случаях.

Почему, для лучшей памяти,
Сии способы представлю вам:

Ежели когда нечаянно
(Что всегда у вас случается)
Попадется сочинение
В ваши руки весьма слабое
И которое исполнено
Недостатков и погрешностей,
Да и слишком худо писано,
Но имеет цель полезную, —
То послушайте, друзья мои,
Еще хуже вы поступите,
Коль его злословить станете,
Не щадя и сочинителя.
Напишите сами лучше вы —
И вот способ к отомщению.
Извинять умейте слабости,
Кои вы в других находите,
Равномерно сами будучи
Неизбежно им подвержены;
Истребите из сердец своих
Навсегда яд злобной критики
И старайтесь исправлять людей
Без насмешек и ругательства;
Почитайте дарования
Возникающих писателей,
Хоть заря их не блистательна —
Не всегда и солнцу красному
В миг заря предходит ясная!
Если вы когда желаете,
Чтоб другие уважали вас, —
Уважайте равномерно тех,
Кои с вами в упражнениях
Одинаких обращаются.
Сими способами можете
Новых возродить любителей
К сиротеющей словесности.
Наконец, вот все те средства вам,
Средства прямо благородные,
Кои вам всегда позволены,

Кои могут руководствовать
К достиженью славы истинной,
Коль сию вы славу ищете,
Коль сей славой вы пленяетесь.
Ах, поверьте мне, друзья мои,
Поступая таким образом,
Слава вас сама найдет везде,
Посетит жилища мирные,
Где для пользы сограждáн своих,
Где для пользы человечества
Вы трудиться токмо будете, —
Увенчает вас венком своим,
Из таких лучей составленным,
Что ни зависть с злобным временем
Не возмогут помрачить никак.
Тщетны будут их усилия!
Справедливое потомство, зря
Блеск лучей венца прекрасного,
В благородном восхищении
Ваши имена любезные
Всегда станет вспоминать себе.

⟨1805⟩

47. ЛЮБОВЬ

Кто что ни говори! — жить без любви нельзя.
Вселенная сия
Любовью лишь хранится.
Притворный стоик в сем хотя не согласится,
Но это не беда!
Лишь физики, учены господа,
Меня тем удивляют,
Что мир из четырех стихий сей составляют.
Без воздуха, воды, земли, огня
Весьма недолго бы, конечно, прожил я;
Да как же физики об этом позабыли,
То, через что они свою жизнь получили?
Ужели от стихий родились сих они?
Рождений мы таких не видим в наши дни.

Ах! льзя ли не признать, что есть еще стихия,
Которой действия и добрые и злые
Мы видим, как и тех.
Но сколько радостей, утех,
Пред прочими, сия всем смертным представляет!
Она чью только греет кровь,
Тот вечно ею лишь одной дышать желает.
Прекрасная сия стихия есть — Любовь.

⟨1805⟩

48. ВЕРХОВАЯ ЛОШАДЬ

Притча

Все люди в свете сем подвержены страстям.
К несчастью, страсти их почти всегда такие,
Что следствия от них бывают им худые.
Всечасно нашим то встречается глазам,
Привержен как иной ко взяткам и крючкам,
Как сильно прилеплен другой к обогащенью,
Иной к вину, тот к развращенью,
Иной к игре, другой к властям...
А Клит, читатели, пристрастен к лошадям.
Не трудно согласиться,
Чтобы полезнее то было во сто раз,
Когда бы всякой между нас
Ко пользе общества желал всегда стремиться;
Но, видно, этому — так скоро не бывать!

Меж тем уж Клит идет ту лошадь торговать,
Которую к нему недавно приводили,
Которою в нем страсть лишь пуще возбудили,
И Клит купил... Но что ж? Как лошадь ни статна,
Собой как ни красива,
Погрешность в ней тотчас открылася одна,
А именно: была она весьма пуглива.
Однако этого не ставит Клит бедой,
Он сей порок весьма легко исправить чает;
И только что успел приехать он домой,
То способ вот какой на то употребляет:

ЖУРНАЛЪ
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Октябрь. 1805.

No 10.

I.

О Пнинѣ и его сочиненіяхъ.

Неумолимая смерть махнула страшною косою — и въ мірѣ не стало однаго добраго человѣка!.... Поэтъ любезный, другъ искренній, защитникъ угнѣтенныхъ, утѣшитель нещастныхъ, Пнинъ, скончался прошедшаго Сентября 17 числа, между 10 и 11 часовъ по полудни. Друзья и любители изящнаго, провожали со слезами гробъ Поэта-Философа.....

Ежели смерть есть неизбѣжный удѣлъ людей, то мы должны роп-

Велел тотчас салфетку взять
И лошади глаза покрепче завязать.
Потом
Садится на нее верхом
И скачет близ всего,
Чего пугался конь до случая сего.
С завязанными конь глазами,
Не зря предметов пред собой,
Мчит смело седока, пыль взносит облаками...
И в ров глубокий, водяной
С собою всадника с стремленьем вовлекает.

О вы, правители скотов или людей,
Заметьте через опыт сей,
Что тот безумно поступает,
Кто нужный свет скрывает
От их очей;
Что скот и человек, когда лишенны зренья,
Опаснее для управленья.

⟨1805⟩

49. МЫСЛИ О ТАБАКЕ

Когда уныние, печаль владеют мною,
Когда смертельною мой дух объят тоскою,
Когда ни в обществе любезных мне людей
Отрад не нахожу я горести моей,
Когда повсюду я лишь скуку обретаю, —
О трубка милая! к тебе я прибегаю.
От всех уединясь, беседую с тобой,
Спокойнее тогда бывает разум мой.
От вредной мокроты мой мозг ты очищаешь,
И мысли мрачные и грусть ты прогоняешь.
Когда взираю я, как дым клубится вверх
И вдруг передо мной в пространстве исчезает,
То лучше поучений всех
Мою мне жизнь табак изображает.
Равно как он, я прах пустой,
И жизнь моя есть пламень мой,

Который мой состав дотоле оживляет,
Доколе пищу он потребну обретает.
Не станет пищи сей — потухнет он навек,
А вместе с ним и жизнь теряет человек.

⟨1805⟩

50. ЭПИТАФИЯ ПЛЯСУНУ

Жантиля славного сей камень кроет прах.
Об участи его скажу я в двух словах:
Он, прыгая балет, ногам дал лишнюю силу,
Вскокнул — всех удивил, а сам — попал в могилу.

⟨1805⟩

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ И. П. ПНИНУ

51. НАДЕЖДА, РАДОСТЬ, СТЫДЛИВОСТЬ

Аллегорическая басня

Надежда с Радостью дорогою шли вместе.
Не помню точно я, в каком то было месте,
В Париже
Или ближе, —
Какая в том нужда?
Но знаю, что тогда
Прекрасны были дни,
Как на пути
Стыдливость встретили они.
Откуда и куда идешь — тотчас спросили
И с нею кой о чем еще поговорили,
Как водится всегда в случáе таковом.
Потом
Идти с собой Стыдливость упросили.
Скучна ли, весела
Дорога их была,
Читателю сие на суд я оставляю
И дале продолжаю.
Но как на свете сем,
Известно почти всем,
Нет прочного ни в чем

И счастьем завсегда не можно наслаждаться —
Равно и спутницам пришел час расставаться.
«Увы! сколь горестна разлука мне сия! —
Так Радость вопияла. —
Скажите, где могу еще узреть вас я?
В жилище роскоши я вечно не бывала,
И никогда нога не будет там моя».
Надежда про себя,
Ее любя,
Без дальних разговоров
Сказала ей тогда,
Что у любовников и также прожектеров
Бывает завсегда.
Стыдливость же в свою чреду вещала так:
«То опыт подтверждает,
Что ежели меня хоть раз кто потеряет,
Тот боле не найдет меня уже никак».

⟨1798⟩

52. НЕСЧАСТНЫЙ ЛЮБОВНИК

Раису милую я страстно полюбя,
Не помнил сам себя.
И день и ночь в уме ее воображая,
Томился, мучился, в злой скуке утопая.
Решился наконец об этом ей писать
И участи своей в ее ответе ждать.
Проходит месяц уж, проходит и другой,
Но от Раисы дорогой
В ответ
Ни строчки нет.
Кто в жизни сей любил или еще кто любит,
В отчаяньи моем меня тот не осудит:
Уже свинец готов был сердце поразить
И с жизнию моей мученья прекратить,
Но Небо, что о нас призрение имеет,
Дало мне ныне знать,
Что милая моя ни слова прочитать
Еще не разумеет.

⟨1798⟩

53. ЮЖНЫЙ ВЕТР И ЗЕФИР

Басня

«Какие всюду я ношу опустошенья,
Лишь дуну — всё падет от страшных моих сил, —
Так, с видом гордого презренья,
Ветр Южный кроткому Зефиру говорил. —
Крепчайшие древа я долу повергаю,
Обширнейших морей я воды возмущаю,
И бурь ужаснейших бываю я творец.
Скажи, Зефир, мне, наконец,
Не должен ли моей завидовать ты части?
Смотри, как разнишься со мною ты во власти!
С цветочка на цветок порхаешь только ты,
Или над пестрыми летаешь ты полями,
Тебе покорствуют лужочки и кусты,
А я, коль захочу, — колеблю небесами.
Тиранствуй, разоряй, опустошая мир,
Пусть будут все тебя страшиться, ненавидеть».
С приятной тихостью сказал ему Зефир:
«Во мне ж пусть будет всяк любовь и благость видеть».

⟨*1798*⟩

54. ТЕРНОВНИК И ЯБЛОНЯ

Вблизи дороги небольшой
Терновник с Яблонью росли,
И все, кто по дороге той
Иль ехали, иль шли,
Покою Яблоне нимало не давали:
То яблоки срывали,
То листья обивали.
В несчастьи зря себя таком,
Довольно Яблоня с собою рассуждала.
Потом
Накре́пко предприня́ла
Обиды все переносить
И всем за зло добром платить.

Терновник, близ ее в соседстве возрастая
И злобою себя единою питая,
Чрезмерно тем был рад,
Что в горести, в тоске нет Яблоне отрад.
«Вот добродетелям твоим какая мзда!
Вот что за них ты получила!
Но если б ты, как я, свою жизнь проводила,
То б ни несчастье, ни беда
Не смели до тебя вовеки прикасаться.
Ты стала б, как и я,
Покоем наслаждаться».
Терновник, Яблоне слова сии твердя,
Над муками ее язвительно смеялся.
Но вдруг — откуда? как? совсем не знаю — взялся
Прохожий на дороге той
И, Яблони прельстясь плодами,
Вдруг исполинскими шагами
Подходит к ней и мочною рукой
Всё древо потрясает.
Валятся яблоки — сюда, туда,
К ногам Терновника иное упадает,
Прохожий же тогда,
Не мысля ни о чем, лишь только подбирает.
И как-то невзначай за Терн он зацепляет —
Мгновенно чувствует он боль в руке своей,
Зрит рану и зрит кровь, текущую из ней,
И чает,
Что сея злее раны не бывает.
Правдива ль мысль сия?
Кто хочет, тот о том пускай и рассуждает:
Рука его, а не моя.
Но это пусть всяк знает,
Что в гневе, в ярости своей
Прохожий до корня Терновник отсекает.

Читатель! в басне сей
Ты можешь видеть ясно:
Что люди добрые хоть терпят и ужасно,
Хоть сильно гонят их, однако ж — почитают,
Злодеев же тотчас, немедля — истребляют.

⟨*1798*⟩

55. ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ РОДИНЫ

(Подражание Руссо)

Рогатов был влюблен — чему дивиться!
Ведь это не беда,
Когда
От страсти сердце загорится, —
Есть средство от сея болезни и лечиться.
Закон гласит:
Изволь жениться.
Рогатов от сего не прочь,
Чем мучиться и день и ночь.
К возлюбленной своей *Аликсе* он спешит,
Страстнейшую любовь свою ей открывает
И говорит,
Что в свете он ее всему предпочитает,
Что всею он душой *Аликсу* обожает
И что бы счастлив был тогда своей судьбой,
Когда б владел ее он сердцем и рукой.
Аликса несурова
И, зря перед собой любовника такого,
Не может ни руки, ни сердца отказать, —
Себя ему вручает,
И брак их узами своими съединяет.
Но надобно сказать,
Что не прошло еще и месяцев пяти,
Как зрит уже *Рогатов* плод,
Который женский род
Приносит после девяти.
Смущение, тоска *Рогатова* объемлет,
Он сердится, крушится;
Аликса ж жалобам его печально внемлет
И случаю сему не может надивиться.
Но публика, что сказки любит,
А правду губит,
Вмиг разные молвы на счет их разнесла —
Иные уверяют,
Что рано чересчур *Аликса* родила,
Другие ж утверждают,
Что плод их потому так скоро появился,
Что слишком поздно уж *Рогатов* наш женился.

⟨*1798*⟩

56. НАСТАВЛЕНИЕ БОГАТОМУ СЫНУ ОТ БЕДНОЙ МАТЕРИ

Усерднейшей моей горячности предмет,
Прими, любезный сын! полезный мой совет.
Во-первых, буди тверд в своем по смерть законе
И с верностью служи Отечеству, Короне.
Мужей, украшенных сединой, почитай
И благодетельства других не забывай.
Будь ласков ты ко всем, хоть ниже кто иль равен,
Не тщись богатством быть или чинами славен, —
В одних достоинствах прямую ставь честь.
Подлейших свойство душ являют трусость, лесть.
Сих бегай и не мни, что счастие неложно
Чрез пагубу других приобрести возможно.
Знай, чрез один порок в презрение придешь,
Чрез добродетель же сердца всех привлечешь,
И хоть несчастную во оной жизнь проводишь,
Везде любовь других с жалением находишь,
Спокойства чувствуя неоцененный дар,
Разрушить коего не может злой удар.
От жизни ро́скошной и праздной удаляйся
И строгостью трудов порокам противляйся.
Обиды презирай и гнева не имей:
Великодушием исправится злодей,
Бесчестнейших своих пороков устыдится, —
И тем не ты, но он жестоко огорчится.
Пусть здрава мысль твоя предшествует словам,
И прежде действия представь конец очам.
Несчастных облегчать старайся тяжко бремя,
Что в горести ведут и скуке томной время;
Будь к бедным щедр и их страшися пренебречь,
Не зная, как и твой век краткой будет течь.
Не будь тиран рабам, о пользе их пекися,
Будь снисходителен, но с ними не дружися,
Достойнейших из них старайся награждать,
Без строгости умей пороки исправлять:
Тем к большему одних усердию побудишь,
От слабостей других отстать совсем принудишь,
И равно сих и тех пленишь в любовь сердца́, —
Прямого будут зреть рабы в тебе отца.
Сии, любезный сын! поступки благородны,
Верь, будут смертным всем и небесам угодны.

За все мои труды, за нежность и любовь,
Старайся оправдать своих ты предков кровь
Похвальных дел вослед стремлением прилежным,
Что славы все зовут пристанищем надежным.

⟨1798⟩

57. СЧАСТИЕ

Не может счастие ничем меня прельстить,
Величия его считаю я мечтою;
Ко счастью надобно ступеней тьму пройтить,
А сходят от него почти всегда — одною.

⟨1798⟩

58. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ РОСКОШНЫМ И СКУПЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Роскошный человек, страстям предавшись всем,
Живет, как будто бы он смерти ожидает;
Скупой же, на́против, все деньги собирает,
Как будто вечно жить ему на свете сем.

⟨1798⟩

59. ЭПИГРАММА

Женатый господин слугу его спросил:
«Не с рогоносца ли ты шляпу, друг, купил,
Что кроет почти всё твое лицо полями?»
— «Она одна из тех, что вы носили сами».

⟨1798⟩

60. ЭПИТАФИЯ

Семь дней жена моя уж спит в могиле сей:
Какой покой и мне и ей!

⟨1798⟩

61. ГОВОРУН

«Не всё то злато, что блестит»,
И тот не умница, кто много говорит.
Рассудок мишуру от злата отличает,
Равно говоруна с разумным не равняет.

⟨1798⟩

62. НАДЕЖДА

Надежда! что ты есть такое?
Пролей свой свет ты на меня,
Скажи: мечтанье ль ты пустое
Иль луч блуждающа огня?
То зрю тебя я под венцами,
То средь пещер, между лесами,
С кинжалом, с пламенем в руках;
То вдруг, исполненну восторгов,
Я зрю тебя средь громких хоров,
В одеждах радостных, в цветах.

В различных кажешься ты лицах,
Таишь нередко цель страстей:
Преступну мысль храня в убийцах,
Возводишь их на трон царей.
Тобою *Сикст* одушевленный
Приемлет старца вид согбенный,
Чтоб к дверям рая ключ найтить;
Находит — и с душой надменной
Берет державу, крест священный,
И мир готов ему служить.

Иной, тобою обольщенный,
Воссесть мечтает на престол;
Уже народ, им возмущенный,
Несет повсюду тучи зол,
Как вдруг в стремлении сем яром
Падет под гибельным ударом,

На эшафоте распростерт;
Глава отсечена катится,
Струяся, черна кровь дымится, —
Надежда! так твой вянет цвет!

Злодей равно живет тобою,
Как муж, исполненный доброт,
Лишь, разной их ведя стезею,
Даешь вкушать им разный плод.
От двух начал ты происходишь,
Добро и зло с собой приводишь,
С желаньем быв сопряжена;
Лишь чрез него тебя мы знаем,
Коль есть желанье — уповаем,
А без него — что ты одна?

Ты есть ничто, коль нет желаний.
Но кто ж из смертных есть таков?
Кто из людей не полн мечтаний,
Не сделал кто из них оков?
В желаньях мы преград не знаем,
Во невозможном уповаем,
Мы любим обольщать себя,
Без нужд нередко призываем,
Чтоб только быть с тобой — желаем,
Скучаем жизнью без тебя.

Воззрю ли на раба в оковах,
Что век в неволе жизнь влачит,
На сирую вдовицу в стонах,
Что тощей смерти кажет вид;
Зря одного в цепях железных,
Другую зря в мученьях слезных,
Я вопрошаю сам себя:
Что держит в жизни сих несчастных?
Надежда! дней они ждут ясных,
И жизнь мила им чрез тебя.

Но что ж есть в существе ты самом?
Даешь ли истинный ты плод?
Под плотным кроясь покрывалом,
Лишь обольщаешь смертных род.

О! если б кто рукой враждебной
Сорвал с тебя покров волшебный
И обнаружил нам тебя!
Тогда б пред нашими очами,
Как в зеркале, мы зрелись сами
И всяк в тебе узнал себя!

Желаний наших ты зерцало,
Существенного нет в тебе:
От них приемлешь ты начало,
Ничто сама ты по себе.
Ты есть не что как продолженье
Не приведенных в исполненье
Желаний наших и затей,
Но от желаний кто отстанет?
Равно надежда не престанет
Несчастных обольщать людей!

⟨*1805*⟩

63. ЗАВИСТЬ

Порока пагубней я зависти не знаю.
С соревнованием я зависть не мешаю.
То нужно всячески стараться возбуждать,
Сию же, напротив, сколь можно истреблять.
Соревнование на верх возводит славы,
А зависть подлая лишь заражает нравы.
Примеров множество нам могут показать,
Что злобе, мщению, сим гидрам зависть — мать.
Пучину кто сию в груди своей скрывает
И сердце ядом лишь ее одним питает,
Кто б ни был он таков, того считаю я
За тайного врага — он в обществе змея:
Опаснейший злодей, прикрывшись лицемерством,
Он честный кажет вид, как сердце дышит зверством.

Порок сей извергов ужаснейших творит,
Раздоры, ужасы, несчастия родит,
Союзы самые священны разрушает,
Чистейших чувствий жар природы погашает.

Семейство, где во всех одна струится кровь
И в сердце коего одна горит любовь,
Коль искра зависти в сем сердце зародится,
В свирепый пламень огнь любви вдруг превратится
И в жилах потечет на место крови яд...
Жилище же сего семейства будет ад.

⟨1805⟩

64. ПЛАЧ НАД ГРОБОМ ДРУГА МОЕГО СЕРДЦА

Унылая кругом простерлась тишина,
Восходит медленно на небеса луна,
Трепещущий свой свет на рощи изливает
И с горестным лицом несчастных призывает
К местам, где мертвым сном природа вечно спит,
Где плакать и вздыхать ничто не воспретит.

О кроткая луна! о божество ночное!
Пролей свой свет туда, где смерть хранит в покое
Тот прах, что я иду слезами омочить;
Спеши, луна, спеши сей прах ты осветить!
Ты внемлешь мне, я зрю предмет моих желаний,
Свидетельницей будь ты всех моих стенаний:
Зрю царство смерти я и зрю ее предел,
Зрю кости, черепы, поля покрыты тел,
И как над трупами смеется червь презренный,—
Вот нашей гордости конец определенный.

О! ты, который всё разишь на свете сем,
Последнего раба становишь в ряд с царем,
Что добродетели и злобу истребляешь,
Что мудрость не щадишь, любви огнь потушаешь,—
Ужасный, мрачный гроб! увы! сколь часто ты
Блаженства нашего ниспровергал цветы,
Сколь часто разрывал ты те незримы узы,
Те нежные сердец чувствительных союзы;
Ты в лютости своей и ныне пóжрал вновь
И дружбу верную, и страстную любовь!
Тебя объемлю я, целую прах любезный,
На хладный мрамор твой ручей катится слезный...
Увы! свершилось всё — и смертной той уж нет,
Которая мне в рай преобращала свет.

Покойся, милая! спи в гробе сем, Аннетта,
Уж более тебя не тронут бури света;
Удары счастия, что в жизни нас разят,
Покоя твоего уже не возмутят.
А я, с пленяющим навек расставшись взглядом,
Я медленным томлюсь и неисцельным ядом.
Как можно предузнать враждебный смертный рок!
Я мыслил провести в покое жизни ток
И, с юности моей развратам неподвластен,
Со склонностью своей не думал быть несчастен.
Когда я выступил на сей превратный свет,
Я счастью льстивому не кинулся вослед
И, не прельщаяся ни славой, ни тщетою,
Пленялся истиной и сердца красотою.
Я зрел, каков сей мир, я видел счастья луч,
Сокрытый в глубине неизмеримых туч.

О, свет! ужасных бедств, ужасных мук содетель!
Где мзда с пороками равняет добродетель,
Где гордость, до небес касаяся главой,
Невинность робкую теснит своей ногой,
Где роскошь в облаках блестящий взор скрывает
И пропасти стопой железной попирает.
Вращаяся в тебе, я видел подлу лесть,
Хотящу вкрасться в грудь, чтоб больше ран нанесть.
Я зрел в тебе людей коварных, злых, надменных,
Бесстыдностью своей в злодействах ободренных,
Которых казнь небес ни совесть не страшит,
Которых бог — корысть, а подлость — твердый щит!
Я зависть зрел всегда носящую железы;
Успехи из нее мои исторгли слезы;
Невинного меня искала погубить:
Кто добродетелен, не может счастлив быть.
Когда, зря бездны вкруг, в обманах, во смятенье,
Я в дружбе кинулся найти успокоенье,
Святое дружество! О нежный дар небес!
Коликих мне и ты виною было слез!
Те, кои дружбу мне и верность обещали,
Увы! друзья мои! друзья враги мне стали.
Я злобу презирал, и сам ей жертвой был;
Но тем опасней враг, чем больше он нам мил!

О, небо! сколько змей, рожденных мрачным адом,
За всю мою любовь платили злейшим ядом
И, злость невинностью умея прикрывать,
Могли и тут губить, где б должно подкреплять.
Тогда, познав обман, познавши заблужденье,
Я вдруг из бурей сих прешел в уединенье,
Прешел — и заключил лишь самого себя,
Далече от людей найти покой мнил я.

Опасны страсти нам, но тишина страшнее;
Увы, бесчувственность всего на свете злее!
Прельщенный новою блестящею мечтой,
В замену счастия найти я мнил покой;
Увы! здесь нет тебя, и ищут бесполезно.
Я думал мир вкушать, но что же мир сей был!..
Вдруг свет мне сделался печален, пуст, уныл,
Всё стало тягостно, мучительно, превратно,
Я жизнь, несносну жизнь хотел прервать стократно;
Тогда, в престрашной сей мне в мире пустоты,
Аннетта! божество! мне тут явилась ты,
Подруга верная, имея нежны взгляды,
Пришла несчастному подать лучи отрады.
Увы, узрев тебя, узрел мгновенно я,
Что счастье и покой во взорах у тебя.
Во взорах сих — небес блеск, рай изображался;
Мне мрачен солнца свет пред молньей их казался.
С сих только пор лишь стал я жизнь мою ценить,
Аннетта, чрез тебя привык ее любить.
Ах! льзя ли не любить тогда мне жизни было,
Когда ты новую мне душу в грудь вложила,
Когда сказала мне с улыбкой на устах
И с нежным, пламенным румянцем на щеках:
«Люби меня, как я люблю тебя сердечно,
Чрез страсть взаимную счастливы будем вечно».
Увы! в полночный сей унылый тихий час
Мне мнится, что еще сей твой я слышу глас.
О друг души моей! когда то справедливо,
Что сердце чувствовать по смерти станет живо
Всё то, что чувствует во время жизни сей,
То знай, что вечность лишь предел любви моей.

⟨1805⟩

65. ЦАРЬ И ПРИДВОРНЫЙ

Сказка

Случилось одному царю в Египте быть
И близ тех пирамид ходить,
Что чудом в свете почитают.
Скажу я правду всю
И ничего не утаю:
Царево зрение пирáмиды прельщают.
Придворные ж таких случáев не теряют
И превосходно знают,
Когда и как царю польстить.
И потому один так начал говорить:
«Великий государь! зри камня блеск того,
Что сверху прочие собою прикрывает,
И кои сделаны лишь только для него, —
Не верно ль, государь, сие изображает
Народ твой и тебя?
Не те ли меж тобой и им суть отношенья?..»
Так царь льстецу на то сказал:
«Мой друг, совсем с тобой противного я мненья,
И мыслить никогда, как ты, не буду я.
Я вижу истину сего изображенья,
Которое весьма ты ложно понимал,
И потому желаю,
Чтоб случай сей заметил ты,
Затем что важным я его весьма считаю:
Тот камень, что свой блеск бросает с высоты,
Разбился б в прах — частей его не отыскали, —
Когда б минуту хоть одну
Поддерживать его другие перестали.

⟨1805⟩

66. БРЕННОСТЬ ПОЧЕСТЕЙ И ВЕЛИЧИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Тот ныне царь — вселенной правит,
Велит себя как бога чтить;
Другой днесь раб его — и ставит
Законом власть боготворить.

Ударит час — и царь вселенной
Падет, равно как раб презренный,
Оставя скипетр, трон, венец...
И, наконец,
Всё преимущество царя перед рабом
В том будет состоять,
Что станет гроб в стократ богатый заражать.

⟨1805⟩

67. КАРИКАТУРА

(Подражание английскому)

«Что это, кумушка? — сказал Медведь Лисице. —
Смотри, пожалуй: Лев наш едет в колеснице
И точно на таких, каков и сам он, львах!
Неужто же пошли они в упряжку сами,
Неужто силою? Они ведь тож с когтями?»
— «Ты слеп стал, куманек: он едет на ослах!»

⟨1805⟩

И. М. БОРН

Иван Мартынович Борн родился 20 сентября 1778 года в Эстляндском уездном городе Везенберге,[1] где и прошло его раннее детство. В 1788 году родители определили его в петербургский пансион некоего К. М. Хитрово, видимо для подготовки к поступлению в Академическую гимназию, так как 1 августа следующего года он был зачислен именно в это учебное заведение.

Учился Борн успешно, о чем свидетельствует «произведение» его в «студенты», состоявшееся 28 мая 1794 года. Гимназию Борн закончил 12 июня 1796 года и был выпущен из нее переводчиком. В последующие годы он служил корректором в академической типографии и некоторое время учительствовал в Смольном институте. В связи со служебными поручениями Борн часто отлучался из Петербурга. В 1796 году он выезжает в Никольское, в 1798-м — в Москву, в 1799-м — в Иркутск, в 1801-м — на Украину.

15 июля 1801 года Борн, вместе со своим гимназическим товарищем В. В. Попугаевым, создает в Петербурге «литературное общество», то есть Общество любителей изящного, в недалеком будущем — Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. «Мы... восхищались сею мыслию, — вспоминал он год спустя, — проводили нередко целые часы в рассуждениях о сем предмете, пригласили к нам бывших наших сотоварищей в учении».[2]

---

[1] Биографические сведения об И. М. Борне крайне скудны. До последнего времени не были известны даже место и год его рождения. Нами обнаружен в Научной библиотеке им. А. М. Горького Московского университета рукописный дневник Борна на немецком языке «Aus meinen Tagebüchern gesammelt seit d. 18/6 October 1840 in Bad Kissingen». На 111—114 страницах этого дневника сам Борн составил свой «Curriculum vitae» («Течение жизни»), начиная с рождения и кончая 1844 годом, пользуясь которым, восстанавливаем ряд неизвестных до сих пор дат и фактов из биографии писателя.

[2] И. Борн, Речь на случай чрезвычайного собрания 15 июля 1802 г. — «Периодическое издание...», СПб., 1804, б. с.

Борн избирался секретарем, цензором и президентом общества. Пост президента он занимал с 5 декабря 1803 по 15 июля 1805 года, когда его заменил И. П. Пнин, а после смерти Пнина — с сентября 1805 года до 15 июля 1807 года.

31 марта 1803 года возник вопрос об официальном признании Общества, для чего необходимо было обратиться с письмом к Александру I. Борн высказался против этого предложения: он понимал, что такого рода решение налагает на каждого из членов обязательства, стесняющие их литературную деятельность. Мнение Борна поддержали только В. В. Попугаев и А. Г. Волков, и письмо к императору все-таки было отправлено.

Литературная деятельность Борна представлена в эти годы стихотворениями, напечатанными в «Свитке муз», и двумя прозаическими отрывками в «Периодическом издании. . .» 1804 года. Первый из них, под названием «Ночь», — сентиментальная миниатюра, в которой прославление природы и воспоминания о детских и юношеских годах переплетаются с просветительскими мечтами о благе, которое несет с собой «просвещение». Эту последнюю тему развивает второй отрывок, носящий название «Эскиз рассуждения об успехах просвещения». Бумаги Вольного общества содержат также сведения о других, не сохранившихся произведениях Борна, а также о его переводах.

Переведенные Борном произведения отражают просветительские и предромантические его увлечения. Просветительские — наиболее четко представлены в трактатах общественного и филантропического характера: «О бедствиях человеческих» (из сочинений Морица), «Жизнь Говарда», «Воззвание к республике наук»; предромантические — в переводе отрывков из поэмы молодого Гёте «Герман и Доротея».

18 мая 1802 года Борн был назначен директором канцелярии только что открытого Медико-филантропического комитета, в обязанности которого входила врачебная помощь беднякам столицы. В начале следующего года он определяется старшим учителем русского языка в немецкое училище св. Петра, где служит до апреля 1809 года. Для воспитанников этого учебного заведения Борн издал в 1808 году «Краткое руководство к российской словесности» с примечаниями А. Х. Востокова. Оно состояло из трех «отделений»: «грамматика», раздел, носящий название «О теории слога в прозе и стихах», и краткая история российской словесности с древнейших времен и до начала XIX века. В главе «О стихотворстве» наряду с произведениями Ломоносова, Державина, Карамзина Борн цитирует стихи Востокова, Каменева и анонимно свои собственные.

В 1808 году в Петербург приезжает принц Ольденбургский, известный в России под именем принца Георгия. В следующем году он вступил в брак с сестрой Александра I — Екатериной Павловной и вскоре был назначен тверским, новгородским и ярославским генерал-губернатором. Борну было поручено учить принца русскому языку и одновременно выполнять роль его кабинет-секретаря. С этого времени Борн фактически выбывает из Вольного общества и переезжает с принцем Георгием сначала в Тверь, а затем в Ярославль. В 1812 году он вместе с принцем принимает участие в организации народных ополчений. В эти годы Борн быстро продвигается по службе, получает награды. В декабре 1812 года принц Ольденбургский скоропостижно скончался. Сообщая об этом событии в дневнике, Борн добавляет: «Ende meiner Staatdienste».[1]

После смерти принца Борн выполнял должность секретаря его вдовы. Когда Екатерина Павловна во второй раз вышла замуж за принца Вюртембергского и переехала в Штутгарт, вместе с нею отправился в Германию и Борн. С 1816 до 1820 года он жил в Штутгарте, а с 1820 до 1830 года — в Ольденбурге, затем, видимо, снова в Штутгарте. Находясь за границей, Борн много путешествует по Европе. Несколько раз (в 1830, 1837 и 1844 годах, согласно дневниковым записям) он на короткие сроки приезжал в Петербург. Умер Борн в Штутгарте в феврале 1851 года.

68. ПРОЩАНИЕ

(Из Гёте)

Пусть простится глаз с тобою,
А устами не могу!
Ах, сколь тяжко, тяжко сердцу!
Хоть и тверд душою я.

И залог любви сладчайший,
Милая! лишь скорбь теперь;
Сладкие уста холодны,
Слабо сжатие руки.

---

[1] «Конец моей государственной службы» (нем.). — *Ред.*

Ах, украдкою лобзанье,
Сколько восхищало ты!
Так нас радует фиалка,
Рано в марте сорвана.

Не сплету веночка боле,
Не сорву уж розы я!
Милая, весна настала,
Осень для меня — увы!

⟨1802⟩

69. ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ

(Из соч. Гёте)

Оставляю домик сей,
Миленькой жилище,
Прохожу тропою здесь,
Лес густой и темный!
Лишь теперь взошла луна,
Зе́фир повевает,
И верхи дерев, склонясь,
Жертвуют богине.

Как прохлада веселит
Летней красной ночи!
Как здесь кротко чувствуешь,
Душу что счастливит!
Трудно радость всю объять,
Но я не желаю
Тысячу таких ночей
За одну с Лизетой.

⟨1802⟩

70. ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ

(Из соч. Гёте)

Сердце билось, сел верхом,
Поскакал к любезной;
Уже вечер наступил,
Ночь покрыла горы.

Дуб в туманной ризе там
Башнею казался,
Мрак из-за кустов смотрел
Черными глазами.

Луч луны едва светил
Через мглу густую,
Ветер тихим веяньем
Слух мой ужасал.
Ночь чудовищей творит,
А я бодр и весел;
В жилах кровь огнем горит,
Сердце пламенеет.

Восхищенье, зря тебя,
Душу исполняло!
Сердце билось близ тебя,
Я дышал тобою!
Милое лицо твое
Розово сияло,
Ах! толикой нежности
Был ли я достоин!

Солнце поутру взошло,
Сжало мое сердце,
О, восторг — твой поцелуй!
О, печаль во взглядах!
Мы расстались — и в слезах
Милая осталась;
А ведь счастлив, кто любим!
Счастлив тот, кто любит!

⟨1802⟩

71. ОДА К ИСТИНЕ

Богиня моя! ты в рощах священных,
Где редко странник с тобою беседует,
Приемлешь жертву восторгов чистую
От чуждого низких страстей.

О вы, радости, там неизвестные,
Где вечна борьба мятежных желаний
Мелкие души без цели свергает
В алчну бездну ничтожества.

Вы сопутницы того, кто умеет,
Уединяясь, собой наслаждаться.
Вы вливаете в душу счастливого
Вдохновенья огнь сладчайший.

Оком быстрейшим им измеряется
Бездна, полная миров неисчетных;
В тайных жилищах творящей природы
Он видит законы ее.

Сколько искусство могло подражать ей,
В твореньях великих исследует он;
Всё, что изящно, — рождает благое,
Всякое зло — горесть, беду.

Будучи сыном отечества славы,
Усердием дышит о благе его,
Премудрость законов благословляет,
Злых тиранов в сердцах клянет.

Богиня моя! святая истина!
Тебе фимиам сердечныя жертвы
Приносит чуждый корыстной надежды,
Страха, сына невежества.

⟨1802⟩

72. СУДЬБА МОЯ

К тебе я сердцем устремляюсь,
Приятна тишина лесов,
В священной сени наслаждаюсь,
И се — от бурь мирских покров!

Когда по чистому эфиру
Луна свой кроткий луч лиет,

С душою соглашая лиру,
Пою — и забываю свет,

Где всё ничтожное велико,
А всё великое — ничто;
Где тот, кто силен, есть владыко,
А слабый, бедный — раб его;

Где имя важно, а не дело,
Престол где вечной суеты;
Где наслаждается лишь тело,
Порок не кроет наготы.

Чем может дух мой здесь прельщаться?
Чем жажду утолю его?
Но нет! судьбе повиноваться
Есть долг рассудка моего.

И я не из числа несчастных,
Когда имею я друзей,
В случáях жизни сей напастных
Покров и щит души моей.

Доволен участью такою,
Зачем искать мирских сует?
Я счастлив дружбою святою,
Любовью милой юных лет.

⟨1802⟩

73. К ДРУЗЬЯМ МОИМ

При шуме ветра я спокоен,
И сердце теплое во мне.
Надежды солнце озаряет
Счастливой жизни путь моей.
Счастливой! Так! Сколь мило чувство
Судьбы довольного собой!
Далек я от картины лживой
Исполненного моря скал,
Пучин-честей, сокровищ, чуждых
Спокойствия душевного.

Доволен малым я и счастлив,
Имея вас, друзей моих,
Умом и сердцем лишь богатых.
В разлуке мы, но дружбе сей
Пространство, время не помеха:
Одна лишь *парка* враг ее.
В лугах цветных и в рощах тихих,
На троне поднебесных гор
И праведного в сердце чистом —
Мы ищем и лобзаем мы
Следы творца всея природы.
Жизнь наша́ кротко протечет,
И в недрах вечности мы тихо
И радостно сокроемся.

Между сентябрем 1801 и апрелем 1802

74. НА СМЕРТЬ РАДИЩЕВА

К О⟨бществу⟩ л⟨юбителей⟩ и⟨зящного⟩

Друзья! иду в ваш круг священный
Из тихой хижины моей;
Беседа истины нетленной,
Отраду в дух скорбящий лей!
Блажен, кто в жизни сей превратной
С душою твердою спешит
Обнять друзей нелестных; знатный
Чертог сатрапский не манит
Того, кто жизни цену знает
И в цвете юных, лучших лет
Стопы свои не совращает
Искать больших мирских сует;
Кто в пламенной душе объемлет
Весь мир и роды всех людей,
Кто добродетель лишь приемлет
Отличием земных властей;
Кто, силы не страшася ложной,
Дерзает истину вещать,
Тревожить спящий слух вельможный,
Их черство сердце раздирать!

Но участь правды быть гонимой, —
Мне скажут многие из вас,
Сынов мечты блестящей, мнимой,
Минутной славы! И у нас
Имеет правда, добродетель
Своих страдальцев: там Сократ,
Мудрец и смертных благодетель,
Казнен; а в ссылке там стократ
Пьют патриоты смерти чашу:
Начто же добродетель нам?
Влача в златых цепях жизнь вашу,
Прилична речь сия рабам!
Но истина пребудет вечно
Всех добрых смертных божеством;
Земное счастье скоротечно,
Оно преходит кратким сном.
Равно как солнце освещает
Эонов вечный круг в мирах, —
Там пал народ! Там — возникает!
Вся тварь живет в его лучах.
Так истина неугасима,
Подобно солнцу в облаках!
И добрыми и злыми чтима
Она была во всех веках!

Такими мыслями занимался я, идучи к вам, любезные друзья! На сих днях умер Радищев, муж вам всем известный, коего смерть более нежели с одной стороны важна в очах философа, важна для человечества. Жизнь подвержена коловратности и всяким переменам. Нет дня похожего на другой. Как легчайший ветер возмущает поверхность вод, так жизнь наша есть игралище вечного движения. Радищев знал сие и с твердостью философа покорился року. Будучи в Иркутской губернии, в местечке Илимске, сделался он благодетелем той страны; ум его просвещал, а добродушие утешало всех, помогало всем, и память добродетельного мужа пребудет там священною у позднейшего потомства. Когда они услышали, что просветитель их, их отец, их ангел-хранитель (он многих вылечил, особливо от зобов, болезни тамошних мест), что Радищев их оставляет, стеклись к нему благодарные на расстоянии пятисот верст! Всякой нес

что-нибудь от сердечной благодарности, слеза каждого мешалась со слезами торжествующего честного человека. О, минуты, достойные вечности! Кто из грозных бичей человечества, сих кровожаждущих завоевателей, опустошавших страны цветущие и окововавших в цепи рабства вольных граждан! кто из них, говорю я, наслаждался такими минутами? — Никто! Радость их была буйством, торжество их — поруганием человечеству. О добродетель, добродетель! ты составляешь единственное истинное счастие!

Радищев с горестью расстался с илимскими жителями; на возвратном своем пути остался он везде в памяти. В проезд мой через Тару остановился я в том доме, где он прожил неделю, и хозяин не мог нахвалиться его добродушием, его ласковостию. Такова сила ума и добродетели! Истинно великий человек везде в своем месте, счастие и несчастие его не переменяют. Во всяком кругу действий, как в большом, так и в малом, творит он возможное благо. Истина и добродетель живут в нем, как солнце на небе, вечно не изменяющееся.

Радищев умер, и, как сказывают, насильственною, произвольною смертию. Как согласить сие действие с непоколебимою оною твердостию философа, покоряющегося необходимости и радеющего о благе людей в самом изгнании, в ссылке, в несчастии, будучи отчужденным круга родных и друзей?.. Или познал он ничтожность жизни человеческой? Или отчаялся он, как Брут, в самой добродетели? Положим перст на уста наши и пожалеем об участи человечества.

Друзья! посвятим слезу сердечную памяти Радищева. Он любил истину и добродетель. Пламенное его человеколюбие жаждало озарить всех своих собратий сим немерцающим лучом вечности; жаждало видеть мудрость, воссевшую на троне всемирном. Он зрел лишь слабость и невежество, обман под личиною святости — и сошел во гроб. Он родился быть просветителем, жил в утеснении — и сошел во гроб; в сердцах благодарных патриотов да соорудится ему памятник, достойный его!

Вечная причина всего сущего! пред тобою человек — ничто. Как ему постигнуть связи судеб? Кто изведает таинственные узы великих душ с происшествиями мира в океане вечности?

Ужели смерть есть конец всему? Сие изменение бытия нашего в видимом. Раскроем книгу истории человечества. Все стремились к некоторой цели. Кто оной достиг? К чему сие стремление? Где оному предел? А когда оно есть, когда оно врожденно каждому человеку, то почему нам не признать другой, третьей, вечной жизни? О друзья мои! человек не перестает быть: он переменяет токмо вид свой в природе!

Ты в сферах неизвестных скрылся
От бренных глаз земных;
Но смерти нет! Ты там явился
В кругу существ иных.
Другие чувства, ум и воля
Там исполняют дух:
Стократ блаженнее днесь доля
Твоя, бессмертный дух!

Сентябрь 1802

75. НА СЛУЧАЙ НАВОДНЕНИЯ

27 сентября 1802 года, в ночи

Скажи, зачем, о гневный Посидон!
Идешь на брань?
Се славный град Петров, не Илион,
Забывший дань.
Не слышишь стон, взносящийся до звезд,
Отчаянных,
Не видишь слез отцовских и невест
О избранных.
Явись, явись, прекрасный Дидимей!
За мраком сим
В лучах своих спасительных излей
Отраду им.

27 сентября 1802

76. БЛИЗОСТЬ ЛЮБЕЗНОГО

(Из соч. Гёте)

Ты мысль моя, когда от моря луч
Является;
Ты мысль моя, когда свет месяца
В струях горит;
Я зрю тебя, когда подымется
С дороги пыль;
И в поздню ночь, на узкой коль стезе
Зрю странника.
Я слышу там, в шуму валов, тебя,
Мой милый друг!
И в тишине лесов мне слышится
Твой нежный глас.
Я близ тебя, и в отдалении
Ты близок мне.
Спустился мрак, сияют звезды, ах!
Где ты, мой друг?

⟨1803⟩

77. ОДА КАЛИСТРАТА

К В. В. П⟨опугаеву⟩

Венчаю меч мой миртовыми ветвьми,
Равно как Гармодий и Аристогейтон,
Когда сражен ими был тиран, когда
Вольность и правосудие восстали.

О вы, даровавшие вольность! Вам смерть
Смертью не была; на островах блаженных,
Герои, вы! где богинин сын Ахилл,
Там, где храбрый сын Тидея Диомед!

Венчаю меч мой миртовыми ветвьми,
Равно как Гармодий и Аристогейтон,
Когда пал тиран Афин от руки их,
Когда пал Иппарх в праздник Минервин!

Вечно пребудет на земле слава
Гармодия и Аристогейтона!
Тиран пал от руки вашей! Вольность
Дана вами Афинам и правосудие!

(1803)

78. ПОБЕДА

Блажен, кто Крезом или Иром
В несносных узах не живет;
Собой доволен, целым миром,
Не знает он пустых сует.

Не видя благ, не видя счастья
В туманных облаках честей,
В пронырствах не берет участья,
Не ставит скрытных он сетей.

В гражданских должностях он верен,
Супруг ли он, отец иль друг;
Он осторожен, он умерен
И помнит завсегда свой круг.

Его и вёдро и ненастье
Спокойный не нарушат нрав;
Не хочет он на прочно счастье
Отличных от сограждан прав.

Так мыслил я и преселился
Из града в тишину села;
Театром взор не веселился,
К бостону скука не вела.

Ах! постоянство с человеком
Согласно так, как ветр с водой;
Кто в жизни насладится веком,
Где царствует один покой?

Я рвался, мучился, томился
И счастья вне себя искал;
Во град любимый возвратился
И мигом в западню упал.

Что делать? Биться, сокрушаться,
Себя журить в тоске я стал.
«Не лучше ль по миру скитаться!» —
В сердечной скорби вопиял...

Явился мне прекрасный гений
Во сне и ангельски вещал:
«Не будь рабом предрассуждений,
Восстань! Победы час настал».

Как вновь родясь, я тяжки узы
Во слабы нити превратил
И с юным духом к вам, о музы!
С любовью новой поспешил.

⟨1804⟩

79. ПРОБУЖДЕНИЕ АГЛАИ

Утро с улыбкой
Видит Аглаю
Спящую здесь;
Розовой тканью
Милой ланиты
Зе́фир покрыл.

Тихо в природе,
Всё торжествует
Грации сон;
В сладком забвеньи
Резвых амуров
Игры молчат.

Только на ветке
Нежно воркует
Горлица там...

Небо отверзлось:
Очи прелестной!
Движется всё.

Воздух струится,
Травка поникла,
Речка бежит.
Я лишь останусь,
Смертный, счастливый,
С нею один.

⟨1804⟩

80. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Что я вздыхаю,
Видя прекрасных
Милых девиц?
Юлии равной,
Ах! не увижу
Я никогда.

Часто встречаю
Прелести, разум,
Часто в одной;
Горесть заступит,
Ближе спознавши,
Место любви.

В Юлии только
Прелести, разум
Дружны с душой!
Как же возможно
Чувствовать боле
Прежню любовь?

Так я вздыхаю,
Видя прекрасных
Милых девиц;
Юлии равной,
Ах! не увижу
Я никогда.

⟨1804⟩

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ И. М. БОРНУ

81

Вторит глух вкруг гул отголосок грома,
Сильный дождь сыр бор застилает мраком,
Солнца мглой скрыт луг животворный, — хладом
Чувства объяло.

С треском вихрь, свой свист усугубив, рушит
Древо. Се пал дуб вековечный, гордо
Ветвьми луг весь сей одевавший, пала
Сильного сила.

⟨1808⟩

82

В ком сердце благородством дышит,
Изящного с любовью ищет,
Воистину любезен тот!
Друзья и все судьбы щедроты
Суть верные ему оплоты
От бурь житейских и забот.

⟨1808⟩

В. В. ПОПУГАЕВ

Василий Васильевич Попугаев родился в 1778 (или в 1779) году, в семье живописца на шпалерной фабрике. В 1785 году, уже лишившись отца, Попугаев был зачислен на казенный счет в гимназию при Академии наук, где проучился двенадцать лет. В аттестате, выданном в 1792 году, отмечены хорошие способности юноши и прилежание его к наукам. По выходе из гимназии Попугаев занимал скромную должность чтеца в петербургской цензуре, а затем — учителя русского языка в немецком училище св. Петра.

В 1802 году Попугаев был зачислен в Комиссию по составлению законов, где успешно продвигался в чинах и получал награды.

Годом раньше, вместе с пятью другими выпускниками академической гимназии, Попугаев стал одним из основателей Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, ревностным членом и руководителем которого он оставался на протяжении первых шести лет его существования. В том же 1801 году вышла небольшая книжка стихов Попугаева под названием «Минуты муз». Другие его стихи были помещены в альманахе «Свиток муз». В «Периодическом издании. . .» 1804 года он опубликовал краткую историю Вольного общества, очерк «Негр», два стихотворения и несколько статей о воспитании. Лучшие произведения Попугаева отличаются ярко выраженным демократизмом и антикрепостническими настроениями. Эти настроения особенно полно отразились в публицистическом трактате «О рабстве и его начале и следствиях в России».

Неблагоприятным и переломным в судьбе Попугаева оказался 1811 год, когда он, вследствие разногласий с Д. И. Языковым и А. Е. Измайловым, был исключен из Вольного общества и по неизвестным причинам уволен из Комиссии по составлению законов. После этого он служил в невысоких чинах в столичных и провинциальных учреждениях.

Умер Попугаев в 1816 году в Твери.

83. ОДА НА СЛУЧАЙ ПОЗВОЛЕНИЯ, СДЕЛАННОГО СОВЕТОМ, НА ПРОПУСК «CONTRAT SOCIAL»,[1] СОЧИНЕНИЕ СЛАВНОГО ЖЕНЕВСКОГО ФИЛОСОФА РУССО, ПРЕДСТАВЛЕННОЕ ЦЕНЗУРОЮ НА РАССМОТРЕНИЕ

Ликуй Парнас, всплещите музы,
Красуйся светлый Геликон,
И арфы сладкия союзы
Торжествен раздавайте звон, —
На крыльях слава пронесися
Дальнейший мира по конец,
Неувядаем лавр плетися
От благодарнейших сердец.

О россы, вам не запрещают
Великих гениев читать,
Пределов вам не полагают
По ним в отважный след дерзать.
Открыт вам ⟨путь⟩ для просвещенья,
Что Петр Великий проложил;
Амфиктион — ума сужденье
В пределах узких не включил.

Руссо, повсюду уваженье
Твоим талантам отдают
И быстра гения паренье
Твое — в пределах росских чтут.
Умам великим нет препоны
. . . .
Российски мудрые законы
Их славу тщатся сохранять.

⟨*1799*⟩

84. СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ СЕЙ

Зачем искать богатства,
Нам нужны ли они?
Их блеск — лишь ложна слава,
Их прелесть — смертный яд.

---

[1] «Общественный договор» *(франц.). — Ред.*

Единое спокойство
Есть счастье жизни сей,
Едина добродетель
Нас услаждает здесь.
Высоки чести, слава —
Суть в мире слух пустой;
Их больше по наследству,
Не правдой льзя достать.
Монархи, здесь гремящи
Высоким саном их,
Ту ж горесть ощущают,
Те ж тягости несут.
В сем мире невозможно
Совсем счастливым быть;
Нас часто то пленяет,
Что служит ко вреду.
Лишь тот благополучен,
Доволен кто судьбой
И, титлов не желая,
В спокойствии живет.

⟨1799⟩

85. ОДА

Пойте, Пиндары, героев,
Полководцев и царей,
Пойте громы страшных боев,
Блеск оружий, звук мечей;
Славьте градов разоренье,
Побежденных вопль и стон;
Славьте царств опустошенье,
Бедств, несчастий миллион.
Вашей я нейду стезею,
Я хочу любовь звенеть,
Я хочу струной златою
Прелести любезной петь.
Что величество и слава?
Что звук браней, звук побед?
Что вселенной всей держава?
Сонм несчастий, зол и бед!

Нет покоя и на троне,
Гордость коль на нем живет,
Страждет сердце и в короне,
Льются слезы средь побед.
Рим среди торжествований,
Мир когда весь победил,
Жертвой был усобных браней,
Кровь своих сограждан лил...
Если с Лизой я играю,
С ней смеюся, с ней шучу,
Всё я, всё позабываю,
Царств и славы не хочу!
Нежны милой разговоры
Мне дороже всех побед,
Поцелуй ее и взоры
Больше мне, чем целый свет.
Их я, их я буду славить,
Их я буду воспевать.
Петь иное ум заставит —
Будет чувства принуждать.

⟨1799⟩

86. СЧАСТЬЕ

Счастлив, кто злато презирает,
Смеется пышности, частям,
Богатств огромных избегает,
Не ходит знатных по домам!

Кто горды ласки сибаритов
Презреньем позлащенным чтет
И из наружно скромных видов
Сердца змеины узнает;

В угодность знатну господину
Кто ставит в стыд себе ласкать,
Из уваженья к роду, чину
Несчастных в бедства повергать;

Но в тихом круге обитает
Семейства милых и родных

И боле счастия не знает,
Как быть в объятиях драгих.

Высокость нас не защищает,
Богатства Крезовы от бед:
И царь на троне унывает,
И бедный счастливо живет.

⟨1799⟩

87. ТАНТАЛ

Несносны Тантала мученья:
Он видит плод, в струях стоит,
И жажда, глад его томит:
Бежит плод рук прикосновенья,
Вода от уст его бежит.

Но ах! не те ли ощущаю
Мученья, бедный, в мире я?
Горит, горит душа моя!
Как пламень весь, как огнь пылаю!

Драгой рука пред мной лежит,
Уст милых слышу разговоры,
Зрю белых лилий нежны горы,
Хочу лобзать ее — претит.

Жестоки ли, свирепы взоры?
Улыбка томна — милый вид!

⟨1799⟩

88. ПЕСНЯ

Нет в мире злоключенья?
Несчастья в мире нет?
В нем только утешенья,
В нем радость лишь живет?

СВИТОКЪ МУЗЪ.

Summa paulatim petemus.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Съ дозволенія Ценсуры.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
печатано въ типографіи ШНОРА,
1802 года.

Ан нет! — я верно знаю,
Зло долей лишь его, —
То сердца ощущаю
Примером моего!

Закон неколебимый
В природе есть любовь, —
Все твари ей томимы,
Ей всех пылает кровь.

Но нет коль утешенья,
Когда она горит,
Не явно ль на мученья
Нас в свет судьба родит?

Свирепее сей страсти
Ни льва, ни тигра нет,
Ее зло все напасти,
Мученья превзойдет.

Не раз любви жестоки
Я цепи ощущал,
Не раз, не раз глубоки
Я вздохи испускал.

Но втуне! Сожаленья
В предмете всё не зрел,
Стонал, терпел мученья,
Отрады не имел.

Нет в мире злоключенья?
Несчастья в мире нет?
В нем только утешенья
В нем радость лишь живет?

⟨*1799*⟩

89. ОДА

Из Горация

Не блещут златом потолоки,
Индейской костью домик мой,
Подпоры мраморны высоки
Не тяготят столбы с резьбой.
Не быв наследником Аттала,
Не обитаю я дворцов
И тканей в дар, что Спарта ткала,
Не получаю от льстецов.
Но и богач не презирает
Меня за ум, за лирный звон.
Мой знатен друг, всем обладает,
Но что́ просить? Что́ даст мне он?
Я чту себя тогда блаженным,
Как буду сыт сухим плодом.
Стремится день за днем свершенным
И месяц новый по другом.
Забыв час близкой погребенья,
Пожалуй мрамор обсекай,
И всюду чудные строенья,
Не помня смерти, возвышай,
И делай насыпи высоки,
Чтоб брег морской распространить,
Коль блага те еще не многи,
Он кои мог в себе вместить.
Что пользы в том, что отнимаешь
Поля соседние других
И за пределы забегаешь
Самих приверженцев твоих?
С земли отцовской, из домов
Ты можешь бедного изгнать,
Заставить, взяв с собой богов,
Жену, отца, детей, — бежать.
Но что по смерти богачам
В жилище вечно остается?
Обитель, данная теням, —
Что ж так надменный дух несется?
Земля всем недро отверзает,
И бедный так же в ней лежит,
И царь равно опочивает.

Харона злато не прельстит.
Им не пленяся, Прометея
На свет он сей не возвратил,
Из ада Тантала-злодея
И род его не свободил.
Смерть слышит бедного стенанья
Под игом тягостных работ,
Не дожидаясь призыванья,
Его освободить идет.

⟨1799⟩

90. К К...

Сентября... 11 часов

Наконец опять счастливым
Я могу себя назвать,
Быть хоть должно молчаливым,
Но — престал я воздыхать
И вкусил небес утехи
После тяжких, горьких мук;
Ныне радости и смехи
Познаю я, милый друг.

Как возможно удержаться,
Бывши счастливу, молчать,
От восторга забываться
И на лире не звучать!
Нет! — я был, я был счастливым,
Верх блаженства ощутил
И с предметом страсти милым
Нежный пламень разделил.

На грудях драгих, прелестных
Кати милой, дорогой,
В чувствах сладостных, небесных
Нектар чашей пил златой,
К розам нежным прижимаясь
Уст богини в свете сем,
Как бессмертный восхищаясь,
Пренесен я был в *Эдем*.

⟨1799⟩

91. К ЛУНЕ (ЗИМОЮ)

Сей в лазурях серебристый,
Светлый месяц, луч свой сей!
Лей свет, лей свет кроткий, чистый,
Лей в луга, в долины лей!
В них уж резвые зефиры
Меж цветочков не урчат,
При кусточках томны лиры
Златострунно не бренчат.
В них уж нимф и граций хоры
Сладких песней не поют;
В них лучи златой Авроры
Клой, Дафни́сов не зовут, —
Вьюги, снеги и морозы
На долинах, на лугах
Истребили красны розы,
Травку, лист на деревах;
Шумны про́гнали утехи,
Игры, радости, любовь,
Задушили в сердце смехи,
Застудили в жилах кровь
И велели всем укрыться,
В домах, в хижинах сидеть.
Чем же, чем же веселиться,
Коль на луч твой не глядеть?
Коль тобою не пленяться,
Как потухнет наш камин,
Сердцу милы удалятся
И останешься один?
Сей в лазурях серебристый,
Светлый месяц, луч свой сей!
Лей свет, лей свет кроткий, чистый,
Лей в луга, в долины лей!

⟨*1799*⟩

92. НА ПРОГУЛКУ ПО РЕКЕ ЛИЗЫ

Струи стремитесь золотые
Гранитных невских берегов!
Алмазы, яхонты живые
Зефиром движимых валов
Еще приятнее блистайте,
Живее прядайте в волнах,
Как звезды в небесах сияйте,
Как искры в разных кристалях!
Теченья томное журчанье
Приятней сердце, ум пленяй,
И Феб немеркнуще сиянье
В лазурях боле разливай,
И в запад боле не катися,
Не тщись в странах других сиять,
Над сей рекой остановися,
Где Лизе вздумалось гулять,
Где в легкой лодочке прекрасной,
Расставя тонки паруса,
С толпой амуров в веслах страстной
Прелестна Книд летит краса;
Где с нею нимф прелестны хоры
И граций троица плывет,
Где томный вид она Авроры,
Дианы скромный вид несет.
За нею из груди стремится
И сердце страстное лететь,
Чтоб в счастье с прочими вделиться,
Драгую Лизу ближе зреть.
Злосчастный! но чего желаю?
Прошу я Феба лишь стоять,
Лишь только воды умоляю
Их гладкость, блеск их сохранять, —
Не нужно оное прошенье:
Природа зрит ее красы,
Она от оных в восхищенье,
Для ней драги сии часы!
Борей на воды дуть не станет,
Напором оных не взмутит,
И Феб сиять не перестанет,
Когда здесь взор ее блестит.

Мне б должно лодку заклинаньем,
Слезами, воплем удержать,
Мне б должно вздохами, стенаньем
Амуров в гребле умягчать,
Чтобы они остановили
Стремленье Лизу отдалить,
Чтоб, тихо двигаясь, явили
Мне случай взор мой насладить.
Вот лодка милая сокрылась,
И парус перестал белеть.
Из глаз драгая Лиза скрылась —
Нельзя, нельзя ее мне зреть!

⟨1799⟩

93. К ЛИЗЕ

Лиза! Лиза! — рассердилась,
Что с тобою я играл?
Так за то ты оскорбилась,
Что тебя поцеловал?
Льзя ли эдак быть гневливой,
Толь свирепый нрав иметь?
Льзя ль толь быть нетерпеливой,
Что и ласки не терпеть?

Роза сердится ль в лужочке,
Что играет с ней зефир?
Есть ли сердце в ручеечке,
Что пленен им целый мир?
Что порхает мотылечек
Вокруг бабочки своей,
Что с ней резвится дружочек,
Ах! в досаду ль это ей?

⟨1799⟩

94. ВОЗЗВАНИЕ К ДРУЖБЕ

Дружба! дар небес бесценный,
Сладкий нéктар жизни сей,
Гений мира, всей вселенной,
Божество души моей!
Низлети с кругов эфирных,
Ниспади на круг земной, —
Да услышим глас в зефирных
Тихих веяньях мы твой.
В жилах наших огнь прольется,
Сердце смертно оживит,
Страшной брани огнь уймется,
Агнца с волком примирит.
Гордость — изверг утесненья —
Истребится пред тобой,
В все живущие творенья
Водворится мир, покой.
Раб не будет пресмыкаться
Пред владыкою своим,
Тяжки цепи истребятся,
Зло рассеется как дым.
Крез услышит бедных стоны,
Будет сирому внимать
И несчетны миллионы
К их лишь благу собирать.
Процветет страна счастлива
Мест Аркадии златой,
Лавр зеленый и олива
Соплетут союз с собой.

Дружба! дар небес бесценный,
Утешитель жизни сей!
Ниспустись на мир сей бренный,
Дай покой вселенной всей.

⟨1799⟩

95. СУДЬБА

О, странное судеб веленье,
Чудесный счастья оборот!
Невинный страждет в утесненье,
Злодей безбедственно живет.
Один в слезах смыкает очи,
В скорбях, рыданьях восстает,
Проводит в сетованьи ночи,
В труде поносном жизнь влечет;
Другой на розах засыпает,
Богатств в избытке и честей,
Годами радости считает,
А скорбь лишь знает чрез людей.
Один, быв иста добродетель,
Помощник страждущим в бедах,
Злосчастных, сирых благодетель,
Влечет жизнь в тягостных цепях, —
Лишен отеческого крова,
Жены любезной отдален,
Гоним свирепством рока злого,
В труде под полюсом согбен;
Другой, пограбя миллионы,
Покрывши кровью целый мир,
Наруша все права, законы,
Хвалы внимает льстивых лир,
Себя не чтит едва за бога,
Главой, владыкой смертных всех,
И внутрь блестящего чертога,
Пресытясь, дремлет средь утех!
Вотще питают нас надежды,
Правдивость в мире не живет,
Здесь чаще счастливы невежды,
А добрый, мудрый слезы льет;
Венцы Кромвéли получают,
Нероны — скипетр золотой,
Камиллов в ссылку посылают,
Дионам смертью платят злой.
Богиня счастия слепая
Дает всё людям на случа́й,
Судьбою смертного играя,
Из чаши сыплет через край

Богатства, почести, почтенье,
Где слышит только гул людей, —
И в то же самое мгновенье
Сбирает их рукой своей.
Сей мир есть место испытаний,
Где смертный борется с волной
Страстей, бунтующих желаний,
Одной питается мечтой;
Где мудрый втуне иссякает
В желаньи жить лишь для людей,
О бедствах ближних воздыхает
И в узах стонет — как злодей!

⟨1799⟩

96. ПЕСНЯ

Чижик, пой свою свободу,
Щелкай радость, соловей,
Зря с весельем на природу,
По́рхайте в долине сей!
Сердцу миленьких зовите
Ваше счастье разделить,
Мук и горестей бегите,
Горько, горько слезы лить!
Было время, как в покое
И я радости вкушал,
Счастье чувствовал прямое,
Лишь утехами дышал.
Ныне всё переменилось,
Помрачилося тоской,
Сердце страстно затомилось
Милой Клоей, дорогой.
Милы птички, берегитесь
Злобной участи моей,
Злой тиранкой не пленитесь,
Поздно рваться из сетей!

⟨1799⟩

отдаются для продажи книго-
чцу, который каждую треть
года подаетъ ведомость
объ оныхъ въ Комитетъ
цензуры, а вырученные
деньги по мере получения
оныхъ, присовокупляются къ еди-
ничной Собрания суммѣ.

§ 64.

Ежели кто изъ членовъ или
корреспондентовъ, пожелаетъ
сочинение или переводъ свой
печатать особенно, а не въ об-
щественныхъ изданияхъ, то
подъ общественною цензурою,
то представляетъ объ оной
во общество, которое отдаетъ
рукопись на разсмотрение
цензуры и поступаетъ во
всемъ такъ какъ предписано
выше; выключая что одо-
брения и подписания
Председателя и Секретаря
рукопись отдается уже
въ полное распоряжение
сочинителя или переводчика,

который однакожъ обязанъ
немедленно по напечатании
и прежде нежели пуститъ о-
ную въ продажу, представить
экземпляръ съ рукописью въ
цензуру общества, для раз-
смотрения не напечатано ли
чего, что могло бы превратить
смыслъ оной.

Президентъ Пнинъ

Д. Языковъ
А. Измайловъ
В. Попугаевъ
И. Аржевитиновъ
Н. Радищевъ
Г. Лопатинъ
Ленкевичъ.
Н. Остолоповъ
Николай Брусиловъ
И. Борнъ.
А Востоковъ

97. К МОТЫЛЕЧКУ

Любезный мотылек,
С цветочка на цветок
Ты там и сям летаешь
И сладкий собираешь
Во всех местах медок!

С лилеи, с василька
И с розова цветка
Ты носишь испаренья
И сладкие куренья
По пестреньким лугам.

Но, милый мотылек,
Видал ли ты цветок?
Он всех цветков милее,
Всех в мире роз алее,
То Лизанькин роток.

С него, мой мотылек,
Мой миленький дружок!
Я слаще мед сбираю
И аромат вдыхаю,
Мой сча́стливее рок.

⟨1799⟩

98. СОН, ПРЕРВАВШИЙСЯ В МИНУТУ БЛАГОПОЛУЧИЯ

В голубом лазурном своде
Ярко блеск луны сиял
И унылый вид в природе,
Мрак печальный прогонял;
Звездных сонмов миллионы
Золотили горизонт,
Светлы их лучи гранены
Отражались в синий понт...
В сладком сна обвороженьи
Весь род смертный пребывал,
Лишь один я в исступленьи
Не́ спал, в лиру ударял.

Пел приятность лунной ночи,
Пел священную любовь!
Милой Кати томны очи
Волновали мою кровь!
Сладко в чувствах заблуждаясь,
Я весь страстию дышал,
Ум, приятно обольщаясь,
Мне драгую представлял, —
Как в средине сих мечтаний
Низлетел ко мне Морфей,
И в миг тот же бог терзаний
Пламенной стрелой своей
Мне разжег воображенье,
Сердце боле вспламенил
И драгую в сем забвенье
Сладком чувств — пред мной явил.
С той улыбкой, с тем же взором,
Кою в ней я за день зрел;
Грации за нею хором,
А пред ней Амур летел,
Смехи круг ее толпились,
Зе́фир кудри развевал,
Розы перед ней родились,
Лес ветвьми ее лобзал,
В роще тихой и зеленой
Гордо Катя моя шла,
Вся натура оживленный
Вид, казалось, приняла...
Я же в первом исступленьи,
Сидя, в лиру ударял,
Но при толь драгом явленьи
Плектр из рук моих упал.
Я летел к моей любезной,
Уже... страстно целовал.
Вдруг... предмет... предмет прелестный
Скрылся в облаке, пропал.
Кровь моя пришла в волненье,
Сон от глаз моих слетел,
И увы! .. где, где явленье?
Я единый мрак лишь зрел.

⟨1799⟩

99. ЭПИГРАММА

Сто душ имеешь ты, поверю, за собой, —
Да это и когда я мнил опровергать?! .
Назвав тебя бедняк, хотел лишь я сказать,
Что нет в тебе одной.

⟨*1799*⟩

100. ОДА НА СЛУЧАЙ НОВОГО СОЧИНЕНИЯ Г⟨ОСПОДИНА⟩ АКАД⟨ЕМИКА⟩ ЛЕПЕХИНА

Еще увенчан сединою,
Почтенный старостью, умом,
Лепехин! муж, любимый мною,
Своей ты множишь славы гром!
Еще природы в изысканьи
Провед бессмертный жизни век,
При славном дней твоих мерцаньи,
Ты новы истины изрек!

Горя к познаниям любовью,
Желаньем славы вдохновен,
Как Марс в полях, венчанных кровью,
Бессмертным лавром окружен,
Так в поле истины сражаясь,
Еще твоих в закате дней,
Сердечным жаром оживляясь,
Блестишь ты сведений стезей!

О старец истинно почтенный,
Познаний истинный герой!
О ум великий, несравненный,
Когда окончится труд твой?
Довольно в храме Аполлона,
Довольно ты уже гремел,
Для славы россов — Геликона,
Для пользы общей — произвел.

Уж время опочить герою,
Уж время браней меч сложить,
Поникнув ла́вровой главою,
В покое, в тихом мире жить!
Но нет — в трудах, неутомимый,
Ты хочешь век свой проводить,
Науки отрасли любимой
Остатки жизни посвятить,

И, Фебом быв на горизонте
Европы удивленной всей,
Ты хочешь погрузиться в понте,
Сияя алою зарей!
Блести и славься, муж любезный,
Диви еще, диви собой,
Пока не меркнет луч небесный,
Пока не скрылся гений твой.

1799

101. НА СМЕРТЬ ОСИПОВА

Прохожий и Лира на гробе поэта.

Прохожий

Шутливая Лира! что ты не звенишь?
Игривой струною не тешишь мой слух?
Что, крепом покрыта, печально лежишь,
К восторгу и смеху не движешь мой дух?

Лира

Поэт мой скончался,
Нельзя мне звенеть,
Век славный прервался.
Кому со мной петь?
Рукой кто чудесной
Коснется струнам,
Чтоб звон их небесный
Гремел по лугам,
Чтоб фавны, сатиры
Внимали сей глас,

Чтоб легки зефиры
Кружились, резвясь?

Прохожий

Поэт твой скончался, — ты, Лира, молчишь!
Затем беспримерной струной не звенишь!
Иль песни небесной нельзя подражать,
Нельзя толь чудесно в струну ударять?

Лира

Высокой струною
Гомер ум пленял,
Но страшной косою
Сатурн песнь прервал,
И время катится
Поныне рекой,
За днем день стремится,
За веком другой,
Всё Лиры бессмертной
Глас громкой молчит,
Другой несравненный
Поэт не гремит.

1799

102. ОДА ВЕРГИЛИЮ, ЕДУЩЕМУ В АФИНЫ

(Из Горация)

Теки, корабль любезный мой,
Теки, теки в водах счастливо,
Да путь Венера правит твой,
Да ветров веянье бурливо
Эол суровый усмирит,
Да вслед япига твой шумит
И Кастор и Поллу́кс блистают.

Вергилий на тебе плывет,
Доставь его, доставь в Афины,
В нем часть души моей живет,
Часть мне дражайшей половины!

Да будет там он невредим,
Корабль, не будь неумолим,
Тебя стократно заклинаю.

Троякой меди грудь имел
И страшны исполински силы,
Кто первыйввериться посмел
На утлый челн и на ветрилы,
Порывных бурь не оробел,
Гиад бестрепетно узрел
И в море, презря всё, пустился.

Какой тот смерти трепетал,
Тот дрогнул от беды какия,
На белы волны кто взирал
И на чудовища морские
Неробким оком и душой,
Являясь тверд средь оных страхов?

Вотще пространный океан
Пределом положили боги
Между земли различных стран, —
Продерзкой человек дороги
Повсюду скрытые найдет, —
Чрез море и злодей плывет,
Безвредно достигая брегу.

Надменный, гордый смертный род
На возбраненное дерзает,
С небес коварством огнь влечет
Яфета племя — с ним слетает
Болезнь, недуг на круг земной —
И смерть ускорила шаг свой,
Что прежде медленно стремился.

Дедал по воздуху парит,
Хоть жребий крыльев нас лишает, —
И ад себе защит не зрит
И Геркулесу уступает!
Но что не трудно для людей:
Нередко мы в мечте своей
И неба самого желаем!

⟨*1801*⟩

103. СТИХИ НА СЛУЧАЙ ВЕЛИКОДУШНОГО ПОСТУПКА АНГЕРСТЕЙНА

Блажен тот, кто велик душой,
Кто чужд смешных предубеждений,
Не чтит людьми народ лишь свой,
Не враг других для веры мнений,
Зрит в кафре брата своего,
В лапонце — мира гражданина,
Творенье бога одного,
Одной земли, природы сына!
Кто стоны бедных укрощать
Готов лететь за океаны,
Готов, чтоб братьев просвещать,
Лить злато в отдаленны страны.

Благословен твой, Говард! прах,
Ты был — друг, брат всех человеков,
Твой дух ликует в небесах,
Жить имя будет веки веков.
Ты в мире счастьем ближних жил,
Стремился к бедным всей душою,
В тебе утеху находил
Гонимый бедствами, судьбою!
Лишь слышал ты, что кто терпел
Под северным иль южным кругом,
Ты с помощью к нему летел,
Был благодетелем, был другом.
Мир, мир тебе, священный прах!
Да тень твоя, твой дух ликует
В раю — блаженства на полях:
Тебя нам вновь судьба дарует.

Теки, теки в толь славный след,
Теки, друг смертных несравненный;
Готов венец тебе побед,
Не кровью ближних напоенный,
Но благодарности слезой!
И ты забвен вовек не будешь:
На дске истории златой
Неизгладим всегда пребудешь!

Неизгладим в душе моей,
О Ангерстейн! О Говард новый!

Блажен, блажен тот друг людей,
Кто может снять с себя оковы
Предрассуждений света всех —
Любить как братьев все народы,
Не знать себе других утех,
Как зреть счастливы смертны роды!
Героев слава пропадет,
Тиранов мир весь позабудет,
Но добрый гений век живет:
Он жить в сердцах век добрых будет.

1801 или 1802

104. РУЧЕЙ

Теки в полях между цветами,
Теки, любезный мой ручей!
Виясь, журчи между холмами,
Златокристальны токи лей!

Ты часто зеркалом бываешь
Любезной Лизаньке моей,
Красы небесны освежаешь
Алмазной часто ты струей;

Тебе случается нагую
Нередко также Лизу зреть,
Дивлюсь, как, прелесть зря такую,
Ключом не станешь ты кипеть.

Ах! сколько счастлив ты бываешь,
Столь пред тобой злосчастен я!
Ты милу Лизу лобызаешь,
Моя же часть не зреть ея!

⟨1802⟩

105. СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ СЕЙ

Смертный! быть чтобы счастливым,
Не ищи больших честей,
Не давай сим блескам лживым
Ослеплять души твоей!
Следуй рока направленью!
В бурю ль твой корабль течет —
Смейся вихрей устремленью,
Ветер пусть твой парус рвет!
Коль вдали волна катится,
Что тебя с ним поглотит,
Втуне смертный суетится! —
Он сего не отвратит.
Смерть есть зло, — но зло мгновенно!
Миг — ее удар свершен;
Жизнь есть благо переменно:
Ныне трон, а завтра — плен!
Ныне в радостях, утехах,
В полном счастии живем,
Завтра время уж не в смехах
Мы проводим — слезы льем!
То по милой воздыхаем,
То мы стонем о родных
И стократно призываем
Смерть в мученьях таковых.
Что ж! какою непогоды
Злой бедой тебе грозят?
Разъяренны, пенясь, воды
Жизни вмиг тебя лишат;
Но за сей ли миг, толь скорый,
Хочешь ты всегда стонать!
Может быть, стихии споры
И безвредно прекратят —
Ветер сча́стливый подует,
И ко брегу приведет, —
И беда твоя минует,
И несчастие пройдет!
Для чего ж пустым вздыханьем
Жизни бремя отягчать,
Коль заботой и страданьем
Рок неможно поправлять?

Но к чему его и тщимся
Столько мы к себе привлечь?
Лучше ль жизнью насладимся,
Будет коль она лишь течь
Золотой частей стезею,
Градской черни средь похвал?
Человек, ищи покою,
Счастлив — коль его сыскал.

⟨*1802*⟩

106. К ЗАРЕ

Драгая, милая подруга
Приятных вечера теней,
Как мило зреть на дерне луга
Твоих сияние лучей!
Как мило зреть, когда блистаешь
Ты в легких вечера парах,
Кораллы, пурпур отливаешь,
Пылаешь в розовых огнях!
Когда твой луч злато-румяный
Лазури легкие цветит,
То вдруг приемлет вид багряный,
То светлым яхонтом горит.

Едва взойдешь ты — оживятся
Поблекши розы от жаров,
Опять их силы обновятся
Целебных от твоих лучёв;
Ручей проворней покатится,
Приятней в травке зажурчит,
В нем луч, струясь, твой зазвездится,
Поверхность вод позолотит;
Роса в цветочках заблистает,
На травку мягкую падет,
Рассыплет искры, засияет,
Лучи блестящи разольет.
И я, по дневном утомленьи,
Твоим сияньем обольщен,
Засну в умильном восхищеньи,

Мечтой приятной упоен.
Но лишь проснусь — опять блистаешь
Уже в пылающих огнях,
Свой блеск румяный разливаешь
В прозрачных сизых облаках;
Велишь туманам удалиться
И утру перлову блистать,
Велишь пернатым пробудиться
И гласом воздух наполнять!
Вся тварь, тобою оживленна,
Твое пришествие гласит,
Природа вся и вся вселенна
Твой светлый зрак стократно чтит.
Ты чувства все мои пленяешь,
Утехи в страстно сердце льешь,
Ты томну душу оживляешь
И к новой радости зовешь!

⟨1802⟩

107. БОГ

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «ПРИРОДА»

(Перевод из Лебрюня)

Доколь в мечтании, о смертный, надмеваться?
Стремиться бытие превечно испытать?
Атома малая, доколе заблуждаться,
Едино существо столь разно представлять?
Почто ведешь себя в сей дéдал заблуждений
И с истины пути ум тщишься совратить?
Пускаясь в лавиринф надменных умозрений,
Как в беспредельности творца тебе найтить!
От хладна Арктоса до светла Ориона,
Где велелепие кончается небес,
Он славу своего воздвиг блестяща трона!
Кто в бездну низойти возможет сих чудес?
И ты, мечты призрáк, мгновенная Атома,
Блуждая в воздухе на бренном шаре сем,
Созерцавающа миры и область грома,
Ты мнишь постичь того в ничтожестве своем,
И бесконечность вся кого не постигает!

Подобие свое тому ты хочешь дать,
Кого вся цепь существ и вечность обожает, —
Случа́й и вещество возмогут ли создать
Души — сего луча лиющегося света?
Я мыслю, и сие вещает мне — *есть бог!*
Стократно более, чем сей земли планета,
Чем бесконечна цепь кружащихся миров!
Одет сиянием, блистая красотою,
Воззрением своим вселенну он родил,
Столетья в вечности текут его рукою,
Он мерить времени себя не положил.
Что именуем мы, слепотствуя, судьбою —
Определение законов есть благих,
Он всё, — всё дышит им, — единый сам собою,
В природе зрим его творенье рук святых;
В нем сила, истина, в нем вечность пребывают,
Объемлет там он всё, он всё там оком зрит,
Пространству где предел, где солнцы не сияют;
Начало и конец вселенной в нем лежит.

Так мне ль несчастну быть, коль им я существую?
Конечно, тот есть благ, в ком всё являет власть,
К тебе стремлюся я, в восторге немотствую,
Ты зришь и на меня, малейшу мира часть.
Нет! бог, которого столь разно понимаем,
Чудовищ Тартара на нас не воружал,
Им громом человек за грех не был сражаем,
Он править небесам землей не показал;
Но чувство совести влил в сердце человека,
Но в недре оного закон свой начертал,
Но ужас за порок дал внутрення упрека,
Но в знак невинности стыдливость даровал,
Но бледность робости виновну преступленью,
Терзанье внутренне на место адских зол
Быть вечным не велел ни смерти, ни мученью
И к благу общему всё мудро произвел.

⟨1802⟩

108. ПИГМАЛИОН

Вотще под золотым покровом,
На мягком гáгачьем пуху,
В твоем дворце прекрасном, новом,
В разлитых аромат духу,
Вотще за музыкой, гремящей
За редким Крезовым столом,
В объятьях нимф, огнем горящих,
С друзьями льстивыми кругом,
О счастии своем мечтаешь
Вотще, вотще, Пигмалион!
И плачу бедных не внимаешь —
Разительней их грому стон.
Слезе не крепок щит Ахилла,
Разит невинных царства кровь.
Тарквинов гордость низложила
Их принца зверская любовь.

Где стон из груди излетает,
Где добродетельный в цепях,
Там меч свой правда вынимает,
Зрит Дионисий смерти страх,
И ужас мук — ему награда
Средь шумных празднеств и пиров!
О добродетель, ты ограда
Великих Титов и Петров.
Аврелии спокойно жили,
Их Рим и мир благословит,
Народы их богами чтили,
Им слава фимиам курит!
Но что приобрели Коммоды,
Которы гнали знаний свет,
Текли которых кровью годы?
Во мраке кость их — прах гниет.

Блюдите, сильные! законы,
Храните счастие людей,
Предупреждайте слезы, стоны
И правды шествуйте стезей;
Как Карлы готфов, не желайте
Народы в ужас приводить,

Сограждан сил не истощайте,
Чтобы вселенну удивить;
И лишь одних врагов разите,
Не жаждайте других земель;
Со всеми дружество храните:
Где кровь и лавр — там терн и ель!

⟨1802⟩

109. ПИСЬМО К Б⟨ОРНУ⟩

Теперь я познаю, что́ в мире человек!
Какое бедное и жалкое творенье!
Усыпан горестьми его, злосчастьем век,
Далеко от него прямое рассужденье!
Он любит истину, науки на словах,
И пользы обществу как патриот желает!
Франкли́н, мудрец Сократ велик в его очах,
С Катоном Утики он твердо умирает;
Для пользы лишь одной отечества живет.
Он мужем хочет быть примерным в свете оном
И всё полезное священным долгом чтет;
Стремится к истине он с Локком и Невтоном!
Он ставит счастием за правду пострадать;
Согражданам служить — в его устах блаженство,
Но к делу приступи! — вот час его узнать,
Чтоб добродетелей сих видеть совершенство!
Красноречивый твой умолкнул Демосфен,
Утический Катон кинжал из рук бросает,
Жалеет, в веки что прошедши не рожден, —
О настоящих же лишь только воздыхает!
В минуту в нем и жар и огнь его пропал —
Куда девалося к изящному стремленье?
Мудрец наш, наш герой как лист затрепетал,
Не от опасности, но от воображенья!
О красноречии своем он позабыл.
Не пользы обществу — покоя лишь желает:
Уж всё ему равно — лишь он не тронут был,
Как хочет кто другой, а он всё оставляет.

⟨1803⟩

110. К ДРУЗЬЯМ

Друзья! гоняться за мечтою,
За тенью призраков пустых,
За честью — ложной суетою —
Есть участь лишь невежд одних!
Блистать богатством, орденами,
В архивах предков вырывать,
Гордиться титлами, чинами,
В сатрапских негах утопать —
Пускай они одни стремятся,
Мня счастье в том свое найтить,
Пускай вкруг их льстецы толпятся
И слух их тщатся обольстить.

Мудрец с улыбкою взирает
На титлов славы звук пустой,
Честям, всему предпочитает
Он сердца и души покой!
Он видит счастие, блаженство
В кругу друзей своих, родных,
Утех вкушает совершенство
В деяньях добрых лишь одних.
Он злато Крезов презирает;
Аттил ему ужасен меч;
В кровавых лаврах не желает
В триумфе средь народа течь.
Не ждет похвал пиитов льстивых,
По смерти — гордый мавзолей;
О благе общем нерадивых
Он плачет участь и — царей!
Он видит: и златые троны
Падут, повержены судьбой,
Тиранов скипетр и короны
Не примирят их с долей злой!
Димитрий, стражей окруженный,
Нерон в палатах золотых
Падут от черни разъяренной
И гибнут от деяний злых.

Не будем счастия в сем мире
Средь шумных почестей искать,

Не будем зреть его в порфире,
Блаженство в власти поставлять!
Но будем мы всегда готовы
Судьбу несчастных облегчить,
За правду даже несть оковы,
За обще благо кровь пролить.
Честей и злата обладанье
И власть, нам данная судьбой,
В нас лишь должны родить желанье
Мирить несчастных с долей злой,
На сильных суд давать правдивый,
Теснимого не угнетать
И добродетели гонимой
Защиту, помощь подавать.

Но коль нам не дала судьбина
Блаженства оного вкушать,
Довольны титлом гражданина,
Не будем мы честей искать!
Невежда пусть себе стремится
За фольгой ломкою честей, —
Мудрец о сем не суетится:
С Камиллом в хижине своей
Живет на лоне он покоя.
Когда к себе его зовет
Отечество, в нем зрит героя;
Коварством лавров он не жнет.

⟨1803⟩

111. К ЛУНЕ

Пролей сквозь мрак твой свет унылый,
Твой палево-сребристый луч!
Простри свой томный взор в долины,
Проникни в храмину мою.

Природа в мертвом вся забвеньи,
Туман, холодный и густой,
Клубясь, твой зрак мне затемняет,
С тобой беседовать претит!

С тобой, сопутница драгая
Моих мечтательных идей,
Царица сонмов звезд златая,
Царица чувств моих, Луна!

В вечерний мрак я с восхищеньем
Зрю палево твой бледный луч,
Как красишь ты, цветишь туманы,
Как сеешь всюду ясный свет.

Ты льешь мне сладку в грудь отраду,
Печальну гонишь прочь мечту,
Рождаешь в чувствах упоенье
И сердце вянуще живишь.

Как тучи легки, пробегая,
Твой темный, кроткий свет темнят,
То взор твой вдруг живей являют,
Так я, там я с твоим лучом

То вдруг надеждой оживаю,
То вдруг, смущен мечтой, грущу;
Ты страстну мысль воспламеняешь
И в Клое, в Клое — может быть.

Пролей сквозь мрак твой свет унылый,
Твой палево-сребристый луч!
Простри твой томный взор в долинах,
Проникни в храмину мою.

⟨1803⟩

112. К СОЛОВЬЮ

(Подражание английскому)

Певец унылости, согласный, милый, звонкий,
Продли еще, продли мелодию небес!
Когда, сквозь заревом пылающу Аврору,
Величественно ночь к нам правит свой полет —
С вершин высоких гор и из лесов дремучих
Простерть свой на луга печальный, черный флер, —

Люблю златым луны сияньем восхищаться,
Люблю в долинах сих спокойных я блуждать!
Твоя небесна трель меня остановляет,
В восторге я внемлю твой переменный тон,
Покуда мрачна ночь в окрестностях долины
Не иззовет теней печальных из гробов.
Где лето вечное и счастье обитают,
С тех мест ты к нам весной с зефирами летишь
И с хладом, прогнанным живящей теплотою,
Курения цветов и ро́су к нам несешь.
О, сколь места сии плачевны, томны были,
Когда отсутствовал унылый их певец!
Сын меланхолии, прелестной мелоди́и,
Любя́щий мрак лесов, ветвистых тень дерев,
Любя́щий воздыхать в одном уединеньи
И при сиянии луны толь сладко петь,
Продли небесну песнь, продли, певец бесценный,
Пусть зе́фир раздает здесь твой унылый стон,
Пусть жалобы твои, мучения сердечны
Симпатией своей отраду мне дадут;
При тишине ночной небесны отголоски,
В воображении к нам тени тех зовут,
Нас коих вечное расстание лишило,
Те удовольствия, обманчивы надежды,
Ехидну лютую скрывавшие в цветах.
Воспоминание всю прелесть возрождает
Улыбок страстных тех, тех слез и тех речей,
Что сердце некогда невинно обольстили.
(Ах! сердце оное и ныне слезы льет!)
Его живая кисть столь ясно представляет
Цветы прошедших сцен, о коих я забыл,
И страстная любовь, от время усыпленна,
Берется — грудь разить — за лук и за колчан!
На томны оные мечты воображенья
Унылость сладкую твою песнь кротка льет,
Столь утешительну, столь полну восхищенья,
Каковой в радостях, в забавах ум не зрит!
Продли еще, продли, певец, свой глас небесный,
Он сладостен для чувств, невинности он мил.

⟨1803⟩

113. ПОДРАЖАНИЕ ОДЕ ГОРАЦИЯ

Justum et tenacem propositi virum.[1]

Того, кто правде поборает,
Кто тверд в намереньи прямом,
Ни граждан глас не устрашает,
Ни деспот с яростным лицом,
Претящи быть ему правдивым!

Пускай свирепствует Борей
И кроет море волн горами,
Пусть Юпитер рукой своей
Всё рушит молнии стрелами,
И страх и ужас всюду льет;

Пусть солнцы, звезды упадают,
Вселенная конец свой зрит,
Но сим его не возмущают, —
Он тверд в предпринятом стоит,
Разим всеобщим разрушеньем.

Так только Поллукс, Геркулес
Во огненных кругах блистают,
Где в светлой высоте небес
Меж ними Августы вкушают
Нектар из рук младой Гебеи.

Так только Вакх неукротимых,
Свирепых тигров усмирил,
И от рядов непобедимых
На небо Ромул воспарил,
Презревши силу Ахеронта.

⟨1803⟩

---

[1] Мужа справедливого и твердого в своих замыслах (лат.). — *Ред.*

114. СУДЬБА АМУРА

Перевод

1

В страсти страсть нужна взаимна.
Без сражений и побед
Не был бы Амур с крылами.
В радостях одних рожден
И взлелеян от младых
И прелестных милых граций,
Без любовных битв и споров,
Был без крыл б он мал и слаб.
«Дай ему, — рекла Фемида, —
Дай, Венера, — брата дай,
Чтоб его он звал на битву,
Чтоб всечасно раздражал, —
В свет рожденный побужденьем
Сладким, он в своей груди
Сердце отческо имеет».
То случилось — у дитяти,
У борющегось с страстями,
За плечьми явились крылья!
И полетом он орлиным
Вдруг вознесся на Олимп.

2

Приучась к борьбе, к победам,
Рассевает и в Олимпе
Спор и ревность меж богов.
Брат его не столь был счастлив:
Он остался на земли.
«На Олимпе, — говорил он, —
Страсть взаимна не живет».
Но Сатурн, сей бог угрюмый,
Скоро дерзкого поймал:
Режет крылья, и на землю
Пристыжен Амур упал.
С этих пор опять он здесь
И, как ласточка иль голубь,
Лишь порхает по земли
И в чертог богов высокий
Уж не смеет залететь.

3

Но зато и на земле здесь
Он толпу друзей имеет;
Он любимец муз и граций,
Обитает в их кругу,
Дети, юноши, пастушки,
В торжестве ль благой Цереры,
Иль в день празднества Яну́са,
Иль когда весну встречают,
С ним все радостно живут.
Соловей поет прелестней,
Зелень с ним живей цветет,
Розы алыя головки
Клонятся к нему на грудь,
И порхают голубочки.

4

Но, судьбу воспоминая
Столь несчастну у богов,
На земле он мстит обиду,
Смертных тешится судьбой.

5

И иного превращает
В птичку, маленьку кокушку,
Или в дозжик золотой.
Им любимые богами
Превращались в Ио, в Эхо,
Или в струи серебристы,
Или в малу кучку пепла,
Иль в засохший пень печальный.

6

Лишь для тех любовь смеется,
В коих сердце — храм Эрота,
В кое смотрит, взор потупя,
Сквозь ресниц, с ним брат рожденный,
Улыбаясь, Анти-Эрот.

⟨*1803*⟩

115. К ЗВЕЗДЕ ЛЮБВИ

Ярко сверкает звезда,
Ярко златая любови!
Тихо покойный твой блеск
Мирно вокруг разливает.

Золотом чистым горит,
В синей блистая лазури,
Яхонтом зыблет твой луч,
Флером туманов прикрыта.

Лебедь играет в струях,
Видя твой взор над водами;
Криком подругу зовет
К сладким любови утехам.

Зря твой приятный восход,
Вся оживает природа;
Фавны играют в лесах,
Нимфы оставили воды.

Кроткий меня не живит,
Вестница, блеск твой, любови!
Радости в душу не льет,
Сеет лишь муки, терзанья!

Клои палит меня взор,
Свет твой в очах помрачает;
Грудь моя дышит огнем, —
Холодно сердце жестокой.

Светло-блестяща звезда,
Мраков вечерних богиня!
Палевый ссыпли свой луч
К Клое на ложе покоя.

В грезах, мечтаньях представь,
Сколько по ней я терзаюсь,
Пусть хоть во сне воздохнет,
Пусть хоть в мечте пожалеет.

⟨1803⟩

116. К СПОКОЙСТВИЮ

Где ты, блаженство небес, обитаешь,
Где существуешь, душевный покой?
Там ли — в пространствах безмерных эфира,
Там ли — в круженьи несчетных планет?
Здесь тебя нету, жизни призра́к,
Ты не известен живущим земли;
В море волненья, в море страстей,
Смертный биется в бурных волнах,
Видит надежды мерцающий луч,
Видит, и стонет, и гибнет в беда́х.

⟨1804⟩

117. К ХЛОЕ

Любить есть всех удел
И, вместе, сокрушаться!
Мы тщетно ищем стрел
Эрота укрываться.

Нет лет, нет возраста, нет места для любви,
Седи́ной покровен нередко ей пылает, —
Согбен Анакреон питал сей огнь в крови.
Он Сафу страстную в Левкаде пожирает.

И отрок, с нежностью красавиц лобызая,
Эрота чувствует нередко сильну власть,
И томно горлица на ветке воздыхая,
Свою вещает страсть...

Ты, Хлоя, мне велишь к себе холодным быть,
Когда Эротов огнь горит в очах твоих,
Когда сей сильный бог велит тебя любить!
Нет, Хлоя! — то уже не в воле чувств моих.

⟨1804⟩

118. К СОГРАЖДАНАМ

Звук браней всюду раздается!
Труба военная гремит,
Строптивый враг на нас несется,
Пред ним ужасна смерть летит.
Восстаньте, чада громкой славы,
Восстаньте, россы величавы!
Уже враг в гордости своей
Судьбами царств располагает,
Свободе вашей угрожает!
Тебе ли, росс, расстаться с ней?

Тебе ли выю горделиву
Под иго чуждо наклонять,
Судьбу германцев несчастливу
И цепь позорну разделять?
Любовь к Отечеству святая,
Тебя на подвиг возбуждая,
Ужель угаснет пред врагом?
Тебе ль, страшившему вселенну,
Быть суетным врагом сраженну,
Тебе ль его не пре́зреть гром?

Давно ли, славою венчанный,
Суворов галлов поражал?
Давно ли супостат попранный
Ему победу уступал?
Ужели россы пременились?
Когда сердца их сокрушились,
Коль голос славы слышен был?
Нет, — россы, в броню облекайтесь,
Как тучи бурны устремляйтесь!
Вас галл еще не позабыл.

Вас царь к защите призывает,
Зовет Отечество спасать;
Он вашей длани поручает
Врагов вселенной поражать.
Любить вас, россы, он умеет,
Для вас и жизни не жалеет.
Явя к нему свою любовь,

Оружье грозно принимайте
И славу чистую вкушайте
За Отчество пролить всю кровь!

Воскреснут древние герои!
Их сонмы быстро потекут,
Начнутся кроволитны бои,
Победу россы обретут.
Сыны российские! мужайтесь,
Примером предков вспламеняйтесь,
Падет надутый силой враг!
Донским врагов тьмы рассыпались,
Пожарским россы свобождались,
А Петр повергнул Карла в прах.

И вы, героев сих потомки,
Стремитесь лавры пожинать!
Пусть подвиги россиян громки
Век будет слава повторять!
Не нам под иго преклоняться,
Не россу чуждым покоряться,
Нет! лучше в брани смерть вкусить.
Всевышний, правде поборая,
Тиранов злобных устрашая,
Врагов поможет вам разить.

5 декабря 1806

119. ГЕНИЙ НА РАЗВАЛИНАХ ЗОЛОТОГО ДВОРЦА НЕРОНОВА

Здесь были зданиев громады,
Здесь мрамор, здесь сафир блистал,
Стояли гордо колоннады,
Их верх до облак досягал.
Здесь плески радости звучали,
Гремели цепи вкруг мостов,
Мечи у стражи страх вливали,
Блиставшие из-за щитов.

В чертогах, златом испещренных,
Из камней с редкою резьбой,
В блестящих тканях златошвенных,
Здесь гордый обитал герой
Иль легкого любимец счастья,
Себя считавший божеством.
Он мнил, что был чужд бурь, ненастья,
Что не разил его и гром;
Что для него всё в свете было:
Из недр сокровища земли,
Что труд, искусство приносило...
Но, смертный, в ужасе внемли!
Покрыли горизонт туманы,
Сперли́ся в тучи облака,
Взревели ветры, бури рьяны,
И гром гремит издалека;
С вы́соких каменных помостов,
С надменных мраморных столпов
Ваяны исполинских ростов
Упали с треском меж кусков
От гордых зданий, от уборов, —
Погиб в громаде властелин!
И что ж представилось для взоров?
Развалин ужас лишь един.

Вот всё величие и слава,
Вот света здешнего мечты;
И мира целого держава,
Богатства, чести, красоты —
Всё гибнет, гибнет невозвратно
Под острой времени косой.
О смертный! зри, вещает внятно
Тебе громады глас что сей:
«Когда ты жребием возвышен,
Коль часть других в руке твоей,
Не будь в мечтах надменен, пышен
И кровь подвластного не лей,
Чтоб редкие иметь палаты,
Из Перу золото достать;
Не злато, утвари богаты:
Покой душевный, благодать.

О вы, которых обольщает
Блеск злата, красота столпов,
Которых ум всегда желает
Воздушных замков и садов;
Кого пленяют пирамиды,
Иль сей златой Неронов дом,
Иль гордость стен Семирамиды, —
Покройтесь вечным вы стыдом!
Сей блеск, что взор ваш так пленяет,
Что чувства смертных так разит, —
Несчастье смертных представляет,
В нем мудрый стон и слезы зрит».

⟨1807⟩

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

Александр Ефимович Измайлов родился 14 апреля 1779 года в семье бедного владимирского дворянина. Семи лет от роду он был записан каптенармусом в лейб-гвардии Преображенский полк, однако к военной службе не приступил, так как в 1792 году был определен в Горный кадетский корпус, а по окончании корпуса выписался из полка «по слабости здоровья».

С 1797 по 1825 год Измайлов служил чиновником в Министерстве финансов, где занимал разные должности: от столоначальника до начальника отделения. В 1826 году он получил назначение вице-губернатором в Тверь, а в 1828 году был определен на ту же должность в Архангельск, где пытался бороться с казнокрадством и взяточничеством местных чиновников, но потерпел поражение и вынужден был вернуться в Петербург.

В последние годы жизни Измайлов был фактически отстранен от службы, недолго преподавал русскую словесность в Пажеском корпусе и умер в большой бедности 16 января 1831 года.

В литературе Измайлов дебютировал переводом стихотворения Малерба «Смерть», появившимся в 1798 году в «Санктпетербургском журнале» И. П. Пнина. Широкую известность автору принес нравоописательный роман «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества» (первая часть вышла в 1799-м, вторая — в 1801 году). Произведение это отличается резко сатирическим изображением быта и нравов русского дворянства конца XVIII века. Менее интересны сентиментальная повесть «Бедная Маша» (1801) и две «восточные» повести: «Ибрагим и Осман, или Трудись, делай добро и счастлив будешь» и «Наставление одного старого индейского мудреца молодому государю, которого он воспитывал» (обе — в 1806 году).

В Вольное общество Измайлов был принят 3 мая 1802 года. Он выполнял в нем обязанности одного из членов Комитета цензуры,

секретаря (выбран в 1807 году), а с 1816 до 1825 года — бессменного президента Общества.

В первые годы царствования Александра I Измайлов, подобно Пнину, Борну, Попугаеву, писал проекты, в которых предлагал правительству ряд мер для облегчения участи низших слоев общества. К ним относятся «Рассуждения о нищих» (1804) и «Вчерашний день, или Некоторые размышления о жалованьях и пенсиях» (1807). При всей своей гуманности, оба трактата отличаются утопичностью средств, предложенных автором для достижения поставленных им целей.

В 1809 году вместе с А. П. Беннтцким, а в 1810 с П. А. Никольским Измайлов издавал журнал «Цветник». В 1812 году он был редактором издаваемого Вольным обществом «Санктпетербургского вестника». С 1818 по 1826 год он единолично издавал журнал «Благонамеренный». Здесь, а также в других периодических изданиях он поместил большое число своих стихотворных произведений.

Лучшей частью литературного наследия Измайлова справедливо признаны басни и стихотворные «сказки», сборники которых с 1814 по 1826 год переиздавались пять раз. Заслуживают также внимания две чисто теоретические работы Измайлова — «О рассказе басни» и «Разбор басен», сначала печатавшиеся в журналах, а потом выходившие в качестве приложения к упомянутым выше сборникам.

120. ТАВРИЧЕСКИЙ САД

Сад Таврический прекрасный,
Как люблю в тебе я быть,
Хоть тоски моей ужасной
И не можешь истребить.

Только лишь одной природы
Ты имеешь красоты,
Просто всё в тебе: и воды,
И деревья, и цветы.

Просто всё в тебе и мило.
Для меня ты лучший сад.
Как приятно и уныло
Твой, лиясь, шумит каскад!

Ах! на травке на зеленой
Как люблю я здесь сидеть,
Дух имея утомленный,
На струи в слезах глядеть.

Ах! как временем вечерним
Хорошо в тебе гулять
По тропинкам искривленным
И о милом помышлять.

Как в тебе я ни бываю
И как много ни хожу,
Только им лишь мысль питаю,
Но его не нахожу.

Он меня не повстречает
Никогда в аллеях сих,
Вздохов он не примечает
И не видит слез моих.

Сад Таврический прекрасный,
Нету мне в тебе утех,
Но зато в тебе несчастной
Можно плакать без помех.

1800

121. СОНЕТ ОДНОГО ИРОКОЙЦА,
НАПИСАННЫЙ НА ЕГО ПРИРОДНОМ ЯЗЫКЕ

Где холодно, цветы все худо там растут.
Лишь выходишь, они показываться станут,
То солнечные им лучи потребны тут,
Но вместо солнца дождь, снег, град — они и вянут.

Канада есть сия холодная страна,
Цветы — писатели, а солнце — одобренье;
И наша нация, к несчастью, есть одна,
Где авторы в таком находятся презренье.

Утешьтесь, бедные! и прочие науки
Все одобряются не более у нас;

Возьмите, юноши, не книги, карты в руки,
Вертитесь, кланяйтесь — чины, места ждут вас.
Бостоном,[1] танцами составить счастье можно,
А с просвещением в леса сокрыться должно.

⟨1804⟩

122. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПОЛЬЗА БАСНИ

Однажды — кто б поверить мог? —
К Царю в его чертог
Вошла вдруг Истина нагая!
Царь в гневе закричал: «Бесстыдница какая!
Как смела ты войти и кто ты такова?»
— «Я Истина». — «Зачем?» — «Сказать лишь слова два:
Льстецы престол твой окружают;
Народ вельможи угнетают,
Ты нарушаешь сам нередко свой закон...»
— «Вон, дерзкая! вон! вон!
Гей! стражи, гей, войдите,
Возьмите, отведите
Ее в смирительный иль в сумасшедший дом».
Хорош был Истине прием!
Вздохнула бедная и вмиг из глаз пропала.
Охота после ей припала
Идти опять к Царю; подумала, пошла,
Но уж не голая, как прежде, —
В блестящей дорогой одежде,
Которую на час у Вымысла взяла.
Смягчивши грубый тон, к Царю она с почтеньем
Приближилась и с ним вступила в разговор.
Царь выслушал ее с великим снисхожденьем;
Переменился скоро двор:
Временщики упали,
Пришел на знатных черный год,
Вельможи новые не спали,
Царь славу приобрел, и счастлив стал народ.

⟨1805⟩

---

[1] *Примечание переводчика.* Может быть, карточная игра *бостон* получила свое название от города сего же имени, который находится в Северной Америке, где и Канада; так мудрено ли, что она там имеет великое уважение, когда и здесь без нее жить не могут.

123. СТИХИ НА КОНЧИНУ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПНИНА

Что слышу? Пнин уже во гробе!
Уста его навек умолкли,
Которы мудростью пленяли!
Навеки сердце охладело,
Которое добром дышало!
Навек рука оцепенела,
Котора истину писала!
Навеки мы его лишились!

О смерть! исчадье ада злое!
Зачем, зачем его сразила?
Он был еще в цветущих лéтах!
А часто изверги ужасны,
Которы землю оскверняют,
Которы кровь пьют беззащитных,
Живут до старости глубокой!
Зачем не их, его сразила?

Как древо юное весною
В саду при солнце зеленеет
И, будучи покрыто цветом,
Плоды обильны обещает,
Плоды, которые бывают
На нем всегда год года лучше, —
Все им любуются и перстом
Его друг другу указуют. . .
Но мрак спускается на землю —
Валится цвет и лист зеленый. . .
Вотще садовник истощает
Свое искусство попеченья:
Прекрасно древо сохнет, сохнет,
И глядь. . . совсем уже засохло, —
Так точно Пнин погиб несчастный!

Сего ль, друзья, мы ожидали? . .
Почтим же прах его слезами,
Цветами гроб его украсим
И памятник ему воздвигнем

Над хладною его могилой,[1]
Хотя он памятник поставил
Еще давно себе и вечный —
В сердцах у нас, в своих твореньях.
О Пнин! друг милый и почтенный!
Мир праху твоему навеки!
Твое век имя будет славно
И память вечно драгоценна
Для нас и для потомков наших!

Когда писать что должен буду
Для пользы я моих сограждан,
Тогда, о Пнин, мой друг любезный!
Приду я на твою могилу
И, тень твою воображая,
Твоим исполнясь вдохновеньем,
Писать тут лучше, лучше стану.
Когда же мне судьба сулила
Еще прожить на свете долго
И небо мне сынов дарует,
То им доставлю воспитанье
По правилам, изображенным
В твоем полезнейшем журнале.[2]
Тебя в пример им ставить буду
И приведу на то их место,
Где прах теперь твой почивает.
Слезами мы его окропим,
И с благодарностию будем
Произносить твое мы имя,
Пока с тобой не съединимся.

1805

---

[1] Друзья его хотят воздвигнуть ему памятник с надписью: «Пнину — друзья».

[2] Самая продолжительная и прекрасная пиэса в «С.П.бургском журнале» 1798 года, который издавал Пнин, есть о воспитании. Мысли, находящиеся в ней, большею частию почерпнуты из творений славного Филанджиери. Над сим сочинением трудился один почтенный друг Пнина, но, кажется, и сам Пнин тут участвовал. «С.П.бургский журнал» был первым опытом его упражнений в словесности, но к чести издателя должно присовокупить то, что сей журнал есть из лучших наших ежемесячных изданий и что нет в нем ни одной почти пиэсы, которая бы не служила к пользе или к наставлению читателей. Ах! для чего он не успел окончить свою славу «Народным вестником», который незадолго пред своею кончиною принял намерение издавать.

124. ПРИЯТНАЯ СМЕРТЬ

Я хочу, чтоб смерть застала
С трубкою меня в руках;
Чтоб в то время предо мною
Пунш на столике стоял;
Чтоб Милена на коленях
У меня тогда была.
«О всемощная богиня! —
Так бы смерти я сказал. —
Погоди-ка ты немножко,
Дай стакан мне мой допить,
Дай проститься мне с Миленой,
Буду я готов сей час;
Между тем мою ты трубку,
Если хочешь, покури».
Тут бы мигом пунш я до́пил,
Тут бы уж в последний раз
Милую мою Милену...
К сердцу крепко я прижал
И в минуту восхищенья
Закричал бы так на смерть:
«Что ж ты, глупая, зеваешь,
Ну! рази теперь скорей».

1805

125. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ВОЛЬТЕРА

Великий это Аруэт,
Историк, филосо́ф, поэт.
Его глупцы критиковали,
Его монахи проклинали,
Его монархи почитали,
Которых почитал весь свет,
Его несчастные любили, прославляли.
Мир праху твоему, великий Аруэт.

⟨*1806*⟩

126. РАЗГОВОР МАТЕРИ С ДОЧЕРЬЮ

Мать

Приятную тебе скажу я, друг мой, весть.

Дочь

Скажите, маменька.

Мать

Жених тебе уж есть:
Отец поговорить об нем велел с тобою.

Дочь

Вы видели его? Хорош ли он собою?

Мать

Вчера у князя мы играли с ним в бостон,
И нам понравился обоим очень он:
Умен, достаточен и знатного же рода...

Дочь

А сколько лет ему?

Мать

Да... шестьдесят два года.

Дочь

Неужто вы меня хотите погубить?
Могу ли, маменька, я старика любить?

Мать

А почему ж не так? Он женится по страсти;
Имение его в твоей всё будет власти:
Сто тысяч с деревень дохода одного...

Дочь

Извольте, маменька, иду я за него.

1808

НОВЫЯ

БАСНИ и СКАЗКИ.

ТАКЖЕ РАЗНЫЯ МѢЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Александра Измайлова,

Члена Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Санктпетербургскаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ.

Съ присовокупленіемъ

ОПЫТА О РАЗСКАЗѢ БАСНИ.

Je tâche d'y tourner le vice en ridicule,
Ne pouvant l'attaquer avec des bras d'Hercule.

La Fontaine.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1817.

127. ЭПИТАФИЯ

Я месяц в гвардии служил,
А сорок лет в отставке жил.
В деревне я курил табак,
Наливки пил, учил собак,
Сам птиц стрелял, крестьян сам сек —
Вот в чем провел я целый век.

⟨1809⟩

128

«Ты друг мне?» — «Друг». — «А чем докажешь?»
— «Что ни прикажешь,
Всё сделать рад».
— «Дай денег мне взаймы». — «Изволь.., давай
заклад».

⟨1809⟩

129

Смеются Простину,
Что часто говорить с людьми он не умеет
И половиною зовет свою жену.
Так что же, пополам он ею и владеет.

⟨1812⟩

130

Клариса в чепчике степенном и салопе
Днем молится в церквах, бежит от мира прочь.
А ночью? .. О! она подобна Пенелопе:
Что днем ни сделает, то перепортит в ночь.

1812

131. ФИЛИН И ЧИЖ

В лесу Соловушка зарей вечерней пел,
А Филин на сосне нахмуряся сидел
И укал, что в нем было мочи,
Как часовой средь ночи.
«Пожалуй, дядюшка голубчик, перестань, —
Сказал Чиж Филину. — Ты Соловью мешаешь!»
— «Молчи, дурак, молчи, ты ничего не знаешь.
Что Соловей твой? Дрянь!
Ну так ли в старину певали?
И так ли молодцы из нас теперь поют?»
— «Да кто же? Соловья мы лучше не слыхали,
Ему здесь первенство́ все птицы отдают. . .»
— «Неправда! Он поет негодно, вяло, грубо;
А хвалит кто его, несет тот сущий бред.
Вот Ворон, мой сосед,
Когда закаркает, то, право, сердцу любо!
Изряден также черный Грач:
Хоть мал, а свил гнездо под крышкой храма славы!
Кукушкин на кладбище плач
Нам тоже делает забавы.
Но Сыч! Вот из певцов певец, —
Его брать должно в образец!
Кричит без умолку, прекрасно!
Скажу пред всеми беспристрастно,
Что нет здесь равного Сычу. . .
Зато я сам его учу!»

⟨*1812*⟩

132

О ужас! О досада!
Гомера перевел безграмотный Глупон!
От лошади погиб несчастный Илион,
А от осла погибла «Илиада».

⟨*1812*⟩

133. ДЕВУШКА И ЧИЖ

«Что это за житье? Терпенья, право, нет!»
(Так Лиза, девушка четырнадцати лет,
Сама с собою говорила.)
«Всё хочет маменька, чтоб я училась, шила,
Не даст почти и погулять.
Едва ль три раза в год бываю я на бале,
А то вертись себе без кавалера в зале!
Куда как весело одной вальсировать!»
Тут Лиза тяжело вздохнула,
Отерла слезку и взглянула
Нечаянно на верх окна,
И что ж увидела она?
Любимый чиж ее в решетчатой темнице,
Конечно, вспомнив про лесок,
Сидел на жердочке, повесивши носок.
«Ах! вольность дорога и птице! —
Сказала Лизонька. — Я по себе сужу.
О бедный Пипинька! Уж боле
Тебя не удержу,
Ступай, лети, мой друг, и веселись на воле. . .»
С сим словом отперла она у клетки дверь.
Встряхнулся Пипинька, летит в окно, кружится,
На крышу ближнюю садится.
Запел... «Как счастлив он теперь!» —
Мечтает Лизонька и видит из окошка,
Что к Пипиньке подкралась кошка,
Прыгну́ла на него и при ее глазах
Бедняжку растерзала!

*

В раскаяньи, в слезах
Вот Лиза что сказала:
«Как смела я на маменьку роптать!
Теперь я вижу очень ясно,
Что волю тем иметь опасно,
Кто слаб и сам себя не может сохранять».

⟨*1812*⟩

134. НАСЕДКА

«Куда как я ужасно похудела! —
Наседка хвастала перед сестрой своей. —
Подумать: двадцать дней
На яицах сидела, —
Всё время не пила, не ела,
Скажу, что много было дела! . .»
— «А много ль у тебя, скажи, цыпляток всех?» —
Подруга у нее спросила.
— «Да нет ни одного, попутал как-то грех,
Все яицы передавила».

*

Как эта курица, точь-в-точь,
Иной твердит: «Сижу за делом день и ночь!»
И подлинно сидит, от места не отходит,
Да перья попусту с бумагой переводит.

⟨1814⟩

135. ЛЕСТНИЦА

Басня

Стояла лестница однажды у стены.
Хотя ступени все между собой равны,
Но верхняя ступень пред нижними гордилась.
Шел мимо человек, на лестницу взглянул,
Схватил ее, перевернул,
И верхняя ступень внизу уж очутилась.
Так человек иной на вышине стоит,
Гордится, а глядишь, как раз на низ слетит!
Возьмем в пример Наполеона:
Как Сатана с небес, так он слстел со трона.

1815

136. ПЬЯНИЦА

Пьянюшкин, отставной квартальный,
Советник титулярный,
Исправно насандалив нос,
В худой шинелишке, зимой, в большой мороз,
По улице шел утром и шатался.
Навстречу кум ему, майор Петров, попался.
«Мое почтение!» — «А! здравствуй, Емельян
Архипович! Да ты, брат, видно
Уже позавтракал! Ну как тебе не стыдно?
Еще обедень нет, а ты как стелька пьян!»
— «Ах! виноват, мой благодетель!
Ведь с *горя*, мой отец!» — «Так с горя-то и пить?»
— «Да как же быть!
Вот бог вам, Алексей Иванович, свидетель:
Есть нечего, все дети босиком,
Жену оставил я с одним лишь пятаком.
Где взять? Давно уже без места я, несчастный!
Сгубил меня разбойник пристав частный!
Я до отставки не пивал.
Спросите, скажет весь квартал.
Теперь же с горя как напьюся,
То будто бы развеселюся...»
— «Не пей, так я тебе охотно помогу».
— «В рот не возьму, ей-богу, не солгу,
Господь порукою!..» — «Ну полно, не божися.
Вот крестникам снеси полсотенки рублей».
— «Отец!.. Дай ручку!..» — «Ну, поди домой,
проспися,
Да чур смотри вперед не пей».
Летит Пьянюшкин наш, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упал раз пять среди дороги.
Летит... домой? О нет! Неужели в кабак?
Да! Как бы вам не так!
В трактир, а не в кабак, зашел, чтобы промена
С бумажки беленькой напрасно не платить,
Спросил ветчинки там и хрена,
Немножко так перехватить,
Да рюмку водочки, потом бутылку пива,
А после пуншику стакан...
Другой, и наконец, о диво!

Пьянюшкин напился уже мертвецки пьян.
К несчастию, еще в трактире он подрался,
А с кем? за что? И сам того не знал,
На лестнице споткнулся и упал,
И весь, как черт, в грязи, в крови перемарался.
Вот вечером его по улице ведут
Два воина осанки важной
С секирами, в броне сермяжной.
Толпа кругом. И кум, где ни возьмися, тут
Увидел, изумился,
Пожал плечами и спросил:
«Что? Верно, с горя ты, бедняк, опять
напился?»
— «За здравие твое от *радости* я пил!»
У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьяным быть;
Закается лишь только пить,
Да и напьется вскоре.
Однако надобно, чтоб больше пил народ:
Хоть людям вред, зато откупщикам доход.

⟨1816⟩

137

«Я видел вас вчера в трагедии моей.
Вам нравится она?» — «Нимало».
— «А что ж вы плакали?» — «Сказать ли? Жаль
мне стало,
Что дал за кресла пять рублей».

⟨1816⟩

138

«Не знаю, как отмстить мне моему злодею,
Зоилу-демону?» — «Изволь, от всей души
Подам тебе совет: под притчею своею
Его ты имя напиши».

⟨1817⟩

«Ветрана по уши в тебя, брат, влюблена;
Женись-ка ты на ней: богата ведь она,
Пять сот душ...» — «Разве я взбесился?»
— «А что? Небось стара? Ей, правда, пятьдесят...»
— «Напротив, молода: когда бы шестьдесят
Ей было, право бы, женился».

(1817)

140. КАПРИЗ ГОСПОЖИ

«Послушай, маменька мой друг, —
Супруге говорит супруг. —
Ванюшка давиче мне в ноги повалился...»
— «Что, верно, пьян вчера напился?
Ну, папенька, прости для праздника его».
— «Нет, маменька, не то, он, знаешь ли, влюбился».
— «Влюбился! а в кого?»
— «Да в горничную Катерину:
Охотою идет Катюша за него...»
— «Велю я положить женитьбу им на спину!»
— «Ты шутишь?» — «Никогда я с вами не шучу».
— «Послушай, маменька...» — «И слушать не хочу!
Жените их, а я уж на своем поставлю,
В деревню их отправлю
И там свиней пасти заставлю.
Вот вздумали женить слугу!
Да я, суда́рь, терпеть женатых не могу».

(1817)

141. ПАВЛИН, ЩЕГЛЕНОК И ВОРОБЬИ

Щегленок дикий залетел
На дачу знатного, большого господина;
В саду, средь цветника, на куст серены сел,
На всё с вниманием вокруг себя смотрел
И в первый раз еще увидел тут Павлина.

Подняв вверх голову, тот важно выступал,
Не шел, а, так сказать, едва передвигался,
И лишь с сереной поравнялся,
Как бы нарочно стал
И хвост свой распустил дугою.
Блеснуло золото с лазурью, бирюзою,
При солнечных лучах то яхонты горят,
То изумруды отливают.
Все радужны цветы мелькают и блестят
И яркостью своей Щегленка взор прельщают.
От удивленья был Щегленок вне себя.
«Позволь спросить тебя, —
Сказал Синице он, — голубушка сестрица!
Какая это птица?»
— «Павлин». — «Не царь ли это птиц?..
Царь, точно, царь! Вот у него корона!
Красивей во сто раз щеглят он и синиц!
Как гордо он идет! Ну право, встал лишь с трона!
Какая шея, грудь, осанка у него!
А хвост!.. Не видывал я лучше ничего.
Но это что? О боги!
Смотри-ка: у него нехороши ведь ноги!»
— «Невежа! — вскрикнули тут хором Воробьи. —
Чьи ноги, чьи
Дурными называть ты смеешь?
Павлина? Да всех птиц прекраснее Павлин».
— «Так точно, ноги лишь...» — «Да что ты
разумеешь?
Уверить хочет всех один!
Нет, братцы, этого снести никак неможно!
Павлина нашего ругать Щегленок смел!
Клевать его, клевать!» Щегленок улетел
И опытом узнал, что никогда не должно
О недостатках птиц почтенных говорить,
А позволяется лишь только их хвалить.

⟨1817⟩

142. СЛУЖАНКА

Беда некстати разболтаться.
В какой-то дом пришла
Служанка наниматься.
«Скажи мне, душенька, где прежде ты жила?
Что делала? . .» — «Жила я у моста Тучкова,
У маклера Волчкова.
Женат, сударыня, на третьей он жене;
Дочь старшая меня немного помоложе;
Совсем почти уж сед, а приставал ко мне!
Бог знает что сулил, да честь всего дороже!
Я отошла. Потом жила у Покрова,
У Галкиной, она вдова;
При флоте здесь служил ее муж комиссаром.
У ней жил мичман бедный... даром...
Племянник, по ее словам.
Уж правда или нет, о том судить не нам!
Хоть беден, но зато и молодец собою!
Ему осьмнадцать лет, а ей уж тридцать пять!
А как она ряба! Худа! Доска доскою! . .
Изволила меня к нему приревновать!
У немца-доктора я после нанялася,
И тут не ужилася,
Муж мот, жена скупа:
Представьте, кофею мне даже не давала!
Да и сама какой пивала?
С цикорием! Еще жила я у попа;
Немного пил старик; дочь у него невеста.
Скажу, что модница! Зато коса, глупа! . .»
— «Прощай, голубушка, ищи другого места».
— «Помилуйте! Да чем я так противна вам?
Сшить, вымыть, выгладить умею,
Всё в доме сделать разумею,
И десять лишь рублей. . .» — «Полушки я не дам».
— «Да чем же я так несчастлива?
Чем не понравилась?» — *«Болтлива!»*

⟨1818⟩

143. КРЕСТЬЯНИН И КЛЯЧА

«Ну, матушка! О, дьявол! Стала!»
(Филат так кляче говорил
В лесу, где дров он пропасть нарубил
И воз престрашный навалил.)
«И с места не сошла еще, а уж устала!
Дворянка! . . Я тебе вот дам!»
При слове сем схватил Филат мой хворостину,
И ею ну возить он бедную скотину
И по спине и по бокам.
Упала кляча на колени,
Как будто милости хотела сим просить.
Филат неумолим, терпеть не может лени
И продолжает бить.
Приподнялась она тут нехотя на ноги
И кой-как потащила воз.
«Пошла! Пошла! легко: смотри, какой мороз!»
Но кляча стала вдруг опять среди дороги
И далее нейдет.
Опять Филат ее сплеча дубиной бьет,
Упала бедная и уже не встает,
Не тронется, не шевелится.
Филат, приметя то, дивится.
Посмотрит — кляча умерла.
Как взвоет мой мужик: «Одна лишь и была
Лошадушка — и та вот пала!
Пропала голова моя теперь, пропала!
Чем прогневил тебя, о господи! Филат?»
А сам, бездельник, виноват!

Уж нечего сказать, крестьяне
Как мучат бедных лошадей!
Не хуже, право, чем людей
В какой-нибудь глуши дворяне.

⟨1818⟩

А. Г. ВОЛКОВ

Биография Алексея Гавриловича Волкова представлена случайными и немногочисленными фактами. О родителях и раннем детстве Волкова ничего не известно. Существует лишь предположение, что он был сыном Гаврилы Григорьевича Волкова, младшего брата известного артиста XVIII века Федора Григорьевича Волкова, но доказательств в пользу этой догадки пока не имеется. Достоверно же известно, что Волков, подобно Борну и Попугаеву, обучался в Академической гимназии, состоял в ней на «казенном содержании» и закончил ее со званием переводчика в 1797 году. Сообразуясь с датой окончания гимназии, можно думать, что Волков родился около 1777—1778 годах. В 1797 году он был прикомандирован к академическому профессору Товию Ловицу для усовершенствования своих знаний в области химии, с жалованьем 200 рублей в год. В 1803 году Волков закончил диссертацию, носившую название «Химическое испытание каменных угольев, близ города Боровичей Новгородской губернии находящихся», за которую ему было присвоено звание адъюнкта химических наук.

В последующие два года вместе с академиком В. М. Севергиным он участвовал в научных экспедициях по Белоруссии, Польше и Финляндии. С 1804 до 1808 года печатается ряд статей Волкова по вопросам химии. В 1809 году он, видимо в связи с психическим заболеванием, вышел в отставку и в том же году скоропостижно скончался.

Столь же кратковременной была и литературная деятельность Волкова. Он был в числе организаторов Вольного общества, а позже — одним из его секретарей и цензоров. Немногие его стихотворения, написанные в анакреонтическом духе, были напечатаны в «Свитке муз». С 1804 года, возможно в связи с начавшейся болезнью, он перестал посещать заседания Общества, а в 1807 году был официально из него исключен.

144. МОЕ СЧАСТЬЕ

(К ДРУГУ)

Конечно, удивлю тебя,
Когда, любезный друг, открою,
Что я с свободой золотою
Навеки раздружил себя!
И, прежде столько ей гордяся,
В Лизету милую влюбяся,
О ней ни мало не крушусь,
А быть невольником горжусь,
Любим взаимно дорогою,
Счастлив неволею такою.

Но если б видел Лизы взгляд,
Хоть раз ее бы встретил взоры,
Услышал сладки разговоры,
Узнал, что правду говорят,
Что роза, роза в полном цвете
Уступит прелестью Лизете,
Что столько, столько хороша
Собою Лизанька-душа!
Конечно б ты не удивился,
Что я в нее, мой друг, влюбился.
Поверь же, милый друг, ты мне,
Что я не слепо обожаю
И быть счастливым не мечтаю, —
Что прямо счастлив — не во сне!

Порадуйся теперь со мною,
Как радовался я с тобою,
Когда и ты, как я, любил —
Взаимно милой милым был!
Когда бы милой ты своею
Любим был так, как я моею!

⟨1799⟩

145. ГРАЦИИ, МАЙ, ИЛИ ПРИХОД ВЕСНЫ

Какую светлую зарю
Встречает взор мой в изумленьи?
И наяву иль в сновиденьи
Я лишь прекрасных граций зрю?
О, что я вижу! С свода ясна
Лиется долу блеск и свет.
Что вижу! Троица прекрасна
Как тройствен луч с небес течет.

Течет — касается земли —
И рощи в зелень облеклися,
Пернатых перья развилися,
Луга цветами процвели,
Дубровы зашумели злачны,
Природа убралась в наряд,
Забили с гор ключи прозрачны,
Весны встречая нежный взгляд.

И се, красуется она
В лучах, долинах, рощах злачных,
С брегов — в зерцале вод прозрачных,
Как в ясну ночь с высот луна.
Как плавно землю ударяют
Уж легкою ногой оне!
Как майски ветерки летают,
Младой обручены весне.

⟨1799⟩

146. ВОПРОС

Для чего в саду, приятном
Разновидностью цветов,
Я на ложе ароматном,
Отдыхая меж кустов,
В сладком неги упоеньи
Розу в нежном восхищеньи
Для чего могу сорвать,
Запах сладостный вдыхать,

А красавицу Анюту
Для чего ни на минуту
Не могу к груди прижать
И в восторге трепетать?

⟨*1799*⟩

147. ВЗДОХ ВЛЮБЛЕННОГО

Куда, куда укрыться
От пламенной любви?!
Когда же угасится
Палящий огнь в крови?!

Ни лес ей, ни пучины
Не препинают путь,
Ни гор крутых вершины,
Куда б не досягнуть.

В безмолвные ль дубровы,
Или в дремучий лес,
Куда сквозь мрачны кровы
Не светит луч небес?!

В глубокие ль вертепы
Пойду спокоить дух,
Где звери лишь свирепы
Ревут одни вокруг;

Иль в степь необозриму,
Или в пустынь предел,
Иль в дебрь непроходиму,
Где б ветер не шумел;

Или пойду скитаться
Чрез гор хребты и лес,
И за моря пускаться
Под новый круг небес.

Ни лес ей, ни пучины
Не препинают путь,

Ни гор крутых вершины,
Куда б не досягнуть.

Куда, куда укрыться
От пламенной любви?!
Когда же угасится
Палящий огнь в крови?!

⟨1799⟩

148. СЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Из трех голосов

Голос 1

Как мило кто с друзьями
Проводит в селах дни!
Какими красотами
В весне цветут они!

Вокруг стада гуляют
По злачным берегам,
И птички воспевают
И вьются по кустам.

Златые класов волны
Колеблются в полях,
Веселья взоры полны
На холмах, на лугах.

Голос 2

Уж солнышко сияет
С полдневной высоты
И пламень проливает
На алые цветы.

Жар полдня становится
Уже несносен нам,
Пойдем же прохладиться
К прозрачным вод струям.

Пойдемте погрузимся
И зашумим в волнах —
Приятной освежимся
Прохладою в сердцах.

Голос 3

Оттуда ж возвратиться
Когда пора, друзья!
От жара чтоб укрыться
И слушать соловья,

Струи забыв прозрачны,
Пойдем в глубокий лес,
В тенисты рощи злачны
Под свод густых древес.

Там вязы горделивы
Задумчиво шумят,
Густо-кудрявы ивы
Под тень к себе манят.

Все

Как мило кто с друзьями
Проводит в селах дни!
Какими красотами
В весне цветут они!

⟨1799⟩

149. К СОЛОВЬЮ

О певец весенних дней!
Нежный кроткий соловей!
Сколько ты меня пленяешь,
Сердце, душу восхищаешь!
Если раннею порой
Ты под зеленью густой
Сладки песни распеваешь.

О певец весенних дней,
Нежной песнию своей
Сколько ты меня прельщаешь!

Если твой приятный глас,
На заре, в вечерний час
Иль при свете лунной нощи,
Раздается в тихой роще.

Но, любезный соловей,
Сколько глас твой ни пленяет,
Сколь ни мил душе моей,
Сердце сколь ни восхищает,
Всё милее мне сто раз
Лизанькин небесный глас:
Он меня обворожает,
В рай душой переселяет!

⟨1799⟩

150. НА ОТЪЕЗД И. М. БОРНА

Ты едешь, милый друг, — но разлучишься ль с нами?
Хотя на край земли, под полюс поезжай,
Все будут близ тебя друзья твои сердцами, —
Близ сердца твоего! Любезный Б⟨орн⟩, прощай!

1799

151. ЗИМОЮ К ДРУЗЬЯМ

(Подражание Горацию)

С полуночи буря течет
И, мрачные тучи волнуя,
    В их сонме скрывает
    Из глаз небеса.

Порывисты ветры свистят,
И снежные вихри крутятся,
    Пушистые стелют
    Ковры по лугам.

Давно ли шумели ключи,
Цветущие розы гордились
    И пели в тенистых
    Кустах соловьи?

I

ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВА

Любителей словесности, наукъ и художествъ.

Общество, въ началѣ своего образованія, открыло свои засѣданія, подъ названіемъ дружескаго общества любителей изящнаго, 15 го Іюля 1801 года.

Первые члены сего общества были господинъ Попугаевъ и господинъ Борнъ, подавшіе первую идею общества, и господа Дмитріевъ, Волковъ, Красовскій и, по сихъ поръ въ числѣ членовъ общества находящіеся.

Предмѣтомъ своихъ занятій общество избрало словесность, науки и художества, и въ семъ отношеніи поставило себѣ двѣ главныя цѣли:

1 Взаимное усовершенствованіе въ сихъ трехъ отрасляхъ человѣческихъ способностей.

2 Споспѣшествованіе къ усовершенствованію соразмѣрно своимъ способностямъ сихъ трехъ отраслей.

Связію общество положило дружество и согласіе; и въ слѣдствіе сего из-

Дохнула седая зима —
Лишь терны да ель зеленеют,
Лишь каркают враны:
Природа мертва!

Друзья! поспешим уловить, —
Покуда нас юность лелеет
И в полных играет
Румянец щеках,

Покуда в нас жар не потух
И русые кудри виются, —
Крылатое время
Веселий в кругу!

Природа воскреснет опять
В блистательной юности года,
И скачущи Горы [1]
Весну приведут —

Для нас невозвратно зайдет
Весеннее юности солнце;
Увы! невозвратно
Лета протекут.

⟨1801⟩

152. КУПИДОН И БАБОЧКА

Однажды показался
Малютка Купидон;
За бабочкой гонялся,
В саду летая, он.
С кусточка на кусточек,
С цветочка на цветок,
Как майский ветерочек
Порхал за ней божок!

---

[1] Богини годовых времен — их представляют обыкновенно в виде прекрасных девушек в пляске.

Туда, сюда, и в лозах
Меж мирт за ней летел,
И вдруг, в цветущих розах,
Совсем поймать хотел,
Как, ручку протянувши,
Свой пальчик уколи,
И бабочка, вспорхнувши,
Уж зыблется вдали!
Ни с чем божок остался,
Лишь ручкой замахал,
Боль чувствовать казался
И в пальчик подувал.
Не так ли мы стремимся
За резвой красотой?
И часто наградимся
Сердечною тоской!

⟨1802⟩

153. ПРИЯТНОЕ СМУЩЕНИЕ

Могу ли верить я глазам?
Тебя ли вижу, милу Клою?
Иль так угодно небесам
Меня потешить лишь мечтою?
Могу ли верить? Твой ли взор
С улыбкой нежной мой встречает?
Умильный взор
И разговор
Меня в любови уверяет?

Ты, Клоя, ты передо мной!
Тебя, друг милый, обнимаю!
Тебя целую, ангел мой,
И страстно к сердцу прижимаю!
Ах! если то не сладкий сон,
Ни с кем блаженством не сравнюся!
Когда же сон —
Пусть вечен он!
Пусть вечно, боги, не проснуся!

⟨1802⟩

154. К ВЕСНЕ

Приди, весна, приди скорее!
Тобою наша жизнь цветет,
И сердце бьется в нас живее,
И кровь приятнее течет.
Сколь любо взору заблуждаться
На разноцветных берегах!
Сколь сладко нам уединяться
В дубровах темных и лесах!
Гулять в лугах, лугах священных,
Струящих сладкий аромат,
Кустами мирты обнесенных,
Зеленой рощей для прохлад,
Увенчанной вокруг цветами,
Прельщающими жадный взор,
Прикрытых темными холмами,
А дале рядом синих гор.
Приди, весна, приди скорее!
Тобою наша жизнь цветет,
И сердце бьется в нас живее,
И кровь приятнее течет.

⟨*1802*⟩

155. К МУЗАМ

Тениста роща, злачный луг,
Как милы сердцу вы поэта!
О! как его плените дух
Среди весны и красна лета.
Забывши в вас мятежный свет,
Он в руку лиру принимает,
При шуме ручейка играет
И, голос соглася, поет:

Блистая храбрости лучом,
Пускай дорогу в веки поздны
Отворит пламенным мечом
Герой, любимец Марса грозный;

Желая славы гром простерть,
Пусть грады в прах преобращает
И Этны огнь в груди питает,
Колебля сушу, море, твердь, —

Но ваш приверженец-пиит
Сей славы, музы! не желает,
Огнем чистейшим он горит
И сердце нежных согревает.
Далек от грому страшных бурь,
Собой доволен и судьбою,
С весельем видит над собою
Небес немеркнущу лазурь.

Я благость вашу ощутил,
О музы! божества благие,
Ваш луч небесный озарил
Дни юности моей драгие.
Не вами ль прежде научен
Прельщаться истиной святою?
Цветущей счастия стезею
Не вами ль после был веден?

Блажить свою и в малом часть,
О многом, лишнем не терзаться,
Не вы ль в меня влияли страсть
Природе милой удивляться,
Любить приятную мечту,
На лире петь с душой согласной
То взор Анютушкин прекрасный,
То Лизы-друга красоту.

⟨1802⟩

156. ПРИХОД МАЯ

Что вокруг всё так смеется,
Всё веселью предается,
Восхищает сердце, дух,
Взор пленяет, нежит слух?

И заря поверх долины,
Озлативши гор вершины,
Так румяна, так ала
По лазури востекла?
И, росою серебристой
Ожемчужив луг цветистый,
Тихо так и так светло
Утро красное взошло?
Что природа так играет,
Взор умильно осклабляет?
Май, природы нежный друг,
Низлетел на красный луг,
С ним забавы ниспустились,
Игры, пляски возвратились;
В полном блеске к нам весна
С ним сошла обручена!
Кто ж теперь не умягчится
И природой не пленится,
Сердце камень у кого,
Зря на прелести всего!
Кто ж с любезными друзьями,
Кто поспешными шагами
Не пойдет весны встречать,
Жизни сладость ощущать:
То под тению густою,
Утра, вечера зарею,
Близ шумящего ручья,
Песнь внимая соловья;
То гуляя красным лугом
Иль один, иль с милым другом,
По пестреющим цветам
И по злачным берегам;
То с вершины в утро ясно
Восходяще солнце красно,
То за синие моря
Заходяще солнце зря;
То в струях прозрачных, чистых,
Под навесом древ ветвистых,
Зажемчужив волны вкруг,
Веселя прохладой дух.

⟨1802⟩

157. СУДЬБА

Под мрачным небом странник плыл
Необозримыми морями,
Сражался с бурями, волнами,
От смерти — лишь на волос был,
Водим неведомой судьбою,
Желанна берега достиг —
Лишь миг на брег — и под волною
Его навек скрывает — миг.

Подобно с страстию, несчастный!
То раб ее, то властелин,
Боролся я не год один
И наконец — зрел полдень ясный:
Уже победы луч блистал,
Лишь миг — навек проститься с нею!
И гром трикратно прозвучал;
Простись навек с душой твоею!

⟨1802⟩

158. МОЯ БОГИНЯ

Пускай надменные умы,
Любовь! тебя не обожают;
Пусть им зефиры не играют:
Их юность блекнет средь зимы!
Пускай, беседуя со мною
И чувствуя остывшу кровь,
Почтенны старцы сединою
Мечтою мне зовут любовь!

Увы! в преклонные лета,
Как солнце наших дней темнеет
И сила чувства в нас слабеет,
Скажу и я: «Любовь — мечта!»
Теперь, пока зимы не знаю,
А вижу вкруг себя цветы,
Я резвым мотыльком летаю, —
Любовь, моя богиня ты!

⟨1802⟩

159. КЛОИН СОН

Как-то месяц летней нощи,
Песни громки соловья
Прогуляться в ближней роще
Заманили раз меня.
Я вхожу в нее — и что же?
На цветущем, вижу, ложе
Осеняет Клою сон,
А у ней — плутишка целый! —
Возлежит на груди белой,
Прикорнувшись, Купидон.

⟨1802⟩

160. ПРИВОЛЬЕ СТИХОТВОРЦА

Кто может перечесть красоток всех моих,
Которых я могу своею ворожбою
Заставить, как хочу, амуриться со мною?
Когда угодно мне, всегда в стихах своих
С одной целуюся, с другою обнимаюсь!
Уж то ли не житье? Как в масле сыр катаюсь.

⟨1802⟩

161. К ЗЕФИРУ

Зефир, Зефир, цветов живитель,
Полудня сладкий прохладитель,
Игривый друг весенних дней!
Зефир, цветущих роз лобзатель,
Красавиц нежный обожатель,
Послушай просьбы ты моей!

Вблизи, при токе вод сребристых,
На мураве, цветах душистых,
Узришь прекрасных граций круг;
Меж них одна видна собою,
Как роза меж цветов весною, —
То Лиза посреди подруг.

Взмахни туда скорей крылами!
Своими чистыми устами
Прелестну Лизу полобзай,
Потом назад перенесися —
На час устам моим коснися —
Лобзаний сладость им отдай!

Зефир, цветущих роз лобзатель,
Красавиц нежный обожатель,
Исполни просьбу ты мою!
А я тебе — любезну другу,
А я тебе, за то в услугу,
Похвальну песенку спою.

⟨1802⟩

162. ТОСКА ПО МИЛОЙ

Укажите мне, несчастну,
Где найти подругу страстну,
Где найти ко счастью след?..
Как волна к волне всё льется,
Всё-то сердце, сердце бьется,
Бьется всё — но милой нет!

Милой нет — и всё немило,
Нет любезной — всё постыло!
Что осталось? — слезы лить.
Безотрадно сердце вянет,
Слово-слово душу тянет,
Ах! на свете тошно жить!

⟨1802⟩

163. ВОСТОРГ

Так, Лиза, я любим тобою?
Так ты навек, навек моя?
Так, Лиза, любишь ты меня?
Не разлучишься ввек со мною?

Теперь-то знаю наконец,
Какая радость, восхищенье,
Какое чувствий наслажденье —
Слиянье пламенных сердец!

Так, Лиза! я блажен тобою!
Мне целый свет бы то ж сказал,
Когда бы только, друг мой, знал,
Как бесподобна ты собою!

Что Лиза — ангел красотой,
Цветя между красавиц ею,
Как роза меж цветов весной...
И ангел, ангел ты душею!

⟨1802⟩

164. ПЛУТИШКА ЦЕЛЫЙ

(По италианскому Цаппи)

Однажды вкруг Темиры
Малюточки амуры,
Как пчелки златокрылы
Вкруг розы, разрезвились!
И, разрезвясь, посели
Одни — к ней в русы кудри,
Другие — на уборку,
На шею, как снег белу,
А два, в глаза влетевши,
В них пламенники скрыли
И в их густых ресницах
Искусно притаились.
Другие два стреляли
Из ямок алых щечек;
Один — плутишка целый! —
Как будто не нарочно
К ней зá груди свалился
И, выглянув, смеялся:
«Чье место позавидней?»

⟨1802⟩

165. К НЕЗНАКОМКЕ

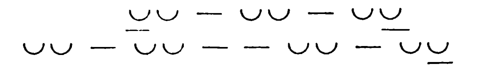
(Отрывок)

. . .В который, странною игрой
Слепого счастия с судьбою,
Впервые свиделся с тобой,
Любима незнакомка мною!
Тот день ни злобный рок забыть,
Ни само время не принудит
Из мыслей лестных истребить!
Тот день век памятен мне будет,
И вечно незабвен тот час,
В который, свидевшись с тобою,
Я в первый насладился раз
Твоей улыбкой дорогою!
. . . .
. . . .
Глубоко слишком впечатлен
В моей душе твой образ милый!
Как живо в ней изображен
Твоих красот волшебной силой!
Как живо, живо гордый взор,
Осанку важну представляю,
И сколь пристал к тебе убор,
Прелестница!.. сказать не знаю.
Еще как будто наяву,
Под золотой парчой, прекрасный
Зрю стан, под перьями главу,
Твой внемлю глас приятный, ясный,
Подобный гласу стройных лир;
Твое дыханье ароматно,
Как тихозыблемый зефир,
Сквозь роз ухающий приятно,
Вдыхаю с чувством — и горю,
В восторге всё позабываю,
Тебя лишь пред собою зрю —
По сердцу пламень ощущаю!
Такие сладостны мечты!
Прости! — кто б ни была такая,
Мила чрез меру сердцу ты,
О незнакомка дорогая!

⟨1802⟩

166. К МЕЛЬПОМЕНЕ

По III оде четвертой книги Горация
(размером подлинника)



Мельпомена бессмертная!
В час рожденья кому ты улыбалася,
Тот не славится доблестью
На Истмийском бою, гордо с ристалища
Не течет победителем,
Ниже громко в триумф, лавром увенчанный
По блистательным подвигам,
Укротивши царей грозы кичливые,
В Капитолию шествует;
Но при шуме ключей злачного Тибура
В сенолиственных рощицах
Вдохновенно поет песни лесбийские.
Рим державный почтил меня,
В лик священный певцов принял торжественно,
И ехидныя зависти
Уж не столько теперь жало язвит меня.
О богиня! вливающа
В струны лиры златой песни божественны,
Не властна ль и в безгласных рыб
По желанью вселить глас лебединый ты?
По твоей благосклонности
Указуясь перстом мимоходящих, я,
Песнопевец лирической,
И при жизни еще нравлюсь, всесильная!

⟨1803⟩

В. В. ДМИТРИЕВ

Василий Васильевич Дмитриев (год рождения неизвестен) родился в Костроме. Учился он в гимназии при Академии наук в Петербурге. Вместе с Борном и Попугаевым был одним из первых основателей Вольного общества. Однако в апреле 1802 года Дмитриев на пять лет уезжает в Сибирь и служит там под началом тобольского губернатора А. М. Корнилова. В связи со служебными поручениями он много ездит по Западной и Южной Сибири, восхищаясь красотой природы и богатствами этого края. «Звериная ловля, ореховый промысел, самый лес в дереве со всеми от него произведениями... — писал он, — мог⟨ли⟩ бы великие и неистощаемые приносить выгоды...» [1]

Находясь в Сибири, Дмитриев ведет оживленную переписку с членами Вольного общества, которые еще в Петербурге выдали ему специальный «рескрипт», дававший право вербовать новых «корреспондентов». В письме от 28 июля 1804 года, адресованном своим коллегам по Обществу, он делится своими творческими планами, сообщает о своем намерении перевести на русский язык «Опыт о человеке» Гельвеция, «Историю древних художеств» Винкельмана, советует им подумать о переводе «Истории обеих Индий» Рейналя. Кроме того, он обещает прислать собственное оригинальное произведение под названием «Красоты диких мест отечества моего».

В 1806 году Дмитриев просит членов Вольного общества оказать ему содействие в Петербурге в организации периодического издания под названием «Ореады». Однако трудности, связанные с доставкой в столицу литературного материала, помешали ему выполнить это намерение.

В Петербург Дмитриев вернулся в 1807 году и поступил на службу в Министерство народного просвещения.

---

[1] «Ореады», ч. 1, СПб., 1809, с. 10.

В 1809 году была издана первая и единственная книжка «Ореад». В нее вошли «собственные произведения издателя» и переводы из «иностранной словесности». Здесь же были помещены стихи Дмитриева, посвященные природе Сибири. Завершался первый раздел путевыми записками издателя под названием «И мое путешествие в дикие страны отечества» (последние записи связаны с пребыванием автора на Урале). Много места в «путешествии» отведено жизни и нравам простого народа, о котором Дмитриев пишет с неизменным восхищением.

Второй раздел «Ореад» представлен произведениями научного, просветительного характера. Основное место среди них занял перевод аллегорической поэмы Гельвеция «Благополучие». В предисловии к ней Дмитриев обещал в ближайших номерах «Ореад» поместить «анализ» сочинений Гельвеция и дать «полные переводы трактатов его о разуме и человеке».[1]

После возвращения из Сибири Дмитриев продолжает участвовать в работе Вольного общества и даже избирается им в члены Комитета цензуры. Он пишет теоретические статьи просветительского характера, одна из которых — «О воспитании женского пола» — была прочитана на заседании Общества 22 октября 1810 года. Главная мысль статьи — необходимость воспитания девушек в «патриотическом», гражданском духе, что поможет им сделаться необходимыми «сотрудницами» будущих спутников жизни.

В том же году Дмитриев переделал свой перевод трактата Рейналя «О законодателях, предписывающих законы народам своим именем богов», осуществленный еще до отъезда в Тобольск и носивший в первой редакции название «О законодателях, именующих себя пророками». В трактате отрицается идея божественного происхождения гражданских законов, а правители, защищающие ее, названы «злодеями», предпочитающими «собственные свои прихоти» «выгодам отечества».[2]

Дальнейшая судьба Дмитриева неизвестна.

---

[1] «Ореады», ч. 1, СПб., 1809, с. 123.

[2] Архив Вольного общества... — Библиотека ЛГУ, Отдел редких книг.

167. ГАРМОНИЯ МИРА

Несись, о дух мой удивленный,
В пространство тысячей миров,
Внемли гармонии вселенной,
Познай создателя — и возродися вновь
В движеньи вечном, бесконечном,
В бессмертьи сущего под солнцем, под луной,
В теченьи жизни скоротечном,
В полете времени — и, над пленой
Земной возвысясь сферы,
Смирись лишь пред творцом благия веры!

И в час, когда покров свой черный
Раскинет ночь в натуре надо всем,
Урания, компа́с приявша верный,
Сидит над миро-чертежом;
Как бледное под севером сиянье
Под льдистым полюсом когда горит,
Так тень ее, так легко одеянье
Во тьме ночной блестит;
Внемли, мой дух, какая сила управляет
Движеньем, мерой, лепотой сих звезд;
Как Сирий там алмазами играет
В эфире дальних горних мест;
Как светлый, яркий Орион
Подвластные ему планеты освещает
И с прочими хранит гармонии закон.
Ужель не слышишь ты их ход,
Их шум, их мерное движенье, —
Не слышишь, как свершен землею год,
Как в новое идет она теченье? . .
Или, спустясь на шар подлунный,
Златого солнца ты дождись на нем:
Почувствуешь, как тени блудны
Сольются с светом перед днем;
Как всё в своем порядке, роде,
В несметных блещущих цветах,
Раскинется пред солнцем на свободе,
Явится в новых красотах.
В трех царствах естества благого
Едина цепь, едина связь видна;

От твари — существа живого
До вида тленности — во всем черта одна
Того превечного закона,
Который движет всё, живит, —
Течет лучом с надзвездного нам трона,
Где вечная любовь с премудростью сидит.

Нет в мире пустоты,
Нет места в оном ей,
Всё вид имеет красоты
Иль жизни вечной — целию своей.
Не мни, чтоб роза, сей цветок,
Краса природы оживленной,
Иль пестрый, резвый мотылек
Исчез в игре гармонии вселенной.
Нет, нет! — как арфы тоны громогласны
То загремят, то умирают,
То смертию своей восторги страстны
Из томности душевной воскрешают, —
Так йдет в мире сем своею всё тропой.
Исчезнет, кажется, существенность прекрасна
Под острой времени косой?
Никак! — закону общему подвластна,
Подъемлется опять, восходит, возрастает;
Быв жертва одного, другие вновь миры питает.
Симвóл бессмертия, во всем твореньи зримый,
Гармоний есть закон, природою хранимый.

Стихии самые, когда в борьбе своей
Мир целый на оси трясут, —
Перуны мещут к нам во ужасе теней
И черны облака секут;
Со треском небо пасть на землю хочет,
Вулканы пламенем горят,
В утробе огнь земной клокочет,
Ярится всё собой пожрать. . .
И тут — лишь злоба вострепещет —
Дух добродетели порядок мира зрит.

«Гармония мира» и следующие за оною сочинения писаны издателем «Ореад» при созерцании величественных красот природы в диких странах отечества, в отда-

леннейшей от сердца оного Сибири. Сидя в кабинетах, мы будем иметь всегда слабое или только фантастическое понятие о гармонии миров, о поразительной и разнообразной красоте существ, составляющих оные, о взаимной связи их и необходимости. Надобно быть почаще вместе с милою природою. Как она везде прекрасна! — Везде, в самых даже ужасах. Приведу в пример северный край отечества, особливо Сибири. Он казался и ныне покажется, относительно к политическому бытию обитающих там в первобытном состоянии народов, относительно к цвету и живительной силе растений, общим гробом жизни. Но взор благовещающего к превечному странника и там поражен будет велелепием чудес его. Какая кисть изобразит нам то бледное мерцание, тот особенный свет *северного сияния*, который в неподражаемой белизны легкости живописует небо или тот *нескончаемый день*, которому дан удел в известную четверть года за полярным кругом; или ту, не расцвечаемую лучами солнечными, но прекрасную ночь, которая владычествует в свою очередь под созвездием полюса на пушистоснежных коврах, седовласою зимою по хребтам гор и холмам льдистым, в пустынях сих разостланных и отливающих от себя ко свету лунному игру рубина и яхонта; или те величественные круги *побочных солнц*, побочных лун, которые радужным циркулем мироздания как бы десницею самого Эговы на своде небесном минутно начертываются, минутно исчезают. — Смертный! тебе открывается, может быть, в сем законе естественном эмблема всемогущества творческого и тайна глагола сего: *по мире сущем созижду мир новый, чертеж его в руке моей, — или и в тесноту славословящих меня миров вмещу тысящи; реку, и будут.*

⟨1809⟩

168. СИМФОНИЯ НАТУРЫ В ЧАС УТРА

Лишь в пламени заря зардится,
Сберет с земли покров свой ночь,
И светлый день на ней явится,
Погонит тьму, туманы прочь, —

От сна натура пробужденна,
Как нежная в весельи мать,
Румяным утром украшенна,
Спешит детей своих обнять.

Спешит прижать ко груди, жизнь дающей,
Ко персям матерним своим,
К ланите, радость всюду льющей,
К очам прелестным, дорогим.

Живит всё милая своим пресветлым взором,
Растит всё в новых с утром красотах;
И дети с матерью согласным хором
Симфонию поют пред тем на небесах,

Кто в молниях над злом гремит,
На добродетель благость льет,
В лучах, в звездах блестит,
Творению — творца познать в себе дает.

Незабвенные дни жизни моей, дни свободы и сердечных удовольствий! Когда в прохладах прелестного маия, в ароматах цветами венчанного июня пробегал я долины Алтая, когда слушал симфонию пробуждающегося творения. — Что Мозарт, что Гейден! — одно подражание. О природа! Благодарю тебя за сии минуты, благодарю за сердце, умевшее чувствовать красоты твои! Друзья истины, любви и природы, милые соотечественники! Хотите видеть что-нибудь истинно лестное, истинно полезное для души и чувств ваших; хотите быть, хотя несколько минут в жизни, счастливы? — Путешествуйте, особливо по своему отечеству. Всё, всё в нем вы найдете: и долины *пиренейские*, и каскады *тивольские*, и красоты Швейцарии, и утро *альпийское*.

⟨*1809*⟩

№ XVII

1806 года, Августа 25 дня, въ субботу присутствовали:

1. Президентъ: Иванъ Мартыновичь Борнъ

Дѣйствительные члены:

2. Николай Федоровичь Остолоповъ
3. Александръ Ефимовичь Измайловъ
4. Матвѣй Васильевичь Прокопій
5. Александръ Христофоровичь Востоковъ

58.

Читано письмо, полученное изъ Тобольска отъ Дѣйствительнаго Члена Общества Василья Васильевича Дмитріева, въ которомъ извѣщая Общество о намѣреніи своемъ издавать журналъ подъ названіемъ Зрѣлы, проситъ Общество сдѣлать ему съ своей стороны денежное пособіе для напечатанія. По выслушаніи сего письма, опредѣлено отвѣчать Г. Дмитріеву, что Общество одобряетъ его предпріятіе; но въ разсужденіи упоминаемыхъ въ письмѣ условій, по причинѣ отдаленности издателя, находитъ неудобствъ, кои Г. Президентъ взялъ на себя объяснить подробнѣе въ письмѣ своемъ къ нему, котораго главное содержаніе долженствуетъ быть то, что бы для изданія журнала присылалъ онъ за полгода впередъ слѣдующее число денегъ и рукописи: если же перваго онъ сдѣлать не можетъ, то присылалъ бы одни послѣднія для помѣщенія ихъ въ общественномъ изданіи

А. Измайловъ
А. Востоковъ

169. СИБИРСКИЙ ЗИМНИЙ КЕДР

Лесов сибирских повелитель,
Дичи́ дремучей исполин,
Тенистый, древний кедр,
Качая ветвь машисту, клонну,
Гроздом иглистым по ветру шумя,
Сребристый иней лишь стрясает.
Покрывшись мантией зеленой
На зиму люту от снегов,
Ни бурь, ни мразов не боится.
Не смеют вихри рьяны
Коснуться святости лесов,
Лишь страшные *бураны*,
Сломившие уж тьму дерёв, —
Несчастье странника в пути, —
Взвивают снежные столпы
Вокруг его вершины поднебесной.
Но он — покоен, тверд,
Любуется звездящейся снежиной.
Бураны стра́шны, но ничто пред ним.
У ног его — у пня — лежит спокойно
В сугробе снежном сибиряк,
Косматый, чудный, дивный, дикий,
И меткую стрелу справляет.
На лыжи стал — и зверь,
Игривый, ловкий, скорый —
Пушиста белка, горностай,
Иль соболь редкий, чернохвостый,
Краса красот сибирских белогрудых, —
Падут с вершин его, как миг.

О кедр священный, вечноюный,
Царь велий дремоты лесной!
Ни вихри, ни бураны буйны
Не потрясут корней твоих вовек.
Хранитель жизни звероловца!
Ты будешь божеством его всегда.

Славьтеся места, любимые солнцем, своими кипарисами, гордитесь высоты Левантские своими кедрами. Не видя вас в моем отечестве, на матерой земле, России принадлежащей, не смею и величать вас. Но зато в гла-

зах моих тенистый кедр богатой Сибири. Он не уступит вам во красотах своих и мне вас заменит. Какое величество в осанке сего дерева, какая священная тень в густоте обширных лесов, которые на целые тысячи верст, одевая холмистые берега величавой *Оби*, от самых вершин ее, составляющихся на соборе редких красот природы, — в амфитеатре, голубеющимися *Катунскими* горами обнесенном, из слития сердито мчащей воды свои *Бии* с тихими водами *Катуни*, — любуются собою в струях важнотекущей, великой сибирской реки сей. Войдите в сие святилище. Вас встретят дремоты лесной жители. Зашумят ветви кедра от скока резвого и прекрасного соболя, прыгливой белки и горностая, испуганных стрелою, пущенною из тула остяка-зверолова или живущих на покоренных местах его пришельцев. Богатство кедровых лесов сибирских многозначительно для самых выгод государства. Ибо частное богатство народа есть основание собственного его богатства в целом. Оно значительно для внутренней нашей торговли, важной отрасли российской экономии. Звериная ловля, ореховый промысел, самый лес в дереве со всеми от него произведениями, оставляя уже то, что колоритом вечно зеленеющегося цвета своего делает разительную оттенку в великолепных картинах дикой природы, он мог бы великие и неистощаемые приносить выгоды, если бы для сбережения оного на времена будущие приняты были меры по отвращению тех случаев, когда отечественное сокровище сие, не имея известных разделов и оставаясь по малолюдству без присмотра, пожираемо бывает на величайшем пространстве всеразрушительным пламенем, рождаемым бунтующими стихиями или случайностию.

Всего же более поразит странствующего по Сибири путника красота величественного кедра, когда он встретит его на пути своем в храмовидных куртинах среди цветущего луга, в тени которых или вокруг их богатые сибирские старожилы и пришельцы, от избытков еще не истощенной природы, сердцем и душою благодарные богу и властям, ими управляющим, за свое довольствие, храня нравы простоты, ума и гостеприимства предков своих, в кругах семейственных, преисполненные чувств восхищения, играют и веселятся. Разительная картина народ-

ныя радости! Или когда случится ему проехать при бледном свете луны ту священную обитель смерти, где мрачная тень сего величественного дерева разлагается по могилам музульманов. Какими чувствами преисполнится тогда душа странствующего! Кладбища сибирских татар и других иноверцев почти все прикрыты сению тихих рощ; и какое зрелище, когда меж ими ветвистый кедр, раскинув иглистые грозды свои над гробами усопших, сквозь которые чуть-чуть могут промелькать сребряные лучи светлого месяца, покоит тленные остатки человека, ликовавшего некогда в мире и любовавшегося его красотою.

(1809)

В. И. КРАСОВСКИЙ

Василий Иванович Красовский (брат известного цензора-мракобеса А. И. Красовского) родился в Костроме в 1782 году. Отец его, костромской протоиерей, позже придворный духовник и член Российской академии, был автором теологических сочинений и одним из редакторов академического «Словаря».

В 1790 году Красовский поступил в Академическую гимназию, которую закончил в 1799 году. После этого служил переводчиком в Государственной берг-коллегии и Главном цензурном комитете. В 1813 году тяжело заболел и вышел в отставку. В последние годы жизни впал в мистицизм. Умер 22 ноября 1824 года в Петербурге.

Красовский был одним из основателей Вольного общества. В 1801—1802 годах выполнял в нем должность цензора. С 1805 года по состоянию здоровья перестал посещать заседания и был исключен из Общества 15 июля 1807 года.

Стихи Красовского были напечатаны в «Свитке муз» и «Периодическом издании». Посмертно в «Сыне отечества» (1825, № 4) был издан переведенный Красовским отрывок из поэмы Сен-Ламбера «Les Saisons» под названием «Зима».

170. БЛАГОПОЛУЧИЕ В УЕДИНЕНИИ

Под тению густых дерев
В спокойной, мирной сей пустыне,
Как тихий, кроткий ток ручьев,
Мои дни протекают ныне.

Самим собою наслаждаясь,
Желаньем тщетным не горю,

Души мученьем не терзаясь,
Я не завидую царю.

Млеко́ вкушаю, сладкий плод
И бедности совсем не знаю,
Смотрю на чистый неба свод,
Цветы ночами попираю.

Хотя ж свирепость мрачных туч
Меня подчас и устрашает,
Но вскоре солнца светлый луч
Весь страх и ужас рассыпает.

Всё в мире сем для нас мученье,
И горесть — смертного удел,
Но лишь вступи в уединенье,
То скорбей всех узришь предел.

Так точно бурный сей поток,
Кипя, по скалам пробегает,
Но лишь сольется в мой лужок —
С журчаньем тихим протекает.

⟨1802⟩

171. ОСЕНЬ

Туман покрыл лицо земли,
В долинах бури заревели,
Дожди рекою протекли,
Умолкли пастухов свирели.

Стада под кровли убрались.
По голубому своду неба
Седые тучи понеслись,
Померк луч светозарный Феба.

Не стало листьев на древах,
Стоят дубравы обнаженны,
Трава засохла на лугах,
Цветы от стужи умерщвленны.

Унылый, томный ручеек,
Как нехотя, между брегами
Свой катит серебристый ток
И омывает их струями.

Утихли нежны песни птиц:
Одни лишь слышны вранов вопли
Иль скучный голос из станиц
Гусей, летящих в страны теплы.

Своих убранств лишился сад,
Кудрявы липовы аллеи,
Где дух исполнен был отрад,
Теперь унылы, опустели.

Румяна утрення заря
Не разливается в востоке,
И яркий солнца луч, горя,
Не преломляется в потоке.

Пловец, ветрила распустив
На корабле, среди тумана,
Спешит в безбедственный залив,
Страшася бури океана.

Где прежде кроткий Зéфир дул,
Там ныне бурны ветры воют
И раздается страшный гул
Волков, которы землю роют.

Природа вся в глубокий сон,
Как томный путник, погрузилась
И, выполняя свой закон,
В одежду мрака облачилась.

Но всё с весною оживет!
Древа украсятся листами,
На ветвях зяблик воспоет,
Поля покроются цветами.

Один лишь слабый человек,
Косою смерти пораженный,
Увядши, не восстанет ввек,
И ветер прах развеет тленный.

⟨*1802*⟩

172. ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Поблекли милые цветочки,
Осенний ветр их зазнобил;
Увяли розы, василечки,
Холодный иней их покрыл!
Листки, Бореем отрясенны,
Лежат спокойно на земли;
Без них стебли, красот лишенны,
Не манят путника вдали!
Но тот об них не позабудет,
Кто ими взор свой услаждал,
Слеза в награду оным будет
За радость, кою взор вкушал.
Так мы, сокрывшися в могилу,
Спокойно будем там лежать,
И птички песенку унылу
Над нами станут воспевать;
И, может, друг любезный, милый
Придет под тень густых берез
Пролить над нашею могилой
Обильны токи горьких слез.
Но тех, которых жизнь бывает
Подобна терню, волчцам,
Тех гроба всякий убегает,
Прискорбна память их сердцам.

⟨*1802*⟩

173. К УДАЛЕННОЙ

(Из Гёте)

Так я навек с тобой расстался?
Тебя мой не увидит взор?
Но всё в душе еще остался
Твой нежный глас и разговор.

Как странник, слыша в утро ясно
Приятный жаворонков свист,
Их ищет взорами напрасно:
Они взвились под эфир чист, —
Так всюду я в тоске блуждаю
Чрез рощи, пажити и луг,
Тебя ищу, к тебе взываю:
«Приди ко мне, любезный друг!»

(1802)

174. РУЧЕЙ

(Из Паннарда)

Ручей, текущий в сей долине,
О, сколь тебе подобен я!
К одной стремишься ты пучине,
Одна влечет страсть и меня.

Твой шепот, тихий и приятный,
Не поражает треском слух, —
В унынии любви несчастной,
Безмолвствуя, мой ропщет дух.

Кристальных струй твоих чистее
Едва ль где сыщется ручей,
Чей пламень чище и святее
Горящего в груди моей?

Усильны ветры разъяренны
Тебя с пути не совратят, —
Удары рока напряженны
Души моей не возмутят.

В тебе нет пропастей подземных,
Твой ток прозрачнее стекла, —
В изгибах сердца сокровенных
Я не таю коварства, зла.

Твои текут сребристы воды,
Пока не смерзлись в лед зимой,

К мечте, им данной от природы,
Всегда с одною быстротой.

К Темире сердцем я стремлюся,
Моя есть цель — ее любовь,
И с ней тогда я разлучуся,
Когда остынет в жилах кровь.

⟨1804⟩

Н. Ф. ОСТОЛОПОВ

Николай Федорович Остолопов родился в 1783 году в городе Сольвычегодске Вологодской губернии. Образование он получил в петербургском Горном корпусе.

Служебная деятельность Остолопова началась с 1801 года в Коллегии иностранных дел. Впоследствии он занимал ряд видных должностей в Петербурге и Вологде, среди них пост вологодского губернского прокурора, вологодского вице-губернатора, а также должность редактора «Журнала департамента народного просвещения». В 1825 году уже в чине статского советника Остолопов был назначен директором петербургских театров. В последние годы жизни он служил управляющим Астраханской конторой коммерческого банка. Здесь же, в Астрахани, он и скончался 6 марта 1833 года.

Остолопов впервые выступил в печати в 1801 году, поместив в журнале «Иппокрена» два стихотворения: «Пастушок» и «Соловей». Затем он печатался в «Вестнике Европы», в «Свитке муз», «Периодическом издании. . .», «Журнале российской словесности», «Московском Меркурии», «Журнале для пользы и удовольствия», «Северном вестнике», «Патриоте», «Цветнике», «Сыне отечества», «Драматическом вестнике», «Отечественных записках», «Друге просвещения», «Благонамеренном», альманахе «Полярная звезда».

В 1806 году Остолопов издавал в Петербурге журнал «Любитель словесности». Выступая в нем в качестве автора, он печатал здесь также произведения Пнина, Каменева, Измайлова, Ленкевича и других членов Вольного общества.

Позже большую часть своих стихотворений он издал в книжке «Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства» (1816).

Отдельными изданиями вышли, кроме того, следующие переводные и оригинальные произведения Остолопова: «Опыт Вольтера на поэзию эпическую с описанием жизни и творений Гомера, Вергилия,

Лукана, Труссина, Камоэнса, Тасса, Дон Алонза д'Эрсиллы и Мильтона» (1802), нравственно-сатирическая повесть «Евгения, или Нынешнее воспитание» (1803), перевод с итальянского «Тассовы ночи» (1808, переиздан в 1819 году под названием «Тассовы мечтания»), «Апологические стихотворения с присовокуплением поэмы „Привидение"» (1827), «Минета, или Превращение кошки в женщину» (1828), перевод трагедии Вольтера «Магомет» (1828).

Будучи хорошо знаком с Державиным, Остолопов написал книгу «Ключ к сочинениям Державина», вышедшую в 1822 году. В ней, со слов самого поэта, Остолопов написал комментарии ко многим его стихотворениям. В большинстве своем эти пояснения раскрывают связь тех или иных художественных текстов с конкретными фактами биографии Державина и событиями его времени.

Членом Вольного общества Остолопов стал 3 мая 1802 года. На его заседаниях он неоднократно выступал с чтением своих произведений. По поручению Общества он в 1806 году приступил к составлению «Словаря древней и новой поэзии» (вышел в 1821 году), в котором были даны объяснения многочисленных поэтических терминов и понятий. Три тома словаря составили свыше полутора тысяч страниц.

Словарь прекрасно характеризует эстетические принципы Остолопова, которые, как и его творчество, отличаются переходным, от классического к предромантическому, характером. Сам автор указывает в предисловии на компилятивный характер своего труда: среди источников видное место занимает знаменитая французская «Энциклопедия» Дидро и Даламбера.

Поэтические образцы в словаре представлены стихотворными произведениями русских поэтов XVIII — начала XIX века. Наряду с классицистической широко использована сентиментальная поэзия Карамзина, Дмитриева, Нелединского-Мелецкого, а также ранняя романтическая поэзия Жуковского, Батюшкова, Пушкина (поэма «Руслан и Людмила»).

175. ПАСТУШОК

Я пышность, знатность презираю, —
В них нет блаженства для меня;
Но с завистью всегда взираю,
Любезный Дафнис, на тебя!
Твоею участью прельщаюсь,
О милый, нежный пастушок!

Твоим блаженством восхищаюсь!
Ты царь: твой скипетр — посошок,
Твое владенье — средь лужочка,
Народ твой — несколько овец,
Престол тебе — седая кочка,
Хвала — от дружеских сердец;
Но ты еще спокоен, волен,
Не хочешь покорить весь свет.
А царь бывает ли доволен?
Случается... но чаще нет!

⟨1801⟩

176. К МОЕЙ ХИЖИНКЕ

Vil campanna dal ciel non è percossa,
Ma sovra Olimpo ed Ossa
Tuona il gran Giove, e l'alte torri offende.[1]

Tasso

Жилище мирное, святое,
Уединенное, простое,
Любезна хижинка моя!
Всегда тобою восхищенный,
Твоим убожеством прельщенный,
Стремлюсь теперь воспеть тебя.

Стремлюсь, хочу тебя прославить,
Превыше зданий всех поставить
И их огромность устыдить;
Богатство, пышность пред тобою
Назвать блестящею мечтою.
В них можно ль счастье находить?

Ничто тебя не украшает,
Не мрамор на стенах сияет,
И не блестит нигде металл;

---

[1] Небо не сокрушает убогой хижины,
Но над Олимпом и Оссой
Гремит великий Юпитер, поражая высокие башни.

Тассо (итал.). — Ред.

Но я смеюся над тщетою,
Одной пленяюсь простотою:
Тебя не зодчий созидал.

Твой кров березы осеняют,
Они смиренно охраняют,
Чтоб не потряс тебя Борей;
Перед тобой ручей струится,
Волной сверкает и гордится,
Служа оградою твоей.

И холм, украшенный цветами,
Где боги жить могли бы сами,
Приютом служит для тебя.
Твой друг, от шума удаленный,
Людьми, судьбою угнетенный,
В тебе счастливым чтит себя!

Пускай богач над сундуками
Сидит за крепкими замками
И деньги — от себя хранит;
Богач спокоен ли бывает?
Когда он сладко засыпает?
Он жизнь свою в тоске влачит.

Пусть честолюбец ищет славы,
И зрит в войне свои забавы,
И ближних кровь как воду льет;
Пускай он лавры собирает, —
Его проклятье угнетает:
Он братий смерти предает.

Пускай, по крыльцам бар скитаясь,
Чинов, отличий добиваясь,
Подлец проводит целый век;
Пускай возвышен он чинами
И грудь осыпана звездами —
Он всё презренный человек.

Чины того лишь украшают,
В ком добродетели блистают
Подобно солнцу в небесах;

А кто чрез лесть их получает,
Напрасно быть великим чает:
Он мал, хоть и в больших чинах.

В тебе, в тебе, мой друг любезный,
В сей век испорченный, железный,
Златые дни я провожу;
В тебе блаженство обретаю,
Сует и горестей не знаю, —
В тебе Астрею нахожу.

Она тех зданий убегает,
Где роскошь, пышность обитает;
Она не может вместе быть
Ни с униженными льстецами,
Ни с горделивыми глупцами, —
В одной тебе лишь хочет жить.

В тебе одной! — и я желаю:
Да жизнь мою в тебе скончаю,
Быв другом ближним и себе;
Душа моя тобою пленна,
В тебе умру, благословенна!
Мой прах останется в тебе!

⟨1802⟩

177. УПРЕКИ АПОЛЛОНУ

Несправедливый бог! безжалостный отец!
О ты, который сам весь в золоте сияешь
И золота сего творец!
Зачем детей своих им мало наделяешь?

Скажи, жестокий! мне, зачем — когда ты сам
На славной четверне вседневно разъезжаешь
По гладким, светлым небесам, —
Детей своих пешком таскаться допускаешь?

Возможно ль не роптать, когда тебя
Амброзией и нектаром питают,

Когда ты всем довольствуешь себя, —
А дети с голоду едва не умирают!

Тобой живится вся земля,
Тобой цветы цветут, деревья зеленеют
И одеваются все бархатом поля, —
А дети платья не имеют!

Твой славный, чудный храм
И злато, и сребро, и мрамор украшают,
И благовонный в нем курится фимиам, —
А дети в чердаках под кровлей обитают!

Ах! сжалься, всемогущий бог!
На участь горькую детей твоих взирая!
Переменить ее легко бы ты возмог,
Одних лишь добрых здесь богатством награждая!

(1802)

178. ЗЯБЛИК

Зяблик, летая,
Вольность хвалил;
Чижичек в клетке
Слушал его.

«Милая вольность! —
Зяблик сказал. —
Ты мне дороже
В свете всего!

Там я летаю,
Где захочу, —
Нет мне преграды
Вечно нигде.

В роще, долине,
В темном лесу,
Лишь пожелаю,
Быть я могу,

Здесь я с подружкой
Милой резвлюсь,
Там, с нею сидя,
Песни пою.

Всё мне к веселью
Служит везде, —
Всё мое счастье,
Вольность, в тебе!

Чижичек! — полно
В клетке сидеть,
Станем со мною
Вместе летать!»

Только лишь зяблик
Речь окончал,
Видит мой зяблик —
Коршун летит.

«Где мне укрыться? . .» —
Чуть он успел
В страхе ужасном
Только сказать, —

Коршун стрелою
Вмиг налетел,
Вмиг вольнодумца
В когти схватил.

Чижичек вздрогнул,
Сел в уголок
И потихоньку
Так говорил:

«Мне здесь и в клетке
Жить хорошо,
Только б хозяин
Добренькой был».

⟨1802⟩

179. БЕДНАЯ ДУНЯ

Ах! не лебедь ходит белая
По зеленой травке шелковой!
Ходит Дуня, ходит, бедная,
С томным сердцем, в мыслях горестных!

Не любуется цветочками,
Красным утром не пленяется,
И певуньи малы пташечки
Уж не могут веселить ее!

Снегобелым рукавом своим
Закрывая очи ясные,
Только слезы льет красавица,
Только думу крепку думает:

«На кого меня покинул ты,
На кого, сердечный, милый друг?
Не клялся ли ты любить меня?
Не клялась ли я тебя любить?

Я отстала от подружек всех
И от батюшки, от матушки;
Я покинула сестер моих
И сторонушку родимую;

Убежала и поверилась
Другу милому, сердечному;
Расплела я косу русую
И с весельем отдалась тебе.

Мне светлей казалось солнышко
И цветочки всё душистее,
Как в твоих объятьях сладостных
Забывалась я, несчастная!

Ах! раскройся, мать сыра земля!
Поглоти меня, преступницу!
Для кого ж мне жить осталося,
Если милый мне неверен стал!..»

Тут пошла она по берегу,
По крутому, по высокому,
И, всплеснув руками белыми,
Погрузилась в волны быстрые!

⟨1802⟩

180. БАСНЯ «ПЧЕЛЫ И ШМЕЛИ»

(Вольный перевод)

В то время пчелы как царями управлялись,
Все счастием они, покоем наслаждались,
Их труд довольство им, богатство доставлял,
И мед засеки их доверху наполнял.
Но вёдру ведь всегда последует ненастье!
И сих блаженных пчел прошло, исчезло счастье.
Не то чтобы для них цветы уж не цвели,
А что влетели к ним ленивые шмели.
Все тунеядцы те работать не хотели,
Лишь увещания да поученья пели.
«Пчела, — по их словам, — им давшая свой мед,
Дорогу в небеса легчайшую найдет,
И счастье, кое там получит непреложно,
Ни сердцу, ни уму представить невозможно,
Хотя б и до смерти ужалила кого,
Они ей всё простят, не будет ничего».
Все бросились на то, спасенья пожелали,
И воск и мед к ногам шмелей сих жадных склали.
Что ж вышло из того? — Повсюду голод стал.
Кто рая захотел, тот ад здесь испытал,
Иные померли, иные истощились
Так-так, что на ногах насилу волочились
И были помощи принуждены просить —
Последний царь ее не преминул явить.
Тогда опомнились и обще для покоя
Они условились изгнать шмелей из роя;
Изгнали — и опять все стали процветать.
Ах! скоро ли пчела́м мы станем подражать?

⟨1804⟩

181. УЯЗВЛЕННЫЙ КУПИДОН

Феокритова идиллия

Однажды Купидона
Ужалила пчела
За то, что покушался
Из улья мед унесть.
Малютка испугался,
Что пальчик весь распух;
Он землю бьет с досады
И к матери бежит.
«Ах! маменька! взгляните, —
В слезах он говорит, —
Как маленькая, злая,
Крылатая змея
Мне палец укусила!
Я, право, чуть стерпел».
Венера, улыбнувшись,
Такой дала ответ:
«Амур! ты сам походишь
На дерзкую пчелу:
Хоть мал, но производишь
Ужасную ты боль».

⟨1804⟩

182. МАША, ИЛИ ВРЕМЯ ВСЕГДА ОДНО

Agli amanti infelici
Sono secoli i momenti e sono istanti
I lunghi giorni: ai fortunati amanti.

Metastasio[1]

Вчера под ветвями древес
Развесистых, пушистых,
Как лучезарный царь небес
Уже в водах сокрылся чистых,
Я милой Маши дожидался.

Тогда покоился весь мир
В объятьях сладостных Морфея;

[1] Несчастливым влюбленным минуты кажутся веками, счастливым влюбленным долгие годы кажутся мгновениями. *Метастазио* (итал.) — *Ред.*

Не спал игривый лишь Зефир,
Желанье будто бы имея
Поцеловать любезну Машу.

Луна уж на горах была
И свет повсюду разливала;
Но Маша всё еще не шла,
Несносна грусть меня терзала,
И сердце билось, сильно билось.

Не безрассудно ль говорят,
Тогда я мыслил, человеки,
Что как мгновения летят
Не только годы, даже веки
И все, как призрак, исчезают.

Сие тогда я отвергал:
Без Маши каждое мгновенье
Я доле века почитал
И сделал тотчас заключенье,
Что крылий не имеет время.

Но что белеется вдали?..
Не ангела ль я созерцаю?
Не божество ли на земли?
Не Машу ль!.. Так! — уже лобзаю
Я грудь ее белоатласну.

Мы сели — и какой восторг
По нашим чувствам разливался!
Какой, какой счастливый бог
Тогда со мною бы сравнялся!..
Ах, Маша! ты богинь прелестней!

Не знаю, долго ль с ней сидел,
Не знаю, долго ль восхищался,
Но вдруг... уж солнце я узрел...
Исчезло всё, чем утешался...
Я должен был расстаться с Машей!

Расставшись с милою моей,
Какую ощутил скорбь люту!

Я мнил, что находился с ней
Стократно меньше, чем минуту!
Восторги все мне сном казались.

Тогда я истинно узнал,
Что время всё *одно* бывает,
И с горестью в душе сказал:
«Оно свой ход не пременяет;
В нем разность — наше положенье».

⟨*1804*⟩

183. ЛЬВЫ И ОСЕЛ

Двум гордым Львам,
Которым не было совсем причины вздорить,
О храбрости пришло на ум поспорить.
Дав волю наперед словам,
Два сильные сии героя
Дошли уж и до боя;
Покрыла землю кровь,
Стон воздух наполняет,
И каждый их удар лишь злость воспламеняет
И с большей яростью велит им драться вновь.
Желая ж кончить спор скорее,
Напружились они в последний раз сильнее...,
Как вдруг
Их слух
Ужасный хохот поражает:
Львы глядь — Осел стоит, со смеху помирает,
Кривляется Осел и дразнит Львов.
Тут Львы опомнились. «Не стыдно ль нам? —
сказали. —
На то ли кровь мы проливали,
На то ли мучились, чтобы смешить Ослов?»

О вы, которые Природою благою
Назначены пленять умом и остротой,
Любимцы муз! зачем всегдашнею враждою
Глупцов увеселять за собственный покой?
Храните дружбы вы и ненависть забудьте!
Как музы все сестры́ — все братьями вы будьте!

⟨*1804*⟩

184. ФИАЛКА И ПОДСОЛНЕЧНИК

Фиалка из травы головку чуть казала;
Пред ней Подсолнечник стоял
И вечно скромницу собою затемнял.
Фиалка, видя то, однажды так сказала
Соседу своему:
«Подсолнечник! к чему
Ты солнечных лучей ко мне не допускаешь?
Иль ты желаешь,
Чтобы я и цвести нисколько не могла?
Чтобы я высохла и после умерла?
Или ты жалости не знаешь,
Мой друг? . .» — «Негодница! как смеешь ты просить,
Как голос свой ко мне ты смеешь возносить?
Тебе назначено расти и быть чуть зримой;
Терпи лишь и молчи!
А я, я Феба сын любимый,
Я стану ли с тобой делить его лучи,
С такою низкою, презренной!
Тебе ли здесь цвести? Где я, краса вселенной,
Тебе тут места нет!»
Едва Подсолнечник окончил свой ответ,
Вдруг ветер засвистал; Фиалка приклонилась,
И ветер пролетел — Фиалка распрямилась
И что же видит пред собой?
Подсолнечник, который красотой
И силою гордился
И всех пренебрегал,
У корня своего сломился
И сам к ее ногам упал!

Вельможи гордые! здесь вам урок!
Вы сильны, но и вас сильнее рок!
Кого вы гоните, пред кем гордитесь,
Быть может, завтра с тем сравнитесь.

⟨1805⟩

185. ГЕРО И ЛЕАНДР

На сопротивных берегах
Леандр и Геро жили;
Давно уже в сердцах
Они взаимную любовь носили,
Которую Нептун лишь разрывал.[1]
«Любезная! — Леандр сказал. —
Ужель безжалостное море
Век будет умножать мои напасти, горе?
Пускай пожрет оно меня!
И здесь умру я без тебя!
Мои все чувствия исполнены тобою;
Пусть смертью приведет оно меня к покою!
Смерть для несчастного — не зло.
О ты, которую оно произвело
Из недр своих, Венера милосердна!
На токи слез моих воззри!
Да не послужит мне сия могилой бездна,
Ее поверхность усмири!»
Сказав сие, Леандр от брега удалился.
Плывет — и ночь и тишина
Благоприятствуют; надеждою полна
Душа его, и он нимало не страшился.
«О боги сих морей!
Вернейшего любовника спасите,
На ветры цепи наложите!
Ни лютый Аквилон и ни Борей
Похитить жизнь его да не посмеют!»
Плывет Леандр; казалось, небеса
Участие в любви его имеют.
Он зрит уже тот брег, где юная краса
Его с светильником на башне ожидает
И все мгновения считает;
Он зрит уже... как вдруг... о, лютый час!
Светящий луч луны погас,
Расторгнув цепи, ветры полетели,

---

[1] Сии любовники жили в двух городах, стоящих один против другого на Дарданелльском проливе. Абидос, азиатический город, был жилищем Леандра, а Геро жила в Сестосе. — Вольтер говорит о сих городах: «Lieux où finit l'Europe et commence l'Asie», т. е. Европы там конец и Азии начало.

Вздымаясь, волны закипели,
Перун весь свет сожечь стращал,
И гром повсюду раздавался.
Ах! тщетно с бурею Леандр сражался,
Он тщетно теплые моленья воссылал:
Их будто заглушить сей спор стихий старался,
Весь ад против него восстал —
И с жизнью он расстался.
Погиб сей юноша, гонимый злой судьбой,
И буря жертвы сей лишь только ожидала:
Утихла бездна вод, утих и ветров вой,
И тишина везде настала.
Но что же сделалось с тобой,
О Геро бедная, любовница несчастна!
Зачем ты утушить любови огнь не властна!
И вот она вниз с башни сходит,
Едва дыханье переводит,
Бледнеет и дрожит,
И к месту, где души любимца ожидала,
Где в мыслях счастие встречала,
С какой-то робостью бежит...
И, ах! не тщетно сердце билось!
Какое зрелище глазам ее открылось!
«Леандр! Леандр! мой друг!» —
Едва вскричать могла — и вдруг...
О боги! ваше ли сие определенье,
Чтобы прекрасное погибло так творенье?..
С высокия нависнутой скалы,
Что средь сердитых бурь бестрепетно стояла,
Несчастная повергнулась в валы
На труп любезного и с ним свой век скончала.
Амур! несчастий всех творец,
Злодей чувствительных сердец!
За что ты обожаем нами?
За то ль, что нас разишь безжалостно стрелами?
За то ль, что в душу страсть
С улыбкою вдыхаешь
И после, чтоб явить нам божескую власть,
Во бездну зол ввергаешь?
Немилосердый Купидон!
Тебе приятен плач и стон.

Ах! где сии страны блаженны,
В которых счастливо любовники живут?
Повсюду фурии, тобою наученны,
Сердца их рвут
И мучат тем сильнее,
Чем несчастливцы те вернее!
Но нет — пускай беда
На нас стремится за бедою,
И за любовь нам смерть грозит косою —
Мы не расстанемся с любовью никогда!

(1805)

186

Не бушуйте, ветры буйные,
Перестаньте выть, осенние!
Не к тому ли вы бушуете,
Чтобы стоны заглушить мои?
Ах! скорей, скорей утихните!
И без вас *она* не слышит их...
Терем *милой* далеко стоит
За горами за высокими,
За лесами непроходными...
Лучше грамотку снесите к ней;
Я слезами напишу ее,
Я скажу ей в этой грамотке:
Вянет травушка без солнышка,
Сохнет сердце без любезныя,
С ней в разлуке нет отрады мне,
Вся отрада горьки слезы лить!
Полетите, ветры буйные,
Вы отдайте милой грамотку!
Если милая вздохнет тогда,
Принесите мне вы вздох ее!
Но вы всё еще бушуете,
Вы не слышите несчастного,
Вы не внемлете мольбе его!
Так усильтесь, ветры буйные,
Вы умножьте бурю грозную,
Ускорите смерть несчастного
И развейте после прах его!

(1805)

187. ПРИЗНАНИЕ

Тьфу, пропасть! как ни бьюсь, стихи на ум нейдут,
И рифмы от меня и мысли прочь бегут!
За что ж наказан стал теперь я небесами?
Я помню, что ко мне ходили рифмы сами;
Бывало, никогда совсем их не искал
И целые листы не думавши писал!
А ныне — боже мой! раз по сту начинаю,
Хочу писать — хочу — но что писать — не знаю,
И сколько сам себя я много ни люблю,
Но, видя то, и сам себя уж не хвалю.

Возьмусь ли, например, победы славить громки,
О коих знать могли б и поздные потомки;
Уже с Херасковым я на Парнас лечу,
Как он их воспевал, подобно петь хочу;
Я чистых девять сестр в пособье приглашаю,
Фигуры с тропами рачительно сбираю,
Хочу прославиться — и весь подлунный свет
Пусть скажет обо мне: великий он поэт!
Но что ж! Лишь запою... увы! я сам терзаюсь!
Вы знаете, друзья, кому уподобляюсь:
Строфами длинными читателя душу
И слогом Библии реляции пишу.
(Лишь раз я сочинил изрядную поэму;
Скажу не хвастая: удачно выбрал тему,
Петра воспел, — и двум народам угодил —
И Карла и Петра везде равно хвалил.)
Воспеть ли захочу торжественную оду
К Христову Рождеству, на Пасху, к Нову году...
Легка лишь *красная* бывает мне строка;
А тут — кричу, кричу: «Взнесись за облака,
Взнесись, пари, мой дух! пляшите, холмы, горы!
Ликуйте, берега! Все ветры, скройтесь в норы!
Внемли, вселенна, мне! Я зрю в кругу планет!..»
Высоко, хорошо, да только смыслу нет.
Советуют мне сжечь — охотно соглашаюсь
И, отдохнув, писать другую принимаюсь:
Большому барину на орден иль на чин,
Который дан ему в день царских именин;

Или как у него сынок иль дочь родится
И тем любовь его к супруге наградится, —
Начну, как водится, смиренно восхвалять,
Великим в древности мужам уподоблять
И, если он читать немножко хоть умеет,
Пишу, что разума он больше всех имеет,
Что Локк, Невтон пред ним не значат ничего
И вряд достойны ли учиться у него;
Пишу — хоть не бывал он век на ратном поле —
Вселенная гласит: *Смоленского ты боле*!
Ведь можно и тому весьма искусно лгать,
Кто рифмы кое-как умеет прилагать.
Однако я и в том читателю признаюсь,
Что в одах таковых лишь с теми я равняюсь,
Которые всегда готовы всех хвалить,
Чтоб сотенку рублей или чинок схватить,
Которые на Пинд с большим стремятся жаром
Затем лишь, что себе там хлеб находят даром.

Когда же написать я оды не могу,
То в поле пестрое или к ручью бегу,
Лилеи, ландыши с фиалками сбираю
И *чистою рукой* венки из них сплетаю;
Или на холмике возвышенном сижу
И с холмика на кедр, обросший мхом, гляжу;
Вдали зрю рощицу зеленую, густую,
А тамо хижинку убогую, простую —
И слез *чувствительных* тут столько я налью,
Что ими омочу не только грудь мою,
Но даже холмик весь, и все его цветочки,
И все сплетенные из ландышей веночки.
Когда ж растрогаю сим сердце, разум мой,
Тогда я полечу стремглав к себе домой
В намереньи писать такое, что бы было
Разумно, и остро, и гладко, и уныло,
И в сильном том жару присяду я к бюро,
Бумаги десть беру, чернильницу, перо,
Все пальцы я себе в восторге искусаю
И мысли новенькой печальной ожидаю, —
Полна их голова, а что ж из головы?
К читателям летят лишь ахи да увы,
Для сердца и ума ужасное страданье!..

Хочу ли испытать и в притчах дарованья?
Бюффон передо мной — вот список всех зверей!
Вот птички, мотыльки, чудовища морей!
Любых беру, а всё — мученье со скотами! —
То голубь у меня является с зубами,
То уж с коленами, то прыгает паук,
То мухе смерть пришла от ласточкиных рук! ..
Недавно и с ослом я до́ поту пробился:
Лишь начал я, а он в ослицу превратился,
И вышла чепуха. О Федр! о Лафонтен!
Зачем не дожили до нынешних времен!

Итак, по совести теперь признаться должно,
Что мне прославиться стихами невозможно.

Жестокой Аполлон! немилосердый бог!
Скажи, я чем тебя прогневать столько мог,
Что взор свой на меня никак не обращаешь,
Моления мои и жертвы презираешь!
Еще ли мало их тебе я посвящал?
Уже я от стихов как спичка истощал,
Не сплю от них, не ем, и день и ночь страдаю,
А по́льзы никакой и впредь не ожидаю!
Что делать мне? увы! — *«Не сочиняй стихов»*.
О глас божественный! не рад я, да готов.

А вы, товарищи, сотрудники любезны,
Лиющие от рифм, как я, потоки слезны!
Внемлите мне, я к вам мой обращаю глас:
Оставим для других утесистый Парнас!
Напрасно мы хотим на верх его взмоститься:
Безумно воробьям во след орлов стремиться!
Должны ли воду мы Кастальскую мутить?
Не нам ее судьба определила пить.
Когда не чувствуем небес мы вдохновенья,
То наши нежные и громкие творенья,
Какой бы нам собой ни приносили труд,
Покажутся на свет и — тотчас перемрут.
Не лучше ли сие рукомесло оставить?
Послушайтесь — пора подобных нам убавить.

⟨*1805*⟩

188. К АМИНЕ

Nous cherchons le bonheur — l'amour en est la route.

(Мы ищем счастия — любовь к нему ведет.)

Амина! сказано неложно,
Что счастие в любви одной
Искать на свете смертным должно;
Любовь небесная собой
Людей всегда переменяет,
Дает их чувствам новый вид,
Любить добро их заставляет, —
Она лишь только злых страшит.

Так, милый друг мой! надо мною
Пример сей очевиден был:
С тех пор как я любим тобою,
Себя я больше полюбил;
С тех пор, мне кажется, Амѝна,
Что будто я добрее стал;
Счастливцев лестная судьбина,
Которой прежде я искал,

Меня теперь не восхищает:
Теперь друг нежный, страстный твой
В тебе всё счастье полагает
И хочет только быть с тобой,
Быть неразлучно, вечно, вечно!
Чего ж еще мне пожелать,
Когда любим тобой сердечно?
Ты всё мне можешь заменять!

Когда ж судьба своей рукою
Завяжет крепче *узел наш*,
Как будем властны над собою
И удалится всякой *страж*, —
Тогда, Амина, друг любезный,
Мы жертву принесем судьбе,
Жить будем в тишине прелестной,
Завидовать — самим себе.

Ах! сколь приятную картину
Теперь представить я могу!
Я вижу вдалеке Амину,
Сидящую на берегу,
Тогда как *Шограш* серебрится
Меланхолической луной,
И травка и цветок свежится
Душистой жизненной росой;
Я вижу — слышу голос милой,
Который, стройно согласясь
С гитарой томною, унылой,
То возвышаясь, то дробясь,
Мой пленный дух обворожает.
Я приближаюсь — всякий шаг
Восторг мой больше умножает;
Я с нею — и в ее глазах
Блаженство всё мое читаю,
И не владею сам собой,
К ногам любезной упадаю,
Тут ночь покров тенистый свой
Спускает тихо на вселенну,
И мы обнявшися идем
В ту хижинку уединенну,
Счастливей где царей живем.

Или мне вдруг на мысль приходит
В те дни, когда Борей седой
На всю природу сон наводит,
Я в горнице, сидя с тобой
Перед пылающим камином,
Канастером тебя дымлю;
Или за тихим клавесином
Тебя воображать люблю:
Ты нежишь, услаждаешь чувства —
Я в восхищенье прихожу,
Или нестройным, без искусства,
Припевом милую сержу.

Или, в кружок садясь с друзьями,
О новостях мы говорим,
Смеемся над собою сами,
Смеемся шалостям чужим,

Всё критикуем, разбираем,
Но не злословим никого;
Или, одни, в *марьяж* играем,
Или, отставши от него,
Ты вдруг садишься за работу,
Я принимаюсь за стихи,
К которым страшную охоту
Мне бог дал — видно, за грехи
Читателей моих несчастных;
Но будто бы нарочно тут,
От чувств, тобою пленных, страстных,
Стихи приятные идут:
И льзя ли быть им не такими,
Когда в предмет беру тебя?
Или твореньями чужими
Увеселяем мы себя;
Или... Но, ах! о том мечтая,
Лишь умножаю грусть мою!
Блаженство в *мыслях* обретая,
На деле слезы только лью.

Зачем, Амина! невозможно
В сем свете по желанью жить?
Зачем необходимо должно
Игралищем фортуны быть?
Ее мы просим, умоляем —
Злодейка не внимает нам!
Не живши, жизнь мы оставляем,
И знаем ли, что будет *там?*..

Смотря, как должно здесь терзаться
И в горе век свой провождать,
Тот может *счастливым* назваться,
О счастьи может кто мечтать.

О друг мой! будем терпеливо
Переносить мы жребий свой!
В подлунной всё превратно, лживо, —
И мы расстанемся с тоской!
И мы, Амина! *вместе будем*
Смотреть на бледную луну!..

Тогда вселенную забудем,
Чтоб помнить лишь любовь одну.
Теперь за грусть я награждаюсь
Любовью, милая, твоей;
Хоть часто, часто я терзаюсь —
Доволен участью моей!

⟨1805⟩

189. НА КОНЧИНУ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПНИНА

17 сентября 1805

Дивиться ль, смерть, твоей нам злобе?
Ты не жалела никого;
Ты вздумала — и Пнин во гробе,
И мы не зрим уже его!

Но тщетно ты его сразила:
Он будет жить в сердцах друзей!
Ничто твоя над теми сила,
Любим кто в жизни был своей.

В сем мире всё превратно, тленно
И всё к ничтожеству идет;
Лишь имя добрых незабвенно:
Оно из века в век пройдет!

Друзья! мы друга не забудем
В отмщение тиранке злой,
Мы помнить вечно, вечно будем,
Как Пнин пленял своей душой!

Как он приятной остротою
Любезен в обществе бывал
И как с сердечной простотою
Свои нам мысли открывал.

Мы будем помнить, что старался
Он просвещенье ускори́ть[1]
И что нимало не боялся
В твореньях правду говорить.

Мы будем помнить — и слезами
Его могилу окропим,
И истинными похвалами
В потомство память предадим...

Блажен, кто в жизни сей умеет
Привлечь к себе любовь сердец!
Блажен! — надежду он имеет
Обресть бессмертия венец!

Между 17 и 23 сентября 1805

190. ГИМН КРАСОТЕ

Из сочинений Делиля

О ты, которая, как повествуют нам,
Происхождением обязана волнам,
Снисшедшая с небес, владычица вселенной!
О ты, которую в душе, тобою пленной,
Равняет человек лишь с благостью святой!
Рожденная богов улыбкою одной!
Тебя, о красота, воспеть я покушаюсь!
Но, ах! я сам тобой почти не наслаждаюсь;
Творение твое не веселит меня!
Уже природы вид весна переменя,
Приятной зеленью долины одевает,
От зимних тяжких уз ручьи освобождает,

---

[1] Его сочинения: «Вопль невинности, отвергаемой законом», «Опыт о просвещении относительно до России» и неконченное «О возбуждении патриотизма». «С.Петербургский вестник» (sic), изданный им в 1798 году, и многие стихотворения заслуживают уважение как любителей словесности, так и любителей философии. — См. изданный в 1805 году Г. Брусиловым «Журнал российской словесности», № 10.

Авроре блеск дает, лист новый древесам,
Всё оживляется, — одним моим глазам,
Покрытым мрачною завесой от судьбины,
Едва приметны те волшебные картины.

Мильто́н, слепой Мильто́н еще их меньше зрел,
Но он счастливей был: он их писать умел.
Когда, прелестные искусством и сердцами,
Свой голос ангельский сливая со струнами,
За жизнь, им данную, рождали в нем восторг,
Тогда твои дары, он коих зреть не мог,
В воображении мгновенно оживлялись
И с новой прелестью в стихах его являлись. [1]
Увы! я не могу с ним в славе равен быть,
Но также не могу и образ твой забыть.

Источник радости, приятностей, богатства!
Благодеяния ты льешь на все три царства.
То скрытно от очей, во глубине земной
Твоей искусною, всемощною рукой
Простые камни ты в рубины превращаешь,
Цветами разными металлы украшаешь,
Вливаешь огнь в алмаз и любишь, чтоб кристалл,
Сияньем радужным пленяя нас, блистал.
Иль, в Антипаросе ты чудо представляя, [2]
Альбастровые льды по капле собирая,
Велишь им ожидать, доколе Фебов свет,
Проникнув мрачный свод, им даст и блеск и цвет;
Или, изящное являя украшенье,
Живописуешь нам кусток, цветок, растенье,
В лазурь и золото спуская кисть свою;
На юных деревцах мы руку зрим твою,
На мрачных рощах сих, где призраки летают
И где прохлада, тень, безмолвье обитают.

---

[1] Известно, что Делиль имел весьма слабое зрение, а Мильтон был совершенно слеп. Три дочери последнего игрою на инструментах и пением производили тот восторг, которым сей необыкновенный поэт весьма часто был преисполнен.

[2] Антипарос — небольшой остров в Архипелаге. Там есть пещера, в которой кристаллизация, происходящая от капели со свода, образует разные фигуры. «Voyages» de Choiseul et de Milady Craven.

Но одаренный род и жизнью и душой
От прочих отличен, всесильная, тобой,
И более к нему любовь твоя стремится.
И насекомое красой своей гордится!
Ты в перье звездное павлина убрала,
Ты дуновением жизнь бабочке дала;
Неукротимый лев и тигр, для всех ужасный,
С величеством своим имеют вид согласный;
Олень приятностью, проворством одарен,
Конь смелый гордою осанкой награжден:
Он, голову подняв и меру дав стремленью,
Летит с отважностью к игра́м, к любви,
к сраженью.
Равно украсила ты мошку и орла.
К царю природы всей щедрее ты была.
Один лишь человек, всем тварям предпочтенный,
Челом возвышенным от прочих отличенный,
В удел свой получил тот кроткий, милый взгляд,
Улыбка и слеза в котором говорят.
И наконец его подруга в мир явилась.
Искусство дивное ты в ней явить потщилась,
Она есть лучшее творение твое,
Ты всеми прелестьми украсила ее:
Стыдливой скромностью ее ты одарила,
Душою пламенной и нежной наградила.
Один быв, человек взирал на блеск небес, —
Узрел ее — сей блеск в глазах его исчез,
Она вселенной всей прекрасней показалась, —
Ее произведя, сама ты любовалась!
В другом достойное лишь удивленья зрим,
Но в ней, но в ней всегда тебя боготворим!

⟨1806⟩

191

(На голос простонародной песни:
«Скучно, грустно мне в деревне жить одной»)

Солнце красное! оставь ты небеса,
Ты скорей катись за темные леса!
Ясный месяц! ты останься за горой!
Вы оденьте всё ночною темнотой!

Дайте времечко укрыться от людей
И наплакаться об участи моей!
Люди бегают от горестей чужих, —
Людям нужно ль знать причину слез моих?

Ах! где милый мой, где ангел дорогой?
Не навеки ли простился ты со мной?
Нет ни грамотки, ни вести от тебя!
Напиши хоть, что забыл уж ты меня,
Дай отраду мне скорее умереть!
Мне на белый свет постыло уж смотреть!
В нем не видят ничего мои глаза,
Покрывает их горячая слеза.

Вы, подруженьки, вы сжальтесь надо мной,
Не шутите вы над лютою тоской!
Уделите часть вы горя моего!
Придет время, вы узнаете его, —
Страсть-злодейка не минует никого!
Ах! зачем нельзя без горести любить?
Ах! зачем нельзя неверного забыть?

⟨1806⟩

192

Давно мне было должно
Тебе любовь открыть,
Но знаю, что неможно
Тебе моею быть.

Судьба мне заградила
Путь к сердцу твоему,
Она определила
Иметь препятствий тьму.

Начто ж с тоской напрасной,
С мученьем вечно жить?
Не лучше ль пламень страстный
В груди мне потушить?

Но нет! не в нашей воле
Любить и не любить!
Всегда пленяясь боле,
Могу ль холодным быть?

Какой влюбленный властен
Переменить себя?
Пусть буду век несчастен —
Умру, любив тебя!

Когда ж любви, друг милый,
Хоть искра есть в тебе,
Утешь мой дух унылый,
Подай надежду мне!

Скажи, что рок ужасный
Могу я умолить!
Хоть притворись согласной
Моею, Хлоя, быть!

Ах! лучше утешаться
Приятною мечтой,
Чем — с истиной — стараться
Прервать век горький свой!

⟨1806⟩

193. РАЗГОВОР ДЯДИ С ПЛЕМЯННИКОМ

Максим

Не более двух лет тебя я не видал,
Федюша! а уж ты в судьи теперь попал!

Федюша

Чему ж вы, дядюшка, изволите дивиться?

Максим

Да где ж, скажи, мой друг, успел ты научиться?
Когда ты с нами жил, не потаю греха,
Ведь грамотка твоя куда была плоха!

Федюша

Теперь другое уж настало просвещенье:
Теперь чины дают не за одно ученье.

Максим

Загадки для меня! Не подлостью ль какой,
Племянник, заслужил ты чин такой большой?
Ты должен завсегда гнушаться и названьем...

Федюша

Нет, дядюшка, не тем.

Максим

Да чем же?

Федюша

Танцеваньем.

Максим

Прекрасные теперь настали времена!
Вот участь всех гражда́н кому поручена!
Возможно ли в судьи определять танцоров!
Предместник твой служил лет тридцать до майоров,
Для блага общества себя он не щадил,
Трудился день и ночь; в нем всякой находил
Судью достойного, защиту и подпору.
Теперь дела пойдут — о боже мой! — к танцору!

Федюша

Вы судите о всем по глупой старине.
Вам странно кажется, что дали место мне.
Чему дивиться тут? Повыше-то взгляните!

Максим

Ну, что ж я там найду?

Федюша

Нет, лучше не глядите:
Вы слишком искренни и любите бранить.

Максим

За правду старика не должно ль извинить?
Теперь уж опоздал знакомиться я с лестью.

Федюша

Да что же взяли вы с такой безмерной честью?
Вам лет уж пятьдесят, а всё вы капитан!

Максим

Но знай, мне этот чин был не за пляску дан, —
Я кровь лил за него! Пусть люди то забудут, —
Свидетелями в том мои все раны будут!
Мой друг! когда я шел с оружьем на врагов,
Желал победы я, а не больших чинов.
Притом же я служил, как должен русской воин:
О том я не просил, чего был недостоин,
В передних у вельмож полов не натирал,
Так удивительно ль, что я не генерал?

Федюша

Простите, дядюшка, я должен вас оставить.

Максим

Куда ж так рано? В суд?

Федюша

К начальнику — поздравить.
Теперь он в радости: вчера родился сын.

Максим

Ступай, мой друг! Авось за то получишь чин.

⟨1806⟩

194. БЛАГОДАРНЫЙ АМУР

Амур за бабочкой гонялся,
Амур — дитя, хоть он и бог;
Однако ж, сколько ни старался,
Никак ее поймать не мог.
Я был с силком, мне жалко стало,
Притом я знал, служу кому.
Не медливши тогда нимало,
Я бабочку поймал ему.
Малютка бог мне скок на шею
И ну как друга целовать.

«Чего ты хочешь? Я умею
Заслугам цену полагать».
— «Чтобы Амина. . .» — «О! с охотой
Ее заставлю полюбить!
Я славлюсь этою работой,
Люблю сердцами я дарить».
Тут оба вместе мы спустились,
Не знаю как, лишь знаю то,
Что пред Аминой очутились.
Нам чудное — богам ничто!

В прохладной рощице тенистой,
Близ чуть журчащего ручья,
На травке шелковой, душистой
Сидела милая моя.
Ничем она не украшалась,
Была лишь в платьице простом,
И с сею простотой казалась
Она прелестным божеством.

Я был в священном исступленье,
Амур как вкопанный стоял,
Казалось, что за преступленье
Пред милой тронуться считал;
Но, вспомня важную заслугу,
Со вздохом на меня взглянул,
«Какое слово дал я другу!» —
Сказал — и ручку протянул
В колчан невольно за стрелою.
Безмолвен я тогда взирал
На всё с дрожащею душою!
Потом он на колени встал,
Амины к сердцу прикоснулся,
Умильно посмотрел на нас
И вдруг как птичка встрепенулся,
Вспорхнул, взвился, исчез из глаз.

С тех пор любовью наслаждаюсь
И счастием горжусь моим,
Судьбой с царями не сменяюсь,
Когда Аминою любим!

⟨1806⟩

195. К ПРАВДОСЛОВУ

К чему осмеивать житейские пороки?
К чему нам все твердить старинные уроки?
Опомнись, Правдослов! И кто тебе дал власть
Бранить весь белый свет! Великая ль напасть,
Что люди в темноте и ощупью лишь бродят,
Когда приятность в том себе они находят?
Ты хочешь освещать! Предвидишь ли конец?
Ты, верно, думаешь, что ты осьмой мудрец
И что чрез строгие отборные уставы
Поправить можешь ты испорченные нравы?
Но что тебе, скажи, за ну́жда до людей?
Живи — и в хижинке смирнехонько своей
Ты наслаждайся всем, чем небо повелело;
На глупости — смотри; учить — твое ли дело?
Ведь сколько ни учи, свет будет всё таков,
Что в нем большая часть плутов и дураков.

К тому же, у тебя ль потребуют ответа,
Как у подьячего явилась вдруг карета,
Хотя его весь род всегда пешком ходил?
Господь ли сам его за *вклады* наградил,
Или приятели, его знав недостаток,
Условились помочь ему, — или от взяток? ..
Ты знаешь, как свое именье он скопил:
У истца дом большой безденежно купил;
Ответчик подарил ему свое поместье:
Ты знаешь, но молчи — с тебя ж возьмут *бесчестье*,
Как плута точно тем, что есть он, назовешь,
И от несчастия сам, верно, не уйдешь.
Не должно о плутах судить здесь слишком строго:
Они защитников везде имеют много.

Никто, о Правдослов! не спросит у тебя:
Зачем *Безмозгин* чтит умнее всех себя
И как в чины попал с пустою головою?
Известно, что в чины он выведен женою,
А умным почитать себя стал от чинов.
О чем тут спрашивать? Пример сей уж не нов:
Не тысячи ль таких мы видели примеров,
Что жены делали вельмож и кавалеров.

С Адама хоть пройди до грешных сил времен —
Большáя часть мужей счастлива лишь от жен.
Кто хочет поскорей со знатными сравниться,
Тот на красавице старается жениться;
Он знает, что хотя и будет он рогат,
Но те рога ему придутся не внаклад:
Рогами к почестям дорогу прочищают,
Манят к себе друзей, противников стращают.
Лишь только в старину иметь стыдились их,
А нынче. . . Но пора сказать и о других,
Которых наставлять ты хочешь так же тщетно.

Пускай, по совести, и очень уж приметно,
Что *Золин* злость свою смирением одел
И думает, что скрыть от всех ее умел,
И будто бы никто того не понимает,
Когда он на себя личину надевает,
Когда он о любви ко ближнему твердит,
А в сердце — зависти и злобы ад кипит;
Но с пользой ли твое тут будет попеченье,
Чтоб в изверга сего чрез кроткое ученье
Любовь к добру вселить? Поверь мне, Правдослов,
Что легче грамоте всех выучить ослов,
Павлинов, филинов по ноте петь заставить,
Чем одного змеѝ принудить яд оставить.
Природа для того хотела зло создать,
Чтоб стали более добро мы уважать!
Твой Золин от своей привычки не отстанет,
Он будет грабить всех, доколе гром не грянет,
Доколе мститель бог, зря всё с высот небес,
Зря, сколько вдов, сирот он лить заставил слез,
Не поразит его перунною стрелою!
Тогда раскается — но волею святою
Расстаться принужден он с подлою душой!
И там, вокруг его стеснившися толпой,
Обиженные все против него восстанут,
Всесильного молить единогласно станут
Злодея наказать: чтоб все его дела,
Которые сносить едва земля могла,
Из памяти его вовек не истреблялись
И тени вдов, сирот ему всегда являлись!

Как может человек не помышлять о том,
Что рано ль, поздно ли он сей оставит дом;
Что сколько в жизнь свою о всем ни суетится,
Но только миг один — и он со всем простится,
И всё покинет здесь, чем жизнь *красна* была;
С собою же возьмет — одни свои дела!

Прости мне, Правдослов, я, право, позабылся!
За что тебя бранил, я в то же сам пустился.
В нравоучение. Такой ли ныне век?
Чрез то врагов одних и ты себе навлек.
Смотри, как на тебя писатели грозятся!
Страшись их, Правдослов, они совокупятся
И общей силою пойдут против тебя;
Они не пощадят ни перьев, ни себя.
И поделом тебе! Зачем ты их творенья,
Уже умершие со времени рожденья,
Своею критикой к стыду их воскресил?
К чему вмешался ты и кто тебя просил
Тому напоминать, и в тоне слишком строгом,
Что уморительным всегда он пишет слогом?
Что в одах, коими дарит он белый свет,
Один лишь слышен гром, а смыслу крошки нет?
Тому — что в авторство раненько он пустился,
А лучше б грамоте прилежней поучился?
Другой не нравится тебе лишь оттого,
Что, много написав, не скажет ничего;
Иному говоришь, чтобы разбил он лиру,
Что *Пиндар* на него писать хотел сатиру,
Однако отменил намеренье свое,
Боясь, чтоб он не стал переводить ее.
Когда ж ты наконец прозаиков коснулся,
Тогда, о Правдослов! я, право, ужаснулся.
Ты колешь уж не в бровь, а в самые глаза!
Ты пишешь, что *Филон*, не зная ни аза,
По полудюжине книг разом выпускает
И после с радостью в толкучем их встречает;
Что *Глупов*, с важностью засевши в кабинет,
Мечтает, что он Кант, Невтон, Руссо, Боннет,
О всех материях чертит неустрашимо
И изъясняется всегда неизъяснимо;

Что *Музин* фабрику заводит новых слов,
Невразумительных и для больших умов,
Что многих авторов он держит под искусом
И учит весть войну с приятностью и вкусом;
Сердечкин оттого не нравится тебе,
Что вечно слезы льет по всем и по себе,
А если с милою чувствительной улыбкой
Он хочет рассмешить, то плачут все ошибкой.
И прочих, Правдослов, ты также не жалел;
Но пользу от того какую ты имел?
От брани авторы писать не перестанут.
Какая ну́жда им, что их читать не станут?
Большáя часть из них, бессмертия в залог,
Стремится лишь попасть скорее в каталог.

Итак, уймись, мой друг! Оставь людей на волю!
Пусть каждый глупости свою имеет долю, —
Какая ну́жда в том? Что трогает тебя?
Ты смейся и молчи, и знай лишь сам себя.
Но ты нахмурился! Что значит вид сей грозный?
«Возможно ль не бранить, — ты мнишь, — сей свет несносный,
Где только глупость зришь и с ней страстей собор;
Где зришь повсюду лесть, коварство, злость, раздор;
Где бедный угнетен и где богач возвышен;
Где глас невинности при золоте лишь слышен;
Где добродетели нигде местечка нет, —
Возможно ль не бранить такой несносный свет?»
Что свет сей нехорош, я сам с тобой согласен;
Да только не бранись: твой будет труд напрасен.
Немало было уж таких проповеде́й,
Но помогли ль они переменить людей?
Мой друг! советую тебе я не трудиться.
Блажен, кто с глупыми нашел секрет ужиться
И ждет, пока опять, как было в старину,
Научатся летать за разумом в луну!

⟨*1806*⟩

196. ДАФНА И СИЛЬВИЯ

(Отрывок из Тассовой пастушеской повести «Aminta»)

Дафна

Еще ли, Сильвия, ты в юности твоей
От удовольствий будешь удаляться?
Не хочешь именем супруги украшаться,
Ни видеть миленьких детей,
Резвящихся перед тобою?
Ну, посоветуйся прилежнее с собою!
Пора обычай свой тебе переменить!
К чему годится жизнь такая?

Сильвия

Приятностям любви пусть следует другая,
Когда приятности в ней можно находить;
Моя забава: с луком и стрелами
Преследовать зверей
И сильных повергать рукой моей.
Или — скажу тебе короткими словами:
Покуда звери есть в лесах
И стрелы у меня для лука —
Не будет мне известна скука.

Дафна

Вот удовольствия! — в твоих летах?
Ты любишь то и всем пренебрегаешь,
Затем что ничего приятного не знаешь.
Так первый смертных род, от детской простоты,
Не зная услаждать вкус пищею другою,
Ел только желуди с водою, —
А ныне желуди с водой едят скоты,
А мы питаемся и хлебом и плодами.
О! если б, Сильвия, ты испытать могла,
Что ощущается сердцами,
В которые любовь свой огнь влила,
Которым платят равной страстью,
То, верно, бы умней была
И не почла любви напастью!
Тогда б в раскаяньи, со вздохом, со слезой

Ты, призадумавшись, сказала:
«Всё счастие — в любви одной!
Ах! сколько времени я тщетно провождала!
Я лучше бы могла его употребить!
Что делалось тогда со мною?»
Так посоветуйся прилежнее с собою!
Пора обычай свой тебе переменить!

Сильвия

Когда в раскаяньи, со вздохом и слезами
Я буду говорить такими же словами —
К источникам своим все реки потекут,
От агнцев волки побегут
И зайцы робкие погонятся за псами,
Медведь на дне морском берлог свой заведет,
Дельфин — на горы жить пойдет.

Дафна

Я знаю, молодость не смотрит на советы!
И я была в такие леты,
И у меня бывал такой же цвет волос,
Румянец на устах, в щеках приятность роз
С невинностью соединялась...
Но чем же, глупая, тогда я занималась?
Точила стрелы я иль ряд сетей
Приготовляла на зверей,
Искала их жилищ, по их следам гонялась!
А ежели какой-нибудь пастух
Посмотрит на меня, то вдруг
С досадой и стыдом глаза я потупляла,
Сердилась, что собой пленяла,
Как будто б кто-нибудь поставил мне виной,
Когда любуются моею красотой!
Но всё со временем проходит.
И, ах! к чему
Любовник хитрый не приводит!
Откроюсь я тебе как другу моему:
Увидела себя я скоро побежденной,
И — знаешь ли, оружием каким?..
Слезами, вздохами, покорностью смиренной.
Я уступила им.
Тогда я расцвела душою,

Тогда узнала я, сколь я слепа была
С моею простотою;
Я Цинтию и лук и стрелы отдала
И не хотела жить, как прежде.
О Сильвия! могу я быть в надежде,
Что ненависть твою Аминт поуменьшит
. И, рано ль, поздно ли, смягчит
Упорное твое сердечко?
Жестокая! скажи, скажи одно словечко:
Собой ли он не мил? Не любит ли тебя?
Иль отдает другим себя
Твоей жестокости в отмщенье?
Иль ниже твоего
Имеет он происхожденье?
Об этом ты сказать не можешь ничего.
Тебе отец Сидипп, которого родитель
Был бог ручья сего;
Аминта же отец Сильван, а у него
Отец был Пан — и бог и покровитель
Всех наших пастухов.
Взгляни ты в зеркало прозрачных ручейков!
Увидишь, что тебя не хуже Аммарила;
Она давно уже Аминта полюбила,
Его ласкает всё, а он бежит от ней —
К несносной грубости твоей!
Итак, представь себе — но я молю всевечных,
Чтоб это никогда с тобою не сбылось, —
Представь, что, если бы Аминту привелось,
Озлобясь от твоих отказов бесконечных,
Влюбиться наконец в соперницу твою,
Которая его так любит страстно:
Не будешь ли тогда винить судьбу свою?
И не покажется ль тебе ужасно,
Когда в ласкающих объятиях другой
Он будет, Сильвия, смеяться над тобой?

Сильвия

Пускай и чувствами и даже сам собой
Как хочет он располагает;
Мне это всё равно. Не будучи моим,
Пускай принадлежит, кому он сам желает!

Ему и быть моим нельзя — затем что им
Владеть я не хочу; и если бы владела,
Ему принадлежать тогда б не захотела.

Дафна

Такая ненависть родилась от чего?

Сильвия

Родилась — от любви его.

(1807)

197. АПОЛЛОН И Я

Дерзкий смертный! как ты мог
Взяться смело так за лиру?
О всесильный, милый бог!
Я вчера узнал Таниру.

Так достоинства ея
Хочешь, верно, ты исчислить?
Признаюсь, об этом я
Не осмелюсь даже мыслить.

Иль намерен ты воспеть,
Как собой она прелестна?
Мне ль в предмете то иметь?
Слабость мне моя известна.

Так зачем же лиру брать
И на ней звучать напрасно?
Я решился ей сказать,
Сколь ее люблю я страстно.

Мне приятен выбор твой!
Будь счастлив — люби сердечно!
О! Клянусь самим тобой
Быть Танирой страстным вечно!

(1809)

198. К ПРИЯТЕЛЮ В СТОЛИЦУ

(Из С..., 1810)

Любезный брат по Аполлоне,
Товарищ юности моей!
В каком предписано законе
Позабывать своих друзей?
Читал я трижды Уложенье,
Читал раз десять Учрежденье,
Устав о соли, о вине;
Но казусов сих неприятных
В указах даже сепаратных
Совсем не попадалось мне.

Или у жителей столицы
Таков уже обычай стал:
Чуть шаг из городской границы —
Прости, как будто не живал!
Писать в провинцию им стыдно!
Судя по этому, так видно,
Что мы для вас — пустая тварь.
Но не гордитесь перед нами:
Взгляните вы, — нас вносят с вами
В один же адрес-календарь.

Иль, посвятя всё время службе,
Приятель драгоценный мой
Часочка дать не хочет дружбе,
Не хочет знаться уж со мной?
Да разве он переменился?
Давно ли в нем воспламенился
Такой похвальный к службе жар?
Я не забыл, как мы живали:
Служа, нередко посещали
И Летний сад, и булевар.

Иль музы, божескою властью
Все способы употребя,
Гордяся к ним твоею страстью,
Уж полонили так тебя,
Что ты лишь к ним любовью таешь,
Для них лишь только работаешь?

Они и так веночек вьют.
Или красоточки земные,
Не столь спесивые, ручные,
Тебе покоя не дают?

Или ты начал жить по моде,
Привыкнув сущий вздор мечтать,
«Что дружбу лишь в *простом* народе
За благо должно почитать
И чувство самое святое;
Что в *знатности* она — пустое!
Там лучше ловкой лицемер;
А для Пилада и Ореста
Уж нынче не дадут и места,
И брать не должно их в пример!»

Поверь, мой друг, что дружба в мире
Для всех людей нужна равно:
В шугае, в армяке, в мундире —
Все чувствуют от ней одно.
Спроси ты даже и у знатных,
Что мыслят в тех часах приятных,
Когда в согласии с собой, —
Мне кажется, что на досуге
Имеют также ну́жду в друге,
В любви чистейшей и простой.

Но время кончить поученье
И все запросы отложить!
Скажу я только в заключенье,
Что если хочешь мирно жить
И впредь со мною не браниться,
То чур уж больше не лениться!
Пиши, что в голову придет;
Ведь новостей у вас немало!
Стопы иному б не достало,
Кто всё под перышко кладет.

А я в моей укромной хате
Приятно, хорошо живу,
Как в царской будто бы палате,
И счастья больше не зову:

Женой и сыном я любуюсь,
То с ним, то с нею поцелуюсь,
И порезвлюсь, и пошалю,
Как водится в подлунном свете;
То запираюсь в кабинете,
И там я — на диване сплю.

Когда ж наскучит мне беспечность,
Читаю иль стихи пишу.
Стихами не стремлюсь я в вечность,
На Пинде места не прошу,
А так лишь изредка от скуки
Беру мою свирелку в руки, —
Не для вельмож, не для князей:
Пускай другие их ласкают
И лесть, как пыль, в глаза пускают, —
Пишу я для моих друзей.

Мой дом я редко покидаю,
Ты, верно, пожелаешь знать,
С каким я людом обитаю,
И, верно, просишь описать?
Изволь, — да только по-пустому
Желанью следовать такому!
Не думаешь ли, что у нас
Из всей обширной столь вселенной
Живет народ какой отменный?
Нет! тот же всё, как и у вас.

Бывает в радости и в горе,
Бранит и хвалит белый свет,
Купается в житейском море
И любит суету сует.
Здесь сущая у нас столица,
Здесь разные увидишь лица:
Увидишь гордых гордецов,
Любителей придворных тонов,
Людей, рожденных для поклонов,
Ханжей, и мотов, и скупцов.

И здесь Амур берет в оковы,
Имеет Бахус алтари,

ПРЕЖНІЕ ДОСУГИ

НИКОЛАЯ ОСТОЛОПОВА

Москва
У книгопродавца Ширяева
1816

И здесь судьи есть *Простаковы*
И *Кохтины* секретари;
И здесь старушки-вестовщицы
Развозят были, небылицы
И сеют плевелы в домах,
Смотря с улыбкой на раздоры;
И словом: ящичек Пандоры
Уж был и в наших сторонах.

Однако ж правду молвить должно —
Зачем же совестью играть? —
И здесь, с умком и осторожно
Людей кто может выбирать, —
Найдет кружок друзей любезных,
В бедах и горестях полезных,
Прекрасных разумом, душой, —
Друзей, каких на свете мало,
Каких, сказал бы, не бывало,
Коль не был бы знаком с тобой.

1810

199. СВЕТЯЩИЙСЯ ЧЕРВЯЧОК И АЛМАЗ

Алмаз и Червячок лежали рядом.
Когда полдневный луч во всей красе блистал,
Алмаз, гордясь своим сиятельным нарядом,
Соседу Червячку с улыбкою сказал:
«Теперь я вижу, не напрасно
В народе говорят, что светишь ты прекрасно:
Какой преяркой свет и цвет!»
Смиренный Червячок немножко оскорбился,
Однако до ночи оставил свой ответ.
И вот природы царь уж в волны погрузился,
Блеснул мой Червячок — Алмаза будто нет.
«Теперь, соседушка любезный, —
Алмазу он сказал, — послушай мой ответ,
Быть может, для тебя и для других полезный:
По блеску никогда я не сравнюсь с тобой,
Твой блеск от солнышка, а мой — уж точно мой».

Иной гордится,
Что он почтен и знатен по уму;
Возьми-ко дядю прочь, сестрицу иль куму —
Ни в строй, ни к смотру не годится.

⟨*1816*⟩

200. К ЛИЛЕ

Краса растений роза
Приятна, как цветет;
Но если от мороза
Изноет, отпадет —
Всю прелесть потеряет.
Тебе пример она
Собою представляет!
Твоя пройдет весна.
Появятся морщины —
Какой, о Лила! ждешь
Тогда себе судьбины?
В чем счастие найдешь?
Откажутся Амуры
С косынкою играть
И кудри белокуры
Не станут развивать;
Не вздумают ласкаться
Искателей полки
И будут удаляться
И сердца и руки.
И я, певец правдивый
Любезностей твоих,
Отчаянный, тоскливый,
Не видя больше их,
Оставлю дар небесный
И лиру разобью,
И *некогда* прелестной
Ни слова не спою...
О Лила! знай, что младость
Ничем не заменить,
Что в старости и радость
Лишь может нас томить.

⟨*1816*⟩

201. К ТАНИРЕ

Элегия

Танира милая! расстался я с тобою!
В ужасной горести, с мучительной тоскою
Смотрю я на сии, мне чуждые, места;
Скитаюсь в них один, как бедный сирота.
Проходит целый день в стенаниях напрасных,
Отрады — сна ищу, но сон бежит несчастных.
Иду рассеять грусть, и грусть всегда со мной!
О друг моей души! я счастлив лишь с тобой,
С тобой спокойствие и радость обретаю!
Теперь об них, теперь совсем и не мечтаю;
И что приятного тоска произведет?
Одно печальное на мысль ко мне идет.
Вчера испуган был я страшною мечтою:
Ты мне представилась отчаянно больною...
И бледность на челе, и смерть уже в глазах!
Малютки близ тебя, недвижимы, в слезах,
Взирали на твое ужасное страданье,
Касались рук твоих, и жалость и терзанье
Одним безмолвием старались изъявить...
И ты их не могла, мой друг, благословить!
Я слышал голос твой, пронзительный, унылый...
Казалось мне, что ты уже с последней силой
«Прости» сказала мне... Я вздрогнул и вскричал,
Хотел бежать, хотел, но сил не обретал.
О друг мой! не ропщи, что стал я малодушен!
Ты знаешь, я бывал всегда судьбе послушен,
Ее жестокости с терпением сносил,
Я чувствовал в себе еще довольно сил
И впредь без ропота быть властным над собою;
Но мыслил ли когда расстаться я с тобою?
Одно отчаянье теперь владеет мной.
О вы, которые разлуки сей виной!
Вы смерти моея безвременной хотите!
Скорей с Танирою меня соедините!
Тогда мы счастие и радости найдем,
В могилу вместе мы с улыбкою сойдем!

⟨1816⟩

202. К РУССКОМУ БАВИЮ

ОБ ИСТИННОМ ПОЭТЕ

О ты, дерзающий судьбе наперекор
До старости писать стихами сущий вздор,
Ковач нелепых слов и оборотов странных,
За деньги славимый в газетах иностранных,
Наш Бавий! за перо берусь я для тебя!
Опомнись! Пощади и ближних и себя!
Познай, что все твои посланья, притчи, оды,
Сатиры, мелочи и даже переводы,
С тех пор как рифмачи здесь стали не в чести,
Лишь могут на тебя бесславье навести,
Лишь могут на весах правдивыя Фемиды
Поставить наравне с отцом «Тилемахиды»!

Тот жалкий человек, кто ссорится с судьбой!
Так! истинный поэт не сходствует с тобой:
Он просто, без хлопот, собою нас пленяет;
На нем с рождения печать небес сияет,
Ему наставник — бог, природа — образец,
Он мудр и всемогущ — он сам другой творец.

Как сладостно внимать его восторгам лирным,
Когда он, пред царем преклоньшися всемирным,
Приносит от души чистейший фимиам,
Дивится благостям, дивится чудесам
И вновь о благостях ко смертным умоляет!
Тогда он божество в самом себе являет!..
Иль, взоры обратив на сей подлунный свет,
Поет природу нам! Он всюду зрит предмет,
Воспламеняющий его ко песнопенью, —
Всё силы придает восторгу, вдохновенью!
Вид гор, полей, лесов, небесная лазурь,
Треск грома, молний блеск, свист ветров, ужас бурь!
Он, мыслью возносясь, тогда эфиром дышит
И видимое здесь небесной кистью пишет.
Но мир сей мал ему! превыше он парит, —
Он в сонме ангелов себя мгновенно зрит;
Ему открыто всё, он все проникнул тайны,
Постиг деяния, для смертных чрезвычайны,

Узнал протекшее с рождения времен
И что назначено для будущих племен, —
Тогда, познаньем дел творца обогащенный,
Возвысив громкий глас — пророческий, священный, —
Вливает в души огнь, божественный восторг!
Иль вдруг — преносит нас в волшебный свой чертог,
Куда сопутствует ему *воображенье*,
Творений выспренних душа и украшенье.
Там *вымысл* царствует, там произвол — закон.
Здесь в действиях своих поэт не зрит препон,
Ему возможно всё. По сей обширной власти
Он вид и существо даст пороку, страсти,
И добродетели дает приличный вид,
Он фурий и богов и милых нимф творит
И управляет их деяньями всевластно!
Ты, Бавий, не таков! Ты мучишься напрасно,
Желая заменить трудом небесный дар.
Приходишь не в восторг, в какой-то жалкий жар
И, в нем беснуяся, уродов порождаешь,
Которых с радостью на белый свет пускаешь.
Несчастный мученик! ты сколько ни пиши,
Стихи без гения — как тело без души,
Одних нахлебников твоих они пленяют,
И те перед тобой украдкою зевают,
Смеются за глаза; а в лавках... твой портрет
Наслушался, какой дают тебе совет.
О Бавий! Но позволь теперь с тобой проститься
И к настоящему поэту обратиться.
Сей благодатный сын благих к нему небес,
Что мыслью за предел вещей себя вознес
И с нами в дружеском быть хочет сообщеньи,
Печется иногда о нашем просвещеньи.
То, философии храня святой закон,
Поет нам как Орфей и мыслит как Платон;
Ему покорены душа, и ум, и чувства!
То правила дает науки иль искусства;
И тут, приятности стараясь не лишать,
Цветами терние он любит украшать:
Он знает — лишь тебе урок сей неизвестен, —
Что с мудростью одной не может быть прелестен,
Что страшен и смешон угрюмый педагог.

И что важней всего приятный, плавный слог.
Иль, свиток древности очами пробегая,
Отличных доблестью героев избирая,
Потомству их дела со славой предает,
И слава их — его к бессмертию ведет!
(Вергилий меньше ли теперь Энея славен?)
В сих повестях поэт всегда предмету равен:
О битвах ли гласит — тогда от громких струн
Оружий слышен звук и медных жерл перун!
Любовь ли воспоет — сердец очарованье, —
Нам слышатся тогда и вздохи и стенанье!

Вот свойства главные, вот истинный поэт,
Которого читать и славить будет свет!

Ты, Бавий, смолода на все статьи пустился,
Отважился, дерзнул, запел и — осрамился.[1]
О жалкий человек! Имел ли ты друзей,
Могущих объявить о странности твоей,
Могущих ласкою, угрозой иль советом
Не дать тебе прослыть за шу́та перед светом?
Нет, верно, не имел! Но ум тебе был дан;
Ты мог бы сделаться почтен от сограждан
Без притчей и без од! Взманил тебя лукавый!
Ты ими захотел знакомиться со славой —
И тотчас все шесты и полки в кладовых,
Скрыпя, погнулися под тяжестию их,
Все лавки, лавочки, прилавки и окошки,
Мешки разносчиков, на площадях рогожки
Твоей прилежности наполнились плодом,
Который стал покрыт и пылью и стыдом.

Ты скажешь, может быть: какие в том напасти,
Что так я предаюсь моей *стиховной* страсти
И отдавать люблю в печать мои труды?
Конечно, Бавий, нет великой в том беды:
Закон, правительство не терпят потрясенья,
Но посрамляется век вкуса, просвещенья!
К тому ж, какой пример поэтам молодым?
Иной нечаянно пойдет путем твоим, —

[1] Известный стих Сумарокова кстати пришел на память.

Не об изящности захочет он стараться,
Захочет книг числом с тобою поравняться,
Прибегнет наконец к издателям газет —
В минуту *аксиос* — и новый наш поэт,
Дивяся легонькой к бессмертию дороге,
С Державиным себя встречает в каталоге
И мыслит не шутя, что равен стал ему!
Он будет целый век не годен ни к чему;
И кто же, как не ты, причиною разврата?
Не ты ли нас лишил полезного собрата?
Ужель не вреден ты? Но мой напрасен труд!
Потомство даст тебе нелицемерный суд:
Потомства не купить ни завтраком, ни балом!
Услышишь приговор перед его зерцалом, —
И знаешь ли, какой ужасный приговор?..
Ты, Бавий, и тобой произведенный вздор,
Святой поэзии служащий к поношенью,
Вовеки преданы не будете забвенью:
Чтоб именем твоим именовать других,
Похожих на тебя товарищей твоих,
Чтобы стихи в пример галиматьи ходили
И все бы наизусть для смеха их твердили.
Вот слава чем тебя желает увенчать!
Пиши еще, пиши — и отдавай в печать.

⟨*1816*⟩

М. ОЛЕШЕВ

Биографические сведения о Михаиле Олешеве почти полностью утрачены. То немногое, что о нем известно, связано с фактами его кратковременной литературной деятельности.

3 мая 1802 года, по рассмотрении двух не дошедших до нас стихотворений «К Лизе» и «К жаворонку» и по рекомендации А. Е. Измайлова, Олешев был зачислен в Вольное общество. Двумя годами позже он представил в Общество прозаическую комедию «Женитьба по жребию» (также не сохранилась). Несколько раз Олешев выступал на заседаниях с чтением оригинальных и переводных стихотворений; из них перевод из Оссиана «Лотрек» был высоко оценен А. Х. Востоковым. По состоянию здоровья и в связи с трудными жизненными обстоятельствами Олешев редко посещал собрания Вольного общества (в чем он чистосердечно признавался в письменном объяснении на имя своих сотоварищей) и потому был переведен из действительных членов в корреспонденты.

Ранние произведения Олешева были опубликованы в 1803 году во второй книжке «Свитка муз». Вторично он выступил в печати в 1809 году в «Северном Меркурии» А. Лукницкого, где были помещены пятнадцать его стихотворений за подписью: М. . . .лъ О.е.е.ъ.

203. СВИДАНИЕ

Лишь солнце закатилось
За темные леса,
Умолкли песни птичек,
Не слышно ничего.

Под деревом ветвистым,
У хижины своей,
Задумавшись, сидела
Печальная вдова.

Всечасно ожидала
Из дальней стороны —
Кого ж? — Но мы узнаем,
Подале коль прочтем.

Вдруг слышится ей топот
И пыль вдали видна,
В ней сердце обмирает,
Она встает... и к ней

В одну почти минуту
Внезапно подошли
Два храбрые солдата,
Оружием гремя.

Один во зрелых летах,
Другой как белый лунь,
Покрытый сединами,
С медалью на груди.

«Любезная старушка! —
Герои говорят. —
Ночь темная застигла,
Пусти нас ночевать.

А завтра с белым светом
В поход опять пойдем,
За всё тебе заплатим,
Не думай ни о чем».

«Родимые! неможно, —
Хозяйка говорит, —
В моем домишке бедном
Боярам ночевать.

Сегодня, перед богом
Я правду всю скажу,

Я печки не топила
И щи не варены».

«Ничто теперь не нужно! —
Служивых был ответ. —
Устали мы походом,
Хотим лишь отдохнуть».

Потом, вошед в избушку,
Садятся на скамье,
Хозяйка стала к печке
И охать начала.

Герои прослезились,
Друг нá друга смотря, —
Они ее узнали,
Она не знает их.

Один из них другому
Тихонько говорил:
«Спроси ее, Ванюша,
О чем она грустит?»

Младой герой, восставши,
К хозяйке подошел
И, слезы сокрывая,
Со вздохом говорил:

«Любезная хозяйка,
Пожалуй нам скажи,
О чем ты так крушишься
И горько слезы льешь?»

Хозяйка отвечает:
«Мне плакать бог велел!
Но было прежде время,
Что радовалась я.

Жила я не убого,
Не знала горя, бед!
Но вдруг невзгода пала —
Послышим мы: война!

Тут мужа я лишилась
И сына! Охти мне!
Лет двадцать и поболе
Об них как не слыхать.

Теперь я сиротою
Осталася без них,
Всевышнему молюся
Из сердца глубины

Всечасно со слезами
И только то прошу,
Чтобы со царской службы
Живых их возвратил.

Я б раз на них взглянула
И слезы пролила,
И после бы спокойно
В сыру землю легла».

«Не будем укрываться, —
Служивы говорят, —
Довольно мы узнали,
Что помнят еще нас.

Узнай, узнай, хозяйка,
Кого ты долго ждешь!
Мы, слава богу, живы,
Я муж твой, это — сын!

Со службы возвратились
На родину свою,
Теперь спокойно будем
Все трое вместе жить.

И станем повсечасно
За белого царя
К всевышнему владыке
Молитвы воссылать».

По сих словах пустились
Хозяйку обнимать,

Старик — свою подругу,
Младой — любезну мать.

И радостные слезы
Ручьями потекли,
Друг друга обнимают,
Друг друга к сердцу жмут.

Наплакавшись довольно,
Герои говорят:
«Мы много претерпели
Опасностей, трудов,

Но живы и здоровы,
Чего еще желать?»
Коль сладостно свиданье
С родной чрез двадцать лет!

⟨1803⟩

204. ЛОТРЕК

Из песней Оссиана

Ветры ужасны
Воют, шумят;
Слабо мелькает
Бледна луна;
Дубы столетни
Гнутся, скрипят;
Птицы со страху
Скрылись в лесах,
Боле не слышно
Пения их;
Лишь раздаются
В мрачном лесу,
С ветром мешаясь,
Крики совы.
Один несчастный сын Арминов
В глубокой горести своей,
Не чувствуя грозы ужасной,
Стоит, на камень опершись,
Под коим скрыт ему любезный
Прекрасной Дезагрены прах.

Имея на лице унылость,
Нося в груди жестоку страсть
И обратя свой взор на камень,
Лотрек, вздыхая, говорит:
«Пусть свирепеет
Буря везде,
Ветры ужасны
Грозно шумят,
Пусть все стихии,
Вдруг съединясь,
Сильно бунтуют,
Горы трясут.
Пусть раздается
Страшный отзыв
В мрачных пещерах,
Темных лесах!
Ужас природы
В сердце моем
Ныне не может
Страх произвесть;
Я уж лишился
В свете всего,
Нет мне утехи,
Нет мне отрад!
Счастье, довольство,
Радостна жизнь —
Прочь отлетели,
Скрылись из глаз.
Смерть ужасною рукою
Прекратила жизни нить
Милой, нежной Дезагрены
В цвете юных ее лет!
Я остался в горькой скуке
Жизнь плачевную вести
И всечасно со слезами
О любезной вспоминать.

Но что я говорю, несчастный!
Могу ль я ныне слезы лить?
Давно иссякнул, прекратился
Из глаз лиющийся поток.

Осталось мне одно мученье,
Отчаянье и вечный стон.
Но скоро, может быть, судьбою
И мне назначен сей предел,
Чтоб, скорби прекратя несносны,
Оставить жизнь, сойти во гроб
И там навеки съединиться
С тобой, дражайший милый прах!

Придет прежний сотоварищ
Жизни счастливой моей,
Изумленным взором будет
Друга прежнего искать;
Но увы! Он не увидит
Более его нигде!
Пусть он спросит о Лотреке:
Где его сердечный друг?
Но когда о том узнает,
Что несчастный друг его
От несносного страданья
Злую жизнь свою скончал
И что он тогда ногою
Попирает прах его,
Хладною землей покрытый,
В месте том, где он стоит,
Тут вздохнет и тихим шагом
От печальных мест пойдет.
Скройся, исчезни,
Горестна мысль!
Пусть веселятся
Милы друзья,
Лютой разлуки
Вечно не знав!
Пусть я страдаю
Только один,
Пусть я окончу
Здесь свою жизнь».
Тогда отчаянной рукою
Лотрек свой острый меч берет
И, призывая тень любезной,
Разит во грудь и мертв падет.

(1803)

205. ХАМКИН

Басня

Уж ночи протекло почти до половины,
Но бал еще идет, — у Хамкина крестины!
Родня, приятели, соседи, кумовья
Сошлись со всех сторон, — итак, своя семья.
Всего довольно тут, вина — хотя опейся,
А пивом с головы до ног себе облейся.
Пред каждым молодцом стаканчики стоят
С сладчайшим питием, но что там говорят?..
Послушаем у них:
Лишь громкий шум утих,
Один почтенный муж из общества сего,
Шатаяся, восстал от места своего...
И, к Хамкину подшед, с поклоном так сказал,
А прочим всем гостям речь слушать приказал:
«Хозяин наш драгой!
Довольны мы тобой...
Мы у тебя с утра до белого рассвета
Здесь прохлаждаемся, — дай бог вам много лета!
С хозяюшкой драгой,
Притом со всей семьей!
Но смею ль доложить, я вижу в вас смятенье.
Что скорби сей вина? В лице что за смущенье?
Не учинил ли кто обиды вам коварной,
Скажите нам скорей, кто сей неблагодарный?»
— «Не то, мои друзья, — им Хамкин отвечал, —
От вас обиды я ни малой не видал!
Но прежде вас прошу воссести по местам,
Потом и донесу, не обинуясь, вам:
Есть некто в граде сем, из маленьких чинов,
В отставке офицер, фамильей Бедняков,
Который десять лет процессию имеет
В повытье у меня — но дело преет!..
Или сказать — гниет,
А может, пропадет,
Исчезнет, аки дым!
Но я ли винен сим?..
Что сделать я могу?.. Коль самые судьи
Давно горячкою отчаянной больны!..

В год более двух раз не заседают,
Когда ж случится быть — от грусти засыпают.
Но это ничего.
Нет дела до того;
Однако ж сердца я вы знаете какого:
Жалею очень Беднякова!
Он, милый, прожился — и нечего кусать.
И денег ни гроша! — о сем извольте знать...
Какая ж польза мне?
Поживки нет нигде...
И вот уж с полгода его я не видал,
Об этом-то теперь я деле горевал,
Что дал по глупости большую я промашку:
Всё обобрал с него, забыл лишь снять рубашку!»

⟨*1809*⟩

206. ОСЕНЬ

Осень настала,
Листья падут,
Вянут цветочки,
Сохнет трава!

Летни исчезли
Теплые дни,
Слабо уж мечет
Солнце свой луч.

Прочь удалился
Нежный Зефир...
С ревом ужасным
Воет Борей!

Вьется в долинах
Белый туман,
Дождик холодный
Землю кропит.

Птички от стужи
Кроются в лес,

Боле не слышно
Пения их!

Горестна скука,
Мрачна печаль
В душу вселились...
Душу томят!

Нет мне утехи
Боле нигде...
Слезы невольно
Льются из глаз!

Вместе с природой
Осень я зрю...
В коей увянет
Юность моя.

Старость печальна
Вдруг посетит,
Скорби, болезни
С ней завсегда!..

Время с косою
Быстро летит!
Строго считая
Жизни часы,

Руки подъемлет,
Блещет коса —
Смертный мгновенно
Падает в гроб!

Всех оставляет,
Ближних, родных!
Нежну супругу!
Милых детей!

Силу, богатство,
Славу, чины...
С ним умирает,
С ним всё пройдет.

⟨*1809*⟩

207. К РОЗЕ

Милая роза,
Алый цветок,
Что ты увяла,
Что так бледна?

Что преклонилась
Прежде поры
С нежного стебля
К хладной земле?

Разве морозы
Люты пришли?
Или осенни
Ветры шумят?

Нет! еще лето
В полной красе,
В мрачной пещере
Скрыт Аквилон.

Разве полынью
Горькою ты
Вкруг обвилася,
Вкруг стеснена?

Милая роза
Мне говорит,
Тихо вздохнувши:
«Ты отгадал».

⟨1809⟩

208. ЗЯБЛИК

Скрывшись в кусточке
В темном лесу,
Тихо, приятно
Зябличек пел.

Голос веселый
Слышен бывал
С томным журчаньем
Быстра ручья.

Летней порою
С милой моей
Зяблика слушать
Я приходил.

Нынече зяблик
Петь перестал,
Кустик оставил,
Прочь отлетел.

Только подружки
Ищет своей,
Только горюет,
Стонет об ней.

Полно, мой зяблик,
Полно тужить,
Время настало
Горе забыть.

Разве ты хочешь
В жизни своей
Вечно терзаться,
Вечно грустить?

Знаю, мой милый,
Много ты бед,
Мук, огорченья
В страсти терпел.

Только, несчастный,
Грусти своей
Мало поможешь...
Разве умрешь...

Вижу желанье
В мрачной душе —

С горестью лютой
Жизнь прекратить.

Варвар жестокий,
Сжалься, постой.
Слышать легко ли
Мне сию весть?

Знай: я с печали
Слез не пролью,
Рваться не стану, —
Также умру.

⟨1809⟩

И. А. КОВАНЬКО

Иван Афанасьевич Кованько родился в 1773 или 1774 году. Место его рождения неизвестно. Происходил он из обедневшего украинского дворянского рода. Образование Кованько получил в петербургском училище Горного ведомства, которое закончил со званием шихтмейстера (специалиста по выплавке металла) в 1792 году. После этого он почти тридцать лет прослужил в Горном ведомстве, сначала в провинции (Липецк, Тамбов), а с 1799 года — Петербурге. Кованько добился на этом поприще сравнительно высокого положения: правитель канцелярии департамента горных и соляных дел, член Комиссии по устройству горных заводов. Умер он 4 декабря 1830 года.

Первое из известных нам произведений Кованько — философская ода «Тленность» — появилось в 1795 году в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». После этого он печатался в разных изданиях, в том числе в «Иппокрене», «Новостях русской литературы», «Сыне отечества», «Благонамеренном». Многие его произведения остались ненапечатанными.[1]

В Вольное общество Кованько был принят 28 июня 1802 года по рекомендации В. И. Красовского и по представлении стихотворения «К поэтам потомства» (напечатано во второй книжке «Свитка муз»). Но через два месяца после этого он попросил секретаря А. Х. Востокова перевести его из членов Общества в корреспонденты, ссылаясь на большую занятость по службе.

Кованько писал много и в разных лирических жанрах, начиная с гражданских и философских од и кончая альбомными мадригалами и посланиями. В лучших своих произведениях он подражал Державину, с которым был лично знаком и восторженное отношение

[1] Автографы Кованько частично сохранились в архиве Вольного общества (ЛГУ) и в ЦГАЛИ.

к которому выражал в своих стихах (см. «Стихи великому певцу великих»). В 1812 году пользовалась популярностью его «Солдатская песня», позже попавшая в песенники.

209. ПЕРЕСТРОЕННАЯ ЛИРА

В тон Пиндара настроив лиру,
Хотел Россию я воспеть
И снаряжался по эфиру
До Ориона возлететь,
Куда чело, венцом лавровым
Покрыто, вознесла она, —
Оттоль Атлантом зрится новым,
Подъявшим мир на рамена.

Хотел воспеть, что рок вселенны
В ее деснице заключен,
Что все породы съединенны
Пред мужеством ее — суть тлен;
Что все обширные державы,
Какие в древности цвели,
Ни силой, ни сияньем славы
Сравниться с нею не могли.

Ударил по струнам перстами —
И гром от них пошел с огнем.
Казалось, двигну я горами,
На тигров наложу ярем...
Но вдруг кадило опустилось,
Амуры резвые на луг,
Меня обстали, привалились
И лиру вырвали из рук.

Потом крылами заплескали
Сии малюточки-божки,
Вспорхнули вверх, захохотали,
Вились гирляндой и в кружки,
Струнами бренькали — и, лиру
На ленте опустивши мне,
По жидкому небес сафиру
Помчались с смехом к вышине.

Минуты только три продлился
Тот феномен в моих глазах,
В душе восторг не охладился, —
Хвала отечеству в устах
Опять, опять была готова,
Но я едва коснулся струн,
Уже не мог пропеть ни слова —
Вмиг в сердце мне влетел перун.

Влетел перун любовной страсти
И к ранам рану приложил...
Ах! и без этой злой напасти
Я очень много желчи пил.
Почто ж, амуры! вы забаву
Находите в беде моей,
Почто вы дали мне отраву
К усугублению скорбей?

Взаимность только украшает
Любви терзания и яд;
Меня же всюду ожидает
Отказ, отчаяние, ад.
Так, так, и мыслить мне не должно
Отрады в муках получить:
Увы! Целест уже неможно
Одной любовию пленить.

Власть симпатии и природы
Теперь поверженна лежит;
И се от жертвенника моды
Оракул грозно мне гремит:
«Астреи век не возвратится,
Когда ценили лишь сердца, —
Ведь просвещенным не годится
Снимать с пастушек образца.

Ты будь Кизляр-Агою[1] с рожи,
Да будь в звездах, иль Крезом будь,

---

[1] Начальник султанского харема, всегда самый безобразный из черных невольников.

Но Хлои, Тации пригожи
Прицепят твой портрет на грудь.
И разумом хоть Милитидом[1]
Как капля в каплю будь похож,
Но под фортуниным эгидом
Жену прекрасную найдешь.

А без сокровищ, без титу́ла
Ты будь лицом хоть Антиной,[2]
Умом — Сократ, однак и стула,
Не только кресел, год, другой
От милых Дафн тебе случится
С терпеньем бесполезным ждать».
Ах! льзя ли ж мне надеждой льститься
Мои страданья окончать?

В моем лице обыкновенность,
Отменности ни искры нет,
И человеческую бренность
На нем являет бренный цвет.
Хоть прадеду за верну службу
Царь-диво деревеньку дал,
Но рок, не восхотевши дружбу
Водить со мной, ее пожрал.

Душой моею лишь владею
И денег в рост не отдаю,
К тому ж чин маленький имею,
Не слишком сладко и пою.
Так, так, и мыслить мне не должно
Отрады в муках получить:
Увы! Целест уже неможно
Одной любовию пленить.

---

[1] Он в целую жизнь не мог выучиться считать выше пяти — и был женат.

[2] Редкий красавец. За сие одно достоинство император Адриан поставил ему по смерти храмы, назначил к ним жрецов, определил оракул и выбил в честь его медали.

Что ж делать? Клясть любовный пламень,
Лить тайно слезы и вздыхать,
Пока адептов чудный камень
Мне не удастся отыскать
Или пока игра случа́я
Меня повыше не взведет.
Приди ж, минута золотая!
Гряди ко мне во цвете лет.

Приди, о время преблаженно!
Приди и право дай скорей
Повергнуть сердце уязвленно
К ногам владычицы моей;
Дай право мне просить награды
За страстный жар у алтаря, —
За чувство сладкой сей отрады
Я б не взял скиптра от царя.

А ты, Пленира иль Милена!
Не знаю, как тебя назвать,
Котора мне определенна,
Котору стал я обожать!
Внемли из стороны безвестной,
Клянусь земли и неба в слух,
Что буду вечно я нелестный
Тебе любовник, раб и друг.

Когда ж по самую кончину
С тобой мне должно розно жить,
То я прошу, молю судьбину
Мои дни горьки сократить:
Уединеньем веселиться,
Не видя близ себя друзей,
Лишь может Тимон, что гордится
Названием врага людей.

⟨1802⟩

210. СТИХИ ВЕЛИКОМУ ПЕВЦУ ВЕЛИКИХ

Главами с облаками близки,
Сыны тщеславья, обелиски,
Гранитных тяжких глыб состав,
Рук миллионом вознесенны,
Кремнистой базой подкрепленны,
Стояли долго, презирав
Мощь грозну времени сурова;
Но длань Сатурнова громова
Низвергла их во прах — лежат.
Их пышный вид теперь — обломки,
Едва-едва уже потомки
Следы их могут различать.

*

Скудельны оны монументы!
Но есть, которых элементы
Никак не сильны истребить.
Владетельницы Геликона
Волшебной властью лирна тона
Чрез вечность могут продолжить
Всецелость памятника чести,
Что тверже истуканов лести.
Бард невский! ты им верный друг;
Они посеют лавр, оливу
Тебе в награду справедливу
И в память истинных заслуг.

*

Посеют, возрастят, и вечно
К тебе почтение сердечно
Не токмо в россах не умрет,
Но и чужие поздны роды
Твои величественны оды,
Которых звук к ним в слух дойдет,
Читая, ими восхищаясь
И доблестями раскаляясь,
Тебя поставят в малый круг
Великих тех певцов любезных,
Что человечеству в полезных
Твореньях возвышали дух.

*

Чрез гармонические тоны
Омиры, Флакки и Мароны, —
Хоть на ато́мы уж давно
Рассыпалась их часть телесна, —
В венцах сияния небесна
Живут доднесь — и ты равно́
Жить будешь в блесках и по смерти:
Сатурн рукой возможет стерти
Цепь Кордильерских твердых гор
С лица земли и ввергнуть в бездну,
Но косу и его железну
Растопит пламенный твой хор.

*

Средь всех четырех стран вселенной
В чертогах, в хижине смиренной,
По холмам, рощам и лугам
От лиры твоея отзывы,
Кудрявы, звонкие, игривы,
Греметь ввек будут по ночам
Со трелью сладкой филомелы,
Средь красных зарь, в день ясный целый,
И сила, пышность, красота
В них слиты с милой простотою,
Фаросом совершенств, звездою
Потомству будут навсегда.

*

Твой хладный истукан безгласный
Прольет огонь священный, страстный
В того, кто на него воззрит,
И с умиленною слезою
Любимая всегда тобою
Богиня правды начертит
На пьедестале позлащенном:
«Он в пеньи пылком, возвыше́нном
Дела бессмертные хвалил,
Ко утешению невинных,
К отраде вдов, сирот бессильных
И к пользе всенародной жил».

⟨1802⟩

211. ПЕСНЯ

Разлука неизбежна:
Так хочет рок-тиран.
На части сердце рвется,
С душою расстаюсь.

О милая моя!
Зачем не умер я
Во сладком чувств восторге,
Прильнув к губам твоим?

Ах! лучше б в ту минуту,
Как первый поцелуй
Дала ты мне на верность,
Я в пепел сжегся им!

Не можно слов сыскать,
Чтоб муки описать,
Которые, Пленира,
Терплю уже теперь.

Что ж стану, как повсюду,
Где прежде вместе мы
Благодарили небо,
Я не найду тебя?

Когда не голос твой,
Но только гул пустой
Тоскливых призываний
Моих услышу я?

Что стану той порою?
Чья будет часть лютей?
Найдется ль в целом мире
Несчастней кто-нибудь?

Тогда со мной сравнен,
Стократ, стократ блажен
В морском водовороте
Кружащийся пловец.

Пленира! то измерить
Удобно льзя тебе;
Язык мой непонятен
Быть может лишь другим.

О, если бы хоть твой
Не исчезал покой, —
Еще, еще б я больше
Безмолвно стал терпеть.

Теперь мне в душу светит
Отрадна мысль одна,
Что без тебя я вскоре
В могилу погребусь.

А если буду жить,
То должно заключить,
Что никогда от горя
Никто не умирал.

⟨1802⟩

212. К БАРДАМ ПОТОМСТВА

Наперсники правдивой славы,
Распределители венков,
О барды российя державы,
Которые чрез сто веков
По веке сем должны родиться,
Вперите слух, внушите речь, —
Что может к вам она дотечь,
Дерзаюünованьем льститься, —
Бессмертия могущий дух,
Хранитель истины и друг!

Внушите! коль из нощи гробной —
Не токмо в краткий жизни миг —
Свет, солнечным лучам подобный,
Вы лить хотите на других;
Коль восхищает вас мечтанье
Звездами человеков слыть, —
Вам льзя его осуществить;

Блюдитеся лишь нареканье
Отвлечь от грома ваших лир —
Чтоб в лести не винил вас мир.

Да будет ваших од предметом
Великость дел, заслуг прямых;
В восторге, чувствами нагретом,
Бряцая на струнах златых,
Тогда огнь ревности внедрите
Внутрь песням внемлющих сердец,
Чтоб равный приобресть венец;
Тогда, тогда вы сотворите
Бояр примерных и вождей,
Достойных вечности мужей.

Путь добродетели, вещайте,
Горист и тернами покрыт,
Но вскоре вы приметить дайте,
Что при конце его лежит
Грот наслаждения душевна,
Растут спокойствия плоды,
Кипит ручей живой воды,
При мраке внешнем ясность дневна,
И тамо ж, в высоту высот,
Отлогий лествичный восход.

Вотще, вотще нам жребий тленный
Сулят развратные умы.
По глыбе сей земли презренной
Лишь путешественники мы,
Лишь пришлецы страны небесной;
И рано, поздно ли — назад
Нам должно предпринять возврат
В час совершенно неизвестный,
Когда ударит звук трубы
Самодержавныя судьбы.

Меж тем дорогу как свершаем,
Мысль нашу кажду, слово, шаг,
Хотя не верим и не чаем,
На твердых, адамантных дсках
Незримый пристав режет ясно

И копит в мщения сосуд
Кровавы слезы, кои льют
От злости нашея напрасно,
Убиты камнями клевет,
Подавлены холмами бед.

О, сколь ужасна та минута,
Когда дневник нам наш прочтут!
Сколь будет сердцу мука люта,
Как урну слез нам поднесут!
Одно подобное мгновенье
Включает целый ад в себе.
Но что же, ежели судьбе
Угодно будет в отомщенье
Неправых и порочных дел
Продлить на вечность сей удел?

Такие истины вещайте,
Орфеи будущих времян!
Высокий дар, не забывайте,
Для счастья общего вам дан.
«Нашел!» — во сладком исступленьи
Воскликнул древле Архимед,
Нелживо правило нашед
Решить царево подозренье,
Художника изобличить:
В златой короне медь открыть.

Но чувство во груди поэта,
Рождаемое мыслью в нем,
Что он полезен был для света,
Тьмократ дороже перед тем.
Тот естества лишь тайну кажет,
Сей зерна благ садит в душах
И в возникающих ростках
За смертное богатство вяжет
В их бальзамической тени
Покоя многие страны.

⟨1803⟩

213. ПЕСНЯ РУССКОГО СОЛДАТА В СОЮЗНОЙ АРМИИ, СОБИРАЮЩЕЙСЯ НА РЕЙНЕ В ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ПРОТИВ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

Эльбский сорванец тревогу,
Братцы, снова начал бить.
Но уже в Париж дорогу
Нам не надо находить:
Лишь пошире двинем ногу —
То и в наших он руках.

Нынешни его затеи
Будут каверз всех концом.
Он и прочие злодеи,
С ним поднявшие содом,
На свои спесивы шеи
Топоры теперь куют.

В этой речи нет обмана,
Верьте, что сам бог за нас.
Мы взведем на казнь тирана,
Близок сей великий час!
Близок! — и вселенной рана
Станет скоро заживать.

Порадеемте же, братцы,
Выполнить приказ царей.
Подвиг наш запишут в святцы
На хвалу богатырей.
И в потомстве наше дело
Прогремит сто тысяч лет!

1815

Н. А. РАДИЩЕВ

Николай Александрович Радищев — второй по старшинству из сыновей А. Н. Радищева — родился в 1777 году. Во время ссылки отца Николай воспитывался у дяди, Моисея Николаевича Радищева, занимавшего должность директора архангельской таможни. Начал он службу в 1797 году подпоручиком Малороссийского гренадерского полка, но в том же году уволился из него. Затем находился на гражданской службе в Комиссии коронации (1801), в Комиссии составления законов (1802), в департаменте народного просвещения (1803—1806), где оказался сослуживцем К. Н. Батюшкова. В феврале 1803 года был принят в Вольное общество, в июле 1803-го и в сентябре 1805 года исполнял в нем обязанности цензора. В феврале 1804 года был избран даже президентом Общества, но отказался от этого поста. Время ухода Н. А. Радищева из Вольного общества неизвестно. Последнее упоминание о нем в бумагах Общества содержится в январском протоколе 1807 года.

В 1806 году, когда нагрянула война с наполеоновской Францией, Н. А. Радищев по собственному желанию был зачислен от Калужской губернии в «милицию», как назывались в то время воинские части, созданные по территориальному принципу. Позже он жил в Москве, где был знаком с видными писателями — А. Ф. Мерзляковым, А. Ф. Воейковым, Жуковским. Затем переехал в Саратовскую губернию, где был предводителем дворянства в Кузнецком уезде. Умер в 1829 году.

Самое известное произведение Николая Радищева — «Богатырские повести в стихах» (1801), состоящие из двух частей: «Альоша Попович» и «Чурила Пленкович». По содержанию поэмы очень близки к двум повестям из «Русских сказок» В. А. Левшина: к «Повести о Алиоше Поповиче, богатыре, служившем князю Владимиру» («Русские сказки», ч. 1, М., 1780) и к «Повести о сильном богатыре Чуриле Пленковиче» (там же). Вместе с тем эти поэмы испытали

несомненное влияние таких произведений А. Н. Радищева-отца, как «Бова» и «Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам».

Николаем Радищевым издана также «драматическая повесть в стихах» под названием «Друзья» (1802) и «Жизнь князя Якова Петровича Шаховского» (1810) — биография видного государственного деятеля XVIII века. Он переводил произведения Шатобриана, Лафонтена и даже отрывок из байроновского «Гяура». Н. А. Радищеву принадлежит записка «О жизни и сочинениях А. Н. Радищева», послужившая ценнейшим материалом при составлении биографии его знаменитого отца.

214. ВРЕМЯ

Ода господина Томаса

Рука Урании пространство измеряет,
О время! дух тебя единый постигает,
Невидимый поток веков, и лет, и дней,
Доколе я тобой во гроб не увлекуся,
 Узреть тебя остановлюся,
К могиле преклонясь, согбен рукой твоей.

Но кто ж откроет мне часов твоих начало,
То ýзрит, существо когда ты восприяло,
Коснулся вечности начальный корень твой;
Во мраке был он скрыт, в ничтожестве таился,
 В глубокой пропасти хранился,
Бездействен был и слаб, еще вкушал покой.

Предвечной тьмы врата внезапу отворились,
Светилы огненны мгновенно воспалились;
Родилось ты! Закон тебе всевышний дал,
Он рек движению: мерь времени теченье,
 Природы время измеренье,
Себе же мерою он вечность восприял.

Пучина лет, веков, о боже! протекая
Поверх миров, светил, тебя не достигая,

Не узрит, где престол стоит пресветлый твой;
Мильоны многих дней друг друга заступали,
Века друг друга пожирали,
Но всё ничтожество, о вечный! пред тобой.

На прахе, что пред мной громадой возвышался,
Напрасно б времени избегнуть я старался:
Его полет меня, как буйный ветр, умчит.
Я точку малую в пространстве занимаю,
Робея в страхе, созерцаю,
Когда со мной она, скрываясь, улетит.

Повсюду, вижу я, всё меркнет, исчезает,
Мой страхом полный взор лишь тучи обнимает:
Тут серый камень мхом белеющим покрыт,
Там стены твердые во прах преобращались,
Там пышны грады возгорались, —
Следами времени усеян мир стоит.

Стихии, небеса и всё ему подвластно,
Оно средь тишины мир гложет повсечасно,
Основу тверди сей низвергнуть тщится в прах;
Но пылка мысль моя на крылиях стремится
Поверх ужасных мест носиться,
Обломки мира где вселяют в душу страх.

О веки бывшие, и вы, что впредь родитесь,
Призвать дерзаю вас! Не медлите, явитесь,
Хочу в едино вас в сей день совокупить.
Все точки времени бессчетны пробегаю,
Бестрепетно на них взираю,
Связую, что прошло, и то, что до́лжно быть.

Светильник ясный дня, во огненном пареньи
Весь пламень истощив, прервет свое теченье,
Миры от древности пружины все претрут;
Как гром скалу от гор ударом отрывает,
В глубоку бездну низвергает,
От тверди звезды так отторгшися падут.

Тут царство вечности начало восприимет;
И в океане сем, где мир и твердь погибнет,
Как тихая струя исчезнет время там.
Душа бессмертная, столетий свобожденна,
  Не будет тленом пораженна,
Могилу всех миров попрет к своим стопам.

Ты море во брегах, бог сильный, заключаешь
И времени конец, всевышний, назначаешь;
Но где ж мгновение ужасной нощи сей?
Рождение ее един лишь вечный знает,
  Но мир ее не постигает,
И узрит он ее в погибели своей.

Как медь дрожащая звенит и возвещает,
Что косу смерть свою возносит, изостряет,
Страшитесь, смертные, вы, сей услыша глас!
Душа моя тогда все чувства возбудила,
  Прилежно ухо приклонила,
Ей смерти внемлется ужасный, грозный час.

Какое чувствие в вас, смертные, мятется?
Вам миг единый жить и мыслить остается,
И, убегая, он вам в тягость злую стал!
О слабый человек! едва себя узнаешь,
  Ты жизнь свою не сохраняешь,
Уже ты смерть зовешь и гроб свой ископал.

Один, проживши век, скончался при рожденьи,
  Другой стяжает злом, неправдою именье.
В забавах тягостных иной всю жизнь ведет;
Богатый золотом всё время убивает,
  И в заблуждении мечтает,
Что и без жизни он средь радостей живет.

Оставьте, смертные, толь странно заблужденье,
Душа нас всех живит, она есть разуменье,
Она должна для вас и время измерять:
Займитесь мудростью, наукою святою,
  Как жить самим с собою,
И смело будете вы дни свои считать.

Ах, если б я когда богатствами прельстился
И, в подлость уклонясь, свободы тем лишился,
Подвластен чувствам став, рассудок мог забыть, —
Я рек бы времени: скорее устремляйся,
  Со мной ко гробу приближайся,
Мне лучше умереть, чем подло, гнусно жить.

Но добродетели когда черты священны
Прейдут из уст моих в сердца других смягченны,
Коль другу я могу отраду в грусти дать,
Коль есть несчастные, в забвеньи что страдают,
  Под игом злобы погибают,
Коль слезны токи их могу я отирать, —

О время! ты тогда останови теченье,
Да матери моей то будет в утешенье,
Что нежный сын ее толь добродетель чтит;
И слава с мудростью меня да осеняют,
  Главу мою да увенчают,
Я буду их щитом и в дряхлости покрыт!

(1804)

215. ГИМН САФЫ

О дщерь властителя вселенной,
Богиня кроткая любви!
Оставь чертог свой возвышенный,
Мое мучение прерви.
Ужель ты Сафу забываешь,
Ее не слышишь лиры строй?
Иль бедную пренебрегаешь,
Иль я оставлена тобой?

Я вспоминаю с восхищеньем
Тот день, счастливый для меня,
Когда, смягчаяся мученьем,
Что воссылала пред тебя,

Места ты горни оставляла
И, взор ко мне простерши свой,
Небес пространство протекала,
Явилась в блеске предо мной.

Полетом воздух рассекая,
Две горлицы тебя влекли;
Вослед богини поспешая,
Утехи, радости текли.
«Постой, о Сафо! — ты сказала. —
Вещай, что сделалось с тобой?
Меня на что ты призывала
И кто нарушил твой покой?

Или любовник изменяет
Твоим божественным красам,
Или жестокой не внимает
Прелестным Сафиным словам?
Скажи лишь слово — пред тобою
Падет, любовью поражен,
И счастливой почтет судьбою
Быть вечно Сафою пленен».

Тогда спокойна, горделива,
Любви не зная, я жила;
Прошла моя судьба счастлива,
И жизнь блаженна протекла.
Вкусив минутно наслажденье,
Фаон меня дерзнул презреть.
Богиня! дай мне в отомщенье
Его обнять — и умереть.

⟨1805⟩

216. НА СМЕРТЬ ПНИНА

Кого там с песнию унылой
Земле навеки предают?
Над чьею мрачною могилой
Венки стенящи музы вьют?

Что вижу! Пнин, мой друг любезный!
Во цвете лет ты смерть вкусил.
Пролейся ток горчайший, слезный:
Во гробе тот, кто сердцу мил.

Вчера еще ты, Пнин, с друзьями
Спокойно, кротко рассуждал,
Вчера своими ты словами
Их грусть жестоку услаждал.
Ударил час, и смерть, косою
Взмахнув, пресекла жизни нить:
Ты пал, и хладною рукою
Еще претил нам слезы лить.

Стремися в вечность довременну,
Там радость чистую вкушай
И горесть, с миром сотворенну,
В селеньях горних забывай.
Ты с жизнию вкусил печали,
Но твердо их умел сносить;
Тебя любили, почитали,
Несчастных ты умел любить.

Невинность смело защищая,
Ты предрассудки попирал;
Но сам, под игом их страдая,
Неробкой голос возвышал
К отраде тех существ невинных,
Не знающих родства, друзей,
Отцами, ближними гонимых
В несчастной участи своей.

На что ж труды твои служили?
Ты сам стал жертвой смерти злой.
Нет, нет, они соорудили
Тебе тот памятник святой,
Который время не свергает,
Что крепче мрамора стоит;
Пнина всяк добрым называет
И всякий — прах его почтит.

Покойся в мире, прах любезный,
Покойся, добрый человек.
Друзья! поток пролейте слезный,
Что столь его был краток век.
И я окончу песнь унылу,
Не возмущу я твой покой,
Слезами окропя могилу,
Повергну лиру пред тобой.

23 сентября 1805

А. А. ПИСАРЕВ

Александр Александрович Писарев родился в 1780 году в Петербурге в семье состоятельного и европейски образованного дворянина. Получив основательное домашнее воспитание, он затем обучался в Сухопутном кадетском корпусе, который закончил в 1796 году. Будучи офицером Семеновского полка, Писарев дослужился до генеральского чина. Он участвовал во всех походах и войнах против Наполеона. С 1825 по 1830 год он был попечителем Московского университета и председателем Общества истории и древностей российских, Общества любителей российской словесности, Общества испытателей природы, почетным членом Академии наук и Академии художеств. В 1830-е годы Писарев был сенатором и военным губернатором в Варшаве, затем подал в отставку и жил в Москве. Умер он 24 июня 1848 года.

Писарев был чрезвычайно плодовитым писателем. Начало его литературной деятельности относится к 1802 году. Захваченный либеральными настроениями того времени, он написал несколько сатир и басен, но в скором времени полностью переключился на военно-патриотические оды, гимны и «хоры», которые более соответствовали его общественным убеждениям и литературным вкусам. Печатался Писарев в «Новостях русской литературы», «Северном вестнике», «Журнале для пользы и удовольствия», «Лицее», «Северном Меркурии» и в некоторых других периодических изданиях.

Писаревым написаны следующие три книги по вопросам искусства: «Предметы для художников, избранные из российской истории, славянского баснословия и из всех русских сочинений в стихах и прозе» (1807), «Начертание художеств, или Правила в живописи, скульптуре, гравировании и архитектуре» (1808) и «Общие правила

театра, выбранные из полного собрания сочинений г. Вольтера и расположенные по порядку драматических правил» (1809).

В 1817 году он напечатал «Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году», а в 1825 году — сборник «Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и прозе военных литераторов». В оба издания вошли и стихотворения самого Писарева.

В Вольное общество Писарев был принят 22 октября 1804 года и оставался в его рядах до самого закрытия. Однако его верноподданнические взгляды и архаические вкусы расходились с либеральными настроениями и литературной программой других членов Общества.

217. НЫНЕШНИЕ МУДРЕЦЫ

Вон с бала ты, Сократ, Сенека,
Вон, вон, Платон и Эпиктет...
Не вашего мы, братцы, века...
Упрячьтесь — в мой хоть кабинет.

Бывало, мудрецы не смели
У вас на бал ступить ногой
И в школах по углам сидели,
Покачивая головой.

Иной весь век свой не смеялся,
Другой с усмешкой боль терпел;
Иной как язвы дам боялся,
Другой век в бочке лишь сидел.

Лаис, Аспазий убегали,
Кто только чуть был помудрей.
А мы б экспромты им писали
И без семи во лбу пядей.

То наши мудрецы уж хваты!..
В театре, развалясь, сидят,
На бале, будто бы крылаты,
Раз триста вальсом пролетят.

С ужимкой, с шарканьем подходят
То к той прекрасной, то к другой,
Со всеми молвить тут находят,
Не роясь в древности седой.

И почему ж не так, скажите,
Нам век минутный свой прожить?
Того ль вы, древние, хотите,
Чтоб, в мире живши, нам не жить!

Иль тот всю мудрость постигает,
Умно кто дремлет и молчит?
Иль с неба звезды тот хватает,
Кто кажет пасмурнее вид?

У нас пусть пляшет систематик,
Пусть пляшет астроном с трубой,
Пиит, историк, математик
Пусть шаркают умно ногой.

Лишь только бы из кабинета
Не развращали всех умы.
А там, хоть их бы всех Лизета
С ума свела, — прощаем мы.

Певец бессмертной *«Россияды»*
Писал ли в клобе, над рекой,
Внушали ль Маши, Нереяды,
Равно мы чтим его душой.

Дворец ли, хижина убога
Скрывает славного певца,
Воспевшего *Фелицу, бога...*
Равно достоин он венца.

У милых ли за туалетом
«Наталью», «Лизу» пишут нам,
Или под липовым наметом,
Равно конца нет похвалам.

Но кто взялся хулить «Дидону»,
«Росслава», «Тита», «Хвастуна» —
Враг самому тот Аполлону,
Того нам слава не нужна.

Подобные листки к местечку
Откладываем мы сберечь,
Чтоб трубку в случае иль свечку
Могли бы ими мы зажечь.

Пиши пасквили хоть в чулане
Иль в кабинете муз самих,
Будь в шитом, в смуром ли кафтане,
Равно презрителен твой стих.

В концерте, в клобе ли ругаешь,
Ругаешь дома ль у себя —
Равно невинность обижаешь...
Она не трогает тебя.

Не будь глупцом у женщин скрытных,
Но знай подчас им угождать,
Среди обедов поздних, сытных
Умей ты есть и замечать.

Ужель, чтобы не развратиться,
Нам брать в товарищи зверей?
Учись, с людьми как обходиться,
И знай: ты в мире для людей.

В лесах, в пещерах неприступных
Потухнет пламя всех страстей.
В столицах шумных, многолюдных
Знай быть полезным для людей.

Покинем древнюю методу
На всё смотреть чтоб сентябрем.
И только, только в непогоду
Мы в кабинет себя запрем.

Когда ж писать, коль век резвиться?..
С талантом долго ли писать?
А без таланта не годится
Бумагу белую марать.

Ахти! уж время наступает
Принарядиться мне на бал...
Эх! Гришка долго убирает!..
Куплетов триста б написал.

⟨1804⟩

218. ПЛАЧ СЛАВЯНКИ НАД ТЕЛОМ ЕЕ ЛЮБЕЗНОГО

Лейтесь, лейтесь вы ручьями,
Слезы из очей моих,
И страданиями полну
Орошайте бедну грудь.
Я навек того лишилась,
Дорог, дорог кто мне был!..

Друг любезный, друг сердечный,
Милый нравом и душой,
Ратоборец храбрый, смелый,
Витязей и слава, честь...
Что ты? — ах! лишь прах единый,
И жилище гроб тебе.

Всё мне мрачно, всё постыло,
Вся вселенная пуста.
Ах! бывало, солнце красно
И серебряну луну,
И себя, и всю вселенну
Находила в нем одном!..

Всё свершилося с несчастной!..
Свижусь ли я с ним когда?

Отзовется ль его голос
В пламенной моей груди?
Страстные мои лобзанья,
Ах, согреют ли его?..

Удалюсь в пещеры мрачны,
Удалюся за моря;
Но куда бежать несчастной,
Удалюсь ли от себя!
Ах! доколе бьется сердце,
Горести дотоль со мной!

Но чей глас с горы несется?
Что за пенье слышу я?..
Вижу ратников сквозь слезы,
Медленно они идут...
Загоревши их ланиты
Моет крупная слеза.

Витязи! кого несете
Вы под мантией своей?..
Ваши слезы, ах, ответом
Служат сердцу моему,
Витязи, увы, несете
Друга сердца моего!

Други! дайте мне проститься
С ним уже в последний раз...
И потом сырой землею
Вы засыпьте гроб его!..
Ах! почто в одном с ним гробе
Не позволите мне лечь!..

Утереть должна я слезы...
Смерть его — ему венец;
За Отечество сражаясь,
Ранами покрыт, упал.
Радоваться бы мне должно,
Что мой друг так кончил век.

Ты, Отечество драгое,
Окропи сей гроб слезой!..
Ты признательно к достойным,
Помнишь важность всех заслуг.
За тебя кто жизнь потратит,
Тот ликует в небесах.

⟨*1804*⟩

219. МИЛОСТЫНЯ ИГРОКА

«По чести, сострадать несчастным я умею,
Готов их искупить покой!
Постой...
Лишь чуть разбогатею
Своею я игрой,
То докажу, что лгать язык не знает мой» —
Так в проигрышный час Понтер наш рассуждает.
Не более прошло дни три, а много пять,
Как двойка милая его обогащает...
И принуждает
Какого-то глупца пять тысяч отсчитать.
Летит, летит Понтер зефира тут скорее
Ко Грации своей с улыбкой на устах
И застает — всего что мудренее...
У Маши — в спальне? Нет, в сенях, —
Он бедного на костылях,
Который подаянья просит.
«Вон, вон, старик!» — Понтер и палку уж заносит.
Но бедный смел тут прошептать:
«Чем милостыню б мне подать
За всё мое служенье,
Побить хотите в награжденье?»
— «Ба, ба, старик, тебя узнал я тот же час...
Служил ты у меня?» — «Я дядькой был у вас,
Господь помог вскормить такого мне детину...»
— «Гей! Гришка, дай ему полтину», —
Понтер погромче закричал
И с тысячьми к красотке побежал.

⟨*1804*⟩

220. ХРАМ ИЗЯЩНОГО, ИЛИ СЛАВНАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ ГРАФА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА СТРОГАНОВА В САНКТПЕТЕРБУРГЕ

В любимой Фебовой столице,
Среди жилищ веселий, неги,
Усматриваешь дивный храм:
Убежище наук, художеств,
Училище приветствий, ласки,
Гостеприимности пример...
В нем по стенам средь пурпур, злата
Чудесной живописи гений
Развесил славные труды:
Пуссеня, Рубенса, Вернета,
Карраша, Ва́н-Дика, Лере́сса [1]
И прочих творческих умов,
Которые своею кистью
Похитили красы природы.

А здесь — ваяние резцом
Одушевило самый камень.
И дышат статуи и бюсты,
И бронза ярко здесь горит
В изображеньях чудовидных,
Иль, обвиваяся кольца́ми
То около курильниц, ваз,
Фарфоровых или агатных,
Сугубит разноцветны блески...
В конце сей залы по размеру
Во светлых, зёркальных тут нишах
Стоят стекольчатые шка́фы
С произведеньями умов:
Писателей древнейших, новых
О всем изящном и полезном;
А возле — свертки чертежей
Славнейших зодчих, геогра́фов
И астрономов, мореходцев.
Там над химическим жерлом
Нависли аспидные свесы,

[1] Славные живописцы, которых произведения находятся в галерее графа А. С. Строганова.

Их держат бронзовые мумьи
На твердых головах своих.
Поодаль — нужные орудья
К исследованию природы,
Ее — и тайн ее чудес.

В сей храм нередко сами боги
С Олимпа ликовать нисходят,
И хороводы граций, нимф
По глянцевитому паркету
Узорчато кружатся вдоволь.
Подчас же музыка гремит,
И Фебу, музам в угожденье
Тут слышны громки гимны, хоры,
Бряцанье лир и рокот арф. . .
Таков сей храм и так украшен
Он мужем кротким, благонравным;
Во славу вечную ему
Убежище наук, художеств
Соделалося храмом славы! . .

⟨1805⟩

221. IMPROMPTU[1] НА СМЕРТЬ И. П. ПНИНА

(написанное в самое то время, когда секретарь Общества люб⟨ителей⟩ н⟨аук⟩, с⟨ловесности⟩ и х⟨удожеств⟩ читал донесение о смерти сего достойного президента)

Он был, и нет его! . . — прискорбие сердечно! . .
В сих кратких двух словах вся краткость наших дней;
Но тот, кто съединял ум с кроткою душей,
В чувствительных сердцах живет, живет тот вечно.

23 сентября 1805

---

[1] Экспромт (франц.). — *Ред.*

Ф. И. ЛЕНКЕВИЧ

Год и место рождения Федора Ивановича Ленкевича неизвестны. Учился он в Московском университете, видимо на юридическом факультете. После его окончания служил в Петербурге в Комиссии составления законов, в должности помощника редактора. Сослуживцами Ленкевича были А. Х. Востоков и В. В. Попугаев.

Литературная деятельность Ленкевича началась в 1801 году, когда он еще находился в Московском университете: в 10-й части журнала «Иппокрена» были напечатаны две его оды, посвященные Александру I, приехавшему в Москву для венчания на престол. Основные мотивы обеих од чрезвычайно характерны для того времени: осуждение деспотизма и наивные надежды на нового монарха.

8 апреля 1805 года, видимо не без влияния Попугаева и Востокова, Ленкевич обратился в Вольное общество с письмом, в котором просил принять его в члены Общества. К письму были приложены следующие произведения Ленкевича: 1) «О договоре общественном, или О происхождении гражданского общества. Мысли, почерпнутые из Шлецеровой политики»; 2) «Стихи на новый 1805 год»; 3) «Начало четвертой песни «Энеиды». Перевод с латинского».

Членом Вольного общества Ленкевич сделался несколько позже: 15 июля 1805 года. С этого времени и до последнего года своей жизни Ленкевич чрезвычайно активно участвовал в жизни Общества. Он регулярно посещал его собрания, читал на них свои произведения, как прозаические, так и стихотворные, в том числе «Гимн благотворительности», «Феодицею», «Гимн богу» и ряд других, выступал с речами на заседаниях (7 октября 1805 года произнес речь в связи со смертью И. П. Пнина). Свои произведения он печатал в «Любителе словесности» (1806) и «Цветнике» (1809).

Умер Ленкевич, будучи еще совсем молодым, в конце 1810 года.

222. К ДРУГУ МОЕМУ НА НОВЫЙ ГОД

В машине, движимой превечным,
В кругу вращающихся сфер,
Своим движеньем бесконечным
Дающих времени размер, —
Урания рукой истекший
Показывает ныне год.

Колеса тяжки заскрипели,
Свершив вкруг оси оборот,
Златые цепи зазвенели:
Пробил, пробил мгновенно год...
Пробил — и в вечности безмерной
Отдался томный звон часов.

Пробил — и вдруг порядком прежним
Часов начался новый год.
С течением их скоробежным
Всё в мире движется, живет,
И смертный, в сонм творений *брошен,*
Влечется в вечность вихрем сим...

Природа тихо помавает:
Лахеза вдруг проводит нить, —
Сей атом чувства получает,
И искра жизни в нем горит.
Пылинка праха оживилась,
И — бысть в сем мире человек...

А тот — уже у ног природы,
Лелеющей его, ползет,
Она его подъемлет, водит,
Дитя с улыбкою идет...
Ты счастлив будешь ввек, младенец,
Коль будешь с матерью ходить!

Того весна уж расцветает,
И в здравом теле кровь кипит.
Он страстию любовной тает,
За всем гоняется, бежит,

Цветы прекрасны собирает
И часто ловит мотыльков...

А в том ум зрелый, полновесный
Есть царь бунтующих страстей,
На поприще сей жизни тесной
Средины он достиг своей:
«Моих пробило уж двенадцать!» —
Супруге нежной говорит...

Тому уже дней на закате
Последний жизни луч горит
И часто долга о расплате
Природа в слабостях твердит.
Уже ему смерть крышку гроба
Подъемлет хладною рукой...

К сей цели, друг мой! все стремимся,
Всех жребий в урне скрыт одной...
Он выйдет... и — мы очутимся
На ладии вдруг роковой...
Блажен, кто жизнью насладится
В умеренности золотой!..

Нам краткость жизни запрещает
План мыслей долго простирать;
Крылами время помавает
Минуты наши сберегать.
Вот, друг мой, вот урок приличный
Тебе и мне на Новый год!

⟨*1802*⟩

223. К БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Благотворительность священна!
Душа миров, творений мать!
Тобою движется вселенна:
Твоя всесильна благодать
В дождях, в росах с небес нисходит
И светит в солнечных лучах,

Когда б в одних громах с эфира
Творец являл нам власть свою!
Мы б видели владыку мира
Иль грозного в нем судию,
Но бога, но отца творений
Еще, еще не зрели б в нем...

Стада ли наши тучны, сильны,
Златятся ль класами поля,
Иль наши житницы обильны?
Благотворительность! тебя
Благословим за дар природы:
Дары ее — дары твои.

Там странник мира утомленный
Зрит над собою горы туч
И внемлет бури разъяренны...
Но твой блеснет лишь кроткий луч —
И радуга отрад сияет
На темных облаках скорбей...

Что власти без тебя? — Лишь бремя,
Под коим стонет правота.
Что острый ум? — Разврата семя;
И мудрость мудрых? — Слепота;
И сила сильных? — Бич для слабых;
И вера верного? — Мертва.

При дремлющей уже лампаде,
Во мраке, тишине ночной,
О благе царств, о их ограде
Цари беседуют с тобой:
Они не спят — чтоб спал спокойно
В стране их и последний раб.

Луна спешит на своды темны,
Чтоб воскресить умерший день;
Ты — к узникам в затвор подземный,
Чтоб оживить их мрачну тень...
И солнце рос еще не снимет,
Уже отрешь ты много слез...

Тебе хвала, благодаренье
И в сердце и в устах моих!
Мне жизнь моя есть наслажденье
Бесчисленных даров твоих;
Мне в смерти на тебя надежда,
И смерть моя — уже не зло...

‹1805›

224. ФЕОДИЦЕЯ

Трикраты молния багрова,
Виясь, блеснула в облаках,
Трикраты гром, катясь за нею,
В отзывах дальних рокотал.
Отверзлися воздушны хляби,
И град и дождь шумел с небес.
Но гром умолк, престала буря,
И — бысть повсюду тишина:
Перст божий радугу живую
На влажных пишет облаках...

О ты, что в гордости надменной
Или в унынии души
На промысл ропщешь дерзновенно
Иль втайне стонешь о судьбе, —
Воззри на знамение мира
Меж небесами и землей!..
Доколе будет мысль смущенна
В сомнениях, в мечтах блуждать,
Доколе, сын земли и неба,
Не примиришься сам с собой?

Да воспарит душа бессмертна
Превыше молний и громов,
К жилищу света невечерня!
Что будет перед ней Земля
Меж новых Лун и новых Солнцев,
Меж мириадами миров?
Увы! лишь малая пылинка,
Чей слабый и дрожащий блеск

В сиянии Сатурна тонет
Иль гаснет в синеве небес...

И что ж, что суть герои света,
О коих племенам земным
Немолчно возвещала слава?..
Во дни неведений моих —
Когда лишь мудрствовал земная —
Я мнил: «Се страшны боги суть!
Се грозны чада громовержца!»
Но взор и ум простерт горе,
И се! мой бог, мой громовержец
Явился — смертный человек...

Но ах! почто труды, болезни,
Почто страдание и смерть
На малой, бедной сей песчинке,
Что называем мы землей?
Ах! могут ли плачевны стоны
По ней ползущих червячков,
Что мы зовем словесной тварью, —
Ах! могут ли сквозь треск громов,
Который твердь трясет эфирну,
К престолу бога восходить?..

Престаньте, Гераклиты, плакать
И мудрствовать против небес!
Ваш плач есть тщетный плач младенца,
И ваша мудрость — слепота.
Кто может в миг единым взглядом
Вселенну целу обозреть,
От атома до серафима,
Чтобы постигнуть мысль творца,
Пред коим тысяча эонов
Суть токмо — яко день един?..

Спросите, мудрецы, природу,
Почто, на землю пад, зерно
Не возродится в виде древа,
Когда в истленье не прейдет?
Кому открыта цепь чудесна
Великих действий и причин?

Кто б мог провидеть, что крупинка,[1]
Найденная у вод морских,
Покажет путь к уразуменью,
Как погашать небесный огнь?..

Единый лишь всевышний знает,
Почто со древа лист падет
Иль огненна из Этны лава
Рекой палящею течет;
Разрушится ль детей рукою
Висящее гнездо птенцов,
Иль в прах и пепел превратится
Данайской ратью Илион.
А нам, нам то дано лишь ведать,
Что всё, как есть, так должно быть.

Благий творит одно благое,
Но есть на свете человек —
И зло на свете существует;
Но есть на свете человек —
И существует добродетель...
Ключ ада и рая́... у нас.
Достоинство всех дел — свобода.
Се ме́рило добра и зла!
Ах, без нее и сам бы ангел
Не мог достойным быть небес...

Да мимо идет туча скорби,
О смертный, от твоей главы!
Надежды кроткой облак светлый
Да распрострется над тобой!
Помысли о судьбе великой,
Что ждет тебя на небесах,
Что на минуту лишь едину
Ты призван во юдоль сию,
Что жизнь — рассветше токмо утро
Бессмертия души твоей...

⟨1806⟩

---

[1] Электрическая сила в первый раз замечена в янтаре Фалесом почти за 600 лет до Р. Х.

225. ДВА ЗОРОАСТРОВА ГЕНИЯ

Ты истину изрек, о мудрый Зороастр!
Вселенна двух духов во власти:
Один дух злобы и коварств,
Влекущий за собой напасти.
Прещеньем дышит он, наводит бледный страх
И сеет мятежи и в весях и в градах.
Другой есть ангел-покровитель,
Народов и царей хранитель.
Где кроткий сей повеет дух,
Там облекаются в красу полей пустыни,
Смеется холм и злачный луг
И дышат радостью долины...
Как бездна, алчен тот, неумолим, как смерть;
Сей благ, как утра свет или весення твердь.
Тому гремят проклятья, мщенья,
Сему — хвалы, благословенья...
Но правда держит царствий вес —
И зло добра не побеждает...
Благого благость воссияет,
Как Феб на высоте небес;
А злобы дух в своем стремленьи,
Крутясь, крутясь, исчезнет вмиг...
Рекут народы в изумленьи:
«И всё губил... и сам погиб...»

⟨*1806*⟩

226. ГОРАЦИЕВА ОДА 34, КН. I

PARCUS DEORUM CULTOR... F. C. [1]

Безумных мудрецов [2] последуя стезям,
Я редко воздавал почтение богам,
Но ныне ве́трила обратно направляю,
Да более в путях моих не заблуждаю.

---

[1] Нерадивый богов поклонник... и т. д. (лат.). — *Ред.*
[2] Т. е. эпикурейцев, коих секте следовал Гораций, как и многие из его современников; а особливо любимцы счастия — и Августа.

Зане Зевес, грядый всегда по облакам,
Дробимым быстротой огней светло-багровых,
Днесь с колесницею коней своих громовых
Внезапно устремил по чистым небесам:
Земля и зыби рек, Атланта тверды ребра,
И Стикс, и адовы восколебались недра...

Бог силен превратить свет в тьму и тьму во свет;
Великих вержет вниз и малых возвышает...
Там с шумом счастие венцы с одних срывает,
Здесь на чело других с улыбкою кладет.

⟨1807⟩

227. РЕКА

Смотри — как лоно вод сребрится,
Качая солнца лик на радостных зыбях!
Там каждая волна златится
В рассыпанных огнях;
Но та ж волна, протек, уж боле не светлеет...
Не такову ль судьбу и человек имеет?
На месте славном он и славен и почтен,
Лишась же оного... незнаем и забвен.

⟨1807⟩

228. ГИМН БОГУ

Воспой, воспой, душа бессмертна,
И неба и земли творца!
Пусть мысль живая, быстролетна,
С конца вселенной до конца,
В священном, кротком изумленьи
Несется через всё творенье
Сквозь велелепие миров,
И, благость зря неизреченну,
Воздаст ей жертву сокрушенну —
Благодаренье и любовь.

Созданья лествица чудесна,
Творец! утверждена тобой;

Ее же верх есть твердь небесна,
Твоей простертая рукой.
И солнца огнь неугасимый,
И прах, по воздуху носимый,
И однолетний древа лист,
И кедр — ливанской сын вершины,
И трость — смиренна дщерь долины, —
Всё, еже бысть, тобою бысть.

Но чье из земнородных око
К тебе возможет досягнуть?
Когда бы некий ум высокий
Измерить мог вселенной путь
И множил бы его тем тьмами
Иль неисчетными звездами,
То и в сравнении таком
Степéнь была бы меньше зрима
От атома до серафима,
Чем меж твореньем и творцом.

Он там... Он здесь... Он всюду сущий;
Весь мир исполнь хвалы его;
Прошедши веки и грядущи —
Одно мгновенье для него...
Состав земли и мира тленен, —
Один он вечен, неизменен;
Незрим, — но всё и всюду зрит,
Незрим, — но каждое мгновенье
И небеса, и всё творенье,
И сердце нам о нем гласит...

Творец премудрый и всесильный,
Держащий цепь существ в руках!
Вселенная есть храм твой дивный;
Светила, зримы в небесах,
Суть огнь тебе вечно горящий,
А гимн, хвалу твою гремящий,
Есть всех согласие миров.
От человеков же хваленье —
Твоих законов исполненье,
К тебе и к ближнему любовь.

⟨*1807*⟩

229. ГОРАЦИЕВА ОДА 2, КН. III

Трудами ратными стяжавый отрок крепость
Сурову нищету да учится сносить,
Да, грозным копием кротя парфян свирепость,
На поле, на коне средь бурь обыкнет жить.

Воююща царя супруга сановита
И с нею дочь ее блестящей красоты
На витязя сего, чья грудь смертям открыта,
Укажут, воздохнув, стен твердых с высоты:

«Се ярый лев, — рекут, — приблизиться претящий!
И горе жениху, кому неведом бой,
Коль раздражит в нем дух, отмщением кипящий,
И изведет его в сражение с собой».

Умреть за родину и славно и приятно.
От смерти и беглец нигде не убежит:
Ни робкого хребта уклоньшихся обратно,
Ни трепетных колен она не пощадит.

Но доблесть твердая чужда уничтожений,
На поприще честей она не знает пасть.
И независимо от буйных черни мнений
Приемлет на себя или слагает власть.

Для доблести пути к бессмертию возможны:
Она отважно выспрь несется от земли,
Оставя под собой внизу толпы ничтожны,
Что пресмыкаются постыдно век в пыли.

И благочестное храненье доброй веры
Вознаграждается равно в свою чреду:
Я разгласителя священных тайн Цереры[1]
Во утлу ладию с собой не посажду.

---

[1] Здесь, по мнению некоторых толкователей, Гораций метит на известного в римской истории Клодия, который, имея любовную связь с Помпеею, женою Юлия Кесаря, для свидания с нею воспользовался торжеством Цереры, или так называемой *благой Богини.* Поелику же к торжеству сему мужчины допускаемы не были, то Клодий, переодевшись в женское платье, нашел удобность присутствовать во время совершения оного. Однако ж сие вскоре ⟨было⟩ открыто, и Цицерон — сей ревностный защитник древних отечественных уставов — возгремел витийством своим против дерзкого нарушителя святыни.

Не прииму его под кров един с собою:
С виновным часто Зевс невинного казнит.
Месть неба шествует медлительной стопою,
Но рано, поздно ли — преступника сразит.

⟨*1810*⟩

А. П. БЕНИТЦКИЙ

Александр Петрович Бенитцкий родился в 1780 году в семье обедневшего дворянина. Воспитывался он в пансионе профессора философии Московского университета И. М. Шадена, где когда-то обучался и Карамзин. Из пансиона Бенитцкий вынес хорошее знание иностранных языков, особенно немецкого. С июня 1799 до декабря 1803 года он находился на военной службе, из которой уволился «по слабости здоровья», после чего поступил переводчиком в Комиссию по составлению законов, где служили многие члены Вольного общества.

Бенитцкий был принят в Вольное общество в конце 1806 года сначала корреспондентом, а с середины 1807 года — «ординарным» членом. С этого времени Бенитцкий деятельно участвует в его жизни: выполняет обязанности секретаря, читает на заседаниях свои произведения, предлагает проект нового Устава Общества.

Бенитцкий дебютировал в печати стихотворением «Гробница друга», которое было опубликовано в «Журнале российской словесности» Н. П. Брусилова (1805, ч. 1). В этом же издании, а также в «Северном вестнике» И. И. Мартынова появляются и другие его произведения, преимущественно стихотворные. В 1807 году Бенитцкий выпустил альманах «Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе», где поместил около тридцати своих стихотворений и две «восточные» повести морально-дидактического характера — «Ибрагим, или Великодушный» и «Бедуин». В «Талии» печатали свои произведения Н. И. Гнедич, С. С. Бобров, П. Г. Политковский, И. И. Дмитриев, К. Н. Батюшков и некоторые члены Вольного общества — В. В. Попугаев, А. Х. Востоков. Вторая часть «Талии», уже отпечатанная, по неизвестным причинам не вышла.

В 1809 году вместе с другим членом Вольного общества — А. Е. Измайловым — Бенитцкий начинает издавать ежемесячный журнал «Цветник». Перу Бенитцкого в этом издании принадлежит ряд стихотворений, несколько рецензий, «сильных, умных, острых»,

по отзыву Н. И. Греча,[1] и ряд произведений в прозе — «На другой день» («Индейская сказка»), «Похвальное слово Пипиньке», «Грангул» и «Визирь». «Опыты его упражнений в словесности, — писал А. Е. Измайлов, — особенно повести, — можно назвать образцовыми».[2]

Бенитцкий привлек к участию в «Цветнике» многих членов Вольного общества: А. Х. Востокова, Н. Ф. Остолопова, Ф. И. Ленкевича, К. Н. Батюшкова, П. А. Никольского, Д. И. Языкова, а также П. А. Катенина, Н. И. Гнедича и других.

Благодаря энергии издателя, журнал имел большой читательский успех. Однако здоровье писателя было подорвано непосильной работой и, по словам Греча, «страданиями душевными». 30 ноября 1809 года Бенитцкий умер от скоротечной чахотки. «Преждевременная смерть его... — писал Греч, — лишила Россию прекрасных надежд в сем молодом писателе»[3].

«Жаль Бенитцкого, — Жильберт ⟨французский сатирик второй половины XVIII в. — *П. О.*⟩ в нем воскрес и умер. Большие дарования, редкий, светлый ум»,[4] — писал К. Н. Батюшков Н. И. Гнедичу 6 сентября 1809 года, узнав о том, что дни Бенитцкого сочтены.

Среди поэтов Вольного общества Бенитцкий занимает свое, особое место. Вопросы социальные, политические его мало интересовали. Ему ближе морально-философская проблематика. Для его лирики характерны две основные темы: бренность всего земного («Гробница друга», «Развалины», «Печаль») и прославление чувственных радостей, дающих забвение от грустных и печальных мыслей («К Амуру», «Песнь Вакху», «Сентябрь», «Возвращение Бахуса из Индии»). Вакхические произведения Бенитцкого перекликаются с «легкой поэзией» К. Н. Батюшкова. С Батюшковым Бенитцкого сближает также борьба за очищение поэтического языка от церковнославянизмов и громоздких архаических синтаксических конструкций, вследствие чего оба они оказались противниками шишковистов[5].

---

[1] Н. И. Греч, Опыт краткой истории русской литературы, СПб., 1822, с. 327.

[2] «Благонамеренный», 1820, № 3, с. 192 (прим. издателя к стихотворению «Изъяснение в любви портного»).

[3] Н. И. Греч, Опыт краткой истории русской литературы, с. 327.

[4] К. Н. Батюшков, Соч., т. 3, СПб., 1886, с. 43.

[5] Список произведений Бенитцкого приведен в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова (т. 3, СПб., 1892) и в статье И. А. Кубасова «А. П. Бенитцкий (1780—1809)». — «Журнал министерства народного просвещения», 1900, № 4, с. 280.

230. ГРОБНИЦА ДРУГА

Над кем мой взор встречает
Сей памятник в полях?
Чей остов истлевает
В песчаных сих степях?
Над кем стоит ветвистый
Дуб гордый, наклонен?
Над кем сей камень мшистый,
Тяжелый положен?

Нет надписи на оном,
Нет в ветках соловья,
Унылым чтобы тоном
Дал знать: могила чья?
Вокруг лишь раздается
Стон мертвый птиц нощных;
Полынь густая вьется
В расселинах гробных.

Конечно, путник бедный
Из дальния страны
В степи уединенной
Свои окончил дни,
И руки незнакомы
Его здесь погребли, —
Ах! где и наши домы?
Всяк при́шлец на земли!

Недавно я святою
Был дружбой съединен, —
Теперь един с собою
Один жить осужден.
Твою ль, мой друг, объемлю
Гробницу ныне я? ..
Увы! — лобзаю землю,
Скрывающу тебя.

Но или сквозь сыпучий
Песок холодный сей
Источник слез горючий
Не про́йдет до твоей
Гробницы сокровенной?

Внемли печальный зов:
«Сними пред мною темный
Ты вечности покров!

Сними!» — Не отвечает
Никто моим словам;
Лишь ветр вдали взвывает,
Бушуя по лесам.
Из облак чуть выходит
Луны померклый зрак;
Угрюмый страх наводит
Безмолвной нощи мрак.

Едва в лесу катится,
Едва ручей журчит;
Нарушить он боится
Безмолвье — и молчит.
Простерта всюду с тьмою
Уныла тишина;
Всё предано покою,
Весь мир в объятьях сна.

Ничтожества картину
Я зрю в моих глазах,
Всё приймет здесь кончину
И скроется в гробах.
Счастливый и несчастный
Отсель туда прейдут,
Где радости всечасны
В рядах веков текут.

Где ныне те народы,
Что жили на земли?
Где скорби их, заботы
Среди мгновенья мглы?
Почто же здесь терзаться?
Почто сует искать,
Игрой мечты пленяться,
Коль должно умирать?

Хоть в граде — иль пустыне,
Хоть в рубище — в парчах,

Подвергнется судьбине
Истленья бренный прах.
И нас, и нас со времем
Покроет сей песок;
Простимся с жизни бремем —
Постигнем все злой рок!

Но длань его железна
Не умертвит меня:
Со вечностию смежна
Душа и мысль моя!
Состав мой истребится,
Но вечен будет дух, —
Он к жизни возвратится
Там, где мой милый друг.

(1805)

231. К АМУРУ

Божество Амур прекрасно,
Царь небесный и земной,
Всё тебе везде подвластно,
Царствуй также надо мной.
Долго счастья я искала,
Прелестей твоих не знав,
Наконец его узнала,
Всё во власть тебе отдав.

Я готова, друг мой нежный,
Цепи ввек твои носить.
Ах, один ты в жизни слезной
Можешь счастье нам дарить.
Так прими же в жертвы новы
Моей верности обет,
Пусть тобой, о бог любови!
Счастье дней моих цветет.

Ах! всё красится тобою,
Всё огнем твоим живет;
Летом, осенью, весною
Радость взор нам твой лиет.

Охраняй меня ты вечно,
Будь вождем моей судьбе, —
За сие клянусь сердечно
Верной быть по гроб тебе!

⟨1805⟩

232. ПЕСНЬ ВАКХУ
(ВЗЯТАЯ ИЗ АФИНСКИХ ПИРШЕСТВ)

Лейтесь, вина ароматны,
В кубки сребряны, златы,
Обвивайтесь вкруг, приятны,
Свежи, розовы цветы.
Лиру взяв, с Анакреоном
Я хочу гремящим тоном
Вакха юного хвалить:

Славься, славься, сын Семелы!
Восклицайте все в весельи:
Вакх повсюду да гремит!

Вакх веселый любит хоры,
Любит пляски, хоровод,
Истребляет злость, раздоры,
Гонит скуку, тьмы забот, —
В юных радость поселяет,
Старым младость возвращает
И любовью всех живит.

Славься, славься, сын Семелы!
Восклицайте все в весельи:
Вакх повсюду да гремит!

Пусть герои ищут славы,
На полях врагов разят, —
В недрах тишины, забавы
Мы счастливей их стократ.
Мы счастливы — хоть забвенны.
Наши лавры — плющ зеленый,
Наша честь — побольше пить!

Славься, славься, сын Семелы!
Восклицайте все в весельи:
Вакх повсюду да гремит!

Вакх, мечтой нас забавляя,
Облегчает тем труды
И, надеждою питая,
Учит презирать беды.
Всех равно к себе приемлет,
Всех как братиев объемлет
И блаженство всем дарит.

Славься, славься, сын Семелы!
Восклицайте все в весельи:
Вакх повсюду да гремит!

Если счастие не служит
И наскучил здешний свет, —
Много тот пускай не тужит,
Дружно с Вакхом заживет.
Он беды свои и горе
Сбросит с плеч, как камень в море:
Вакх златой всем век дарит.

Славься, славься, сын Семелы!
Восклицайте все в весельи:
Вакх повсюду да гремит!

Вакх жезлом своим волшебным
Усмиряет тигров, львов;
Хором дружеским, веселым,
Музы с ним поют любовь,
Он смягчает и морозы,
На снегах сбирает розы,
Чудеса везде творит.

Славься, славься, сын Семелы!
Восклицайте все в весельи:
Вакх повсюду да гремит!

Вакх — любитель правды строгой,
Он жить правдой учит нас;

Всяк иди своей дорогой
И тверди на всякий час,
Что минуты жизни скоры:
Не успеешь кинуть взоры,
Как всё в вечность улетит.

Славься, славься, сын Семелы!
Восклицайте все в весельи:
Вакх повсюду да гремит!

Что ж? Какие жертвы славны
Мы ему за всё явим?
Эти рюмки и стаканы
Вмиг до капли осушим!
И наместо драгоценных
Приношений, жертв священных,
Станем, станем ввек гласить:

Славься, славься, сын Семелы!
Восклицайте все в весельи:
Вакх повсюду да гремит!

⟨1805⟩

233. ВЕСНА

Сияюща в лучах сребристых,
Угрюмая природы дочь,
Царица стран холодных, льдистых,
Уже от нас сокрылась прочь.
И се, спускается младая
С высот эфирных к нам весна!
Одежда розово-златая
На ней струится как волна;
Небесно-голубые взоры
Ее повсюду свет лиют,
Красней всходящия Авроры
Блестит румянец сладких уст.
Где ступит — там цветы алеют,
Где кинет взор — там тьма отрад,
Вослед ее зефиры веют,
Повсюду льется аромат.

Приход весны встречая красный,
Певцы пернатые лесов
Поют в честь гимны сладкогласны
И славят в ней творца — любовь.
Приемлют новый вид долины,
Тучнеет хладная земля,
В цветущи благовонны крины
Оделись хóлмы и поля.
Куда, куда ни обращаюсь,
Несчетных творческих красот
В разнообразии теряюсь,
Всё к пению мой дух влечет!
Взгляну ль на небо голубое,
На лес, на горы, на моря,
Как всходит солнце золотое,
Как гаснет тихая заря.

Се! зрю в тумане волн струистых
С горы стремится водопад,
Порывы вод его сребристых
Чаруют мой и слух и взгляд.
Он в яростном своем стремленьи,
Промчавшись с шумом за брега,
Чрез камни, мохом покровенны,
Течет на бархатны луга,
Где, разливаясь в долах злачных,
Едва струи свои катит
И, как в стекле, в водах прозрачных
Предметов разных кажет вид.
Тут лебедь, белизной своею
Гордясь, меж тростником плывет,
Жемчужной белою струею
Кипит за ним волна вослед.
Пужливы рыбы сребробоки
При свете солнечных лучей,
Оставя недра вод глубоки,
Гуляют на верху зыбей.
Древа, одетые весною,
Желая видеть свой наряд,
Над ясной тихою водою,
Вершины наклонив, стоят.

Жестоки бури не дерзают
Теперь на них свирепо дуть,
Лишь зе́фиры вкруг них играют
И птички на ветвях поют.
Поля, обильем жатвы полны,
Цереры взрощены рукой,
Переливаются, как волны
Тумана, утром, пред зарей.
Селяне ждут с восторгом часа,
Когда за верны их труды
Богиня жатвы светловласа
Велит им собирать плоды.
Везде дары весны сияют —
В полях, в садах, среди лугов,
Везде богиню провождают
Свобода, радость и любовь.

Но тщетно разум мой дерзает
Несчетны красоты сочесть,
Которых нам ниспосылает
Творец всего, что в мире есть.
Я только смею лишь дивиться
Его деяниям благим,
Кем всё цветет, животворится,
Тому дела его суть — гимн.

⟨*1805*⟩

234. РАЗВАЛИНЫ

Престол немого разрушенья,
Жилище мертвой тишины!
Где среди мрака и истленья
Текут свинцовы время дни;
Где алчный зев его пространный
Столпы поверженны грызет
И ржавую печать на камни
И горды мраморы кладет.

На башнях, желтым мхом покрытых,
В окошке тощий вран сидит,

Над ним, на шпицах изогнутых,
Разбитый флюгер ветр вертит
И скрыпом томным наполняет
Сырой, глухостенящий свод,
Седой где филин лишь летает
И птица нощи гнезда вьет.

Где токи мутные струятся
Покрытой плесенью воды,
Змеи в расщелинах гнездятся
И ищут тьмы средь темноты;
Светило дневно не дерзает
Расторгнуть мглу навислых стен:
Там с страхом смерти обитает
Гробовой нощи черна тень.

Зверь дикий, из лесов дремучих,
Вкруг утлых бродит пней;
Подъяв главу в тернах колючих,
Блеск кажет огненных очей.
Близ каменных оград поникших
Лежат остатки его жертв;
Трупы́ и кости полусгнивши
Красноголовый точит червь.

Ворота тяжкие, широки,
С железных крючьев сорваны;
Дубовы вереи высоки
К падению наклонены.
Не приидет боле в зной полдневный
Под ними странник отдохнуть:
Он зрит развалин вид плачевный
И с скорбью продолжает путь.

Тропинки все травой покрыты,
Крапивой окна заросли,
Плющом колонны перевиты
Лежат разбиты на земли.
О, как ужасен час вечерний!
Сей медленно идущий час!
В туманные здесь дни осенни,
Когда с ним бурь несется глас!

Уже, внимая глас сей грозный,
Текущий со хребта холмов,
Шумит, клонясь, тростник болотный
Во глубине окружных рвов.
Древа, возникши на чертогах,
Роняют сучья и листы,
Дрожат на крыльцах и порогах,
Качаясь, желтые кусты.

В разверсты двери ветер дует
И воет с галками в трубе,
В эфире облако волнует,
Мча громы, молньи на себе;
Развеять ветхо зданье гро́зит,
Тес, черепицы с кровли рвет;
Кирпич, как легкий пух, разносит
И в трещинах, ярясь, ревет.

Вдали там бор, трясясь, синеет,
Катится гул его в полях,
Катится — и едва уж млеет
На отдаленнейших горах.
Напрасно светлый шар сребристый
Стремится выскользнуть из туч;
Дождливы облака и мглисты
Глотают каждый кроткий луч.

А здесь! . . Все чувства цепенеют —
То стынет кровь, то вдруг кипит.
Глаза раскрыться в тьме не смеют,
Везде, на всем могилы вид.
Не призраки ль одни витают
Среди руин теперь в глуши?
Не ваши ль тени здесь блуждают,
О человечества бичи!

Не вы ль дрожащими стопами
Скитаетесь в вечерний час,
Звуча железными цепями,
Что Тартар возложил на вас?
Не ваши ль песни сокрушенны
В разностенящих голосах,

Мешаясь с свистом бурь смятенным,
Наводят трепет в сих местах?

Ах, нет! обитель здесь покоя, —
Ничтожность в наготе своей.
Где слава мудреца? Героя?
И всех дышавших тут людей? . .
Давно, давно они сокрылись,
Как легки утренни мечты;
И храмы в прах преобратились,
А их — погибли и следы.

О суета! тиран душ слабых,
Блаженства ложного предмет,
Мучитель бедных и богатых,
Причина горестей и бед!
К тебе от всех текут рекою
Несчетны приношенья в дар;
Но зри — се! тленности рукою
Попран, повержен твой алтарь.

Упали зданья горделивы,
Тобой подъяты к небесам,
Как волны падают игривы,
Взнесясь к кремнистым берегам.
Сюда придите научаться,
О человеки! как сносить:
Гордец — чтобы не возвышаться,
Несчастный — слез чтобы не лить.

Беды и счастие не вечность:
Предел им также положен;
Сразит их время скоротечность,
Преобратит всё в прах и тлен.
Проснитесь, существа надменны:
Лишь шаг — и вы поглощены;
Утешьтесь, горестью пронзенны!
Лишь шаг — и вы. . . и все равны!

⟨*1805*⟩

235. ВДОВА

Сказка

В каком-то городке земли Магометанской
Селим, супруг *Фатимы* молодой,
Веревкой ли султанской,
Приспевшею ль чредой,
Иль силою пилюль турецкого Санграда,
Как ни было б, но ко вратам отшел он ада,
Чрез кои в райские поля
Все шествовать должны. Прекрасная земля!
Не воды там в реках — шербеты протекают,
Не груши — *гурии* растут на деревах [1];
Блаженны души разъезжают
На *Альборагах* [2], не на лошадях.
(Спросите *муфтия, факиров* иль *иманов,*
Хоть *дервишей* седых: они то ж скажут вам;
А не поверит кто правдивым их словам,
Того замучит сонм *шайтанов* [3]).
В такую-то страну отправился *Селим.*
Чего, казалось бы, жене его терзаться
И наполнять гарем [4] стенанием своим?
Ах! раем *дервишей* неможно, знать, пленяться
Оставшимся в живых супругам нежным? — Нет!
Жалеют все о том, кто в тот прекрасный свет
Из здешнего убрался.
Фатимин дух от скорби волновался.
«Увы! Селим! увы! — несчастна вопиет, —
О милый мой супруг, любезный!
Нежнейшия любви предмет!
Селим! услышь мой вопль; увидь поток сей слезный
И к жизни возвратись, но ты молчишь — ты мертв...
Где нож?.. пусть и меня пожрет злой смерти зев...

---

[1] Туркам обещаны *Магометом* в раю такие дерева, что плоды оных будут превращаться в прекрасных девиц, *гуриями* называемых.

[2] По крайней мере *Магомет* на сем крылатом чудовище в очень короткое время объездил несколько ярусов неба.

[3] *Муфти* — глава турецкого духовенства. *Иманы* — духовные. *Дервиши* и *факиры* — пустынники. *Шайтаны* — злые духи.

[4] Та часть дома, где содержатся достаточными турками их жены.

(Тут спрятали ножи, все сабли и кинжалы,
А то б...) Жестокие! старанья ваши малы —
Напрасны, чтоб меня от смерти отдалить:
Хочу — и буду я с *Селимом* вместе жить.
Селим! Селим!» — «Прерви, любезная *Фатима*! —
Тут мать сказала ей, — прерви свой горькой стон
Хоть для меня: или я боле не любима
Фатимою моей? Утешься, твой урон
Велик, но ты его оплакиваешь тщетно:
Забудь...» — «Что слышу я? Забыть? Нет, вечно
Клянусь его не забывать,
Клянусь лить слезы век!» Умолкла мать.
Селима отвезли ко предкам погребенным,
И так как был богат, то мрамором нетленным
Покрыли тленный прах. На нем араб-пиит
За деньги написал: «Постойте, проходящи!
Взрыдайте над костьми, под камнем сим лежащи,
Заплачьте: здесь лежит
Селим, проведший жизнь в делах богоугодных,
Селим — честнейший из людей...»
И прочая потом, как пишут на надгробных
Усопших богачей,
В щедротах чтобы их служилиувереньем.
Меж тем прошло дней пять: вдова всё слезы льет,
Терзает белу грудь, власы прекрасны рвет.
А мать, как мать, опять к *Фатиме* с утешеньем:
«Послушай, дочь, прими мой матерний совет —
Оставь умершего; слезами ты своими
Его не воскресишь, — займись живыми.
Послушай-ка, мой свет,
Моя любезная *Фатима*!
Вот только лишь сей час один паша прислал
Со просьбою к тебе, что очень бы желал
Он место заступить покойного *Селима*.
Прекрасен, молод и богат — так говорит
Весь город наш о нем; зовут его *Герцид*».
— «Да будет проклят он! Скорее иссушится
Архипелаг, скорей Стамбул весь развалится,
Скорее имя я свое могу забыть,
Чем тени соглашусь супруга изменить.
Герцид? Злодей! Как он осмелился решиться
Помыслить, что вдова *Селима* согласится

Вступить с ним, негодяем, в брак?» —
Фатима тут озлилась так,
Что мать принуждена молчать о сочетаньи.
Прошло еще дни три во вздохах и стенаньи,
Но только не в таких, как в первый день. Потом,
К исходу двух недель, с подругами тайком
Вдова чему-нибудь смешному улыбнется,
Но так, что чуть опять слезами не зальется,
Потом под вечерок зайдут и гости к ней.
Потом — как отказать в прошении гостей? —
Фатима к ним. А там тихохонько в молчанье
Подале спрятали печально одеянье, —
Ведь плакать можно и в цветном.
Чрез месяц томным голоском
Фатима песенку запела.
Прошла еще неделя —
И ах! — Архипелаг водою весь залит,
Стамбул, как был, таков и есть, — один *Герцид,*
Злодей *Герцид*, проклятый и негодный, —
В объятиях Фатимы непреклонной!..

⟨*1805*⟩

236. ОТВЕТ

То правда, что избрал слепцов вождями он,
Его ведут — Гомер, Мильто́н.

⟨*1805*⟩

237. К СТАТУЕ АМУРА

Кто б ни был ты! склонись перед младенцем сим:
Он был владыка твой, иль есть, иль будет им.

⟨*1805*⟩

238. СЕНТЯБРЬ

Аминт

Воздух колеблют бури ревущи,
Небо покрылось вмиг темнотой,
Быстро несутся влажные тучи,
Дождь на долины льется волной.
Всё возвещает осень печальну:
Хмурясь нисходит мрачный Сентябрь.

Хлоя

Ветер, вздымая волны седые,
Гонит с стремлением тихи ручьи,
Гонит — трепещут рощи густые,
Сыплются кучей листья в струи;
Мрак и безмолвье лес окружают,
Громкопоющий смолк соловей!

Дорит

Войте, бури раздраженны,
По долинам и лугам;
Разносите вопль смятенный,
Войте! — я смеюся вам!
Пусть лилеи, розы вянут —
Можно со́сной заменить;
Пусть и птички петь престанут —
Будем без музы́ки пить.
Презрим осени оковы:
Вакх нисходит с Сентябрем,
С ним забавы — вина *новы*,
Ободритесь, и нальем!

Аминт

Пажити тучны пусты, унылы:
Пестрых не видно стад на полях, —
Только зловещий вран чернокрылый,
Пищи алкая, бродит в браздах;
Голосом хриплым кличет ненастье,
Хладные вьюги, спутниц зимы.

Хлоя

Светлое солнце бег сокращает,
Нощи угрюмой стелется тень:

В сумраке черном жить начинает —
В сумраке меркнет пасмурный день.
Бледное утро чуть лишь покажет
Томные взоры — вечер спешит.

Дорит

Мраки, тучи — всё пустое!
Свет бутылки светит в тьме.
Стужа гро́зит — выпьем вдвое!
Не бывать у нас зиме.
Пусть наденет шлем алмазный,
В руки примет снежный щит,
Облечется в льды ужасны
И на мразах к нам слетит:
В миг зардятся щеки белы
(И зима, я чаю, пьет!),
Если милый сын *Семелы*
Хоть полчаши ей нальет.

Аминт

Скоро засыплют инеи мшисты
Желтые стебли мертвых цветов;
Скоро иссякнут реки сребристы,
Скроются в сводах зе́ркальных льдов;
Скоро — но мне ли сетовать с *Хлоей*?
С нежной подругой радость одна.

Хлоя

Пусть извергают хляби небесны
Ярые бури, ветры и хлад:
Хлоя с тобою, друг мой любезный!
На́йдет несчетны сонмы отрад.
Молнии блещут... громы катятся...
К сердцу *Аминта!*.. Стихла гроза!

Дорит

К сердцу?.. что вы! Всё напрасно.
Там вина ни капли нет,
А без вин везде ненастно:
Скучен-темен белый свет.
Нежность скоро простывает,
Кровь под старость не кипит.

Кто ж любовь с вином мешает,
Вечно-вечно тот горит.
Молньи блещут, гром катится...
Что ж за дело! Всякой знай:
Где любовь и *Вакх* сдружится,
Там сентябрь — веселый май!

⟨1805⟩

239. КОНЧИНА ШИЛЛЕРА

Там увидимся мы опять,
или — никогда...

Трагедия «Разбойники»

Зри! — там звезда лучезарна
В синем эфире,
Светлой протягшись чертою,
Тихо померкла.

Рок то; звезда, путь окончa,
В бездне затмилась:
Смертный великий [1] со славой
В вечность отходит.

Слышишь?.. Чу! — стонет медяный
Колокол смерти;
Стонет, и своды земные
Бой потрясает.

В мирной ограде покоя
Гений рыдает;
Долу повержен, дымится
Пламенник жизни.

Ветви навислые ивы
Кроют могилу;

---

[1] Человек (полководец или писатель, все равно), достигший в своем намерении совершенства, есть *великий человек. Шиллер,* в избранном им роде трагедий, показал и достиг последней возможной степени совершенства.

Листвия с шумом колеблют
Ветры пустынны.

Лира Поэта при корне
Древа безмолвна,
Острый кинжал Мельпоменин
В прахе сверкает.

Муза печальна, трепеща,
Урну объемлет,
Слезы по бледным ланитам
Градом катятся.

Кто извлекает стенанья
Девы Парнасской?
Кто сей, над коим тоскует
Дщерь Мнемозины?..

Ужасы хладныя смерти,
Как вы коснулись?
Горе! — певец Мельпоменин —
Шиллер — во гробе?..

Шиллер — пред кем цепенели
Оркуса силы,
Стиксовы воды мутились,
Фурии млели.

Скоро, ах! скоро умолкнет
Звон похоронный,
Камень надгробный истлеет,
Ива завянет.

Где же певец Мельпоменин?
Где его память?
Слава великих — кончина,
Память — творенья.

Гений, как в тверди светило,
Век не мерцая,
Греет, живит, восхищает
Взоры вселенной.

Яркий светильник не скроют
Мраки туманны;
Ночью луна свет приимет:
Узрят в ней солнце.

1805

240. ПЕЧАЛЬ

О бич душ нежных и злосчастных,
Утех и удовольствий тать,
Подруга эвменид ужасных,
Отчаяния грозна мать!
Оставь пещеры ада темны,
Оставь вертепы той страны,
Где тени тощи, изнуренны
Твоим мученьям преданы.

Явись, печаль! ты, коей силы
Противятся самим судьбам,
Чей трон — развалины, могилы,
Стенанья, вопли — фимиам.
Изыди, окруженна тьмою,
В туманных скорби облаках,
Приди беседовать со мною:
Ты не страшна в моих очах.

Приди! се грудь моя стесненна
Всей тяжестью твоих оков,
Душа отрад тобой лишенна,
На сердце мрачный твой покров.
С весною дней моих плачевных
Привык тебя я познавать,
Привык потери драгоценны,
Невозвратимы исчислять.

Теперь — тебя ли убоюся,
Когда всего лишен? — нет, нет!
С тобой в пустыни удалюся,
Паду под бременем злых бед

И утра не увижу боле,
Вовеки не открою глаз:
Стенящему в несчастной доле
Одна отрада — смертный час.

И ветерок надежды сладкой
От сна меня не возбудит.
Он, вея по равнине гладкой,
Над мшистым гробом восшумит;
Траву, растущу над могилой,
Колебля, тихо сотрясет, —
Но тихий ветерок унылый
Тяжелый камень не сорвет.

Всю жизнь за счастьем я гонялся —
И счастья в мире не нашел.
Всю жизнь искать друзей старался —
Увы! и друга не имел!
Мечты души моей прелестны
Недостижимы были мне,
Как смертным Орион небесный
В неизмеримой вышине.

Один, как странник, я скитаюсь
Меж миллионами людей;
К кому из них ни обращаюсь —
Знакомых нет душе моей.
О жребий, данный мне судьбою
На все мои прискорбны дни,
Печаль! ты движешь их собою,
С тобой и кончатся они.

⟨1806⟩

241. МОТЫЛЕК И РОЗА

Алой розою пленился
Златокрылый мотылек,
Всё над нею он кружился,
Всё манил его цветок.

«Розы колются», — вещает
Здравый разум мотыльку.
Красота превозмогает
И влечет его к цветку.

(Ах, не в нашей сердце власти!
Любим, любим мы любить!
Долго боремся, но страсти
Разум должен уступить.)

«Быть не может!» — обольщенный
Мотылек в себе сказал,
И, любовью увлеченный,
Розу он облобызал.

Отклонися от опасной!
Бойся розы страшных игл!..
Поздно: мотылек несчастный
С поцелуем... смерть вкусил.

В поле пусть никто не льстится
Розу без шипов найти;
Кто уколот быть боится,
Близко к ней не подходи!

⟨*1807*⟩

242. ОТЧАЯННАЯ ЛЮБОВЬ

Романс

Всего несноснее презренье,
Которым платят за любовь;
Тогда и жизнь — не жизнь: мученье;
Тогда под тяжестью оков
Злосчастный вмиг изнемогает;
Он стонет, сохнет, воздыхает,
В безмолвьи горьки слезы льет
И вдруг с отчаянья умрет.

«Жестокая! — кричит в отперто
Окошко рыцарь Гулливер. —
Мое намерение твердо:
Решился я — умру теперь!

Умру, сокроюсь в мрак могилы!» —
Сказал и, все собравши силы,
Вспрыгнул он на окно — стоит —
И быстро сверху вниз... глядит.

Настал обеда час; любовник,
Себя дивяся, вопросил:
«Как? Я — еще я не покойник?»
(Тут нож он со стола схватил.)
«Тебе готова, Нина, жертва:
Увидев Гулливера мертва,
Познаешь, как тебя любил!» —
И ножик рыцарь... в хлеб вонзил.

Потом, накушавшись досыта,
Опять о смерти вспомнил он.
«Не будешь мною, смерть, забыта,
Скончаю жизнь, прерву мой стон;
Скончаю не ножом, не гладом,
А как мудрец афинский — ядом!» —
И тотчас выпил он до дна
(О ужас!) целый штоф... вина.

«Чего ж еще на свете медлю! —
С досадой Гулливер вскричал. —
Подайте молот, гвоздь и петлю;
Довольно, бедный, я страдал!
Свершилось! Боле жить не смею;
Пускай меж небом и землею
Меня увидит мой предмет!»
И вот висит... его портрет.

«Нет, мешкать долее не буду! —
Он мыслит. — Долго ли терпеть?
Я Нины ввек не позабуду:
Итак, пора мне умереть.
Геройской дух явлю на деле:
Пойду и задушусь — в постеле,
Не встанет Гулливер с одра!»
Пошел и... про́спал до утра.

⟨1807⟩

243. КЛЯТВА

Клянусь, о *Делия*, навек тебя забыть!
Клянусь, неверная, что более любить
Не стану никогда! Мне женщины несносны;
Довольно я влачил оковы их поносны,
Довольно их душой и сердцем обожал.
Изменницы! теперь себя уж не унижу:
И *Делию* и вас навек возненавижу.
Клянусь, клянусь, что я... солгал!

⟨*1807*⟩

244. СЧАСТЬЕ

«Наставь меня, мудрец, как счастие найти?
Тебе, я думаю, оно известно?»
— «Ближайших *три* к нему пути.
Будь подл, но это, знай, и трудно, и бесчестно;
Будь честен, но тогда возненавидит всяк;
Всего же легче: *будь дурак*».

⟨*1807*⟩

245. ТРУС

Гремит!.. От общего смятенья
Я тотчас дале уберусь
И в погребе кругом запрусь.
Небось вы мыслите, что я ищу спасенья
От грому и *янтарного* огня? [1]
Ошиблись! Я ищу — вина.

⟨*1807*⟩

---

[1] Первое действие электрической силы открыто было чрез янтарь — по-гречески электр, — от которого она и получила свое название.

246. К ПОРТРЕТУ

Чему смеетесь вы,
Что мой портрет без головы?
В числе несмысленных я авторов считаюсь:
И так не кстати ли без ней изображаюсь?

⟨1807⟩

247

Задумал в брак вступить *Кондрат*;
Шутить не любит он, задумал и — женат.
«На ком?» — А бог знает! На *девушке*
прекрасной, —
Так сам он говорит. Но ежели молве
Поверить беспристрастной,
То на *вдове*.

⟨1807⟩

248

«Я слышал, ваш жених (чего не скажет свет!)
Уж будто бы рогат?» — *«Ах, право, еще нет»*.

⟨1807⟩

249

Здесь *Рюмкин* схоронен. Под Вакха знаменáми
Весь век он храбро прослужил.
Прохожий! не кропи его ты прах слезами:
Воды до крайности усопший не любил.

⟨1807⟩

250

Супруга здесь моя погребена.
Покорнейше прошу вас, дале отойдите,
Покойницу вы как-нибудь не разбудите:
Мне всё не верится, что умерла она.

⟨*1807*⟩

251

Тут, странник, мот лежит: он жизнь свою скончал
С досады, что никто взаймы уж не давал.

⟨*1807*⟩

252

«Прочь, прочь, прохожие! вон там *сатирик* спит;
Кусался он живой, и мертвый, может быть,
Укусит». — «Мудрено истлевшему». — «Нимало:
Перо и злой язык суть два такие жала,
Что ввек не тупятся: гниет, а всё язвит!»

⟨*1807*⟩

253. РУЧЕЕК

Без шуму через луг зеленый
Кристальный ручеек бежит,
Древесной тенью покровенный,
Всё катится и всё молчит.

Приди, о странник, прохладися,
Приди здесь жажду утолить
И, глядя на ручей, учися
В молчании благотворить.

⟨*1807*⟩

254. НАГРАДА

Мне Стелла сказала:
«Алексис, сложи
Ты песенку Стелле,
И будешь *моим*».

Вмиг песня готова.
Что ж Стелла? Она
Певца похвалила,
С улыбкой сказав:
«Отныне, Алексис,
Навеки ты мой,
Но я еще долго
Не буду *твоей*».

Ах, равная участь
В Темпейском лугу
Постигла и Феба:
Он гнался, летел
За милою *Дафной*,
И вместо ее
В объятиях страстных
Лишь лавр ощутил.

⟨*1807*⟩

255. К-Е-Е-Й

Ты невозможного, прекрасная, желаешь,
Не смею уголок тебе я в сердце дать:
Тем сердцем, коим ты давно уж обладаешь,
Не властен я располагать.
Но, ах, о чем, о чем я мышлю, дерзновенный!
Увы! в забвении души, тобой плененной,
Мой разум превратил
Мечту небесную в божественную. . . *быль*.
Прости! Я вижу: нас стремнина разлучает;
К тебе приблизиться судьба мне запрещает.
Напрасно я стремлюсь чрез бездну преступить,

примѣрами показаны были изобиліе, важность, сила и красота языка Славено-Россійскаго, что онъ весьма способенъ ко всѣмъ тремъ родамъ слога, какъ то: высокаго, средственнаго и простаго, и что на Славено-Россійскій языкъ самыя лучшія и труднѣйшія мѣста иностранныхъ Писателей переводить можно съ желаемымъ успѣхомъ, надлежащею точностію и съ соблюденіемъ красотъ подлинника.

Вольное Общество любителей Словесности.

Общество сіе увѣдомило Издателей, что съ 15 го Іюля прошедшаго года по Февраль мѣсяцъ текущаго получено въ ономъ 32 стихотворенія, 8 сочиненій въ прозѣ и 10 переводовъ.

Изъ прозаическихъ сочиненій примѣчательны слѣдующія:

1. *Разсужденіе о нищихъ* Г-на Измайлова, книжка вышедшая въ свѣтъ сего 1804 году въ С. П. б. въ 8 долю листа.

2. *О политическомъ просвѣщеніи*, статья изъ сочиненія *Г-на Попугаева*, имѣющаго выйти подъ названіемъ: *о благоденствіи народовъ.*

3. *Общій планъ законоположенія*, Г-на Попугаева.

Напрасно к божеству взор томный обращаю,
Вотще объятия к блаженству простираю —
Вотще! Мне рок судил: *тебя боготворить,*
О счастии мечтать и несчастливым быть.

25 сентября 1808

256. ЯЗЫК ЛЮБВИ

Во храм Пафосский я пришел,
Дабы там языку любви мне научиться.
Но что ж? Вступя в него, я тотчас онемел —
Немым я должен был оттоль и удалиться.

От неудачи я крушился и грустил, —
Внезапу Купидон прервал мое стенанье:
«Что плачешь? — так он мне, явяся, говорил. —
Утешься, юноша! Язык любви — *молчанье*».

⟨1809⟩

257. НАДПИСЬ К БЮСТУ СОКРАТА

Любовью к истине от юных лет пылал:
Учил людей, как жил, и жил, как научал.

⟨1809⟩

258. ВОЗВРАЩЕНИЕ БАХУСА ИЗ ИНДИИ

Дифирамб
(Из соч. Вилламова)
Вольный перевод с немецкого

Хор сатиров

Эван, эвое! победитель!
Зевеса златорогий сын!
Тебе послушны бурны воды,
Покорен Тартар и Олимп.

Столкнем наполненные чаши
Пенистым нектаром, столкнем!
Эвое! весело запляшем,
Твои победы воспоем!

Хор менад

Эван, эвое! победитель!
Рожден под грохотом громов,
Младыми нимфами взлелеян
В священной темноте пещер!
Увьем, увьем цветами чаши
И развевающи власы.
Эвое! весело запляшем,
Твои победы воспоем!

Силен

Так, верны ратники ироя,
Споспешники великих дел!
Пляшите, пусть земля трепещет
Под резвоскачущей стопой.
Венчанны розами и свежим
Зубчатолиственным плющом,
Пляшите! восклицайте с громом
Кимвалов, бубнов и цевниц!
Эвое! славный победитель
Грядет за вами в торжестве.
Се он под пурпурным наметом,
Грядет, шатаясь, на слоне,
На сыне дебрей аравийских...
Се гибкий тирс его свистит.
Я зрел, как он, еще младенцем,
Извлек для вас из тирса мед —
О чудо! — но пред чудесами,
Которые владыка наш
Явил при Ганге крутобрегом,
На глинистых холмах, — ничто.
Он повелел — и на бесплодной
Земле родился виноград.
Он рек — и на песчаных нивах
Возникло белое пшено.
На глас его народы дики,
Скитавшися в пещерах гор,

Или под кокосовой тенью,
Иль живши в низких шалашах
И почернелые от солнца, —
Пришли селиться в городах,
Стеной высокой обнесенных.
Пришли — он их образовал
И дал премудрые законы.
Но громовержца грозный сын
Был встречен дерзостной толпою
Чудовищных людей. Смеясь
Над легионами сатиров
И восклицающих менад,
Предстали калистрийцы[1] с лаем,
Энотекеты[2] и кругом
В власах заросшие пигмеи.[3]
Тогда-то раздраженный бог
Дал к битве знак своей десницей!
Взревел мой тигр, сей верный зверь,
Готовясь к кроволитной брани,
И гибель возвестил врагам.
Объяты бешенством, фиады
Напали с лютостью на них,

---

[1] *Ктезий*, описывая редкости Индии, говорит, между прочим, следующее: «В Индии, на известных горах, живут люди, имеющие собачьи головы. Их одеяние состоит в звериных кожах. Они не говорят, а лают. Зубы их несколько больше собачьих, ногти же совершенно похожи на когти сих животных, только немного длиннее и круглее. Они обитают на горах, простирающихся до реки Инда, и цветом черные. Индейцы называют их *калистрийцами*, то есть *песьеглавыми*».

[2] О сих упоминает *Стравон* в XV книге своего «Землеописания», рассказывая множество диковинок о жителях Индии. «Иные, — говорит он, — называются *энотекетами*; сей народ имеет уши, достигающие до лодыжек; они служат им, во время сна, подушками».

[3] Вышеупомянутый *Ктезий* описывает и сих чудовищ. «В средине Индии, — пишет он, — живут черные люди, именуемые *пигмеями* и говорящие одним языком с индийцами. Они чрезвычайно малого роста. Самые высокие не больше двух локтей с половиною; обыкновенная же их величина полтора локтя. Пигмеи имеют предлинные волосы на голове, такие, что они достают у них до колен и ниже, и непомерно долгие бороды. Коль скоро борода у них вырастет, то уже не имеют они надобности ни в каком платье, а распущают назади волосы, спереди же бороду, потом, распростерши сии волосы кругом всего тела, опоясываются сверх оных, что и составляет всю их одежду».

И вдруг тирс каждый превратился
Во смертоносное копье...
О брань, исполненная славы!
Познали дерзкие враги
Устройство Вакха ратоборцев
И мощь сатиров и менад.
Мы ринулись — и трепет с страхом
Всех сопостатов обуял!
Слоны побегли столпоносны,
Побегли смелые враги —
Исчезли храбрость их и сила!
Смерть алчная пред нами шла
И злых чудовищ пожирала,
Свергая тысящами в ад.
Надменные с стыдом погибли!
Искоренен их гнусный род
Непобедимыми полками
Владыки неба и земли!

Хор сатиров

Эвое, грозный тирсоносец!
Богоотступных чад земли
Смиривый львиными когтями [1]
И виноградною лозой,
Удар смертельный Амфисвене
Нанесший в ядовиту пасть.
Эван, эвое! кто посмеет
Тебя, ужасный, раздражать?

Хор менад

Эвое, грозный тирсоносец!
Ты гнусный вид полнощных птиц
Дал нечестивым Минеидам; [2]

---

[1] Морские разбойники, поймав Вакха на острове *Наксе*, хотели увезти его и продать или получить богатый выкуп, но были им за сие наказаны: иных превратил он в дельфинов, других же растерзал лев, явившийся на корабле. См.: Омир⟨ов⟩ «Имн Дионизу» и Овид⟨иевы⟩ «Превр⟨ащения⟩», кн. III, басн⟨и⟩ 8, 9 и 10.

[2] Дочери *Миния* отреклись участвовать при праздновании *оргии* в *Фивах* и занялись в ту ночь рассказыванием повестей, за что были превращены в летучих мышей — см. Овид⟨иевы⟩ «Превр⟨ащения⟩», кн. IV, басн⟨и⟩ 1 и 12.

Ты повелел нам отомстить —
И се Пенфей[1] высоковыйный,
Растерзан, плавает в крови!
Эван, эвое! кто посмеет
Тебя, ужасный, раздражать?

Силен

О фавны, нимфы и фиады,
Вы, упоенные вином!
Кружитесь около ироя —
И всё последие кружись!
Да легки, радостные скоки
Повсюду видит славный Вакх.
Ликуйте! под его защитой
Остались невредимы вы
От острых стрел и ядовитых,
Которыми при студенцах
Многолесистого Мероса
Быстрогубящий Аполлон
На вас, как частым градом, сыпал.
Далекомещущий на гнев
Против ироя Диониза
Склонен царицею богов,
Она, питая к Вакху злобу,
Озлобила против его
Медоточивыми словами
Властителя парнасских дев.
И вдруг лучи огнисты Феба
Излили зной и мор на вас.
Тогда Юпитер, восприявши
Вид криворогого[2] овна,

---

[1] *Пенфей*, внук *Кадма*, повелел прибывшего в Фивы Бахуса заключить в оковы и привести к себе; но когда посланные не могли исполнить его приказания, тогда он сам устремился на гору *Цитерон*, где неистовствовали *вакханалки*, дабы посмеяться их обрядам, но заплатил за сию дерзость жизнию: *менады*, в числе коих находилась мать его *Агава* и тетка *Автоноя*, растерзали несчастного *Пенфея*. См.: Овид⟨иевы⟩ «Превр⟨ащения⟩», кн. III, басн⟨и⟩ 8, 9 и 10.

[2] *Гигин* в 133 басне говорит следующее: «Когда Бахус искал воды на песчаных степях и не мог найти, то явился овен и указал ему ключ».

Явился и к ключам прохладным
Томимых жаждою привел.
Спасенны вы от лютой смерти!
Порфирные столпы, плющом
И свежим гроздием обвиты,
Векам позднейшим возвестят
О чуда́х, сотворенных Вакхом.
Они поведают на бреге,
На бреге дальня океана
Велики Бахуса дела.
Зане столпы сии священны:
Из жертвенных агатных чаш
Мы вкупе с Вакхом возлияли
На них игривое вино.
Рекут и грады все и веси,
Чрез кои шли мы по цветам,
Между рядов златых кадильниц,
Курящих мирру, аромат,
Чрез кои шли сквозь виноградны
Плющом поросшие врата,
Веселым гласом восклицая:
«Да здравствует наш Бассарей!»
Все, все рекут: «Здесь шли со славой
Ирои Вакха в торжестве!»
Ликуйте ж, славны ратоборцы,
Споспешники великих дел!
Пляшите! пусть земля трепещет
Под резвоскачущей стопой;
Венчанны розами и свежим
Зубчатолиственным плющом,
Пляшите! восклицайте с громом
Кимвалов, бубнов и цевниц!

Хор сатиров

Эвое, мощный Вакх, эвое!
Мы пьем твой нектар из мехов
Глубокодонных и пространных.
О восхититель! Враг скорбей!
Непобедимый, благодатный!
Пиролюбивый! Князь утех!
Исполнены тобой, эвое!
Твое мы славим торжество!

Хор менад

Эвое, мощный Вакх, эвое!
Мы пьем вино твое из чаш,
Увитых свежими цветами, —
О пестун дружбы и любви!
О миротворец! жизнедавец!
Отец! и друг! и царь! и бог!
Исполнены тобой, эвое!
Твое мы славим торжество!

⟨1809⟩

259. ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Когда мерцание серебряной луны
Леса дремучи освещает
И сыплет кроткие лучи на купины,
Когда свой запах разливает
Душиста липа вкруг синеющих лесов
И землю, от жаров унылу,
Свежит дыхание весенних ветерков, —
Тогда, восклоншись на могилу
Родных моих, друзей, мерцания луны
Я в горести не примечаю
И запах лип не обоняю,
Не слышу ветерков приятныя весны.
Увы! я с милыми расстался,
Все чувства рок во мне несчастьем притупил:
Ах! некогда и я пленялся
Луною в летню ночь, и я дышать любил,
Под свесом липы благовонной,
Прохладным воздухом, но без друзей и ты,
Природа! вид прияла томный,
И ты утратила свой блеск и красоты.

⟨1809⟩

И. А. Ковацько

А. А. Писарев

260. ДВЕ КАРТИНЫ

Из Антологии

«Как думаешь, — вопрос Менéстрат сделал мне, —
Чего бы стоили мои картины:
Вот этот Фаэтон, сгорающий в огне,
И сей Девкалион, что тонет средь пучины?
Скажи по правде — не солги».
— «Я думаю, они достойны их судьбины:
Кинь в воду одного, другого же сожги».

⟨1809⟩

Г. П. КАМЕНЕВ

Гавриил Петрович Каменев родился 3 февраля 1772 года в Казани, в богатой купеческой семье. Рано лишившись родителей, он сделался наследником большого состояния, но тяготился званием «негосиянта» и обязанностями, связанными с ним.

В отличие от большинства людей своего круга, Каменев был определен в казанский частный пансион немца Вюльфинга, в котором преимущественно обучались дети дворян и где ранее учился Г. Р. Державин. Из пансиона он вынес хорошее знание немецкого языка (позже самостоятельно изучил и французский) и немецкой сентиментальной литературы (Коцебу, Шпис, Козегартен, Клейст). К этому же времени относятся ранние поэтические опыты молодого автора — перевод четвертой песни поэмы Соломона Геснера «Смерть Авеля».

Литературные интересы Каменева еще больше укрепились под влиянием дружбы с таким же, как и он, купеческим сыном — С. А. Москотильниковым, писателем и масоном, которого хорошо знали московские розенкрейцеры Н. И. Новиков и И. В. Лопухин. Вокруг Москотильникова объединился небольшой литературный кружок, куда кроме Каменева вошли еще два казанских писателя — Н. С. Арцыбашев и И. И. Чернявский. Видимо, при посредничестве Москотильникова Каменев в 1796 году напечатал в журнале И. И. Мартынова «Муза» свою оду «Мечта» и еще несколько стихотворений.

В 1799 и 1800 годах, во время своих поездок в Москву, он, по рекомендации Москотильникова, познакомился с видными писателями-масонами: И. В. Лопухиным, И. П. Тургеневым, М. М. Херасковым, а через них — с корифеями русского сентиментализма Н. М. Карамзиным и И. И. Дмитриевым, к которым он относился с большим уважением. Здесь же у Каменева завязывается знакомство с издателем П. А. Сохацким, поместившим в журнале «Иппокрена» ряд его произведений. В 1802 году Каменев отправляется

в Петербург. «Поеду по тем местам, — писал он, — где идеально блуждал Радищев и мечтал пером своим, в желчи обмакнутым, давать уроки властям».[1]

30 августа того же года после рассмотрения поэм «Граф Глейхен» и «Громвал» Каменев был утвержден в звании действительного члена Вольного общества. Однако участие его в нем оказалось кратковременным. Здоровье писателя, подорванное бурно проведенной молодостью, становилось все хуже и хуже, и 26 июля 1803 года, вскоре после возвращения в Казань, Каменев скончался. Смерть его была воспринята новыми друзьями с неподдельной скорбью. Вольное общество объявило по нем трехнедельный траур. О кончине Каменева пространно сообщалось в первой части «Периодического издания» 1804 года. Там же были опубликованы последние его произведения, среди них — поэма «Громвал» и сентиментальная повесть «Инна».

Место Каменева в истории русской литературы довольно точно определил один из его биографов Н. Второв. «О сочинениях Г. П. Каменева, — писал он, — вообще можно сказать, что они имеют характер, общий в тогдашнее время, сентиментальности. В некоторых из них... проявляется зародыш романтического элемента, заимствованный им, по всей вероятности, из немецкой литературы, с которою он был очень хорошо знаком. Но ему не суждено было развить этот элемент».[2]

261. МЕЧТА

Доколе тусклыми лучами
Нас будешь ты венчать, мечта?
Доколе мы, гордясь венцами,
Не узрим — что есть суета?
Что всё влекут часы крылаты
На мощных — к вечности — хребтах;
Что горды, сильные Атланты
Вмиг с треском раздробятся в прах.

---

[1] Письма Г. П. Каменева к С. А. Москотильникову. — В кн.: Е. Бобров, Литература и просвещение в России XIX в., т. 3, Казань, 1902, с. 153.

[2] Н. Второв, Гаврила Петрович Каменев. — «Вчера и сегодня», кн. 1, СПб., 1845, с. 39.

Где дерзкие теперь Япеты,
Олимпа буйные враги?
Гром грянул — все без душ простерты!
Лишь не успеем мы ноги
Взнести на твердые ступени —
Скользим — повержены судьбой!
Мы жадно ищем вверх степéни,
Взойдем — но ах! конец какой?

«Какой? — Вельможа так вещает. —
Я буду знаменит, велик!
Таких вселенна примечает, —
Веселья, хоры, радость, крик
Со мною будут непрестанно;
Чтить станет, обожать народ;
Мое из злата изваянно
Лицо пребудет в род и род!»

Изрек... и смерть тут улыбнулась,
Облокотившись на косу;
Коса на выю вдруг пригнулась —
Погиб надменный в том часу.
Исчезла с ним его и слава —
Осталась глыба лишь земли.
Мечта! мечта! сердец отрава!
Исполнена одной ты тли!

Очаровать воображенье,
Вскормить надежду, возгордить,
Представить грезы, самомненье,
Рассыпав маки — сны родить...
Вот милые твои законы!
По коим слабый человек,
Без умной шедши обороны,
Блуждает, колесит весь век.

Дáвно ль на лоне я спокойства
Утехи кроткие вкушал?
И слезы бисерны довольства
Я с другом нежным проливал?

Настроив голос, сладку лиру,
Бренчал я на златых струнах.
Доволен, весел, пел я миру
Весну моих дней во псалмах.
Завыли бурны аквилоны —
И вздрогнул бренный мой состав.
В груди сперлися тяжки стоны;
Зла фурия, на сердце пав,
Терзала, жалила, язвила;
Пропало здравие! — болезнь
Свой бледный, страшный лик явила.
Осталась бытия — лишь тень!

Как ветр ревет в полях пространных
Между сребристым ковылем;
Как вихрь в реках златопесчаных
Крути́т, мешая воду с дном;
Как буйны, мощны ураганы
Всё ломят, низвергают, прут —
Так нас болезни, страхи, раны
Колеблют, рушат и мятут.

Под розово-сафирным небом,
При блеске огненных лучей,
Возжженных светозарным Фебом,
Гулял я с милою моей.
Вдали от нас ключи шумели,
Бия каскадами с холмов;
С журчащей песнью вверх летели
Со злачных жавронки лугов.

Обняв грудь розово-лилейну,
Садился с нею на траву;
От восхищенья изумленну
На груди преклонял главу.
Тут с жарким поцелуем Маша,
Взяв арфу томную свою,
Играла песнь: «О милый Саша!»
Бывало, с ней и я пою!

По струнам персты пробегали,
Ах, долго ль, долго ль для тебя?
Часы, минуты пролетали
В восторге долго ль, вне себя?
На струны канула слезинка
И издала унылый звон.
Сверкнула майская росинка!
Исчезло всё — как сон!

Почто, Атропа, перервала
Ты жизни тихой нить ея?
Почто ты, не созрев, увяла,
О роза милая моя?
Услышав жалобы с презреньем
Пан в роще стон и голос мой,
Схвативши арфу, с сожаленьем
Попрал мохнатою ногой.

Так, стало, всё мечта на свете?
Мечта в уме, в очах, в любви?
При всяком — счастье — лишь обете
Несыто плавает в крови!

Сулит нам ⟨...⟩ златотканы,
Богаты теремы, чины
Велики, знамениты, славны —
Потом карает без вины.

Сулит нам долгу жизнь, веселья,
Но вдруг накинет черный флер.
Рассыпятся состава звенья —
Останется единый сор!
Трещат и мира исполины
Судьбы под сильною пятой;
Падут — се горсть презренной глины
Из тел, напыщенных собой.

Едина правда, добродетель
Не будет ввек не суета!

Прямой кто всем друг, благодетель
Того есть цель — уж не мечта,
Того дела живут в преданьях,
По смерти самой — не умрут.
Дни, текшие в благих деяньях,
Ему бессмертье принесут.

⟨1796⟩

262. К П. С. Л. Р.

Декабрьский ветр завыл с востока;
Завыл — и меж громад снегов
То холм вознес, то взрыл он ров.
Покрыла землю тьма глубока —
На бурных ледяных крылах
Бореи грозные спустились:
Ревущи вихри закрутились,
Носяопасности в ребрах.
За ними облака туманны
Катились черною грядой,
Но, вдруг став вихрями попранны,
Рассыпались, как брызг седой.

Рассыпались — и треск ужасный
Слетел в земную глубину.
Спокойно, мирно вдавшись сну,
Лежал я распростерт... «Несчастный!» —
Внезапу глас мне вопиет.
Вздрогну́в, окрест себя взираю,
Страшуся, леденею, таю
И зрю дрожащий некий свет
Средь черна облака сгустевша.
На нем стоящая жена
Была крылата, посиневша,
Мрачна, угрюма и бледна.

Венец, усыпанный костями,
Лежал на всклоченных власах;
Коса и скиптр в ее руках;
Сверкали очи под бровями,

Как в рощах ярый солнца луч;
Уста багровые дрожали —
Как лист осинный, лепетали.
Под нею трон из серых туч,
Как смрадный гроб — в ногах пучина,
Несытую разинув пасть,
Пожрать была готова сына,
Готов я был в нее упасть.

Она подобна исполину,
Железным скипетром своим
Коснулась мне — потом же им
Махнула по пространству дымну.
Раздался всюду бурный гром!
Кровавою косой играя,
Как будто бы кого сражая,
Рекла мне огненным столбом:
«Ты спишь, несчастный, безмятежно?
Проснись!.. Склони в М * свой слух:
В последний раз там имя нежно
Произнесли... и глас потух.

Там скорбь и горьки завыванья,
Там плач о матери велик,
Там стоны, слезы, вой и крик —
Четырех дочерей рыданья.
Без чувств там целая семья!
Супруг-отец с шестью детями
Лежат, залившися слезами,
На теле мертвом все ея,
Лежат — как будто жизнь вдыхая...
Проснися, удаленный сын!
Взгляни на родину, вздыхая,
Восплачь в чужой земле один».

«Уж нет! нет матери любезной!
Уж нет?..» — содро́гнувшись, я рек.
Ведомый к казни человек
Не так смущен, печален, бледный,
Как я стал, внявши сей удар.
Жена махнула тут крылами;

Под раскаленными стопами
Вскипел туманно-мглистый пар.
Исчезла — искры вслед струею
За ней волнистой потекли.
Мрак скорби обуял душою,
На сердце лег мне образ тли.

В печали арфу взял великой
И черным крепом всю обвил,
Златые струны флером скрыл;
Настроил, дал ей голос дикой,
С *бемолью* съединил *диез*.
В нощи, при черно-сизом своде,
Во тьме, при дремлющей природе,
Сквозь чистый ток алмазных слез,
Дрожащий глас мой пролиялся
На снежном воздухе густом,
Летел и эхом повторялся
Из леса в лес, с холма на холм.

«Нет нежной матери, нет друга! —
Воспел, касаясь я главой
Лица бугров, земли седой. —
Сокрылася с земного круга
И, свергнув бренный свой покров,
Пришла во свет непреходящий,
Где солнца луч незаходящий, —
Пришла приять дух ангельск, нов.
Утешься, нежное семейство,
И слезну грусть свою забудь;
Печально пусть природы действо
Замолкнет — разумом принудь!

Ее одежда днесь — порфира
Из неба радужных лучей,
Блестит сиянье из очей,
Стоит перед владыкой мира,
От коего всем жизнь течет.
Преклоншаясь с благоговеньем,
От горних мест зрит с сожаленьем
На точку малую — в наш свет, —

Зрит и главою помавает,
Как мы боготворим мечту,
Как всякой колесит, блуждает,
Едину ловит суету.

«Утешьтесь! Я теперь счастлива, —
Речет она, как струнный глас, —
Мне жаль, что в скорби вижу вас,
Что ваша жизнь слепа, кичлива,
Что узы бренны тяготят».
О Юнг! философ, утешитель!
Подай мне силы, будь учитель!
Да песни грустных усладят,
Взбренчат на сердце звуки лирны,
Вздрогнет душевная струна, —
И мысли пролиются мирны,
Как льет сребристый луч луна.

Блажен, — воспел я с томным звоном, —
Хранящий совесть, правду, честь!
Ему вьет лавры уж не лесть,
Но истина любезным тоном
Живописует жизнь, дела;
Гласит нелживыми устами,
Чертит перловыми перстами;
Как снег — хвала чиста, бела;
Как мрамор — бурей не страшится;
Как солнце — блещуща, ясна;
Из рода в дальний род катится,
Растет — не у́мрет ввек она.

Блажен отец, семейством чтимый,
Сынами, дщерями любим!
Любимы же взаимно им
В сердцах незыблемый, немнимый
Соорудят ему алтарь.
Хвала прейдет от чад ко внукам,
И по родительским наукам
В праправнуках всё он — как царь.
Блаженна матерь, к детям нежна!
Она в душах детей живет:
Мелькнет косою смерть... и тленна
Скончается, — но в них не мрет.

Блажен взлетевший в светлу вечность
От мрачной юдоли сея,
От горестей, сует ея,
Познавши жизни скоротечность,
Отшел в селение святых.
Блажен почиет прах любезный,
От града, веси удаленный,
Где веет ветерок лишь тих,
Где дышат розмарины, розы,
Где блещет небо жемчугом;
Нахальны всех стихий угрозы
Молчат — немеет тамо гром.

Там на открытом злачном поле,
Где светлый яхонт — небосклон,
Стоит над грудою колонн,
Главу подъяв свою по воле, —
Как современник мира, кедр, —
С * Л * обитель.
Лежит во храме сорудитель,
А дети окрест его недр.
Покоятся их прахи милы
Среди всегдашней тишины...
Но что за глас летит унылый?
Я зрю маститы седины.

Ах! путник, старец то, забредший
Случайно на печальный луг;
Забрел — увидел храм он вдруг.
Идет — могилы след новейший
Является его очам.
Поникнув белою главою,
Ступал скользящею ногою
По развалившимся гробам.
Он сел на дикие ступени
И, храма прислонясь к столпу,
Узрел мелькнувши мимо тени,
Потом младых детей толпу.

Смущен, растроган их рыданьем,
Из сердца тяжкой вздох пустил.

„Почий здесь, прах! — он возопил. —
Твой фимиам — есть крик с стенаньем;
Дар — бисерна родных слеза;
Куренье — вздох стесненный, сильный;
Лобзанье — поцелуй умильный;
А жертва — летняя роса,
Когда при западе, восходе
Унижет камень хрусталем.
Здесь прах — едина дань природе,
Душа — на небе пред царем.

Покойся, милый прах, покойся
До светлой радостной зари!
Тогда дверь тяжку отвори
И шествуй к небесам... не бойся!
На лоне воцарись утех
В злато-серебряной порфире;
Бряцай на сладкогласной лире
Творцу — гимн славный — тварей всех!
Приникни с облаков рубинных
На опечаленных детей
И в утешениях обильных
В сердца их бáльзам свой излей!

Излей... и души их взыграют,
Как светло солнце в красный день.
Как между кущ сребрится тень,
Когда зефиры вкруг порхают.
Излей... утихнет боль сердец,
Глубоки исцелятся раны,
Твоим отшествием им данны, —
Настанет скорби их конец.
Излей... и гидра многоглава
Отчаянья, вскрутив хребтом,
Умрет, и пасть ее кровава
Обременится тяжким сном“».

Так пел на снежной я пустыне,
Ревела вихрем где метель.
То с свистом съединялась трель,
Клокоча, дребезжа в долине;

То пущенна перстами дробь
Катилась резко, дико, страшно,
Унывно, томно и ужасно;
То звон, ударившись в сугроб,
Взвывал и с эхом удалялся
К пустынным холмам, в рыхлый снег.
Стократно там он отзывался,
К эфиру направляя бег.
Скорбь томна в грудь мою вселилась,
Оледенел, смутился ум,
Престал бренчать во струнах шум.
Вдруг песнь печальна прекратилась
И арфа выпала из рук.
Настала тишина глубока:
Журчанье слезного потока
Унылый делало лишь звук.
С очами, грудью омоченной
Главу на перси преклонил;
В печальну думу погруженный,
Воспел — замолк — упал без сил! . .

⟨1796⟩

263. МАЛИНОВКА

Полно, полно, мила птичка,
В розовом кусточке петь!
Полно, утрення певичка,
Тебе время уж лететь.
Время быстро, скоротечно
Разрушает всё, губи́т.
Ты не будешь жить здесь вечно;
Но в сон смертный погрузит
Скоро, может быть, несчастну
Птичку-крошечку мою.
Не увижу я прекрасну,
Ту, котору здесь пою!
О малиновка! скорее
Полети ты от меня,

Ты шепчи, резвись живее
Со зефиром — не стеня.
Под златыми небесами
И в сапфирных облаках
Солнца ты играй с лучами,
В речки бисерных струях
Ты тихохонько купайся,
Розе страстной пой любовь,
На листах ее валяйся,
Тьму утех себе готовь!
Здесь лишь скука воцарилась,
Вздохи, грусть, везде печаль.
Вот уж ты, вспорхнув, пустилась!..
Нет... останься — ах! мне жаль
С милой птичкою расстаться
И ее ввек не видать,
Ею боле не пленяться,
Трелей нежных не слыхать.
Нет, малиновка любезна!
Жить останься ты со мной.
О Темирушка прелестна!
В птичке вижу образ твой.
Твой был голос столь же строен,
Взор приятен, нежен, тих,
Столь же вид твой был спокоен,
Тот же огнь в очах твоих.
Добродетель ты любила,
Всем любила помогать,
Ты несчастных веселила,
Не давая им страдать.
Всяк тебя здесь непрестанно
Громким гласом прославлял,
Всяк хвалил, но беспристрастно,
Всяк любил и обожал.
Солнце лишь едва скрывалось
За пунцовы облака,
В сизом своде разливалось
Тихо пламя, как река, —
Я с тобой гулял, Темира,
Вдоль зеркального ручья,
Там меня пленяла лира
Сладкогласная твоя.

Тамо резвый увивался
В твоих локонах зефир!
По́рхал — веял, удалялся
Вдруг на крылышках в эфир.
Ездил в лодке ли с тобою
По сверкающим струям —
Радость, игры, смех толпою
Тотчас прилетали к нам.
Нет, малиновка любезна!
Жить останься ты со мной.
О Темирушка прелестна!
В птичке вижу образ твой.

⟨1796⟩

264. СТАРИК

За горы солнце закатилось,
Долины облеклися в мрак,
Едва лишь только небо рдилось,
Пурпуровый являя зрак.
Там влажные пары струились
По разноцветным гор верхам;
Туманы белы там сребрились,
Клубясь по бархатным лугам.
Глубока тишина настала
В кудрявых рощах и в полях;
Забава шумна умолкала
Увеселять игрой в села́х.
Луна янтарный луч пустила
Из синих яхонтных небес
И слабым светом осветила
Там хижинку среди древес,
На праге коея сидели
Сын в тишине с отцом своим,
На звезды, на луну смотрели
И мирно занимались сим.
Вдруг старец горькими слезами
Молчанье мертвое прервал,
С прискорбием сплеснув руками,
«Великий боже! . .» — он вскричал.

«О чем ты плачешь, мой родитель?» —
Спросил тут юноша, стеня.
«Я зрю — небесная обитель
В объятия зовет меня.
Ах, сын мой нежный, сын любезный!
Уж скоро кончится мой век.
Так! скоро ты, несчастный, бедный,
Лишишься и отца...» — он рек.
И слезы частые ручьями
Из томных потекли очей.
«Я беден был всегда, и нами
Гнушалось счастье в жизни сей.
С каким мученьем умираю,
Тебе что, мой любезный сын,
Наследства мало оставляю!
Но сим богат хоть будь один:
Люби сердечно добродетель
И ближнего, как сам себя;
Будь и врагам ты благодетель —
То бог помилует тебя,
Бог сделает счастливым верно».
Лишь только он ему сказал,
В последний раз обнявши нежно,
Как вдруг весь побледнел — упал.
Сын добрый всё исполнил точно,
Отец что добрый говорил:
Провел жизнь тихо, беспорочно,
До самой смерти счастлив был.

⟨1796⟩

265. МЫСЛИ ПЬЯНОГО АСТРОНОМА

(Из Клейста)

Ничуть меня не удивляет,
Любезные друзья!
Вертится что земля:
Коперник правду утверждает.
Эй!.. на́ небе два солнца — не одно!
Вот это мудрено!

⟨1796⟩

266. УТРЕННЯЯ ПЕСНЬ

(Из Геснера)

Гряди, свет утренний румяный,
    Гряди, о милый день!
Вдали там из-за темной рощи
    Мелькает уж твой луч,
Скользит в зеркальном водопаде,
    Блестит и на листке.
Веселье, бодрость к нам приходят
    С твоим златым лучом!
Зефиры, спавши на цветочках,
    С улыбкой прочь летят:
Кружатся, вьются, обнимают
    И будят — кои спят.
Мечтанья кротки, безмятежны
    Бегут от пастухов, —
Они подобны Купидонам
    На Хлоиных щеках.
Лети, зефир! Лети к цветочкам!
    Похить приятный дух!
Потом спеши проворней к Хлое,
    Пока любезна спит.
Ты вейся вкруг ее постели,
    Тихохонько буди,
Играй по белоснежной груди,
    Резвись и по челу!
Когда ж она совсем проснется,
    Шепни ей на ушко,
Что я любезно имя Хлои
    С зарею произнес.

⟨*1796*⟩

267. К ПЛЕНИРЕ

Приди, о нежная Пленира!
В унылу хижину мою,
Тебе печальная Темира
Откроет тамо грусть свою.

Тебе одной она покажет
Стоящу урну на лужку
И с томной горестию скажет:
«Вот долг последний мой дружку!
Ах! друг мой нежный, друг любезный!
Почто оставил ты меня?
Почто оставил лить ток слезный?
Умру я, по тебе стеня!»
Приди, о нежная Пленира!
В унылу хижину мою,
Твоя небесна, сладка лира
Разгонит грусть, печаль сию.
Воспой судьбу мою несчастну
И пламенну любовь воспой,
Которая меня, подвластну...
Нет, милая! ах нет, постой!
Ты только скорбь мою умножишь
И более взволнуешь кровь.
Утешить же меня — не можешь:
Неизлечима ты, любовь!
Приди, о милая Пленира!
В унылу хижину мою.
О ангел сладостного мира!
Я дружбу нежную твою
Вовек, вовек не позабуду.
Ко мне переселися ты, —
С тобою я счастли́ва буду,
Презрев мирские суеты.

(1796)

268. КЛАДБИЩЕ

Птица ночная жалобным криком
Душу смущает, трогает сердце,
В робость приводит, мятет,

С свистом унылым быстро с могилы,
Мохом обросшей, любит спускаться
К куче согнивших костей.

Слух мой полету мрачной сей птицы
Вслед с ней стремится. Что ж я тут слышу?
Томный и тихой лишь стук.

Дух мой объемлет трепет и ужас!
Знатностью прежде, гордостью по́лна,
С кучи катилась глава.

Где твоя пышность, дерзкий невежда?
Где твоя знатность? Нет ее больше!
Слаб и порочен сей свет!

Страшная птица тотчас спустилась
С кучи на камень, гордость где прежде
Твердо являла свой вид.

Гордость исчезла — время сожрало
Надпись златую, знатные титла —
Камень остался один.

Высокомерный! зри те гробницы,
Сколь они пышны! Верно со треском
Скоро исчезнут, падут.

Честью и славой ныне украшен,
Скоро лишишься титл и богатства, —
Так же ты точно падешь!

Счастлив стократно бедный, но честный:
В жизни он терпит, — в смерти получит
Вечности счастие всё.

⟨1796⟩

269—270

1

Вечер любезный! вечер багряный
В влажном наряде сизой росы!
Друг твой несчастный сердцем тоскует,
В тихой долине слезы лишь льет.

В тихой долине пусто, безмолвно!
Друг твой при речке там быстрой сидит.
Мысли он только к ней устремляет,
К деве любезной здешней страны.

Дева прелестна! где ты, где ныне?
Где воздух тонкой питает тебя?
Где ты, где зыблешь грудь лебедину?
Где изливаешь пламень очей?

Грудь твоя лучше розы цветущей,
К солнцу раскрывшей свежи листы!
Алые губы прелестны и милы!
Руки белее в поле лилей!

Где Эдальвина? где ты, где ныне?
Кто твоих видит прелесть ланит?
Кроткой румянец! нежным оттенком
Мило играешь в них для кого?

О, Эдальвина! в горькой печали
Жизнь я несчастну здесь проведу!
Будьте во мраке вечно сокрыты,
Слезные вздохи песни нощной.

2

Бури свирепством роза погибла!
Нежно, душисто на стебле цвела.
Алые листья лишь распустила,
Буря свирепством сгубила ее.

Грозд винограда! Милый, багряный!
Сорван ты жадной и хищной рукой!
Рано ты сорван с гибкого древа!
Сок твой любезный во прахе погиб!

Роза! почто ты рано завяла?
Грозд виноградный! почто не дозрел?
Девы, рыдайте! слезно, печально,
Юноши, плачьте, тоскуйте о том.

О, Эдальвина! в тихом ты гробе,
Тихо, покойно, безмолвно лежишь,
Ветр на могиле воет уныло,
Скоро снег зимний засыплет ее.

Горькой ты смерти юна невеста!
Брачные песни замолкли навек!
Страшен жених твой, страшен и бледен,
Хладно и пусто на брачном одре.

Нежной красою всех была лучше,
Юная дева, ты в жизни своей.
Грудь твоя ныне низко опала,
Очи померкли и мертвы уста.

О Эдальвина! .. здесь на могиле,
Густо обросшей травою, сижу.
Ветер холодный мрачныя нощи
Роется бурно в моих волосах.

О Эдальвина! .. в горести лютой
Всю здесь проплачу унылую жизнь,
Бледен, как солнце в осень печальну,
Тих и безмолвен, как темный твой гроб.

21 марта 1799

271. ЖЕЛАНИЕ СПОКОЙСТВИЯ

(Из соч. Г. Клейста)

Ручей, по камешкам бегущий
Прозрачной, быстрою струей,
Когда твой шум, ко сну влекущий,
Услышу в радости моей?
Блажен, кто при водах сребристых,
На берегах твоих тенистых
Внимает птиц поющих глас!
А я, хоть мест сих удаленный,
Хоть всюду бедством окруженный,
Но мыслю о тебе всяк час.

О, прелести лугов отрадных,
Полянки меж густых древес!
Мрак рощей и лесов прохладных,
Лазурный чистых свод небес!
О, пруд среди долины злачной,
Где часто я в струе прозрачной
Багряной зрел Авроры вид,
Цветы, росою окропленны,
Лучами солнца озаренны!
Ваш блеск от глаз моих сокрыт.

О ты, что прежде с шумом громким,
В тени, под сводом из ветвей,
В дубраве, повтореньем звонким
Звучало песни глас моей;
В восторге сидя где великом,
Взывал Дорису частым кликом
И был отзывом восхищен, —
Вещай днесь, эхо, раздаваясь:
Неужли, бедствами питаясь,
Спокойства я вовек лишен?

Тобою прежде наслаждался
Среди моих спокойных дней,
В сладчайшей радости питался
Восторгами души моей.
Всё мне приятность изливало,

Всё взор и слух мой восхищало,
А днесь лишен я сих отрад.
Там зрел поля, леса густые,
А здесь удары смерти злые —
Грозящий разрушеньем ад.

Как вихрь с ужасным ревом воет
И пыль, бунтуя, вверх крутит,
Луч солнца мрачной тучей кроет,
Свирепы ужасы родит,
Поля песками засыпает,
В окрестности губи́т, ломает
Кустарник и дремучий лес, —
Так от руки врагов суровых
Везде следы губительств новых,
Дым черный всходит до небес.

Луга и нивы подавляют
И разоряют вертоград;
Древа с плодами пожигают
И льют везде свирепства яд.
Младая, нежная супруга
В любезного днесь видит друга
Вонзенный смертоносный меч;
В последний раз его лобзает,
Слезой труп хладный обмывает,
Стенаньем прерывая речь...

Родитель, в ужас погруженный,
Младенца за собой ведет.
О плод, к напастям порожденный!
Почто узрел ты солнца свет?
Вдруг пули с свистом прилетают,
Навек их очи закрывают,
Несчастных дней пресекши нить.
Сестра о брате там рыдает,
Здесь мать при детях жизнь кончает,
Враги стремятся всех губить.

Свирепством ветра разъяренный
Когда бунтует океан,

Летит чрез бреги устрашенны,
Погибелью грозя странам;
Бессильны все к спасенью средства,
Отвлечь ничто не может бедства,
Пучина всюду власть берет, —
Так огнь траву в лугах снедает,
Дубравы в пепел превращает,
Губит плоды столь многих лет.

Подобно как со тверди звездной
Падет бесчисленность комет
И мрачною хаóса бездной,
Разрушивши, творит сей свет, —
Так бомбы, смерть в себе носящи,
Всеместный трепет, страх творящи,
Сквозь воздух, пламенны, падут, —
Свирепством гибель причиняют,
Ломают, жгут и разрушают,
Тела на мелки части рвут.

Плоды художества и знанья,
Чем столь Коринф прославлен был,
Великолепны, пышны зданья,
Где вкус изящность находил,
Пылают, тлеют, упадают,
Людей собою подавляют
И землю тяжестью трясут;
Вопль, крик и стоны раздаются,
Повсюду жалобы несутся,
Повсюду ужасы живут.

Земля телами покровенна,
Лиется кровь из свежих ран, —
Рука, тиранством ополченна,
Терзает жителей сих стран,
Валит столбами дым сгущенный;
Народ, отчаянный, смущенный,
Пожар гасить стараясь, мрет.
Кого огонь не пожирает,
Тот пуль свирепством исчезает, —
Пощады нет от лютых бед.

Подкоп, селитрой начиненный,
Земли кремнисто недро рвет;
Удар, сим звуком причиненный,
Сердца дальнейших гор трясет.
Дрожит, трепещет вся природа.
Летит из бездны смерть народа,
Поля, долины и леса
Помост горящих трупов кроет...
Так вихрь огня в Везувьи воет
И мещет камни в небеса.

Хоть Феб лучи свои скрывает,
Хоть стелется нощная тень,
Но пламя мрачность освещает
И претворяет в ясный день;
Повсюду бледный ужас сеет,
Твердь неба рдится и багреет,
От жара с кровель медь течет,[1]
Свист ядер, пуль и огнь ревущий
Являют ад и тартар сущий,
Луны и звезд мрачится свет.

О Марс! бог браней вредоносных!
Доколе крови смертных течь?
И без твоих ударов злостных
Себе мы в грудь вонзаем меч.
Страстей под игом воздыхаем,
Друг друга в злобе угнетаем,
Врагами мы стремимся быть.
Нас гордость в рабство заключает;
Скупой богатства собирает,
Могущие ему вредить.

Судья, прибытком ослепленный,
Весами истины кривит;
Обман, лукавством ухищренный,
Личиной дружества прикрыт;
Блеск злата пастыря прельщает,[2]

---

[1] В Германии многие публичные здания покрыты медью.
[2] Здесь автор разумеет папскую индульгенцию.

Грехи за деньги он прощает
И после смерти рай сулит.
С коварством зависть водворилась,
Пороком общим учинилась,
Льстецу повсюду вход открыт.

Таланты ближних осуждаем
И их стараемся затмить;
Свои лишь страсти выхваляем,
Дабы для всех примером быть.
В глаза кто хвалит и лобзает,
Заочно клеветать дерзает,
В число разумных тот включен.
Кто ж правду говорить умеет
И о пороках сожалеет,
Тот всеми изгнан и презрен.

Когда блестящими лучами
Тебя Фортуна озарит,
Тогда ты окружен друзьями
И будешь славою покрыт.
Когда же блеск ее затмится,
К тебе почтенье истребится,
Оставлен будешь ты от всех.
Великой дух не унывает,
Толпу глупцов сих презирает,
Но в обществе родится смех.

Хоть кто вслед мудрости стремится,
От предрассудков удалясь,
Отстать от честности боится,
Страстей в пучину погрузясь, —
Но от примеров развращенных
Злой роскоши порабощенных
В порок невольно он впадет;
Как в быстры воды погруженный,
И сил, и помощи лишенный,
Плывет, куда река влечет.

Везде напасти мы встречая,
Живем средь горестей и бед!
Я, часто слезы проливая,
На сей в тоске взираю свет.
В унынье дух мой погруженный,
Порочной жизнью устрашенный,
Быть добродетельным велит.
Но младость очи осушает
И огнь сей в сердце потушает, —
К блаженству смертным путь сокрыт.

К прибытку алчность ощущая,
Пускайтесь в грозный океан!
Жемчуг на дне искать желая,
Ищите купно смерти там;
В горах пещеры вырывайте,
Блестяще злато доставайте,
Богатством покупайте честь,
Чтоб в беспокойствах повсечасных
И злоключениях ужасных
Несчастно дни свои провесть.

Сооружайте пышны зданьи,
Чтоб в негах, в роскошах дышать,
Изящностью индийских тканей
Старайтесь домы украшать;
Ликуйте в пиршествах вседневных,
На ложах спите позлаченных
И после смерти на гробах
Поставьте мраморы столбами, —
Вы зрите пышность пред очами,
А я зрю — камень, землю, прах.

Геройством суетным пылайте,
Свирепствуйте повсюду вновь,
В полях тирански проливайте
Мечом людей невинных кровь,
Чтоб имя ваше прославлялось
И, с жизнию не пресекаясь,
Могло в подсолнечной греметь, —
Но может ли воображенье
Вам дать столь сладко утешенье,
Как будете вы в гробе тлеть?

Почто прельщаетесь напрасно
Скоропреходной сей тщетой?
Почто вы столь влюбленны страстно
В порок, покрытый красотой?..
Хотя я счастием превратным
Не сделан сильным, громким, знатным,
Но жребием блажен своим!
Спокойствие меня прельщает,
А всё, что пышностью блистает,
Предоставляю я другим.

Явитесь взору, испещренны
Луга цветущей муравой,
Где горы, холмы возвышенны
Своей гордятся красотой;
Где, все печали забывая,
Одну приятность ощущая,
Питал мой дух восторгом сим,
В тени древесной прохлаждался,
Ручья журчаньем восхищался,
А не песком его златым.

С предметом милым разлученный,
Стеня, любовник слезы льет;
В печаль жестоку погруженный,
Он ненавидит целый свет,
Рассудка голосу не внемлет,
Отчаянье его объемлет;
Разлуки тяжесть он неся,
Унынием себя питает,
Охотно горесть умножает,
Бежит в дремучие леса.

Так я всечасно воздыхаю.
Луга и рощей мрачна тень!
Я вас всегда воспоминаю;
Придет ли сей желанный день,
Чтоб, к вам от мест сих преселившись
И видом вашим насладившись,

Покой с отрадой я вкусил
И во пределах безмятежных,
В объятиях *Дорисы* нежных
Навек глаза мои закрыл!

⟨1800⟩

272. EXPROMTUM[1]

(С немецкого)

Когда Адам в раю приятность сна вкусил,
В то время из ребра бог Еву сотворил.
О, бедный праотец! Мир начат неустройством
Твой первый сон тебе последним был спокойством.

⟨1800⟩

273. ЭКСПРОМТ

Твердь неба потряслась — ударил страшный гром.
Глагол судьбы изрек сии слова святые:
«Отныне навсегда счастлива будь, Россия!
И Первый *Александр* будь Первым ей *Петром*».

20 марта 1801
Казань

274—275. ПЕСНИ

1

При утренней прохладе
Уж веют ветерки,
И пастушков к отраде
Струятся ручейки.

Долины зеленеют
Пушистой муравой,
Стада овец пестреют
У речки под горой.

---

[1] Экспромт (лат.). — *Ред.*

Из рощи в слух несется
Свист громкий соловья,
Звучит и раздается,
Восторгом дух поя.

Играют, веселятся,
Все нежатся в любви,
В объятия стремятся
К пастушкам пастухи.

Приход весны румяной
Всё движет, всё живит,
Моей души печальной
Отрада лишь бежит...

О, Хлоя! ты причиной,
Что я тоску терплю,
Брожу с душой унылой,
Поля слезой кроплю.

Природа потеряла
Всю прелесть для меня,
И жизнь несносна стала
Лишенному тебя.

Прохладны ветерочки
Палят лишь пуще кровь,
Лазоревы цветочки
Не расцветают вновь.

Уныло речка плещет
В тенистых берегах;
Луч солнца тускло блещет,
Резвясь в ее струях.

Поет весну и радость
Счастливый соловей,
А я — печальну младость,
Тоску души моей!

2

Я в лесочке
На лужочке
У ручья вечор сидел.
В грусти, в скуке,
В лютой муке
Жалку песенку запел.

Где девались,
Миновались
Те любви златые дни,
Как мы, Хлоя,
Здесь лишь двое
Веселилися одни?..

В страсти тлели,
Жить хотели
В вечной верности всегда,
И устами
И сердцами
Подтверждали те слова.

Вы, кусточки,
Вы, цветочки,
Нашей зрители любви,
Вы внимали,
Примечали
Клятвы Хлои и мои.

Но недавно
Видел явно,
Что другой мне предпочтен;
Я ж несчастным,
Век быть страстным
От неверной осужден.

Здесь в лесочке,
На лужочке
Буду Хлою вспоминать,
Буду в скуке,
В лютой муке
Горьки слезы проливать.

⟨*1802*⟩

276. ГРОМВАЛ

Мысленным взором я быстро стремлюсь,
Быстро проникнул сквозь мрачность времян.
Поднимаю завесу седой старины —
И Громвала я вижу на бодром коне.

Зыблются перья на шлеме его,
Стрелы стальные в колчане звучат;
Он по чистому полю несется как вихрь,
В вороненых доспехах, с булатным копьем.

Солнце склонялось к кремнистым горам,
Вечер спускался с воздушных высот.
Богатырь приезжает в глухие леса,
Сквозь вершины их видит лишь небо одно.

Буря, облекшись в угрюмую ночь,
Мчится с закату на черных крылах;
Заревела пучина, дуброва шумит,
И столетние дубы скрипят и трещат.

Негде укрыться от бури, дождя,
Нет ни пещеры, не видно жилья,
Лишь во мраке сгущенном сквозь ветви дерев
То блеснет, то померкнет вдали огонек.

В сердце с надеждой, с отвагой в душе,
Ехавши тихо сквозь лес на огонь,
Богатырь приезжает на берег ручья,
Древний замок он видит вблизи пред собой.

Синее пламя из замка блестит,
Свет отражая в струистом ручье,
Тени в окнах мелькают и взад и вперед,
Завывания, стоны в нем глухо звучат.

Витязь, сошедши поспешно с коня,
Йдет к воротам, заросшим травой,

Г. П. Каменев

С. А. Москотильников

Ударяет в них сильно булатным копьем,
Но на стук отвечают лишь гулы в лесу.

Вмиг потухает внутрь замка огонь,
Свет умирает в обьятиях тьмы,
Завывания, стоны утихли, молчат,
Усугубилась буря, удвоился дождь.

Сильным ударом могучей руки
Рушится твердость старинных ворот,
Отлетели запоры, скрипят вереи,
И во внутренность входит бесстрашный Громвал.

Меч обнаживши, готовый разить,
Ощупью тихо он замком идет.
Тишина распростерта и мрачность везде,
Лишь сквозь окна и щели вихрь бурный свистит.

Витязь в досаде и в грусти вскричал:
«Хищный волшебник, коварный Зломар!
Ты Громвала принудил скитаться как тень,
Ты похитил Рогнеду, столь милую мне!

Многие царства и земли прошел,
Рыцарей сильных, чудовищ побил,
Великанов сразил я могучей рукой,
Но Рогнеды любезной еще не нашел!

Где обитаешь ты, лютый Зломар?
В дебрях ли диких, в пещерах, в лесах,
В подземельях ли мрачных, в пучине морской
Укрываешь ее ты от взоров моих?

Если найду я жилище твое,
Злобный волшебник, лихой чародей!
Извлеку из неволи Рогнеду мою,
Вырву черное сердце из гру́ди твоей».

Витязь, умолкнув, почувствовал сон,
Одр ему стелют усталость и ночь.
Не снимая доспехов, в броне, в шишаке,
Прикорнув, засыпает глубоким он сном.

Тучи промчались, Борей замолчал,
Звезды потухли, сереет восток,
Поборает свет мрака, Зимцерла сквозь флер
Заалелась, как роза. Громвал еще спит.

Катится солнце по своду небес,
Блещет с полудня каленым лучом,
И по соснам слезится смола сквозь кору, —
Но Громвала всё держит в объятиях сон.

Ночи предтеча с смуглым челом
Смотрит с востока на лес, на луга,
Усыпает из урны росой мураву, —
Но Громвала всё держит в объятиях сон.

Ночь с кипарисным венком на главе,
В ризах, сотканных из мрака и звезд,
По ступеням, нахмурясь, на трон свой идет, —
А Громвала всё держит в объятиях сон.

Тучи сомкнулись на своде небес,
Мрачность густеет, настала полно́чь;
Богатырь, воспряну́вши от крепкого сна,
Изумился, не видя румяной зари.

Вдруг затрещало по замку, как гром,
Стены трясутся, окошки звенят,
И, как молния быстро блистает во тьме,
Освещается зала вмиг синим огнем.

Настежь все двери стучат, отворясь.
В саванах белых, с свечами в руках,
Входят медленно тени; за ними несут
Гроб железный скелеты в руках костяных.

Залы в средине поставили гроб,
Крышка слетела мгновенно с него,
И волшебник Зломар, синевато-багров,
Бездыханен лежал в нем, открывши глаза.

Пол расступился, зеленый огонь
С вихрем трескучим оттоле летит,
Охватив гроб железный, как жар раскалил.
Застонал стоном тяжким геенны Зломар.

В дикоблудящих кровавых глазах
Ужас трепещет, отчаянье, скорбь;
Изо рта пена черная клубом кипит,
Но лежит неподвижно, как труп, чародей.

Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркают, воют, рыкают, свистят,
В исступленном восторге беснуясь, они
Пляшут адскую пляску вкруг гроба его.

В страшных забавах проходит полно́чь,
Вопли их, клики громчае звучат.
Но лишь утра предвестник три раза пропел —
Исчезают вмиг духи, скелеты и гроб.

Тьма, как в могиле, с глухой тишиной
Завес печальный спустила опять,
Удивляется чуду смущенный Громвал,
Изумившись, не верит себе самому.

Нежные тоны свирелей и струн
Эхо сквозь мраки на крыльях несет.
Растворился свод залы, и розовый луч
Разогнал тихим светом сгущенную ночь.

В облаке легком душистых паров,
Где волновался жемчужный отлив,
Как по воздуху пух лебединый плывет,
Опускается плавно волшебница в зал.

Чище лилеи одежда ее,
Пояс по чреслам — как яхонт небес;
Как игра златояркой восточной звезды,
Добродетель сияет у ней во очах.

Голосом стройным Добрада рекла:
«Рыцарь печальный, покорствуй судьбе,

Нет Зломара на свете, смерть острой косой
В тартар душу низвергла злодея сего.

Зевом несытым в кипящую хлябь
Челюсть геенны его пожрала,
С клокотанием лавы и с ревом огня.
Вой и стон его бездна лишь будет внимать.

Смерть, преступивши природы закон,
Чувств не лишила волшебника труп,
Развращенных им тени погибших людей
Каждоночно здесь в замке терзают его.

Рыцарь, спеши ты к Рогнеде своей:
К югу, за лесом, в песчаных степях,
Там Зломарова замка в темнице стальной
Два крылатых Зиланта [1] ее стерегут.

Рог сей волшебный прими от меня,
Грозную челюсть чудовищ сомкнуть,
Но внимай: *ты не можешь Рогнеды спасти,*
Не пролив ее крови: судьбы́ так велят».

Струны, свирели вторично звучат,
Облако кверху с Добрадой летит.
Пораженный сей речью, Громвал вне себя,
Истукану подобен, вслед смотрит за ней.

Рог изумрудный державши в руке,
С горькой досадой вскричал богатырь:
«Вероломной волшебницы пагубный дар,
Ты убийством Рогнеды мне счастье сулишь!

Нет! трепещу я от мысли одной, —
Сердце из гру́ди ей в жертву летит.
Но, Громвал, повинуйся глаголу судьбы,
Чародейство Зломара спеши истребить.

---

[1] Зилантом называли в старину змея, жившего, по баснословному преданию, в пещере одной горы, возвышающейся над Казанкою. И поднесь монастырь, тамо построенный, именуется Зилантовым. А в гербе Казани видно его изображение.

Если не можешь Рогнеду спасти,
Замок разрушить, Зилантов сразить,
Богатырскую кровь ты пролей за нее
И геройскою смертью любовь увенчай».

Красное утро янтарным лучом
Сосен столетних верхи золотит;
Обращая на полдень коня своего,
Оставляет наш витязь и замок и лес.

Дебри, вертепы, стремнины, хребты
Стонут от тяжких ударов копыт,
Пыль густая, как туча, крутившись столбом,
По поднебесью вьется, где скачет Громвал.

Мрачным ущельем скалистой горы
Выехал рыцарь в обширную степь, —
Открывается взорам песка океан,
И вдали будто с небом сливается он.

Ветр не волнует сыпучую зыбь,
Дышит тлетворным дыханием зной;
Ни кусты не шумят, ни журчат ручейки,
Как в полнóчь на кладбище, всё ноет, молчит.

В дикой пустыне, в сих страшных полях,
Нет ни дороги, не видно следов,
Лишь к востоку приметна крутая гора,
И на ней крепкой замок чернеет вдали.

С жаждой и зноем сражаясь три дни,
Смерти препоны расторг богатырь.
На коне утомленном, в кровавом поту,
Подъезжает он тихо к подошве горы.

В скользких стремнинах навислых камней,
Страшно грозящих низринуться в дол,
Обрываясь над бездной по узкой тропе,
Достигает вершины и замка Громвал.

Силой геенны и адских духóв
Мрачный сей замок построил Зломар.

Взгроможденные башни из черных камней
Предвещают погибель и лютую смерть.

В сердце с Рогнедой, с геройством в душе,
Буре свирепой подобный Громвал
Сокрушает чугунных ворот вереи,
В замок крови вступает с булатным мечом.

Грозно идет он, — под крепкой пятой
Мертвые кости, черепья хрустят,
Враны, птицы ночные и нетопыри
Пробуждаются в мшистых расселинах стен.

Облаком вьются над замком они,
Воздух колеблет ужасный их крик,
И Зиланты, послышав Громвалов приход,
Испускают вой, свисты и крыльями бьют.

Челюсть разинув, летят на него,
Копьями жалы торчат из пастей,
Чешуею брянчат, извивая хвосты,
Выпускают мертвящие когти из лап.

В рог изумрудный трубит богатырь,
Звук оглушил их, — как камни падут,
Подсекаются крылья из кожи и жил,
Погрузившись в сон смертный, горами лежат.

Рыцарь в восторге к темнице летит
С пламенным сердцем Рогнеду обнять,
Но огромная дверь растворяется вдруг,
И навстречу выходит в броне Исполин.

Грозные взгляды — кометы во тьме,
Медь на нем — панцирь, свинец — булава,
Серый мох по болоту — брада у него,
Черный лес после бури — власы на челе.

С силой ужасной взмахнув булаву,
С свистом в Громвала пустил Исполин.

Поражает его по буйно́й голове,
Содрогается эхо, по замку звуча.

Шлем, зазвеневши, дробится в куски,
Сыплются искры из темных очей,
Булава от удара согнулась дугой,
Но не двинулся с места Громвал, как скала.

Меч в богатырской руке заблистал,
Бурным перуном злодея разит.
Разлетелась бы в части и вдребезги медь,
Но скользит лезвее по волшебной броне.

В бешенстве лютом ревет Великан,
Адом зияет, от злости дрожа,
Напрягает он мышцы укладистых плеч,
Угрожает Громвала в руках задушить.

Смерть неизбежна, погибель близка,
Страшные длани касаются лат,
Но Громвал, ухватя его ногу, как дуб,
Потряхнувши, поверг, опрокинул его.

Башне подобно громы́хнул Гигант,
Звуком ужасным весь замок потряс,
Расседаются стены, валятся зубцы.
Он, упавши, в сырой земле яму вдавил.

Взявши за горло могучей рукой,
Меч ему в челюсть вонзает Громвал,
По булату зубами скрипит Великан,
Зарыкал, застонал он, подобно волу.

Желтая пена, багровая кровь
Хлещет, клубится из синего рта,
Стервенея от боли, со смертью борясь,
Роет землю ногами, трепещет, хрипит.

Вместе сливаясь журчащей струей,
Пучится, бродит Гигантова кровь,
Облачко́м поднявши́сь, легкой пар от нее
Образует Рогнеды прекрасной черты.

Розы в ланитах, любезность в очах,
Алые губы манят поцелуй,
По плечам, отливаясь как бархат, власы
Осеняют ее лебединую грудь.

Чуду такому дивится Громвал,
Призрак ли это илѝ существо?
Приближаясь с надеждой и с робостью к ней,
Не мечту, но Рогнеду он к персям прижал.

Радости пламень, перун быстротой,
Томную душу героя проник,
Восхищенное сердце под крепкой броней
Потрясает дебелую рыцаря грудь.

В страстном восторге целуя ее,
Голосом кротким Громвал говорит:
«Долго, долго тебя я, Рогнеда, искал
И по белому свету скитался как тень».

Тяжко вздохнувши, вещает она:
«Лютый волшебник, коварный Зломар,
Раздраженный презренною страстью своей,
В чародейской сей замок меня перенес.

Здесь, прикоснувшись волшебным жезлом,
Памяти, чувства меня он лишил;
Погрузившись мгновенно в таинственный сон,
Я с тех пор в бездне мрака сокрыта была».

За руку взявши Рогнеду, Громвал,
Тихо спустился к подошве горы,
Посадивши ее на коня за собой,
По дороге обратно стрелой полетел.

Замок объемлет глубокая тьма,
Громы во мраке свирепо звучат,
Аквилоны завыли, сорвавшись с цепей,
Затрещало кремнистое недро горы.

С ревом ужасным разверзлась земля,
Рухнули башни в бездонную пасть,
Ниспроверглись Зиланты, темница, Гигант,
Чародейство Зломара разрушил Громвал.

⟨1802⟩

277. ГРАФ ГЛЕЙХЕН [1]

«Графы и князья имперские,
Изготовьтесь к трудным подвигам,
Собирайте храбрых рыцарей
В Палестину на войну идти!
Воспылайте в сердце ревностью
Мстить неверным за религию
И блестящими победами
Вы разрушьте власть калифскую!»
Так в пространной всей Германии
От Дуная к Бельту бурному
Увещанья папы римского
Звучным гласом раздавалися.

Ревность к вере, слава, мужество
Воспылали в сердце Глейхена:
Он в числе князей и рыцарей
В Палестину собирается.
Оставляет в лютой горести
Он свою супругу милую,
На брегу ручья струистого
С ней прощается в последние,
Вырываясь из объятия,
С новым жаром возвращается.
Души нежные и страстные
В поцелуях жарких, пламенных
Съединяются на их устах.
Льются слезы из очей ее,
Слезы горькие, сердечные,
И растрепанные волосы,
Рассыпаясь, развеваются
По стальным доспехам рыцаря.

---

[1] Подражание немецкому.

Как орел в день красный, солнечный
Быстро вверх летит по воздуху,
Так на добром на коне своем
Граф поспешно удаляется.
Он в войнский стан приехавши,
Видит войски, видит рыцарей,
В Палестину поспешающих.
Пламенеют все желанием
Оказать в сраженьях мужество
И в геройских храбрых подвигах
Лить рекой кровь сарацинскую.

Ужас рыцарям предшествует,
И победа с звучной славою
Им плетет венки лавровые.
Перед всеми отличается
Граф с его оруженосцами,
Поощряем к вере ревностью,
Без боязни и без трепета
Предает себя опасностям.
Он в священном исступлении
Проливает кровь неверную,
Покрывает землю трупами,
Иордан в волнах тела несет.

Но, с чрезмерною отважностью
Предаваясь он опасностям,
Начал жаркое сражение
С небольшим отрядом воинов.
На венгерском он коне своем
Повсеместно им предшествовал,
Презирая сопротивников,
Поражал их острием меча.
Как из лука вдруг звенящего
Засвистев стрела по воздуху,
Пробивает сталь брони его
И пронзает ребра рыцаря.
В зверском бешенстве бросаются
Злые варвары на Глейхена,
Дикий вопль их лютой ярости
Раздается по окрестностям.
Раздраженный их неистовством,

Он за острый меч хватается,
Взором гордым и презрительным
На свирепых смотрит варваров.
Но из раны кровь текущая
Ослабляет силы рыцаря.
Тщетно воины старалися
Победить толпу противников:
Сарацины удаляются
И влекут с собою Глейхена,
Оковав цепями тяжкими.

Восхищенный сей победою,
Хочет видеть ка́лиф пленника.
Весь в крови, в пыли сражения,
Граф представлен во дворец его.
С гордым видом и насмешливым
Говорил ему владелец сей:
«Глейхен, ты тепере пленником,
Где твои герои, рыцари?
Пусть придут освободить тебя
Из числа моих невольников.
Между тем в доспехах рыцарских,
Излечивши рану тяжкую,
Поливай цветы в саду моем
Ты рукой твоей геройскою».
Излечивши рану Глейхена,
В сад серальский повели его
Поливать цветы душистые.
Водометы там из мрамора
И бассеины из аспида.
Пышность всюду представлялася
В украшениях искусственных,
А природы вид застенчивый
Трепетал под игом роскоши.

Глейхен, мужеством и храбростью
Столь ужасный неприятелям,
Вскоре сделался из рыцаря
Попечительным садовником.
С неусыпным трудолюбием
Занимается работою.

Вид природы обновляется
Благодетельной рукой его.
Дал он волю всем растениям,
И течению источников
Отверзает путь свободнейший.
Воды чистые, прозрачные
Там с журчаньем изливаются,
Протекают меж кусточками
По песку, по мелким камешкам.
Орошается струями их
На лугу трава цветистая.
Сад трудами графа Глейхена
Станови́тся лучше прежнего.

Лишь заря в одежде розовой
На востоке появляется,
Сквозь покров тумана сизого
Сыплет золото с рубинами
И веселою улыбкою
Предвещает утро красное,
Он поспешно одевается,
Кормит птиц, в саду летающих,
В пруд бросает зерна хлебные.
Там играет рыба резвая
В глубине воды кристальныя
И, кидаясь вверх, круги струит
На его стеклянной плоскости.
Прежде рыцари и воины
Окружали графа Глейхена,
А теперь фазаны, голуби
И павлины златоперые
Ходят вкруг его, пшено клюют.

Но при всех природы прелестях
Часто скука, грусть, уныние
Отягчают душу рыцаря.
Часто, скрывшись в тень прохладную
Мелколиственной акации,
Он слезами обливается
О своей жестокой участи.
У журчащего источника
Вспоминает дни спокойные,

Как с любезною супругою
Провожал он жизнь счастливую
В тишине и в удовольствии.

Но под тень древес развесистых
И ручья на берег чистого
Повсеместно графу следует
Томный взор калифской дочери.
В сердце нежном возгорается
Пламень страстныя любви к нему.
Часто в сладостном унынии,
Пригорюнившись, сидит она
И его супруги счастию,
Воздыхаючи, завидует.

Ах, нельзя словами слабыми
Описать во всей подробности
Красоту калифской дочери,
И нельзя изобразить лицо
Миловидное, приятное,
Рост, осанку, стройный стан ее,
Взоры томные, любезные,
Где, как в самом чистом зеркале,
Непорочность с добродетелью
В скромном виде представлялася.
Чтоб короче всё сказать об ней:
Таковых собранья прелестей
Не бывало и не видано
При дворах султанов Азии.

Из высоких окон терема
Часто взоры сей красавицы
Обращались на садовника.
Робость, стыд, желанья страстные
Колебали сердце нежное.
Долго им сопротивляяся,
Напоследок в сад идет она.
По ступеням круглой лестницы
Тихим шагом вниз спускается,
Но от страха и стыдливости
Кровь в Селине взволновалася,
Ослабев, она вдруг падает

На цветочки благовонные,
Хлад по нервам разливается,
И любезное лицо ее
Покрывает бледность смертная.

Занимался граф работою,
Из протока воду черпая,
Поливал тогда цветы в саду;
И меж розами, лилеями
Видит он девицу милую.
Как в струях прозрачных озера
Вид луны изображается,
Так Селину посреди цветов
Глейхен видит в нежных прелестях.
Ветерок прохладный западный
Вьется в темных волосах ее,
С тихим трепетом глядит она
На любезного садовника.

Если б Глейхен музильмано⟨м⟩ был,
Удалился б от прекрасныя,
Но не знает страха, робости
Сердце смелое, геройское.
С видом скромным и почтительным
Он к Селине приближается.
Боязливая красавица
Хочет прочь бежать от рыцаря,
Но смущение с стыдливостью
Ей в намереньи препятствуют.
Ослабев, вторично падает
На цветы, росой блестящие.
Вздохом жарким взволновалася
Грудь калифской милой дочери.
Разливалась бледность с томностью
По прелестному лицу ее.

Граф страшится, чтоб от слабости
С нею обморок не сделался,
Освежить ее старается
Из ручья водой холодною.
Чуть Селина робким голосом
Начинает говорить ему,

Но умолкла и в смущении
Проливает слезы горькие.
С нежной ласкою, с приятностью
Утешает он любезную.
С видом скромным, воздыхаючи,
Руку графу подает она.
Милый взор, осанка, прелести
Потрясают сердце рыцаря,
Но он страсти сей противится:
Вспомнил вдруг супругу нежную,
И обет взаимной верности,
И священный долг супружества
Оживляются в душе его.

Он, Селину взявши за руку,
Тихо по саду ведет ее
И в молчаньи приближается
Ко дверям серальской лестницы.
Но она, поспешно вырвавшись,
Удалилася от рыцаря
И в своей печальной комнате,
Запершись, всю ночь проплакала.

Нужно ль будет мне рассказывать
Вам, читательницы милые,
Что Селина каждый, каждый день
Посещала цветники в саду,
Что бежал сон от очей ее,
Целым веком ночь казалася,
Что, едва заря румяная
Покрывала небо пурпуром,
Одеваясь, поспешала в сад
Зреть предмет любви и нежности.

Граф хоть в рабстве был и счастливым,
Но любовью не уменьшилась
В нем приверженность к религии.
Он намеренье взял твердое
Сарацинку столь прелестную
Научить священной истине.
Страсть намеренью способствует,

И Селину обращает он
В христианскую религию.

Глейхен всячески старается
И выдумывает способы,
Чтоб красавицу любезную
Взять с собой в свое отечество,
Чтоб избавить и спасти ее
От свирепого родителя.
Вихри, волны, гром и молнии
Презирает сердце страстное,
И Селина соглашается
Скрытно ехать с ним в Германию.

Но, при всей к супруге верности,
Мог ли граф, любя столь пламенно,
Увезти ее девицею?
Пусть притворные смиренники,
Здесь читая, улыбаются, —
Ну́жда пишет часто свой закон.
Граф из слабостей естественных
Избрал самую малейшую.
Он клянется в вечной верности,
Он клянется быть супругом ей.

Ночь побегу их способствует,
Судно быстро по волнам плывет,
Время скоро мчится, в радости
Целый год минутой кажется.
Граф с любезною подругою
Счастьем новым наслаждается;
В новых клятвах вечной верности
Дни проходят у любовников,
И по долгом путешествии
Глейхен прибыл с ней в отечество.

Вечер в ризах черных, пасмурных,
Рассыпая тени влажные
По долине и кустарникам,
Разливал туман, как озеро.

Глейхен к замку приближается,
Где он жил с супругой верною.
Шпицы башен, мхом покрытые,
Из тумана возвышаются.
В роще темной соловей поет,
Ручейки журчат по камешкам,
Бьют часы — и глухо в воздухе
Колокольный звон теряется.

Глейхен вспомнил, воздыхаючи,
Время юных лет протекшее,
Он себе представил мысленно,
Как супруга с ним прощалася,
Как из томных из очей ее
Слезы перлами катилися,
Как в жестоком он отчаяньи
С ней расстался на брегу ручья.
«Горе мне, — наш рыцарь думает, —
После пламенных лобзаниев
Я представлю ей совместницу, —
Вид Селины оскорбит ее,
Что скажу я в оправдание?»

Граф вступает в древний замок свой
И в покой супруги милыя
Поспешает с робкой радостью.
Дочь султанская в смущении
Тихо вслед идет за рыцарем
И от страха и стыдливости
Прикрывает красоту свою
Покрывалом тонким, шелковым.

Граф взошел супруги в комнату,
Видит в черном одеянии
Он жену свою любезную.
В скуке, в горести глядит она
На портрет супруга нежного,
Держит арфу — песнь печальную
Припевает тихим голосом.
Томный звук от струн сливается
С тоном голоса унылого.

Арфа падает из рук ее,
Вскрикнув, вмиг она бросается
В распростертые объятия
К мужу, ею столь любимому.
Проливая слезы радости,
Лобызает он жену свою,
Бледность прелестей лица ее
Он кропит слезой горячею.
С видом робким и отчаянным
Ждет своей Селина участи,
Воздохнувши, повергается
На колени пред графинею
И дрожащим, томным голосом
Начинает говорить она,
Но едва произнести могла:
«Я калифа дочь несчастная. . .»
Онемела и от слабости
Пала в обморок бесчувственна.
Глейхен начал говорить об ней:
«Так, графиня, из любви ко мне
Дом отца она оставила,
Из неверной обратилася
В христианскую религию.
Я прекрасной сарацинке сей
Одолжен моей свободою.
Путешествия, опасности,
Смерть она, погибель презрила
Из чрезмерныя любви ко мне».

Тут графине открывается
Связь супруга с незнакомкою,
Но душа ее возносится
Над пустыми предрассудками
И в своих сердечных чувствиях
Побеждает гнусность ревности.
Бросив нежный взгляд на Глейхена,
Заключает во объятия
Злополучную совместницу.
Покрывало сняв с лица ее,
Говорит она: «Мы вместе все
Будем жить в взаимной верности

И друг друга будем ввек любить
Неразрывною любовию,
И не только ложе брачное,
Но и гроб — могила темная
Пусть навек не разделяют нас».

Духовенство оскорбляется,
Видя двух супруг у Глейхена,
И закона нарушение
Хочет мстить ему проклятием.

Граф поспешно в Рим отправился,
Он целует туфлю папскую,
Ищет папы покровительства.
С видом, кротости исполненным,
Сей начальник говорит ему:
«Не могу закона строгостью
Разорвать взаимный узел сей.
Коль любовь соединила вас,
В мире будьте все, в спокойствии».

Граф с восторгом возвращается
К двум супругам во объятия.
Радость, счастье, удовольствие
В сем семействе водворилися;
Ревность, скука, попечении
Прочь от замка удаляются.
Две супруги нежно, искренне
Меж собой питали страсть любви
И взаимным удовольствием
Графу, ими столь любимому,
Услаждали жизнь блаженную.

Стен серальских в пышной роскоши,
Окруженный взором прелестей,
Сам султан в забавах, в счастии
Мог ли графу уподобиться, —
Иногда с одной черкашенкой
Он утех вкушает сладости,
Граф же с новым удовольствием
От любви супруг питается.

По обеим сторонам его
Две подруги, сердцу милые,
Посреди их он покоится
В целомудренных объятиях.

Каждый год блаженной жизни сей
Был увенчан новой радостью:
Два любви залога нежные
К счастью Глейхена рождалися.
Он в семейственном спокойствии
До глубокой дожил старости,
И власами серебристыми
Приукрасилось чело его.
Но когда из жизни временной
Перешел он в вечность мирную,
И супруги скоро вслед за ним
Бренность жизни сей оставили.
Как, на брачном ложе вместе все,
Живши в свете сем, покоились,
Так и в гробе по бокам его
Вместе вечным сном покоятся.

⟨1802⟩

278. НА НОВЫЙ 1802-Й ГОД

К друзьям

Едва, спеша вослед звездам,
Царь дня румяные смирил востока волны
И сыпал миллионы
Алмазов по снегам, —

Как на лугé сребро-сапфирном,
В ковчеге благости держа дары судьбин,
Вторый столетья сын
С челом скатился мирным.

Предстал — надежд, желаний сонм
Во сретенье ему, как легкий пар, толпится,
И всякой суетится
О счастии своем.

Одни хотят чинов для чванства,
Другие ордена, титу́лов и честей
Для ро́скошных затей;
Любовницы, богатства.

А я без прихотей искусств
К любимцу времени иду с лицом смиренным,
Со взором, орошенным
Слезой душевных чувств;

Прошу — да круг друзей мне милый
Из чаши радостей нектар блаженства пьет,
Надежды кроткой свет
Прочь гонит мрак унылый;

Да жизни их прозрачный ток
Не остановит смерть дыханьем ледовитым,
Над гробом, вновь зарытым,
Не шепчет ветерок. . .

Не дай им за сребро полуду,
Прямого счастия, спокойства не лиши,
В спокойстве их души
И я спокоен буду.

⟨1802⟩

279. ВЕЧЕР 14 ИЮНЯ 1801 ГОДА

Вчера с друзьями я ходил
В тени сосновой темной рощи,
Прохладной ожидая нощи,
Там с ними время проводил.
Природа сумраком оделась, —
Угрюмо на закате рделась
Тускло-червленая заря.

Туман спустился на луга,
Зефир заснул, древа молчали,
Нахмурясь, небо покрывали
Черногустые облака.

Луна из-за горы лесистой
Явила нам сквозь воздух мглистый
Бледно-багровое чело.

Явила — и печальный свет
По роще тихой разливался,
В тоску и мрачность облекался,
Казалось, каждый там предмет.
Уныние в признáках черных
На нас, безмолвных, утомленных,
Простерло свой свинцовый жезл.

Отрада удалилась прочь,
Мое тут сердце приуныло,
Забивши тише, говорило:
«В твоей душе темно, как ночь!
Надежды тусклый луч затмился,
Оставлен всем — всего лишился,
И цель твоя — одна лишь смерть».

В глазах, где жизни огнь погас,
Слезу мне горесть навернула;
При сумраке она блеснула
Печально в сей прискорбный час.
«Друзья! — сказал я. — Я несчастен,
Мой жребий беден и ужасен,
Страданье — жизнь, темница — свет.

На всё гляжу сквозь черный флер,
Нигде, ни в чем красот не вижу,
В веселых кликах стоны слышу,
При солнце мрачность кроет взор.
Вино мне в яд преобратилось, —
Восторгов сердце тех лишилось,
Что чувства нежат и томят.

Я вздохом начинаю день,
Смущенны взоры вкруг вращаю,
Ищу отрад — тоску встречаю,
Печаль следит за мной, как тень.
Исчезла радость, наслажденье,

Прошли забавы, и мученье
Рукой железной сердце жмет.

Влачится в скуке жизнь моя,
Лишась подруги кроткой, милой,
В сей жизни горестной, унылой
Томятся сердце и душа.
Но скоро я глаза закрою
И смерти хладною косою
В могилу темную сойду.

Тогда как солнце, скрывшись в Понт,
Оставит в тучах свод лазурный,
Померкнет свет сребристый, лунный,
Туман задернет горизонт,
Как ночь разверзет мрачны недры
И заревут, завоют ветры, —
Друзья! придите вы сюда.

Придите! Древних сосн в тенях
Надгробный камень там белеет,
Под ним — ваш друг несчастный тлеет,
Слезой его почтите прах,
Почувствуйте в душе унылой,
Как над безмолвною могилой
Во мраке ночи воет ветр».

1803

280. СОН

Рдяное солнце в облаке мрачном
Скоро сокрылось от глаз;
Всё приумолкло, всё приуныло,
Дремлют леса.

Ночь в колеснице, черной, печальной,
Тихо с востока летит,
Влажные тени стелет на землю,
Тускнет река.

Скуки унылой тяжкое бремя
Душу мою тяготит;
Скорби жестоки, горести чует
Сердце мое.

Сердце тоскует, слезы лиются
Градом из томных очей!
Всё будто кажет, всё предвещает
Близку мне смерть.

В хижину мирну, к милой подруге
С смутной душою спешу,
В недрах покоя кроткой дремоты
Горе забыть.

В длинной одежде, бледен, печален,
Перст приложивши к губам,
Сон опускает черную ризу
Мне на глаза.

С духом смущенным я засыпаю:
Сердце хладеет во мне.
Мрачные виды взору открылись:
Ужас и страх!

В пасмурный вечер, с трепетом в чувствах,
Я на кладбище сижу;
Камни надгробны, смерти жилища,
Окрест меня.

Заревным цветом небо покрыто,
Смотрит кровавым лицом;
В рдяном пространстве око не видит
Звезд и луны.

В воздухе душном всё увядает,
Блекнет, на что ни взгляну;
Древние сосны зноем томятся,
Ноют — молчат.

Воздух, сгущенный паром зловонным,
Грудь мою тяжко теснит;
В лютом мученьи чувствую близко
Горькую смерть.

Камни надгробны вдруг потряслися,
Скорбный услышал я вздох;
Глухо и томно он отозвался
В сердце моем.

В робости, в страхе, мог ли приметить,
Вздох сей отколь происшел?
Вижу: открылась хладна могила
Близко меня.

Вижу: выходит медленным шагом
Страшный мертвец из нее;
В гробной одежде, в саване белом
Мне предстает.

Я ужаснулся, волосы дыбом
Встали над бледным челом.
Тень, подождавши, гласом могильным
Мне прорекла:

«Вздох этот тяжкий, чадо печали,
В слух твой проник из земли.
Стонет природа, тленью предавшись:
Се твой удел!

Скоро и ты здесь, в недрах безмолвных
Матери нашей земли,
Скоро здесь будешь, в тесной могиле,
С нами лежать».

1803

281

В тишине уединенной
Жизнь несчастную веду,
Позабыт я всей вселенной,
Счастье в смерти лишь найду.

Ты, подруга летней нощи,
Бледносветлая луна,
Лес, луга, и темной рощи
Мрак безмолвный — тишина!

Не услышите вы вечно
Вздохов горестных моих,
Хоть страдаю я сердечно
В лютой грусти, в муках злых.

Ручеек, что по лужочку
Быстро льется и журчит,
И под холмиком к кусточку
Воду чистую струит!

О тоске души унылой
Не скажу тебе, смолчу,
И тебя, ручей мой милый,
Я слезой не возмущу.

Не скажу я ветерочкам:
Мчитесь вы по всем местам,
По дубравам, по лесочкам,
По долинам, по лугам.

Не скажу я вам: сыщите
Ту, которую люблю,
И тихонько ей шепните,
Что я в жизни ад терплю;

Что с унылою душою
В жалкой участи грущу
И сердечного покою
Тщетно я везде ищу;

Что, красот ее любезных
Образ в памяти храня
И в страданьях бесполезных,
Рвусь и мучусь, жизнь кляня.

Нет, в моей ужасной доле
Не могу ее винить;
Нет, не в нашей это воле —
Ненавидеть и любить.

Не богат я и не знатен,
Не забавен, не остер,
Мрачный вид мой неприятен,
Речь уныла, томен взор.

Что роптать мне на судьбину?
Не могу я счастлив быть.
Но умею лишь Кларину
Страстно, искренно любить.

1803 (?)

Н. С. АРЦЫБАШЕВ

Николай Сергеевич Арцыбашев родился 1 декабря 1773 года в селе Мамино Казанской губернии, в дворянской семье. Одиннадцати лет он осиротел и был отдан на воспитание в петербургский немецкий пансион. По окончании его недолго служил в Семеновском полку, после чего вернулся в родовое поместье. Арцыбашев часто наезжал в Казань, где близко сошелся с местными писателями: С. А. Москотильниковым, Г. П. Каменевым, И. И. Чернявским. В Вольное общество он был принят 9 ноября 1802 года. Умер 27 августа 1841 года.

Арцыбашев более известен как историк, нежели как литератор. Его перу принадлежит четырехтомное «Повествование о России», в котором история России прослеживается с древнейших времен и до конца царствования Ивана Грозного (издано посмертно в 1836—1843 годах), а также еще два исторических труда: «О первобытной России и ее жителях» (1809) и «Приступ к повести о русских» (1811). Как писатель Арцыбашев выступил с философскими одами и исторической повестью «Рогнеда, или Разорение Полоцка» (1804).

282. СЛУЧАЙ

Ужель я тварь слепого рока? . .
Ужели случая я сын? . .
Так нет святыни, нет порока,
И разум мой лишь дым один? . .
А вечность, добрых дел награда,
Пустая слабых душ отрада?

Всё слепо, глупо под луной,
И бытие мое свершилось,
Затем что только *так случилось*,
Вина всего лишь звук пустой? . .

Махина мира, цепь природы,
Светил блестящих миллион,
Разнообразных тварей роды,
Движенья вечного закон,
Парящий ум, воображенье,
К познанью истины стремленье,
Любовь, связь общая людей,
От Лейбница до паутины —
Всё дело глупыя причины:
Равны и добрый, и злодей?

Душа моя затрепетала
От мысли бедственной сея;
На части грудь мою терзала
Сомненья лютая змея.
Итак, я автомат презренный,
Слепым лишь случаем рожденный?
Что ж добродетель, кою чту?
Что разум, память и свобода?
Что связь, порядок и природа? . .
Везде я вижу лишь мечту.

Вдруг небо вскрылось надо мною,
Я слышу бурных вихрей *лом*,
Земля трепещет под ногою,
Сверкнул перун, ударил гром.
В превыспренних пределах дальных,
Средь звезд и солнцев лучезарных
Богиню вижу я тотчас.
Она трясет свето́ч возжженный. . .
Проникла искра ум мой темный. . .
Внутри себя я слышу глас:

«В пространстве атома безмерном,
Полкапли в страшных безднах вод,
Куда в безумстве дерзновенном
Ты буйных мыслей правишь ход?

Ты червь — а быть желаешь богом
И в исступлении жестоком
Стремишься в тьму низвергнуть мир;
И даже не из туч гремящих,
Не из огней светил блестящих —
Из глупости творишь кумир.

Зри, как лучи в волнах играют,
Оделись зеленью леса,
Колосья нивы покрывают,
Звездами блещут небеса;
Как плод, поспевший пред тобою,
Ты рвешь завистливой рукою;
Как всё имеет свой предел
И отягченная трудами
Земля почиет под снегами —
Ужли то случай повелел?

Когда картиной Тициана
Прельщается твой ум пустой
И верит, что не начертанна
Была своей она рукой,
Что даже труд сей несравненный
Не кисти плод обыкновенный, —
То как же мир собой быть мог?
Он тьма картин в изящном роде.
Коль случай сделал всё в природе,
То случай — разум, случай — бог.

Ты уважаешь дух Невтонов
И чтишь первейшим в естестве
За то, что из судьбы законов
Он истины открыл нам две:
Лучей чрез призму раздробленье,
Всех к центру в мире тел стремленье,
Его бессмертия венец.
Коль разум нужен был отменный
Найти звено в цепи вселенной,
То случай ли ее творец?

В пустынях воздуха безмерных
Кружится сонм тяжелых тел,

К своим орбитам пригвожденных:
Кто им вращаться повелел?
Закрой же взор и с быстротою
Беги назначенной чертою, —
Своей дойдешь ли цели ты?
Когда ж и ум тебе изменит,
То как душа твоя поверит,
Что бег их — дело слепоты?

Всем действиям здесь есть причина,
Собой не может быть ничто,
Конец, начало есть, средина —
Доказывает опыт то.
Какой же случай прежде века
Всему дал жизнь и человека
Душой разумной одарил?
Ужели свет был создан тьмою? . .
Ты глупость чтишь ума виною,
Бессилие причиной сил.

Ум человеческий огромный
Не может атомы создать,
То как же случай глупый, темный
Возмог вселенну основать?
Украсить свод небес звездами,
Разлить моря между брегами,
Пустить по тверди треск громов,
Природе дать движенье, душу,
Пролить дожди и сделать сушу,
Лучи составить из цветов?

Порядок, стройность всей природы,
Связь общая во всех вещах,
Поддержанные тварей роды
Всегда им в свойственных чертах —
Слепой ли действие причины?
Коль слон родил бы апельсины,
А бытие дуб галке дал,
Когда бы огнь знобил нам члены,
То б вследствие такой премены
Льзя мыслить: *случай здесь играл.*

Но мы рождаемся одними
И производим в свет одних;
Природа узами святыми
Сковала чад с отцами их.
Она ж велела наслажденью
Дать повод к нашему рожденью, —
А без того что б быть могло?
Беда в потомстве, а не радость.
Ужли ж союзов нежных сладость
Пустое в мире сопрягло?

Когда ничто миров содетель,
То призрак жизнь была б пустой,
А совесть, честь и добродетель —
Причины действие слепой.
Что ж было б свято нам в природе?
Равно бы славились в народе
Отрепьев, Минин, Анкерштрём;
И, к пользе чистой устремленны,
Злодейства были бы почтенны —
Мила пороков гнусность всем.

В хаос бы мир сей превратился,
Порядок, ум нам был бы чужд,
Везде б дух буйства воцарился,
Расторглась связь взаимных нужд.
Морозы спорили б с жарами,
Столкнулись бы миры с мирами,
Расшиблась твердь небесных тел,
Везде б был ужас, разрушенье,
Расстройка, смерть, опустошенье,
Огонь бы в недрах вод горел.

Но сколь веков прошло уж в мире,
А всё идет своей чредой!
Коль царства пали, раб в порфире —
То глупость наша в том виной.
Монадой воли одаренный,
Помыслил человек надменный,
Чтоб было всё в его руках,
Чтоб в страхе все пред ним тряслися.

И — реки крови полилися,
И — человечество в цепях.

Вот сколько глупость твари тленной
Наводит миру страшных бед!
Так что ж бы было в той вселенной,
В творце которой смысла нет?
Хоть зло является меж нами,
Но мы ему причина сами,
Всегда один творца закон:
Он служит тварей к соблюденью,
Не к ужасу и разрушенью,
К добру навеки устремлен.

Виновен ли создатель света,
Что гордость здесь, корысть, обман,
Что чтут пророком Магомета,
На троне царствует тиран?
Что ханжества костры пылают,
Что мир войны опустошают?
Он дал нам жизнь и бытие,
Он дал нам часть ума и воли;
Зачем же к точке лучшей доли
Не правим сами мы ее?»

Глас правды, разума священный,
Твердись всегда в душе моей!
Как гром раздайся по вселенной
И врежься ты в сердца людей,
От грубых трудников Потозы
До Мирабо и до Спинозы.
Не знать тебя, творец всего,
Гораздо меньше преступленья,
Чем силой ложного сужденья
Доказывать, что ты *ничто.*

Зиждитель вечный, всемогущий,
Всего, что есть, душа, вина,
Святый, всесильный, вездесущий,
Кем вся природа создана!
Хоть я тебя не постигаю,

Но что ты есть, то твердо знаю
И слабым дохожу умом,
Что ты велик, коль всем владеешь,
Ты благ, коль всё хранить умеешь,
Премудр, коль правишь естеством.

⟨1805⟩

283. БЕССМЕРТИЕ

Природы действия, причины;
Внутри нас вопиющий глас —
Сознательность, наш друг единый
В изгибах умственных зараз;
Пять наших чувств — орудья жизни;
Ход основательныя мысли;
Его в бессмертности конец, —
Всё нам доказывает ясно,
Твердит, внушает ежечасно,
Что мудр великий наш творец.

Премудрый может ли без цели
Создать на свете что-нибудь?
Ужели громы загремели,
Ужели дан светилам путь
Лишь только для игры единой,
И бытия существ причиной
Могла лишь праздность быть одна?
Премудрости ли то желанье,
Чтоб, видя твари пресмыканье,
Сказать: хоть есть, хоть нет она?

Соделав кое-что отлично,
Заставя мир себя хвалить,
И человеку неприлично
Свой плод стараний истребить.
Не только гений в восхищеньи
Ценит свое произведенье,
Хранит его, как сам себя, —
Любитель всяк своей заботы,

Никто и средственной работы
Не бросит, труд употребя.

Внушит ли мудрость Рафаэлю,
Чтоб он свои картины сжег,
Чтоб столк статуи — Праксите́лю,
Чтоб стёр Державин оду «Бог»,
Чтоб Нортоны часы топтали,
Чтоб Гайдны *Времена*[1] марали,
Чтоб Гершель телескоп разбил?
Где слыханы тому примеры,
Чтоб шар гноили Монгольфьеры,
Компа́с Джиойа истребил?

Так судит ум несовершенный,
И он в своих расчетах прав.
Премудрости ль творца вселенной
Припишется такой устав,
Чтоб лучшее его творенье
Могло ниспасть в уничтоженье,
Влача короткой, жалкой век,
Объятый всюду хлопота́ми?
Ужель быть съеденным червями
Здесь только создан человек?

Нет! мудрого творца желанью
Закон такой не будет люб,
Чтоб лучшему его созданью
Преобразиться в гнусный труп!
Не здесь лишь нашей жизни точка;
Плотска́я наша оболочка
Земля — и в землю отойдет,
Но дух, ей правящий, чудесный,
Сокрытый в ней, хоть неизвестный,
Конечно с ней не пропадет.

Нельзя иначе будет, здраво,
С творцом премудрость согласить, —
Прилично ль действию дать право
Своей причины лучше быть?

[1] Известное музыкальное творение Гайдена.

По правилам земли законов
Давно истлел уж труп Невтонов,
Но что он сделал, то живет
И будет жить на свете вечно;
Когда ж творенье бесконечно,
То как творец его умрет?

Природы сильный обладатель,
Стихий угрюмый властелин,
Зверей свирепых обуздатель,
Умом и делом исполин,
Которого лишь мановенье
Дает перунам направленье,
Уставы пишет естеству,
Который мыслию единой,
Связуя действия с причиной,
Себя приближил к божеству;

Кому прогулкой служат бездны,
Кто огнь палящий разделил,
Кто смерил верно округ звездный,
Кто выше облак воспарил,
Отверз природы сокровенность,
Постиг порядка постепенность,
Познал, что есть добро и зло;
Кто в глубь спускался океана,
Кто буйность испытал волкана,
В миры проник через стекло;

Кто образ творческия силы,
Рожденный светом обладать, —
Не может для одной могилы
Носить изящности печать, —
Достоин лучшего предмета.
Не наша бедная планета
Его всех подвигов венец, —
Всё грубо здесь пред ним и мало, —
Не здесь стези его начало,
Не здесь ей будет и конец.

Но где ж тот край благословенный,
Обитель вечная духов,

Где в жизни прочной, непременной
Нет смерти, тления, веков;
Где бесконечность во мгновенье,
Где нам судьбы предназначенье,
Где мы узнаем, что мы суть,
Где совершатся все надежды
И наши собственные вежды
Чудесный узрят жизни путь?

Стой, слабый сын земли, доколе
Не смей завесы поднимать!
Тебе довольно здесь, в юдоле,
Бессмертие лишь угадать.
Велик ты в круге только тесном,
Но мал на поприще небесном;
Твой ум созреть еще не мог,
Чтоб тайны все понять судьбины:
Хоть можешь знать ты часть средины,
Конец с началом знает бог.

⟨1815⟩

С. А. МОСКОТИЛЬНИКОВ

Савва Андреевич Москотильников родился 5 января 1768 года в Ярославле, в небогатой купеческой семье. После смерти матери и вторичной женитьбы отца он вынужден был содержать себя своими трудами. Долгое время (с 14-ти лет) Москотильников служил чиновником в Ярославле, Вологде, Нижнем Новгороде, сменив на этом поприще ряд должностей. С 1793 года он поселился в Казани, где также служил чиновником в разных учреждениях. Будучи масоном, общался с Н. И. Новиковым, И. В. Лопухиным, И. П. Тургеневым и другими московскими розенкрейцерами.

В Казани Москотильников объединил вокруг себя местных писателей и ученых: Г. П. Каменева, Н. С. Арцыбашева, И. И. Чернявского, В. Р. Бобровского и некоторых других. В Вольное общество он был зачислен корреспондентом 15 июля 1805 года.

Москотильников смело и энергично боролся с противозаконными действиями и произволом местных чиновников и претерпел за это немало гонений. В последние годы жизни он очень нуждался. Умер в 1852 году.

Москотильников — автор многих сочинений, в том числе стихотворных, на философские и религиозные темы. В молодости он печатал свои переводы в журналах Новикова. Москотильников известен как один из переводчиков поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1-е изд. — в 1819-м, 2-е — в 1820—1821 годах). В книге Е. А. Боброва «Литература и просвещение в России. . .» (т. 1, Казань, 1902) опубликованы также следующие его произведения: трагедия «Остан», написанная в манере А. П. Сумарокова, «Ода Александру I» и «Религия», «Послание к графу Д. И. Хвостову», «Державину», несколько басен и эпитафий.

284. ОДА АЛЕКСАНДРУ I

Расторглись массы грозных туч:
На светло-яхонтовом своде
Златой блистает солнца луч;
Всё дышит радостью в природе,
С улыбкой всё встречает день.
В вертепы скрылась мрачна тень;
Мечтанья, призраки нощные
И мглою облеченный страх
На черных врановых крылах
Несутся в пропасти земные.

К нам свет низлился с теплотой —
И твари снова оживились;
Предметы с новой красотой
Пред око смертного явились.
Восторгом дух его объят,
Сердечны чувства в нем горят
К творцу миров благоговеньем.
Порядок, стройность естества
В благих нам свойствах божества
Неложным служат увереньем.

Но чей мы образ в солнце зрим?
Монарх! тебя изображает
Оно восходом нам своим;
Оно живит и освещает,
Мрак нощи гонит пред собой;
Российский край блажен тобой:
Ты добрым дни даешь златые,
С небес ты свел Астреин век;
Тобой стал счастлив человек,
Войдя в права свои святые.

Ты в милостях, в наградах щедр;
Но — если б к гибели несчастных
Из адских зло возникнув недр,
Явилось в видах здесь ужасных, —
Перун разить его готов.
Твой правый суд есть суд богов;

Вельможа гордый с беспомо́щным
Пред ним не разнствует ничем;
Во гневе праведном твоем
Достойна месть грозит порочным.

Злосчастный некогда Калас —
Слепого жертва суеверства! —
Подвигнул муз фернейских глас
Противу лжи, противу зверства:
Великий Генриха певец,
Коснувшись глубины сердец,
Склонил Европу удивленну
Восстать противу общих зол,
Поставить истине престол,
Почтить природы власть священну.

Калас на севере другой
Твое владычество прославил:
Гоним разгневанной судьбой,
Он в лютых муках жизнь оставил;
А варварство, гордясь, рекло:
«Для пользы общей нужно зло;
Потребен бич и истязанье,
Где разум правду слаб познать:
Коль ревность должно показать,
Невинный гибнет пусть в терзаньи!»

О ангел мира! Царь сердец!
Возмог ли ты без содроганья,
Благий быв подданных отец,
Внять гласу крови и страданья?
Ах, нет! Твой скиптр виновным мстит
И пламенны перуны мещет...
Екатерина зрит с небес
На ток пролитый горьких слез...
И кто ж из злых не вострепещет?

Монарх! ты — образ божества:
Ты в действиях ему подобен.
Как изверг гнусный есте́ства,
Погибнет тот, кто в сердце злобен;
Но слабых различишь от злых.

Хоть слабость в следствиях своих
Вредна для общего блаженства,
Различна в чувствах с злом она.
В удел нам бренность лишь дана:
О! коль мы чужды совершенства!

Я суд твой истинный воспел,
Я робкими дерзнул устами
Вещать гремящих славу дел —
Вещать... но лиры мне ль струнами
Или звучащей муз трубой
Воспеть достойно пред тобой?
Одни лишь пылки ощущенья,
В моем разливши сердце жар,
Принесть тебе стремятся в дар
Сей слабый знак благодаренья.

Твоей державною рукой
От стрел вражды спасен я ныне;
Исчезли бедства предо мной,
И я в восторге рек судьбине:
«Ты мне с улыбкой кажешь вид;
Я счастлив: всё мне то твердит;
Но милостей чтоб быть достойным,
Дай больше средств полезным быть,
Царю, отечеству служить
И петь на лире гласом стройным!»

1801

285. ЭПИТАФИЯ ДРУГУ

В ком некогда пылал небесный, чистый пламень,
Кто был любитель муз, кто добродетель чтил,
Кто сладость дружбы знал, несчастного любил, —
Того остывший прах здесь кроет хладный камень.

Но дар всевышнего — свет, в мраке заключенный,
К источнику его из тлена возлетел.
О друг! напрасно ты, уныньем отягченный,
В природе смерть одну и разрушенье зрел.

1803

286. БАСНЬ
«ВОЛК И ЛИСИЦА»

Волк, видя, что пастух овец своих стрижет,
Лисице говорил: «Что, кумушка, ты скажешь:
Ужель тому ушей ослиных не привяжешь,
С скотины кто своей вдруг кожи не сдерет?»
Лиса, подумавши, дала ему ответ:
«Коль правду, куманек, сказать не постыдимся,
Мы оба в пастухи с тобою не годимся:
С привычкой нашею кто стадо сбережет?»

1815

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся согласно порядку стихов в произведении. После нумерации строк (или строф) указывается источник варианта; если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего.

А. Х. Востоков

1

31—36 Во отдаленности сумрáчной
СвМ Грядущее моим очам
Яви сквозь твой покров прозрачный.
Ах! лютым зрю конец войнам.
Вражда терзать людей престала,
И вечна тишина настала!..

51—55 И зло уже не обитает
Между блаженными людьми,
Их гнусна зависть не снедает,
И чужды гордости они;
Вредить друг другу перестали...

51—55 Пороки все искоренились,
ОЛ Иссяк тлетворный оных яд;
С рассудком страсти помирились,
Устроясь во взаимный лад;
Прямое счастие познали

строфы Почто, фантазия всевластна,
13—14 Ты съемлешь с глаз моих покров?
СвМ Коль часто смертных жизнь несчастна,
Коль часто к смертным рок суров;
Увы! зачем же не питаться,
Зачем же нам не наслаждаться
Благотворительной мечтой?

Она из сердца грусть выводит,
Забвенья ризой нас обводит,
Вливает сладкий в дух покой.

Что есть жизнь смертных — сон единый;
Блажен, кто сладко мог мечтать,
Кто, не вдаваясь в власть кручины,
Мог сча́стливым себя считать!
Блажен, кто мог, не унывая,
Надеждою свой дух питая,
Себя безделкой веселить,
Подобно отроку младому,
И без одежды и без дому
Везде блаженство находить!

145—150 ОЛ
Кто мог, сомкнув охотно вежды,
Держася об руку надежды,
Прейти отважно жизни путь
И, не заботясь по-пустому,
Подобно отроку младому,
Играть, играть. . . да и заснуть.

4

перед строфой 1 СвМ
От Ладоги на белых льдинах
Течет зима к нам по реке;
Глава сей старицы в сединах,
Железный скиптр в ее руке,
Куда его ни простирает,
Везде природа умирает,
Недвижим взор ее, суров;
Трясет замерзлыми кудрями
И кроет снежными коврами
Увядший злак долин, лесов!

Течет и льдами рассекает
Поверхность шумных невских вод,
И, торжествуя, продолжает
Свой медленный и важный ход.
Пришла — и льды остановились,
И скрыли оную от глаз.
Вотще валы под льдами воют,
Сей кров, столь твердый, не пророют,
Что из воды же создал мраз.

после строфы 3
Мой друг, ни пред каким кумиром
Не станем ползать мы змеей.
Но в мире уживемся с миром [1]

ОЛ [1] Аллюзия на известный стих Карамзина: «тот в мире с миром уживется». Здесь, может быть, кстати заметить, что первые из сих лирических опытов сочинены прилежным читателем «Московского журнала» и «Аглаи».

В спокойной хижине своей,
Когда же гневными судьбами
Польется чаша зол над нами,
Сносить с терпеньем будем то;
Из сердца изженем роптанье
И взложим твердо упованье
На всеблагое божество.

после строфы 6

Когда б симпатией сердечной
Подруга мила нам нашлась,
Которая б любовью нежной
Питала, утешала нас,
Служа подпорою в напасти,
Всегда б и в счастьи и в несчастьи
Нам верной спутницей была,
И словом, лишь для нас рожденна,
Судьбою нам определенна,
Для нас лишь прелестьми цвела.

Я слышу сердца предвещанье,
Мне глас таинственный речет:
Твое не тщетно упованье,
Найдешь себе любви предмет!
Хоть мало будешь ждать, хоть долго,
Но верно сыщешь — и с восторгом
Прижмешь к трепещущей груди!
Так! пусть зовут сие мечтаньем,
Но не расстанусь с упованьем
Когда-нибудь ее найти.

Тогда я буду наслаждаться
Возможным счастьем на земли,
Хотя б я должен с ней скитаться
В степях и в поте и в пыли;
Но двух любя́щих постоянство
Судьбины победит тиранство,
Превыше рока нас взнесет —
И смерть, пришедши к нам украдкой
И нас застав в дремоте сладкой,
В свои объятия возьмет.

Всего от божества благого,
Иванов! терпеливо ждать
Мы будем — бог не может злого
Своим творениям желать!
Когда же промыслу святому
Угодно будет класть препону
Желаньям юношеским сим,
В безмолвии пред ним приникну
И с теплой верою воскликну:
Велик господь! Непостижим!

5

после 8 СБ

Эхо утесов, карканье вранов
Внемлющим вторит полям,
Впрочем повсюду сон и безмолвье:
Изредка слышится гул.

29—31

Море туманов дол облегает,
Медленно к небу взносясь;
В сладком забвеньи дух мой стремится
Вместе с туманами вверх.

вместо 37—40

Скоро пред утром скроются звезды
Все в вышине голубой,
Ночи светило в тучах потопит
Сребропомерклый свой шар.

Небо прияло утренню ясность,
Бледна, осення заря
Видит в уныньи тучу, готову
На весь день солнце закрыть.

6

вместо 23—24 СвМ, ОЛ

Приди и полными лилейными руками
В объятья сладки заключи,
И нежно к моему биющемуся сердцу
Девические перси жми.

вместо 25—28 СвМ

Прижми и дай мне жизнь вкусить богам завидну
На лоне прелестей твоих.
От пламенных моих лобзаний пусть алеет
Упругих грудей белизна,
И члены в сладостном дрожании ощу́тят
Электризацию любви.
Пусть восхищенная душа моя с твоею
Сольется радостно в одну:
Упившись сладостью чистейших удовольствий,
Пусть вкупе мы потонем в них.
Приди! Я жду тебя с живейшим нетерпеньем,
Невеста сердца моего!
Хранима для меня ты вышним провиденьем,
Того надеюся и — жду!
Предстань же, милая, моим ты алчным взорам,
Дай слышать ангельский твой глас.
Среди красавиц всех тебя я распознаю:
Твой образ в сердце у меня!
Приди ж и учини меня благополучным,
Богиня моея души.

вместо 25—28 ОЛ

Как агнец на лугах опочивает злачных,
Так я на лоне у тебя;
Как пламя двух свещей, так наши обе души
Сольются радостно в одну.
И если опоит нас нектар удовольствий,
Венец всех благ такая смерть.
Приди! Я жду тебя с живейшим нетерпеньем,
Невеста сердца моего!
Хранима для меня ты вышним провиденьем,
Того надеюсь я и жду.
Узрю ль твой кроткий взор, услышу ль нежный голос,
Богиня моея души,
Среди красавиц всех тебя я распознаю:
Твой образ в сердце у меня.

7

5—9 СвМ, ОЛ

Вы же, чада богатства и знатности!
Если вместо достоинств и разума
Слабость, глупость и низкие чувствия
В вас, то свой отвратите слух.

39—40

В важном тоне, из устен рубиновых,
Чистым рцы языком златым!

8

строфа 16 СБ

Дух смертных пашне есть подобен:
Он может всё произрастить,
Лишь только б пахарь был способен
Его возделать, угобзить.
Предметов разных впечатленье
И разных случаев стеченье
При воспитаньи первых лет
Нередко душу тлит, стесняет
Иль в ней таланты развивает
И направленье ей дает.

между строфами 16 и 17

Но человек не будет прямо
Во храм изящности введен,
Хотя б достиг к преддверью храма
Счастливым направленьем он.
Дальнейшее он воспитанье
И вящее образованье
Дать должен сердцу и уму;
Науку важную постигнуть,
Без коей никогда достигнуть
Нельзя в святилище ему.

Без коей все тобою зримы
Ведущи на Парнас пути
Опасны, трудно восходимы:
Лишь может тот один идти
Стезей, усыпанной цветами,
Между приятными кустами,
В проходе тихих светлых рек,
Кто ту науку постигает:
Она все знанья заменяет,
Ее предмет есть человек!

Он сам и дел мирских теченье,
Которы все до одного
Причину и происхожденье
Имеют в сердце у него.
Вперяй же очи изощренны
В изгибы сердца сокровенны,
Терпением вооружась;
И, в естество вещей вникая,
Сличая их и различая,
Взаимну сыскивай в них связь.

Когда получишь разуменье
Во глубине сердец читать,
Их струны приводить в движенье,
Во все их сгибы проницать,
Тогда твой мощный дух обнимет
Все в мире вещи, ум твой примет
Устройство лучшее и свет, —
Чем больше мысль твоя трудится,
Тем правильнее становится
И тем яснее настает.

Итак, имеешь ли стремленье
На верх изящности взойти, —
На нужное сие ученье
Себя во-первых посвяти!
Тогда представится дорога,
Неутомительна, отлога,
В цветах и злаках пред тобой,
Тогда ты вступишь в храм священный,
И слава возвестит вселенной
Поэта звучною трубой.

Прим. к ст. 190 ОЛ

Из множества поэтов, встречавшихся сновидцу на Парнасе, наименовал он только тех, коих лица были ему тогда познакомее и (что не менее важно) коих имена могли уставиться в десятистишии.

9

загл. **ВИДЕНИЕ В МАЙСКУЮ НОЧЬ**

подзаг. **ОДА К ФЛОРУ**

ОЛ *Сафическим размером* *

— ◡ — ◡ — , ◡ ◡ — ◡ — ◡
— ◡ — ◡ — , ◡ ◡ — ◡ — ◡
— ◡ — ◡ — , ◡ ◡ — ◡ — ◡
— , ◡ ◡ — ◡

прим. ко 2-му подзаг.

* Сафический размер, употребленный в сей оде, состоит, как видит читатель, из 3-х сафических пятисложных стихов, в коих средняя стопа — дактиль, а прочие — хореи; и из адонического двустопного стиха, дактиля с хореем.

В трех больших стихах после 5-го слога пресечение, с которым непременно должно оканчиваться слово. Напр.,

Где ты	мой Кле	ант,	я взды	хая	думал,
Чтоб со	мной те	перь	разде	лять вос	торги,
Где вы	все? где	Флор?	где А	рист? Фи	лон мой
		где	неза	бвенный?	

Гораций, который написал много од сафическим размером, ввел в них таковое пресечение, чтоб некоторым образом усилить каданс. Сама же Сафо, изобретшая сей размер, не употребляла в оном определенных пресечений.

Вот для примеру ее стих:

О Ха	риты!	ныне ко	мне скло	нитесь,
Афро	дитин	радостный	трон о	ставив;
Вы к Фа	ону	милому	поне	сите
		Сафины	вздохи!	

В последнем виде сафический стих сам по себе мягче и, так сказать, нерадивее; а тем он способнее для нежной поэзии.

10

Эпиграф ОЛ

То старина, то и деянье,
Синему морю на утешенье,
Быстрым рекам слава до моря,

А добрым людям на послушанье,
Веселым молодцам на погудочки.

«Древн. русские стихотворения», стран. 24.

321—328 Вещал... и, меч кровавый кинув,
С себя спешит бел пояс снять,
И с сокрушенным видом сыну
Он тщится рану повязать:
«Меня, мой сын, обуревала
Неукротимо злая страсть,
Но се природа восприяла
Свою над отчим сердцем власть».

13

загл.

К А. Г. В.

подзаг. ОЛ

В ДЕКАБРЕ 1802 ГОДА

Асклепиадейским размером *

прим. к подзаг.

* Стихи, называемые *асклепиадейскими* по имени изобретателя и *хориямбическими* по сложению стоп, бывают четырех видов, из коих четвертый употреблен в сей оде. Рассмотрим прежде первые три вида.

1-й асклепиадейский размер состоит из одних асклепиадовых стихов, по имени изобретателя названных. В них стопы — хорей, хориямб и два дактиля:

— ◡ — ◡ ◡ — — ◡ ◡ — ◡ ◡

Для примера приведем Горациеву оду к Мельпомене: «Exegi monumentum aere perennius» etc. в следующем переводе:

Крепче меди себе создал я памятник;
Взял над царскими верх он пирамидами,
Дождь не смоет его, вихрем не сломится,
Цельный выдержит он годы бесчисленны,
Не почует следов быстрого времени.
Так, я весь не умру — большая часть меня
Избежит похорон: между потомками
Буду славой расти, ввек обновляяся,
Зрят безмолвный пока ход в Капитолию
Дев-Весталей, вослед первосвященнику.
Там, где Авфид крутит волны шумящие,
В весях, скудных водой, Давнус где царствовал,

Будет слышно, что я, рода беззнатного
Отрасль, первый дерзнул в римском диáлекте
Эолийской сложить меры поэзию.
Сим гордиться позволь мне по достоинству,
Муза! сим увенчай лавром главу мою.

2-й асклепиадейский размер состоит из сочетания гликонова стиха с асклепиадовым:

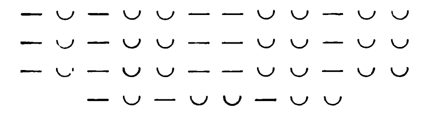
— ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪	гликонов
— ∪ — ∪ ∪ — — ∪ ∪ — ∪ ∪	асклепиадов

Для примера другая Горациева ода к Мельпомене: «Quem tu Melpomene semel» etc., переведенная другом автора, г-м В⟨олковым⟩, к которому обращена пятая в сей книге пиеса.

⟨Далее цитируется текст перевода А. Г. Волкова, см. № 166 наст. издания⟩

Сии два вида асклепиад⟨ейского⟩ размера употребляются в одах бесстрофных или не разделенных на куплеты, как по примерам видно.

3-й асклепиадейский размер состоит из трех асклепиадовых и одного гликонова стиха, следственно из куплетов в четыре стиха:



4-й состоит из куплета же, в коем первые два стиха асклепиадовы, третий ферекратов стих, четвертый гликонов:

аскл⟨епиадов⟩	Волков,	милый певец!	что ты мол	чишь теперь?
аскл⟨епиадов⟩	Ты сво	ею давно	анакре	онскою
ферекр⟨атов⟩	Лирой	нас не пле	няешь	
глик⟨онов⟩	И пар	насских не	рвешь цветов!	

Здесь гликонов стих приемлет вместо дактиля на конце стопу амфимакр (— ∪ —).

прим. к слову «певец» (ст. 1) А. Г. В., ныне химик-адъюнкт в С. П.бургской Академии наук, оказал себя некоторыми мелкими, по большей части анакреонтическими стихотворениями, кои напечатаны в «Свитке муз» 1802 года.

16

28—30 ПИ, ОЛ
Для человечества — кроме награды той,
Котора в вас самих, вы смело уповайте
Узреть апофеос в веках грядущий свой.

21

32—35 Цв

Где всё усажено четами
Веселых, ухарских гуляк
И девичьими красотами
В остистых, теплых соболях.

23

ГИМН НЕМЕЗИДЕ

строфы 3—4 СПВ

Склонися к нам, Немезида крылата,
Божественной правотой
Взвешивающа жизнь смертных.
Тебя мы поем, тебя мы призываем
С подругою твоей святой,

Со правосудием непобедимым.
Его же приближенье к нам
И веяние крил широких
Обезоружит помыслы кичливы,
Немезида и ад падут к его стопам.

25

1—3 автограф ААН

Клейми, пожалуй, руку:
Души не заклеймишь.
За бога, за царя кто примет смерть и муку,
Того рабом своим вовек не учинишь!

* * *

Ты думал веру в нем и верность преломить,
За бога, за царя он примет смерть и муку.
Пятнать своим клеймом ему ты можешь руку,
Не можешь сердца заклеймить!

* * *

Ты русских, лютый враг, не знаешь:
Я верен богу и царю.
Когда мечтал и нас вовлечь в свои полки,
Лишь руку ты ему, не душу запятнаешь,
Чтоб не служить тебе, лишится он руки,
И я тебе ее отрубленну дарю.

А. Е. Измайлов

122

7—9 автограф ГПБ

Ты окружил себя льстецами,
Первейшие места все заняты глупцами.
Не стыдно ль? Женщины дают тебе закон.

127

1—6 автограф ГПБ

Я месяц в гвардии служил,
А сорок лет в отставке был.
В деревне я учил собак,
Ловил зверей, курил табак,
Наливки пил, секал крестьян,
Жил весело и умер пьян.

131

после 26 автограф ЛГУ

У всякого свой вкус — неможно
Любить дурное запретить,
Но только матери не должно
Пред всеми дочь свою хвалить.

135

9—10 СО

Князь Меншиков почти уж видел дочь в порфире,
А умер вместе с ней в Сибири.

Н. Ф. Остолопов

193

после 8 ЛС

Максим:

Иль за отличие, за ревность, правоту?
Коль так, так я тебя того достойным чту.

Федюша:

Так точно, дядюшка, я очень отличался,
Хотя и за дела совсем не принимался.

195

после 64 ЛС

Ты скажешь, что она, столь будучи всесильна
И в вымыслах своих премудра и обильна,
Могла бы дать добро и не давать нам зла, —
Конечно, Правдослов, конечно бы могла,
Да тут причина есть, какая ж — я не знаю;
Чего нельзя понять, о том не рассуждаю.
И голову ломать пристойно ли о том,
Что все ученые с превыспренним умом,
С латынью, с бородой, с большими колпаками,
Старались доказать нам целыми веками,
И только то одно успели доказать,
Что свыше сил своих не должно тяжесть брать, —

Успели доказать, и очень, очень ясно,
Что беспокоились они о том напрасно.
Так сметь ли взяться мне за важный сей предмет?
Мне можно лишь жалеть, что весь пространный свет
И Золиных и зла в себе имеет много,
О зле ж и Золиных судить не слишком строго;
А лучше и всего дивиться да молчать.

Но время уж сию статью мне окончать,
К предмету моему хочу я обратиться,
Хочу, о Правдослов, опять с тобой браниться.
Не странно ль: ты берешь себе такую власть,
Что нашу всякую порочить хочешь страсть?
Недавно — дерзостью исполнен дух имея —
Ты нам изобразил коварного Кащея,
Который на словах всегда творит добро,
На деле же предаст себя за серебро;
Ты нам изобразил, как он уклончив, низок,
Как к выгоде чрез то он путь находит близок,
И горд, желания достигнув своего.
Возможно ль не узнать Кащея твоего?
Ты в лицах, Правдослов, его представил живо,
Какую от того ты пользу приобрел?
Не думай, чтоб его исправить ты успел:
Кащей твой от своей привычки не отстанет, —

после 118 Возможно ли ж на то поэту не сердиться,
Когда советуют в писаньи не трудиться?
Поэты рождены с высокою душой!
Они твой выговор чтут дерзостью большой.

Г. П. Каменев

273

1—2 Блеснул вдруг молний луч, ударил страшный гром.
Бобров, Судьбины глас прорек сии слова святые.
т. 3

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворное наследие писателей, входивших в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, относится ко второй половине 1790-х годов и к первой четверти XIX в. Оно было представлено многочисленными публикациями в журналах и альманахах того времени и — в гораздо меньшей степени — в персональных авторских сборниках. В 1935 г. этот обширный, разрозненный и почти забытый художественный материал впервые был собран воедино в книге, носившей название «Поэты-радищевцы», и издан в Большой серии «Библиотеки поэта» известным литературоведом В. Н. Орловым. В сборнике были представлены произведения двадцати четырех поэтов: И. П. Пнина, И. М. Борна, В. В. Попугаева, А. Г. Волкова, В. И. Красовского, В. В. Дмитриева, М. К. Михайлова, Н. Ф. Остолопова, А. Е. Измайлова, Д. Ф. Бринкена, И. А. Кованько, М. Олешева, Ф. П. Вронченко, Н. А. Радищева, В. А. Радищева, Г. П. Каменева, Н. С. Арцыбашева, И. И. Чернявского, С. А. Москотильникова, А. А. Писарева, Ф. И. Ленкевича, А. П. Бенитцкого, В. Ф. Вельяминова-Зернова и И. Г. Аристова. Одновременно в той же Большой серии «Библиотеки поэта» под редакцией В. Н. Орлова были изданы «Стихотворения» одного из крупнейших представителей Вольного общества — А. Х. Востокова (Л., 1935). В обоих изданиях, оснащенных обширным библиографическим, текстологическим и историко-литературным комментарием, был использован огромный архивный материал, периодика конца XVIII — начала XIX в. В 1952 и 1961 гг. сборник «Поэты-радищевцы», под редакцией В. Н. Орлова, выходил в Малой серии «Библиотеки поэта». В нем были представлены четыре автора: И. П. Пнин, В. В. Попугаев, И. М. Борн и А. Х. Востоков.

В настоящем, втором издании произведений поэтов Вольного общества в Большой серии «Библиотеки поэта» избранные стихотворения А. Х. Востокова печатаются вместе с произведениями других членов этого объединения, круг которых, сравнительно с изданием 1935 г., несколько сужен. Из перечисленных выше поэтов в сборник не вошли стихи М. К. Михайлова, Д. Ф. Бринкена, Ф. П. Вронченко, В. А. Радищева, И. И. Чернявского, поскольку их наследие очень невелико по количеству произведений, а также В. Ф. Вельяминова-

Зернова и И. Г. Аристова, не сыгравших существенной роли ни в организации, ни в литературной деятельности Вольного общества.

В расположении материала составитель руководствовался следующими принципами: 1) идейно-художественной значимостью творчества каждого из названных писателей; 2) ролью поэта в идейной и организационной жизни Общества; 3) временем вступления в Вольное общество. Открывает сборник А. Х. Востоков — наиболее видный из представленных здесь поэтов, отдавший много сил и времени Вольному обществу почти на всем протяжении его существования. За ним следует И. П. Пнин — поэт бесспорно талантливый, но не столь разносторонний, как Востоков, автор смелых философских од, один из президентов Общества. Далее идут Борн и Попугаев, наиболее радикальные в политическом отношении писатели, организаторы и идейные руководители Общества на первом этапе его существования; А. Е. Измайлов, автор остроумных сказок, басен, сатирических миниатюр, бывший с 1816 до 1826 г. бессменным председателем Общества. Далее выстраиваются «рядовые» его члены, расположенные по времени их вступления в Вольное общество. В конце сборника выделена группа «казанских» писателей: Г. П. Каменев, Н. С. Арцыбашев, С. А. Москотильников. Некоторые из авторов, помещенных в настоящем сборнике, уже были представлены в других изданиях Большой серии. Так, в книге «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.» (1959) напечатаны «разговоры», эпиграммы, эпитафии и надписи А. Е. Измайлова; в сборнике «Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века» (1969) — сказки и басни И. П. Пнина, А. А. Писарева, И. Г. Аристова, А. П. Беницкого, М. Олешева, А. Е. Измайлова; в книге «Поэты 1790—1810-х годов» (1971) — произведения Г. П. Каменева, Н. Ф. Остолопова, А. П. Беницкого. Принимая во внимание это обстоятельство, составитель данного сборника стремился, по возможности, избежать дублирования художественного материала, помещенного в перечисленных изданиях. Именно этим объясняется исключение из книги басен Беницкого, ограничение числа басен и сказок Измайлова. Однако полностью избежать повторной публикации некоторых произведений все же не удалось, так как в противном случае это привело бы к чрезмерно обедненной экспозиции творческого наследия поэтов Вольного общества.

В настоящем издании печатается ряд новых, до сего времени неизвестных произведений. К ним относится прежде всего поэма Г. П. Каменева «Граф Глейхен», считавшаяся до сих пор утерянной. В издании 1935 г. были представлены лишь двенадцать начальных стихов ее, сохранившихся в одной из статей Н. Второва, биографа Каменева. Полный текст поэмы состоит из 436 стихов. Впервые печатаются два стихотворения А. Х. Востокова из архива поэта: «Я — русский; верности и веры не нарушу. . .» и «П. А. С.». К числу находок принадлежит также дневник И. М. Борна, составной частью которого является «Curriculum vitae» писателя, позволивший заполнить ряд крупных пробелов в его биографии. Произведения Попугаева дополнены стихотворениями из сборника «Минуты муз» и альманаха «Свиток муз».

Рукописное наследство Вольного общества в основном сосредоточено в нескольких архивохранилищах Ленинграда. В Фунда-

ментальной библиотеке Ленинградского государственного университета находятся остатки архива Вольного общества (протоколы заседаний, тексты речей, рецензии и автографы стихотворений разных авторов). Другая часть материалов Вольного общества хранится в Отделе рукописей Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом). Здесь наиболее полно представлен архив А. Е. Измайлова, в бумагах которого имеются также автографы стихотворений других поэтов, речь В. В. Попугаева на кончину И. П. Пнина (считалась утерянной, см. «Поэты-радищевцы», 1935, с. 168), «Опись делам С.-Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств» и «Устав общества». Бумаги А. Х. Востокова переданы в Архив Академии наук СССР, среди них — рукопись сборника «Минуты муз» В. В. Попугаева, включающая в себя и ранние стихи А. Г. Волкова. В Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина находится «Книга протоколов и др⟨угих⟩ записок» Вольного общества (конец 1801 — первая половина 1802 г.) и автографы некоторых произведений Г. П. Каменева. Основным источником публикации произведений поэтов Вольного общества являются его собственные издания, журналы, связанные с ним, а также стихотворные сборники некоторых его членов. Все эти издания перечислены в списке условных сокращений.

Произведения каждого из авторов расположены в хронологической последовательности и, как правило, публикуются в последней авторской редакции. Значительные текстовые различия в редакциях отражены в разделе «Другие редакции и варианты». Произведения, включенные в данный сборник, заново сверены с текстом автографов, периодических изданий и альманахов. Это позволило внести уточнения и дополнения в текст ряда стихотворений, опубликованных в 1935 г. в сборнике «Поэты-радищевцы». Некоторые из этих уточнений оговорены в примечаниях (см. № 109, 112, 258 и др.). В примечаниях сначала указывается первая публикация произведения, а затем все последующие перепечатки, содержащие какие-либо смысловые изменения в тексте. Далее приводятся данные для датировки (если они известны). Ниже комментируется сам текст, а именно: малоизвестные собственные имена, географические названия, обстоятельства, послужившие поводом к написанию произведения, содержащиеся в нем намеки, мифологические сюжеты и встречающиеся в тексте цитаты. В примечаниях к переводам из Горация названия оригиналов заменены краткими общепринятыми ссылками на номер книги и номер оды римского поэта. Звездочка перед порядковым номером примечания означает, что к этому стихотворению имеется материал в разделе «Другие редакции и варианты». Примечания к стихотворениям И. П. Пнина, В. В. Попугаева, А. Е. Измайлова, Н. Ф. Остолопова, Н. С. Арцыбашева (вместе с относящимся к ним материалом в разделе «Другие редакции и варианты») подготовлены Г. А. Лихоткиным, весь остальной комментарий принадлежит П. А. Орлову.

В биографических справках о поэтах Вольного общества использован богатейший материал, опубликованный В. Н. Орловым в сб. «Поэты-радищевцы» (1935).

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

ААН — Архив Академии наук СССР (Ленинград).
АС — Н. Ф. Остолопов, Апологические стихотворения, СПб., 1827.
Б — «Благонамеренный».
БАН — Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР (Ленинград).
БиС — А. Е. Измайлов, Басни и сказки, СПб. (1814; изд. 2 — 1826, чч. 1—2).
Бобров — Е. А. Бобров, Литература и просвещение в России в XIX веке, тт. 3—4, Казань, 1902.
ВЕ — «Вестник Европы».
ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДВ — «Драматический вестник».
ЕС — «Ежемесячные сочинения».
ЖдПУ — «Журнал для пользы и удовольствия».
ЖМНП — «Журнал министерства народного просвещения».
ЖРС — «Журнал российской словесности».
Ип — «Иппокрена, или Утехи любословия».
ЛГУ — Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Фундаментальная библиотека Ленинградского государственного университета.
Летопись — А. Х. Востоков, Летопись моя. — В кн.: «Заметки А. Х. Востокова о его жизни», СПб., 1901.
ЛН — «Литературное наследство».
ЛС — «Любитель словесности».
МГУ — Научная библиотека им. А. М. Горького Московского государственного университета.
ММ — В. В. Попугаев, Минуты муз, СПб., 1801.
НБиС — Новые басни и сказки Александра Измайлова, СПб., 1817.
НРЛ — «Новости русской литературы».
ОЛ — А. Х. Востоков, Опыты лирические, чч. 1—2, СПб., 1805—1806.
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).
ПИ — «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», ч. 1, СПб., 1804.
ПР — «Поэты-радищевцы». Редакция и комментарии Вл. Орлова. Вступительные статьи В. А. Десницкого и В. Н. Орлова, «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1935.
ПрД — Н. Ф. Остолопов, Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства, СПб., 1816.
ПРм — «Поэты-радищевцы». Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. Н. Орлова, «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1952.
РВ — «Русский вестник».
ред. — редакция текста.
РС — «Русская старина».

СБ — «Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам Первого кадетского корпуса», чч. 1—2, СПб., 1800—1802.
СВ — «Северный вестник».
СвМ — альм. «Свиток муз», кн. 1—2, СПб., 1802—1803.
СМ — «Северный Меркурий».
СО — «Сын отечества».
СПВ — «Санктпетербургский вестник. Издание Общества любителей словесности, наук и художеств».
СПЖ — «Санктпетербургский журнал».
ст. — стих.
ст-ние — стихотворение.
Стих. В — Стихотворения Александра Востокова, в трех книгах. Издание исправленное и умноженное, СПб., 1821.
СЦ — альм. «Северные цветы», СПб., 1825—1832.
Т — «Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе», ч. 1, СПб., 1907.
Цв — «Цветник».

СТИХОТВОРЕНИЯ

А. Х. ВОСТОКОВ

* **1.** СвМ, кн. 1, с. 12 (первая ред.), под загл. «Ода Фантазия»; ОЛ, ч. 1, с. 1 (вторая ред.), под загл. «Фантазия». Печ. по Стих. В, с. 1 (третья ред.). Датируется по Летописи. *Олимпа дщерь священна.* В греч. миф. нет музы фантазии. Востоков создает этот аллегорический образ по типу античных божеств. *Сен-Пьер* Бернарден (1658—1743) — «философ-мечтатель, добрый и чувствительный, известный проектами своими о всемирной республике и о вечном мире» (прим. Востокова — ОЛ, ч. 1, с. 97). В книге «Проект договора между христианскими правителями для заключения между ними вечного мира» (1713—1717) Сен-Пьер в целях предотвращения войн предлагал объединить все европейские государства в одну «лигу», которую должен был возглавлять «сейм», располагающий принудительной властью по отношению к нарушителям мира. *Армидин сад.* Армида — героиня поэмы Торквато Тассо (см. прим. 8) «Освобожденный Иерусалим», волшебница, обладательница чудесных садов, куда она завлекла крестоносца Ринальдо, героя того же произведения.

2. ОЛ, ч. 2, с. 36, с подзаг. «Подражание Дорату». Печ. по Стих. В, с. 47. Датируется по Летописи. Подражание французскому поэту Клоду-Жозефу Дора (1734—1780), автору изящных любовных ст-ний. *Щит блестящий, На коем изваян герой* и т. д. Подразумевается Ахилл, мать которого, богиня Фетида, желавшая уберечь сына от участия в войне с Троей, скрыла его у царя Ликомеда, где Ахилл воспитывался с царскими дочерьми, но Одиссей сумел увлечь его в поход на Трою.

3. СвМ, кн. 1, с. 28, с подзаг. «Перевод с немецкого из Пфефеля». Печ. по ОЛ, ч. 1, с. 67. Датируется по Летописи. Перевод ст-ния немецкого поэта Готлиба Конрада Пфефеля (1736—1809) «Ibrahim». Четырехстишную строфу ст-ния Пфефеля Востоков заменил пятистишной.

* 4. СвМ, кн. 1, с. 68; ОЛ, ч. 1, с. 12, та же ред. с незначительными вариантами, без строфы «Я слышу сердца предвещанье. . .» и с прим. Востокова к ст. «Но в мире уживемся с миром». Печ. по Стих. В, с. 8. Датируется по Летописи. *Иванов* Иван Алексеевич (1779—1848) — архитектор, гравер, живописец, товарищ Востокова по Академии художеств. Во время написания этого ст-ния Иванов находился в Москве, откуда вел с Востоковым переписку (см.: «Переписка А. Х. Востокова», СПб., 1873, с. VI—XII).

* 5. СБ, ч. 2, с. 163, только первые шесть строф, без подписи, с прим. издателя П. С. Железникова: «Стихи молодого девятнадцатилетнего поэта»; СвМ, кн. 1, с. 24; ОЛ, ч. 1, с. 25, полностью с небольшими изменениями. Печ. по Стих. В, с. 17. Датируется по Летописи.

* 6. СвМ, кн. 1, с. 76 (первая ред.); ОЛ, ч. 1, с. 32, с подзаг. «Элегия» (вторая ред.). Печ. по Стих. В, с. 11 (третья ред.). Датируется по Летописи.

* 7. СвМ, кн. 1, с. 5 (др. ред.). Печ. по Стих. В, с. 61. Вошло в ОЛ, ч. 1. Датируется по Летописи. Ода явилась откликом на убийство Павла I, совершенное в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. П. А. Паленом, В. А. Зубовым, П. А. Зубовым, Л. Л. Бенигсеном и др. В Летописи Востокова имеется запись: «Марта 12-го рано поутру проснувшись, слышу о смерти Павла. Радость — присяга. „Ода достойным“» (Летопись, с. 18).

* 8. СБ, ч. 2, с. 166 (др. ред.), без строфы 7 (замененной тремя рядами точек), без подписи, с прим. составителя сборника П. С. Железникова: «Произведение того же молодого поэта, но годом спустя написанное (имеется в виду ст-ние «Осеннее утро», помещенное в том же изд. — *П. О.*). Из сих первых его опытов, кажется, видно, что некогда заслужит он особенное внимание публики. Теперь в тишине и неизвестности беседует он с музами и питает душу свою высокими мыслями и чувствами поэтов и философов»; ОЛ, ч. 1, с. 34 (та же ред. с рядом изменений), с прим. автора. Печ. по Стих. В, с. 51. Датируется по Летописи. *Сотворший «Илиаду» гений* — Гомер. *Клопшток* Фридрих Готлиб (1724—1803) — немецкий поэт, автор поэмы «Мессиада». *Мильтон* Джон (1608—1674) — английский поэт, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», которые он создал, будучи слепым. *Геснер* Соломон (1730—1788) — швейцарский поэт, писавший на немецком языке, автор идиллий. *Виланд* Христофор Мартин (1733—1813) — немецкий писатель, автор фантастической поэмы «Оберон». *Клейст* Эвальд Христиан (1715—1759) — не-

мецкий поэт-сентименталист. *Лафонтен* Жан (1621—1695) — французский баснописец, автор полупрозаического-полустихотворного произведения на античный сюжет «Любовь Амура и Психеи». *Анакреон* Теосский (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий поэт, прославлявший в своих одах чувственные радости. *Насон* — Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.), римский поэт. *Гораций* — Квинт Гораций Флакк (65—8 до н. э.), римский поэт. *Вергилий* — Публий Вергилий Марон (70—19 до н. э.), римский поэт, автор монументальной поэмы «Энеида». *Тасс* — Торквато Тассо (1544—1595), итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим». *Дмитрев* — Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), поэт-сентименталист, друг и единомышленник Н. М. Карамзина. *В соборе девственных сестер* — в окружении девяти муз (греч. миф.), покровительниц искусств. *Изящности я видел бога* — Аполлона (греч. миф.), покровителя поэзии.

* **9.** СвМ, кн. 2, с. 64, под загл.: «Явление усопшего (Стихи к Флору)»; ОЛ, ч. 1, с. 50, под загл. «Видение в майскую ночь. Ода к Флору», с небольшими изменениями в строфах 3 и 9, с приложением метрического рисунка сафической строфы. Печ. по Стих. В, с. 68. Датируется по Летописи. Было прочитано в Вольном обществе 2 февраля 1802 г. Под античными именами «оды» скрываются друзья Востокова, с которыми он учился в Академии художеств. *Флор* — Фрол Филиппович Репнин (1788—1855), художник, с 1802 г. член Вольного общества, преподавал рисование в учебных заведениях Екатеринославля и Харькова. Имя его неоднократно упоминается Востоковым в Летописи. *Филон* — Александр Дмитриевич Фуфаев (1778—1800), обучался по классу скульптуры. В прим. к ст-нию «Тленность» Востоков писал: «А⟨лександр⟩ Д⟨митриевич⟩ Ф⟨уфаев⟩, в сей поэме оплакиваемый, скончался 1800 года, 22-х лет от роду, — в самое то время и автору случилось лежать в беспамятстве смертельной горячки; роковая весть о смерти друга дошла до ушей его как бы сквозь сон. Но когда он стал оправляться, тогда ощутил великость своей траты: к сладкому чувству выздоравливанья примешалась тихая горесть» (ОЛ, ч. 1, с. 97—98). *Клеант* — Иван Алексеевич Иванов (1779—1848), архитектор, художник и гравер, с 1829 г. академик, иллюстратор сочинений Державина, Жуковского, Крылова, Пушкина. Назван тем же условным именем в ст-нии Востокова «Эпиталам Клеанту и Делии», написанном в связи с женитьбой Иванова. *Арист* — по предположению В. И. Срезневского (см.: «Заметки о стихотворениях А. Х. Востокова, касающихся его жизни», СПб., 1902, с. 7) — Иван Иванович Теребенев (1780—1815), скульптор и рисовальщик; с 1803 г. член Вольного общества; автор орнаментальных барельефов на зданиях Адмиралтейства и Биржи в Петербурге. Особенно прославился своими карикатурами на Наполеона и французскую армию, созданными в 1815 г. и получившими европейскую известность.

* **10.** ОЛ, ч. 2, с. 81, с подзаг. «Древний романс в четырех песнях», без строфы 10 первой песни и строфы 6 четвертой песни, с прим. автора и с эпиграфом из так называемого сборника Кирши Данилова «Древние русские стихотворения, напечатанные со старинной рукописи, находящейся у одного любителя русского слова» (М., 1804). Печ. по Стих. В, с. 75. Датируется по Летописи. Поэма Востокова насы-

щена псевдославянской мифологией, заимствованной им из сборников М. Д. Чулкова «Краткий мифологический лексикон» (1767), «Словарь русских суеверий» (1782; 2-е изд. — «Абевега русских суеверий», 1786), а также из книги М. В. Попова «Описание древнего славянского языческого баснословия» (1768). *Тмутараканский прибыл князь* — Мстислав (ум. 1033 или 1034 г.). *Вступал ли в стремена златые* — заимствовано из «Слова о полку Игореве» («въступи Игорь князь в злат стремень»). *Там ждет нас Леля, бог отрад.* В прим. Востокова к этому месту (ОЛ, ч. 2, с. 98) говорится: «Один из моих приятелей, прилежный хронолог и антиквариус, уверял меня, что в то время... Россия уже приняла святое крещение и, следственно, нельзя, чтоб Мстислав поминал богов славенских. Я бы мог на это сказать, что поэтам позволительны анахронизмы, но кроме того ссылаюсь на песнь о походе Игоря, сочиненную... спустя двести лет по введении христианства и несмотря на то поминающую имена богов: Велеса, Даждьбога, Стрибога и пр.». *Чернобожьи силы.* Чернобога, по словам М. Д. Чулкова, «признавали за бога, обитающего в аде» («Абевега русских суеверий», М., 1786, с. 214). *Кий* — князь, легендарный основатель Киева.

11. ПИ, с. 19. Печ. по ОЛ, ч. 2, с. 16. Датируется по Летописи. *Низовски края* — земли, расположенные по нижнему течению Волги и Дона.

12. СвМ, кн. 2, с. 54, под загл. «Желания». Печ. по ОЛ, ч. 1, с. 54. В Вольное общество представлено 12 июля 1802 г.

* **13.** ПИ, с. 28, под загл. «К А. Г. В.»; ОЛ, ч. 2, с. 10, под загл. «К А. Г. В. в декабре 1802 года». Печ. по Стих. В, с. 103. *Волков* — см. наст. изд., с. 258.

14. ОЛ, ч. 2, с. 22, под загл. «Эпитафия Михаилу Ивановичу Козловскому». Печ. по Стих. В, с. 156. Датируется годом смерти скульптора М. И. Козловского (1753—1802). *Над бабочкой юная Психе* — скульптура Козловского «Девочка с мотыльком» (1790-е годы); бабочка в античном искусстве олицетворяла душу. *Гименей* — скульптура Козловского «Гименей» (мрамор, 1796). *Иракла Править фракийским конем.* Имеется в виду статуя Козловского «Геркулес на коне» (бронза, 1799, хранится, как и две предыдущие, в Русском музее), в которой скульптор аллегорически прославил легендарный переход русской армии, возглавляемой Суворовым, через Альпы (1799). *Челюсти львины терзать.* Имеется в виду статуя одного из петергофских фонтанов, изваянная Козловским: Самсон, раздирающий пасть льва. *Царей защитник — Суворов* — статуя Суворова в Петербурге близ Марсова поля (скульптор М. И. Козловский).

15. ПИ, с. 19 (др. ред.). Печ. по Стих. В, с. 112. Вошло в ОЛ, ч. 2. Датируется по Летописи.

* **16.** ПИ, с. 30. Печ. по Стих. В, с. 108. Вошло в ОЛ, ч. 2. *Галилей* Галилео (1564—1642) — итальянский физик, механик, астроном. *Невтон* — Ньютон Исаак (1642—1727), английский физик, механик, астроном и математик; открыл закон всемирного тяготения, законы разло-

жения белого света на монохроматические лучи. *Лавуазье* Антуан Лоран (1743—1794) — французский химик, вслед за Ломоносовым опытным путем подтвердил закон сохранения и превращения вещества. *Гальвани* Луиджи (1737—1798) — итальянский анатом и физиолог, основоположник электрофизиологии. *Франклин* Бенджамин (1706—1790) — американский общественный деятель и ученый, участник борьбы за независимость США и освобождение негров от рабства; исследовал атмосферное электричество, изобрел громоотвод. *Лафатер* Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский писатель, ученый; по строению черепа пытался определить характер и способности человека. *Кант* Иммануил (1724—1804) — один из основоположников классической немецкой философии; высказал ряд интересных гипотез о строении вселенной.

17. Цв, 1809, № 2, с. 157, под загл. «Время». Печ. по Стих. В, с. 164. Авторизованный список (текст Цв) — ЛГУ. Датируется по Летописи. *Дщери вожделенной* — т. е. истине. *Катон* Младший (или Утический) Марк Порций (95—46 до н. э.) — римский трибун, республиканец; закололся мечом после победы Цезаря над сторонниками республики. *Брут* Марк Юний (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, участвовал в убийстве Цезаря; покончил с собой, потеряв надежду отстоять в Риме республиканский строй. *Ариост* — Ариосто Лудовико (1474—1533), итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд».

18. Т, с. 145. Автографы с разночтением отдельных строк — ААН и ЛГУ. Представлено в Вольное общество 30 декабря 1805 г. Датируется по Летописи. Перевод оды Жана-Батиста Руссо «A la Fortune», известной в России еще в XVIII в. (ее перевели в 1760 г. Ломоносов и Сумароков, а в 1765-м — Тредиаковский). В переводе Востокова ода наполнилась злободневными политическими намеками: в ней резко осуждается Наполеон и его военные успехи; надпись на первом из указанных выше автографов гласит: «На случай Австерлицкого сражения кампании 1805 года, успехов Бонапартовых» (отмечено В. Н. Орловым, см.: А. Х. Востоков, Стихотворения, Л., 1935, с. 419). *Весь Рим в крови — добром я Силлу помяну?* Речь идет о военном терроре, к которому прибегнул в 83 г. до н. э. полководец Сулла Луций Корнелий (138—78 до н. э.), захвативший с помощью войска власть в Риме. *Македонский* Александр (356—323 до н. э.) — царь Македонии, полководец, создавший в результате победоносных многочисленных войн огромное государство. *Аттила* (ум. 453) — вождь воинственного племени гуннов, совершил ряд опустошительных походов в Иран, Восточную Римскую империю и Северную Галлию, за что получил прозвище «бич божий». *Варрон* Гай Теренций (III в. до н. э.) — римский полководец. Пренебрегая мнением другого военачальника *Эмилия*, вместе с ним сражавшегося против Карфагена, начал бой и был в нем разбит карфагенским полководцем *Аннибалом*, т. е. Ганнибалом (247 или 246—183 до н. э.). *Тит* Флавий Веспасиан — римский император (69—79), стяжавший славу доброго правителя. *Сократ* (ок. 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, главным предметом учения которого было нравственное совершенство. За разрыв с политеистической религией соотечественников афинский суд приговорил Сократа к смерти. Демонстрируя верность своим

убеждениям, Сократ в тюрьме покончил с собой, приняв яд. *Клитов убийца* — Александр Македонский, убивший в 328 г. до н. э. одного из своих военачальников по имени Клит. *Антоний* Марк (83—31 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, член второго триумвирата вместе с Октавием и консулом *Лепидом*; потерпел поражение в борьбе за власть с первым из них и вынужден был покончить с собой. *Август* Кай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.) — первый римский император. После смерти причислен к сонму богов, а имя Август, данное ему сенатом (означающее: священный), присоединялось к именам всех последующих императоров. *Тиверий* — римский император (14—37), был известен как талантливый полководец. *Варус* (Вар) Публий Квинтилий (ок. 53 до н. э. — 9 н. э.) — римский полководец, консул, был разбит германцами в Тевтобургском лесу, после чего покончил с собой. *Эней* — легендарный защитник Трои и родоначальник латинян, жителей Апеннинского полуострова. Согласно «Энеиде» Вергилия, его преследовала богиня *Юнона* за любовную связь с царицей Дидоной. *Победоносный Рим Пунически сверг стены в прах.* В 146 г. до н. э. закончились Пунические (от слова «пуны» — карфагеняне) войны между римлянами и карфагенянами. Карфаген был захвачен, сожжен, и место, на котором он стоял, распахано плугом. *И тамо лавры возрастил, Где были кипарисы.* Венком из лавров в древности украшали победителей, кипарисами же — могилы предков.

19. Цв, 1810, № 3, с. 287, с подзаг. «(Из «Amours de Psyché»)». Печ. по Стих. В, с. 170. Автограф — ЛГУ, под загл. «Гимн Услаждению (из Лафонтеновой «Психеи»)». Согласно протоколу Вольного общества, «Гимн» читался 12 января 1807 г. Древнегреческий миф о любви Психеи и Купидона был обработан Апулеем в книге «Золотой осел» (II в. до н. э.), а в XVII в. — Лафонтеном в произведении «Des amours de Psyché et de Coupidon» (1669) и И. Ф. Богдановичем в поэме «Душенька» (издана в 1778 г. под названием «Душенькины похождения», кн. 1; первое полное издание поэмы — в 1783 г.). Текст ст-ния Востокова является переводом одноименного отрывка из второй части книги Лафонтена, а метрика и русифицированное имя героини восходят к поэме Богдановича. *О Душенькино порожденье, Которого она Амуру родила!* Апулей в «Золотом осле» сообщает, что от брака Амура и Психеи родилась дочь, которой дали имя Наслаждение. *Сей олимпийских игр венец.* В Древней Греции победителя на Олимпийских играх награждали венком из дикой оливы, пальмовыми ветвями, ставили его на бронзовый треножник и слагали в его честь гимны. *Эпикур* (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, провозгласивший главной целью жизни удовольствие. *Платон* (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, проповедовал умеренность в чувственных наслаждениях. Высшими радостями Платон считал удовольствия, доставляемые человеку его духовной деятельностью.

20. Цв, 1810, № 4, с. 1. Печ. по Стих. В, с. 188. В рецензии Н. Ф. Остолопова, представленной в Вольное общество 5 октября 1807 г., говорилось: «Вся пиеса исполнена прекрасных мыслей! Я заметил только несколько стихов, которые показались мне не очень гладки. . . . Г. Востоков думает, что и зло рождает добро, то есть, что

все к лучшему. Мне кажется, что если бы какой-нибудь философ вздумал утверждать, что от добра зло происходит или что все идет к худшему, то бы верно нашел такие же доказательства, которые было бы трудно опровергнуть. Из сего можно заключить, что оба предположения сомнительны. . .» (А. Х. Востоков, Стихотворения, Л, 1935, с. 406). *Клопшток, Мильтон* — см. прим. 8. *Ко всецарю* — к богу. *Аттила* — см. прим. 18. *Тамерлан* (или Тимур) (1336—1405) — среднеазиатский полководец, эмир, создавший в результате жестоких завоевательных войн огромное государство со столицей в Самарканде. *Коммод* Луций Элий (161—192) — римский император, отличавшийся жестокостью; был умерщвлен в результате заговора придворных. *Природных феномен* — т. е. явлений внешнего мира в отличие от его сущности. *Моисей* — легендарный вождь и законодатель древних евреев, чья биография подробно излагается в Ветхом завете.

* **21.** Цв, 1809, № 11, с. 228. Печ. по Стих. В, с. 204. Основываясь на данных «Переписки А. Х. Востокова» (СПб., 1873, с. XVII), В. Н. Орлов заметил, что «дате, указанной в подзаголовке: „в ноябре 1808 г.“, — противоречит упоминание о „стихах к зиме“, посланных Востоковым П. С. Железникову в декабре 1807 или начале 1808 г.» (А. Х. Востоков, Стихотворения, Л., 1935, с. 407). *Бельт* или *Варяжское море* — Балтийское море.

22. СПВ, 1812, № 1, с. 49. В Вольное общество было представлено 15 июля 1811 г. *Ода немого.* В течение всей жизни Востоков страдал резко выраженным заиканием. «Я страшный заика, — писал он И. И. Дмитриеву в 1806 г. — Сей порок, с летами во мне увеличивающийся, сделал меня неловким, застенчивым, заградил мне все блестящие пути большого света, где язык есть лучший проводник. Мне осталось только вести жизнь кабинетскую и стараться награждать проворством пера непроворство языка моего» (Переписка А. Х. Востокова, СПб., 1873, с. XXII). *Из сети искушенья Не ты ли отрока меня еще извлек.* Речь идет о переводе мальчика Востокова по причине заиканья из кадетского корпуса в Академию художеств.

* 23. СПВ, 1812, № 6, с. 258, с прим. к загл. (о Негодовании — Немезиде у древних греков); СО, 1814, № 1, с. 19, под загл. «Гимн Немезиде» (др. ред.). Печ. по Стих. В, с. 181, где восстановлен текст СПВ. Согласно протоколу Вольного общества, «Гимн» был прочитан 13 июля 1812 г. Содержание ст-ния тесно связано с событиями Отечественной войны 1812 г. В том же шестом номере СПВ, где появился «Гимн», было напечатано ст-ние Н. Милонова «К патриотам по случаю высочайшего манифеста о повсеместном вооружении против французов», что дает основание увидеть в самом факте публикации произведения Востокова отклик на вторжение в Россию Наполеона (12 июня 1812 г.). Новое название «Гимна» в СО и тема возмездия, акцентированная в конце ст-ния, были вызваны изменившейся политической обстановкой в Европе, предвещавшей падение Наполеона.

24. СО, 1812, № 4, с. 165, с подзаг. «Дифирамб». Печ. по Стих. В, с. 236. Написано в один из самых тревожных месяцев Отечественной войны. 6 (18) октября Наполеон оставил Москву и пытался пробиться

в южные районы России. Русские войска 12 (24) октября преградили ему путь при Малоярославце и заставили отступать по разоренной Смоленской дороге. *Александр* — царь Александр I (1801—1825). *Чингис* — Чингисхан, титул монгольского хана и военачальника Темучина (ок. 1155—1227), распространившего свою власть на огромную территорию в Азии. *Аттила* — см. прим. 18. *Витгенштейн* Петр Христофорович (1769—1843) — русский генерал-фельдмаршал, 18 (30) октября разбил соединенные корпуса французской армии под командованием Сен-Сира и Виктора.

* **25.** Печ. впервые. Черновой автограф с тремя другими вариантами текста — ААН. Об этом ст-нии см. вступ. статью, с. 27.

26. СО, 1813, № 1, с. 45. Печ. по Стих. В, с. 242. В ст-нии названы реки, протекающие по землям, временно захваченным наполеоновской армией. *Он хотел тебя шлемами вычерпать, Расплескать он хотел тебя веслами. . . Он богатствами дно наше вымостил.* Здесь использованы отдельные выражения из «Слова о полку Игореве».

27. «Сборник памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, с. 172. Два автографа — ААН. Дата написания неизвестна. По мнению В. Н. Орлова, ст-ние «относится уже к тому времени, когда Востоков окончательно изменил „Поэзии“ для „Грамматики“» (А. Х. Востоков, Стихотворения, Л., 1935, с. 426). *Я забрел в вертеп к Грамматике* — имеются в виду филологические работы Востокова (см. с. 57 наст. изд.).

28. «Сборник памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, с. 162, в «Заметках о стихотворениях А. Х. Востокова, касающихся его жизни» В. И. Срезневского, 8 строк. Печ. полностью по автографу ААН. Дата написания неизвестна. По предположению Срезневского, ст-ние посвящено родственнице Востокова П. А. Спасской, жене известного историка Сибири и Черноморского края Г. И. Спасского (ум. в 1864 г.), с которым Востоков находился в дружеских отношениях. Подписано: «Покорнейших ваших слуг: А. Востоков, А. Востокова». На обороте рукой жены Востокова сделана приписка: «Анна Востокова.

Желаю Вам того же,
Что муж мой пожелал,
И если что-нибудь еще для вас дороже
Сих благ, желаю, чтоб и то вам бог послал».

29. ПРм, с. 306. Автограф, без даты и загл. — ААН. Дата написания и адресат послания неизвестны.

СЕРБСКИЕ ПЕСНИ

Интерес к сербской народной поэзии в европейских странах был подготовлен предромантической и романтической литературой конца XVIII — начала XIX в., особенно книгой И. Г. Гердера «Голоса народов в песнях» (1-е изд. — 1778—1779 гг., 2-е — 1807 г.). Непосредственным поводом к переводам на европейские языки песен народов Югославии послужил сборник, составленный известным славистом

Вуком Стефановичем Караджичем (1787—1864) — «Мала простонародъна славено-српска песмарица», изданный в двух книгах в 1814—1815 гг. в Вене и более полно — под загл. «Народне српске пjесме» (кн. 1—3 — Лейпциг, 1823—1824; кн. 4 — Вена, 1833). Толчком к собиранию песен послужил для Караджича русский песенник, подаренный ему учителем Мушицким. Песни из сборника Караджича, восторженно встреченные в ряде стран, были вскоре же переведены на многие европейские языки. В русских журналах — «Московском телеграфе», «Телескопе», «Литературной газете» — они вызвали к себе самое сочувственное отношение. Востоков был их первым русским переводчиком. В 1825 г. он поместил перевод песни «Марко Кралевич» в «Трудах Вольного общества любителей российской словесности» (ч. 30, с. 169, с подзаг. «Из сербских стихотворений»). Затем, по предложению А. А. Дельвига, он печатает в трех выпусках альм. СЦ на 1825—1827 гг. переводы песен: «Братья Якшичи», «Смерть любовников», «Свадебный поезд», «Строение Скадра», «Яня Мизеница», «Сестра девяти братьев», «Девица и солнце», «Жалобная песня благородной Асан агиницы». В своих переводах Востоков несколько отошел от подлинников, сократив число сербских имен и местных названий, а также изменил стихотворный размер оригинала. «В сербском подлиннике, — писал он, — размер хореический, пятистопный с пресечением на второй стопе... Чтоб сохранить силу подлинника, переводчик не счел за нужное рабски подражать сему размеру, неупотребительному у нас и для русского слуха, может быть, утомительному. Он предпочел русский размер о трех ударениях с хореическим окончанием» (СЦ, 1825, с. 337). Переводы Востокова и их метрика оказали известное влияние на «Песни западных славян» А. С. Пушкина.

30. СЦ, 1825, с. 331, вместе со «Смертью любовников» и «Свадебным поездом» под общим названием «Сербские песни» и с прим. переводчика: «Выше помещенные песни взяты из собрания народных сербских песен Вука Стефановича...» Перевод сербской песни «Диjоба Jакшиħа» («Дележ Якшичей») — из сб. «Народне српске пjесме», кн. 3, Лейпциг, 1823, с. 65. *Якшичи* — сыновья сербского воеводы XV в. Дмитар и Стефан; храбрые патриоты в 1459 г. ушли в Венгрию и оттуда продолжали борьбу с турецким игом. Богдан Якшич в истории неизвестен. К его имени Караджич сделал сноску: «jедни пjеваjу Стjепана мjесто Богдана», то есть «некоторые певцы вместо Богдана поют Степана» («Народне српске пjесме», кн. 3, с. 65).

31. СЦ, 1825, с. 335. Перевод песни «Смрт драге и драгого» — из сб. В. С. Караджича «Народне српске пjесме», кн. 1, Лейпциг, 1824, с. 86.

32. СЦ, 1826, с. 43. Перевод песни «Зидаħе Скадра» — из сб. В. С. Караджича «Народне српске пjесме», кн. 2, 1823, с. 10. *Вукашин* — король Сербии (1367—1371). *Углеш* — сербский воевода (1365—1371). *Гойко* — исторический прототип не установлен. *Когда их заложишь в основанье.* «В народе и сейчас существует поверье, что ни одно здание не может быть построено, пока в него не будет замурован человек. Поэтому из мест, где что-нибудь строят, все стремятся уйти, ибо считается, что можно замуровать даже тень человека, после

чего он сразу умирает» (прим. Вука Караджича — см. «Сербский эпос», т. 1, М., 1960, с. 341). *Зодчего Рада.* Возможно, речь идет о зодчем Радо Бойовиче (или Боровиче) — строителе монастыря в Любостине, где вырезано его имя.

И. П. ПНИН

33. СПЖ, 1798, № 9, с. 93, без подписи. Авторство Пнина зафиксировано А. Н. Неустроевым в его «Указателе к русским повременным изданиям и сборникам. . .», СПб., 1898, с. 497.

34. СПЖ, 1798, № 9, с. 93, без подписи. Авторство Пнина подтверждается посмертной перепечаткой четверостишия с фамилией писателя в ЛС, 1806, № 4, с. 39, под загл. «Сравнение старых людей с молодыми».

35. РВ, 1858, № 12, с. 426, в качестве приложения к воспоминаниям о Радищеве его сына П. А. Радищева, без ст. 8 (замененного точками), с иным порядком ст. 8—9. Печ. по кн. «Радищев в русской критике», М., 1952, с. 25, где опубликовано по рукописи воспоминаний П. А. Радищева (ГИМ). Там же установлен адресат — поручик Андрей Петрович *Брежинский*, третьестепенный поэт, сотрудник «Друга просвещения» (1805) и «Духа журналов» (1817). А. Н. *Радищев* умер 12 сентября 1802 г.

36. СВ, 1804, ч. 1, с. 56, подпись: — нъ. С небольшими изменениями и с подписью автора посмертно перепечатано в ЖдПУ, 1805, № 11, с. 135, под загл. «Ода на славу». *Другой их в пепел превращает* и т. д. Имеется в виду грек Герострат, который, желая прославиться, сжег в 365 г. до н. э. в г. Эфесе храм Дианы. *Сей путь осыпан не цветами, Во храм не Флоры ты идешь.* Во время флориалий — празднеств в честь италийской богини Флоры — люди украшали себя и животных, усыпали в ее честь цветами подходы к храмам. *Сцевола* Муций — молодой римлянин; по преданию, в доказательство своей неустрашимости положил руку на огонь жертвенника. *Как Курций, бездны презирая, Для пользы общей погибая.* Чтобы спасти Рим, юноша Марк Курций, по преданию, бросился в бездну. В нарицательном значении: бесстрашный, самоотверженный патриот. *Сократ* — см. прим. 18.

37. ЖРС, 1805, № 1, с. 38, вместо подписи: *****. По представлению цензора И. Ф. Тимковского от 2 декабря 1804 г., из печатного текста были исключены ст. 5—10 строфы 18. По некоторым данным (см.: Н. Ф. Дубровин, Наши мистики-сектанты. — РС, 1894, № 11, с. 67, там же — об авторстве Пнина), Пнин опротестовал решение Цензурного комитета. В настоящее время по поводу оды Пнина существуют разные точки зрения. Согласно одной, впервые высказанной в 1878 г. И. В. Прытковым (см.: «И. П. Пнин и его литературная деятельность». — Сб. «Древняя и новая Россия», 1878, т. 3, с. 23) и поддержанной В. Н. Орловым (ПР, с. 774 и ПРм, с. 56—57, 399—400) и В. А. Западовым («Державин и Пнин». — «Русская литература»,

1965, № 1, с. 114—115), Пнин полемизирует с державинской одой «Бог», в частности имеет в виду такую ее знаменитую строку: «Я царь — я раб, я червь — я бог!» По мнению Ю. М. Лотмана, в оде Пнина нет никакой полемики, ее идея — философское осмысление всесилия человеческого разума (Ю. М. Лотман, С кем же полемизировал Пнин в оде «Человек»? — «Русская литература», 1964, № 2, с. 166—167). Высказывалось также предположение, что полемический адрес ст-ния Пнина — «Ода на гордость» Панкратия Платоновича Сумарокова («Русская литература», 1963, № 1, с. 134—135).

38. Отд. изд., 1805, в типографии И. Глазунова. Представлено в цензуру 30 декабря 1804 г. в составе № 1 СВ за 1805 г. Адресат послания, по убедительному предположению В. Н. Орлова, — Василий Степанович Сопиков (1765—1818), книгопродавец и библиограф, автор «Опыта российской библиографии», с которым Пнин был в приятельских отношениях. Взгляды Сопикова были прогрессивными: он издавал в России сочинения французских материалистов, известны его переводы из Гольбаха; в 1808 г. он издал отдельной брошюрой часть последнего 6-томного сочинения французского писателя С. Марешаля «Путешествие Пифагора» (положения этой книги нашли отражение в уставе декабристского «Общества соединенных славян»).

39. ЖРС, 1805, № 4, с. 223. Были представлены В. В. Попугаевым 16 ноября 1802 г. для принятия Пнина в Вольное общество. *Крез* — легендарный царь Лидии (VI в. до н. э.), обладатель несметных богатств; в нарицательном значении: богач. *Рассыпаз мак седой.* Как снотворное средство семена мака известны с глубокой древности.

40. ЖдПУ, 1805, № 10, с. 37. Конъектуры в ст. 40 и 57 предложены В. Н. Орловым (ПР, с. 190). *Каменецкий* Осип Кириллович (1754—1823) — петербургский врач-терапевт.

41. ЖдПУ, 1805, № 11, с. 181, с прим. издателя А. Н. Варенцова: «Я думаю, что беспристрастные читатели, кои имеют подлинники или копии сочинений достойного памяти Пнина, извинят сделанные мною как в сей оде, так и в некоторых прежде напечатанных в моем журнале стихотворениях его небольшие поправки в слоге; скорая смерть, конечно, не допустила его самого внимательно оглянуться на памятники своей жизни». И. К. Луппол доказывал, что в своей оде Пнин следует за атеистом П. Гольбахом (Русский гольбахианец конца XVIII века. — «Под знаменем марксизма», 1925, № 3, с. 98). В. Н. Орлов, справедливо заметив, что в оде Пнин полемизирует с идеями книги П. Гольбаха «Система природы» (1770), попытался выявить в произведении места, «подправленные» Варенцовым. По его мнению, в этом отношении «сомнительным по аутентичности местом в оде является пятая строфа, в которой по ходу мыслей Пнина, задающегося вопросом:

Но льзя ли мне сей ум познать,
Что мог по воле мир создать? —

следует ожидать обращения его к разуму. Но обращается он неожиданно не к уму, а к сердцу:

Спросил я сердце, и решенье
В моих я чувствиях нашел».

(см.: ПР, с. 776). Подобный домысел представляется спорным, ибо весь пафос деистической оды Пнина — в отходе от рационалистического мировосприятия к сенсуализму.

42. Отд. изд., 1805, в Медицинской типографии, без обозначения места и года издания. В ЖРС, 1805, № 10, с. 67 — вместе с некрологом (Н. П. Брусилова). Эпиграф к оде взят из § 33 «Естественной политики» Поля Гольбаха. Автограф — ЛГУ. *И тигры агнцев там пасут.* По библейской легенде, до грехопадения Адама и Евы все животные жили в мире и дружбе. *Сократ* — см. прим. 18. *Но если то должно случиться, Что мир с своей оси падет.* Имеется в виду так называемая «теория мирового пожара» Ж.-Л. Бюффона (см. прим. 187).

43. Отд. изд., СПб., 1805, с приложением нот композитора С. И. Давыдова (1777—1825). Датируется июнем 1805 г., так как при перепечатке в ЖРС (1805, № 7, с. 168) сопровождалось следующим «известием»: «23 июня. . . государь император положил основание новой великолепной биржи ⟨автор проекта Тома де Томон, 1756—1814⟩ . . . По заложении биржи государь император и вся высочайшая фамилия удостоила посетить российское купечество, которое угощало их величества обеденным столом. В сие время пели «Гимн», сочиненный г. Пниным, с музыкою на оный г. Давыдова. Мы с удовольствием помещаем его в нашем журнале». «Гимн» имеет заказной характер. По словам Н. П. Брусилова (ЖРС, 1805, № 10, с. 62), «Гимн» «был последним произведением. . . пера» Пнина. *Елисавета* — Елизавета Алексеевна (1779—1826), жена Александра I. *Мария* — императрица Мария Федоровна (1759—1828), вдова Павла I, была покровительницей московского и петербургского коммерческих училищ.

44. ЖРС, 1805, № 2, с. 108, вместо подписи: *****. Об авторстве Пнина см. прим. 45.

45. ЖРС, 1805, № 6, с. 91, вместо подписи: *****, с прим. издателя журнала Н. П. Брусилова: «Сочинитель сих стихов есть тот самый, который писал оду «Человек», «Уединение» и «Стихи на сон», помещенные в 1, 2 и 4 № сего журнала. Издатель чувствительно благодарит любезного поэта за участие, которое он берет в издании». Именем Жан-Жака *Руссо* (1712—1778) и следующими за ним именами писателей обозначено здесь целое течение в европейской литературе, широко открывшее для нее мир природы и пропагандировавшее культ естественных чувств. *Бернард* — Бернар Пьер-Жозеф (1710—1775), французский поэт и драматург, автор нескольких идиллических ст-ний. *Дюпати* Шарль (1746—1788) — французский писатель-сентименталист, автор «Писем об Италии».

46. ЖдПУ, 1805, № 10, с. 33. Написано белым, безрифменным стихом, так называемым «русским складом», впервые использованным Н. М. Карамзиным в его «Богатырской сказке» «Илья Муромец» (1794). Сюжеты подобных произведений заимствовались из фолькло-

ра и псевдославянской мифологии («Бова» А. Н. Радищева, «Певислад и Зора», «Светлана и Мстислав» А. Х. Востокова и др.).

47. ЖдПУ, 1805, № 10, с. 70. *Стоик* — последователь стоицизма, направления в античной философии III в. до н. э. — V в. н. э., согласно которому высшая цель жизни — познание закономерностей вещей и внутренней сущности бытия; стоики стремились жить, освобождаясь от гнета страстей.

48. ЛС, 1805, № 6, с. 207. По мнению В. Н. Орлова, в басне Пнин коснулся вопроса, обстоятельно обоснованного им в трактате «Опыт о просвещении относительно к России» (СПб., 1804, с. 11), в котором доказывал: «Мысль, чтобы невежественным народом управлять страхом и жестокими законами, есть сколько несправедлива, столько и противна природе». *Привержен как иной ко взяткам и крючкам* — т. е. к взяткам и сутяжничеству.

49. ЛС, 1806, № 4, с. 40.

50. ЛС, 1806, № 5, с. 133.

Стихотворения, приписываемые И. П. Пнину

51—54. СПЖ, 1798, № 2, с. 181; № 3, с. 244; № 8, с. 61; № 9, с. 8, все без подписи.

55. СПЖ, 1798, № 11, с. 122, без подписи. Источник подражания — восьмая эпиграмма Жана-Батиста Руссо из второй книги его эпиграмм: «Jean s'est lié par conjugal serment».

56. СПЖ, 1798, № 3, с. 279, без подписи.

57. СПЖ, 1798, № 9, с. 94, без подписи. Перепечатано в ЖдПУ, 1805, № 10, с. 45, подпись: П. . .ъ.

58. СПЖ, 1798, № 10, с. 65, без подписи.

59. СПЖ, 1798, № 1, с. 54, без подписи.

60. СПЖ, 1798, № 1, с. 54, без подписи. Перевод двустишия французского поэта Дю Лоренса (1580—1653): «Ci-gît ma femme: ah, qu'elle est bien Pour son repos et pour le mien».

61. СПЖ, 1798, № 7, с. 24, без подписи.

62. ЖдПУ, 1805, № 11, с. 139, вместо подписи: *****. Публикация сопровождалась прим. издателя А. Н. Варенцова: «За доставление сей пиесы долгом поставляю изъявить г. сочинителю искреннюю благодарность». *Сикст* (1521—1590) — папа римский; помышляя занять папский престол, притворился немощным и больным. Соперники-кардиналы, рассчитывая на его близкую смерть, избрали его папой. Тогда Сикст отшвырнул костыль и запел благодарственную песнь.

63. ЖдПУ, 1805, № 11, с. 139, вместо подписи: *****.

64. ЖдПУ, 1805, № 12, с. 238, подпись: П****, с пропуском строки после ст. 83. По предположению В. Н. Орлова (см.: ПРм, с. 402), ст-ние посвящено жене Пнина. *В замену счастия найти я мнил покой.* Ср. в «Евгении Онегине» (гл. 8, письмо Онегина к Татьяне): «Я думал: вольность и покой — замена счастью. . .»

65. ЖРС, 1805, № 7, вместо подписи: *****.

66—67. ПР, с. 204—205. Ст-ния обнаружены В. Н. Орловым в рукописном цензурном экземпляре июльского номера ЖРС за 1805 г., представленном в цензуру 2 июня 1805 г. Здесь же пометы цензора И. Тимковского: «не печатать». «Карикатура», по-видимому, направлена против Александра I (см.: В. Н. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, М., 1953, с. 200). Ее подзаг., очевидно, введен во избежание цензурного запрета.

И. М. БОРН

68—70. СвМ, кн. 1, с. 41, 91, 102. Переводы ст-ний Гёте «Der Abschied» (1770), «Die schöne Nacht» (1768), «Willkommen und Abschied» (1770).

71. СвМ, кн. 2, с. 18. Отзыв А. Х. Востокова об этом ст-нии, представленный в Вольное общество 24 мая 1802 г., гласил: «Пиеса сия по содержанию своему справедливой похвалы заслуживает. Она состоит из стихов разномерных. . . Впрочем, два размера в пиесе сей преимуществуют: дактиль и амфибрахис. . . Мы бы советовали любезному сочлену в сей пиесе одного из сказанных двух размеров держаться» (ЖМНП, 1890, № 3, с. 63). *Будучи сыном отечества славы* — т. е. славянином, русским.

72. СвМ, кн. 2, с. 22. Сохранился отзыв (поступил в Вольное общество 24 мая 1802 г.) А. Х. Востокова об этом ст-нии, первоначально называвшемся «К уединению»: «Плавный слог, солидные мысли — вот что рецензент находит в сей пиесе». Однако в ст. 23 Востоков отметил две погрешности: «произносится „слу́чай", а не „случа́й", прилагательное имя „напастный" есть новое и может странным показаться. . .» (ЖМНП, 1890, № 3, с. 64).

73. СвМ, кн. 2, с. 20. По предположению В. Н. Орлова, написано во время поездки Борна на Украину с сентября 1801 по апрель 1802 г. (см.: ПР, с. 785). В дневнике Борна есть запись: «Rückehr nach Petersburg aus Kleinrusland — 6 Mai 1802» («Возвращение в Петербург из Малороссии — 6 мая 1802»).

74. СвМ, кн. 2, с. 136, с пропуском ст. 31—32 (заменены многоточием). Восстановлены В. Н. Орловым по одному из списков ст-ния Борна (см.: ПР, с. 786). В этом двустишии — очевидная перекличка с радищевской одой «Вольность»: «Под игом власти сей рожденный, Нося оковы позлащенны» (см.: ПРм, с. 405). *Радищев* покончил с со-

бой 12 сентября 1802 г. *Сократ* — см. прим. 18. *В проезд мой через Тару*. В «Curriculum vitae» Борна указано, что он выехал в Иркутск 10 февраля 1799 г., а покинул — 16 сентября 1800 г. Поездка Борна в Сибирь носила, по всей видимости, служебный характер. *Брут* — см. прим. 17.

75. СвМ, кн. 2, с. 135. *Илион* — другое название Трои, города на северо-западе Малой Азии, осажденного и разрушенного древними греками в начале XII в. до н. э.

76. СвМ, кн. 2, с. 24. Перевод ст-ния Гёте «Nähe des Gelibten».

77. СвМ, кн. 2, с. 24. Перевод «сколии» древнегреческого поэта Калистрата (VI в. до н. э.) в честь тираноборцев *Гармодия* и *Аристогейтона*, которые в 514 г до н. э. составили заговор против двух афинских тиранов. Им удалось убить только одного из них — Гиппарха *(Иппарха)*, но его брат Гиппий жестоко расправился с заговорщиками. *Праздник Минервин* — так называемые квинкватры — справлялся 19—23 марта.

78. ПР, с. 246. Автограф — ЛГУ. По данным В. Н. Орлова, «в ноябре 1804 года стихотворение это было выбрано Востоковым для не вышедшей в свет второй части „Периодического издания“» (ПР, с. 786). *Крез* — см. прим. 39.

79. ПР, с. 247. Автограф — ЛГУ. По данным В. Н. Орлова, «в ноябре 1804 года Востоков отклонил эти стихи от помещения во второй части „Периодического издания“» (ПР, с. 786).

80. ПР, с. 248. Автограф — ЛГУ. По данным В. Н. Орлова, «в ноябре 1804 года было выбрано Востоковым для второй части „Периодического издания“» (ПР, с. 786). Ст-ние имеет автобиографический характер. В «Curriculum vitae» Борна есть запись: «In die Schule. . . geschickt 8 Juni 1786. Erste Liebe zu Julchen Rosen» («Определен в школу 8 июня 1786. Первая любовь к Юленьке Розен»). В очерке Борна «Ночь» снова упоминается девушка с тем же именем: «Где то время. . . когда быть вместе с Юлиею составляло верх моих желаний. . . Другой, — он был счастливее меня, разделяет с тобой блаженство супружества» (ПИ, с. 96—97).

Стихотворения, приписываемые И. М. Борну

81—82. И. М. Борн, Краткое руководство к российской словесности, СПб., 1808, с. 121, 124. В корректурном экземпляре книги, хранящемся в МГУ, под этими ст-ниями чьей-то рукой вписана фамилия Борна. Первое ст-ние приведено как образец сафической строфы, второе — как пример сочетания стихов с женской и мужской рифмой. «Руководство» было предназначено для воспитанников немецкого училища святого Петра, где Борн преподавал русскую словесность.

83. ПР, с. 278, по рукописи сб. «Минуты муз» (ААН), с конъектурой в ст. 13, предложенной В. Н. Орловым. В тексте пропуск ст. 22, замененного точками. Написано по следующему поводу: известный своим мракобесием цензор Ф. Туманский представил к запрещению в России «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо (во французском изд.), ссылаясь на то, что «мнимое равенство во французской революции большею частию из сей книги заимствовано». Все же Цензурный совет разрешил книгу к обращению (см.: ЛН, т. 33—34, 1939, с. 776). Тем не менее ода Попугаева была вычеркнута цензором С. Котельниковым в рукописи сб. «Минуты муз», который Попугаев готовил к изданию в 1799 г. сообща с поэтом А. Г. Волковым (см.: Вл. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, изд. 2, М., 1953, с. 505). *Амфиктион* — легендарный создатель дельфийско-фермопильского союза греческих племен; собрания амфиктионии (союза) происходили в узком Фермопильском проходе.

84. ПР, с. 279, по рукописи сб. «Минуты муз» (ААН).

85. ММ, с. 22. Автограф — ААН. *Пиндар* (521—441 до н. э.) — древнегреческий поэт, автор торжественных песнопений.

86. ММ, с. 12. Автограф — ААН. *Крез* — см. прим. 39.

87—88. ММ, с. 5 и 3.

89. ММ, с. 7. Перевод из Горация, кн. II, ода 18. *Индейской костью* — т. е. слоновой костью. *Аттал* III Филометр (ум. 133 до н. э.) — обладатель несметных сокровищ, пергамский царь; неожиданно для римлян завещал им свои богатства. В переносном смысле наследники Аттала — сомнительные наследники. *Прометея На свет он сей не возвратил.* Согласно одной из версий мифа, разработанной в трагедии Эсхила «Прикованный Прометей», Зевс низверг Прометея в преисподнюю.

90. ММ, с. 10.

91. ММ, с. 20. *Клой, Дафнисов не зовут.* Имеются в виду герои буколического романа древнегреческого писателя Лонга (III в.) «Дафнис и Хлоя». Образы пастуха Дафниса и пастушки Хлои вошли в искусство как олицетворение нежной и верной любви. На сюжет Лонга написано либретто одноименного балета М. Равеля.

92. ММ, с. 33. *Книд* — Афродита Книдская, одна из самых знаменитых статуй древнегреческого скульптора Праксителя (392—320 до н. э.); скульптура стояла в небольшом храме греческого торгового центра Книда (на юго-западе Малой Азии).

93. ММ, с. 37.

94. ММ, с. 40. *Агнца с волком примирит* — реминисценция из Евангелия (от Матфея, гл. 10, ст. 6, 16). *Крез* — см. прим. 39. *Арка-*

дия — местность в Древней Греции, жители которой, согласно преданию, жили в мире и дружбе. *Лавр зеленый и олива.* Лавр у древних греков и римлян был символом воинских почестей, олива — символом мира.

95. ММ, с. 42. *Венцы Кромвéли получают.* Имеется в виду решение английского парламента, предложившего в 1657 г. вождю английской буржуазной революции XVII в. Оливеру Кромвелю (1599—1658) корону Великобритании. *Нероны — скипетр золотой.* В 54 г. после убийства императора Клавдия золотой скипетр принципата (императора) Рима был вручен семнадцатилетнему пасынку Клавдия Нерону, который ознаменовал свое правление (51—68) изуверской жестокостью. *Камилл* Марк Фурий (ум. 365 до н. э.) — римский полководец, находившийся в период нашествия галлов (в 390 г. до н. э.) в изгнании. По преданию, он поселился в скромном сельском доме и вел жизнь простого труженика. Узнав об осаде Рима, Камилл собрал войско и поспешил на помощь осажденным, которые уже решились было дать выкуп Бренну, вождю галлов. Камилл мог внезапно напасть на варваров, но он приблизился к Бренну и сказал, что у римлян принято отстаивать свободу не золотом, а железом. В нарицательном значении Камилл — благородный воин и патриот. *Дион* (408—354 до н. э.) — дядя жестокого правителя Сиракуз, тирана Дионисия Младшего, который пытался смягчить репрессивную политику своего племянника, за что подвергся гонениям и в конце концов погиб. *Богиня счастия слепая* — Фортуна (греч. миф.).

96—99. ММ, с. 50, 52, 54, 58.

100. ММ, с. 30. Автограф — ААН. Имеется в виду том 6 «Всеобщей и частной естественной истории» Ж.-Л. Бюффона (см. прим. 187), переведенной естествоиспытателем академиком Лепехиным Иваном Ивановичем (1748—1802). Этот том вышел в свет в 1801 г., через девять лет после пятого тома, так как в сочинении Бюффона цензура усмотрела «пылкие умствования», «не согласующиеся с преданиями священного писания» (М. И. Сухомлинов, История Российской академии, вып. 2, СПб., 1875, с. 216—217).

101. ММ, с. 17. Автограф — ААН. *Осипов* Николай Петрович (1751 — 19 мая 1799) — писатель и переводчик. *Шутливая Лира! что ты не звенишь?* Имеется в виду травестийная (ироикомическая) поэма Осипова «Вергилиева „Энеида“, вывороченная наизнанку» (чч. 1, 2 — 1791; ч. 3 — 1794; ч. 4 — 1796).

102. ММ, с. 46, очевидно с пропуском строки после ст. 26. Перевод из Горация, кн. I, ода 3. Поездка Вергилия (см. прим. 8) в Грецию была совершена незадолго до смерти с целью воочию увидеть места, воспетые им в «Энеиде». *Да путь Венера правит твой.* Здесь Венера — светило, благоприятствовавшее мореплаванию, так как на небе планета наблюдается только в хорошую погоду. *Япига* — здесь: попутный, западный ветер. *Кастор* и *Поллукс* — здесь; созвездия, по которым ориентировались мореплаватели. *Гиады* — группа звезд в созвездии Вола; мореплаватели узнавали по ним благоприятную или

неблагоприятную погоду. *И ад себе защит не зрит И Геркулесу уступает.* Двенадцатый, самый трудный, подвиг Геракла заключался в том, что он вывел из Аида Алкестиду, жену участника похода аргонавтов Адмета, и Тесея, причем у ворот царства мертвых Геракл вступил в битву с самим богом Аидом и ранил его.

103. СвМ, кн. 1, с. 51. Речь идет о пожертвовании купцом *Ангерстейном* Джоном Юлием (1735—1823) в 1801 г. значительных средств на благотворительные цели; его деньги были израсходованы на расширение московского госпиталя. *Говард* Джон (1725—1790) — английский филантроп, занимался изучением и улучшением тюремного быта. Говард был дважды в России (в 1781 и в 1789 гг.), во время второй поездки заразился тифом и умер в Херсоне.

104—105. СвМ, кн. 1, с. 42, 62.

106. СвМ, кн. 1, с. 80. *И утру перлову блистать* — т. е. утру жемчужному (перл — жемчуг).

107. СвМ, кн. 2, с. 122. В Вольном обществе было прочитано 2 февраля 1802 г. Приблизительный, расширенный перевод отрывка под названием «La Liberté» («Свобода») из поэмы французского поэта П.-Д.-Э. Лебрена (1729—1807) «La Nature» (1760). *От хладна Арктоса до светла Ориона* — т. е. от созвездия Большой Медведицы (Арктос — по-гречески «медведица») до созвездия Ориона.

108. СвМ, кн. 1, с. 149. Последний ст. печ. с поправкой, предложенной В. Н. Орловым (ПРм, с. 404). В ст-нии использован древнегреч. миф о *Пигмалионе,* который убил мужа своей сестры Дидоны (легендарной основательницы Карфагена), финикийца Сихея, чтобы овладеть его богатством. *Крез* — см. прим. 39. *Щит Ахилла.* Чудесной работы щит Ахилла, выкованный для него самим богом огня и кузнечного ремесла Гефестом, обстоятельно описывается в XVIII песне «Илиады». *Тарквиний* — царь Древнего Рима; обесчестил добродетельную римскую патрицианку Лукрецию. Ее самоубийство в 509 г. до н. э. послужило сигналом к восстанию римлян, изгнавших Тарквиния. *Дионисий* Старший (IV в. до н. э.) — сиракузский тиран, страдал манией преследования: ему всюду чудились заговоры. *Великих Титов и Петров.* В исторической литературе XVIII в. сложилась традиция делить правителей прошлого на великих, добродетельных и деспотов. Следуя этой традиции, восходящей к Вольтеру, Попугаев относит к числу добродетельных монархов Тита (см. прим. 18), Петра Первого (1672—1725) и Марка *Аврелия* Антонина (121—180) — римского императора, за его широкую образованность получившего прозвище «Философ». *Коммод* — см. прим. 20. *Как Карлы готфов, не желайте* и т. д. Эта оценка полностью соответствует характеристике Карла XII (1682—1718), данной Вольтером в его «Истории Карла XII». Бесчисленные авантюрные войны, которые вел этот король, привели Швецию к экономическому упадку.

109. СвМ, кн. 2, с. 37. (В ПР, с. 287, в ст. 5 опечатка: «совах»). *Франклин* — см. прим. 16. *Сократ* — см. прим. 18. *Катон* — см.

прим. 17. *Локк* Джон (1632—1704) — английский философ-материалист, основоположник сенсуалистической теории познания. *Невтон* — см. прим. 16. *Демосфен* (384—322 до н. э.) — афинский политический деятель, прославленный оратор.

110. СвМ, кн. 2, с. 47. *Крез* — см. прим. 39. *Аттила* — см. прим. 18. *Димитрий, стражей окруженный, Нерон в палатах золотых* и т. д. В 1606 г. восставшие москвичи перебили польскую стражу Лжедимитрия I и убили самозванца. Нерон же кончил жизнь самоубийством в 68 г., когда убедился, что не сможет противостоять заговорщикам и спастись. *Камилл* — см. прим. 95.

111. СвМ, кн. 2, с. 89.

112. СвМ, кн. 2, с. 92. (В ПР, с. 291 пропуск ст. 42.) Оригинал подражания не установлен.

113. СвМ, кн. 2, с. 97. Переложение начала оды 3 из кн. III Горация. В Вольном обществе было прочитано 4 июня 1802 г. *Поллукс, Геркулес* — звезда Поллукс (в созвездии Близнецов) и созвездие Геркулес. *Август* — см. прим. 18. *Вакх неукротимых, Свирепых тигров усмирил.* Тигры, впряженные в колесницу Вакха, символизировали укрощение диких нравов. *На небо Ромул воспарил.* Основатель Рима Ромул, по легенде, был вознесен живым на небо в колеснице своего отца Марса.

114. СвМ, кн. 2, с. 41. Оригинал перевода не установлен. *В торжестве ль благой Цереры.* Попугаев имеет в виду осенние торжества в честь Цереры. Однако в Риме цереалии происходили в апреле. *В день празднества Янýса* — т. е. в Новый год; празднества в честь Януса (календы) происходили в Риме в первых числах января.

115. СвМ, кн. 2, с. 44.

116. ПИ, с. 4.

117. ПИ, с. 8. *Сафу страстную в Левкаде.* По преданию, из-за неразделенной любви к юноше Фаону древнегреческая поэтесса Сапфо (кон. VII — нач. VI в. до н. э.) бросилась в море с Левкадского утеса.

118. ВЕ, 1806, № 24, с. 280, подпись: — въ. Авторство Попугаева установлено В. Н. Орловым на основании протокола заседания Вольного общества 12 января 1807 г. (ПР, с. 790). Отклик на кампанию 1806 г. (ноябрь-декабрь). На помощь прусской армии, разбитой Наполеоном, были посланы русские войска под командованием фельдмаршала М. Ф. Каменского. Таков непосредственный повод к написанию ст-ния. Результатом похода было Путлуское сражение 14 декабря 1806 г., в котором Наполеон потерпел первое поражение от русской армии. *Суворов галлов поражал.* Подразумеваются успешные военные действия А. В. Суворова в 1799 г. против французских республиканских войск в Северной Италии и Швейцарских Альпах. *Дон-*

ским врагов тьмы рассыпались. В 1380 г. русские войска под руководством великого князя Димитрия Ивановича Донского (1350—1389) наголову разгромили в битве на Куликовом поле татаро-монгольские полчища золотоордынского хана Мамая. *Пожарским россы свобождались*. Победы русского ополчения в 1611—1612 гг. под водительством князя Дмитрия Михайловича Пожарского (ок. 1578—1642) положили конец польской интервенции. *Петр повергнул Карла в прах* — подразумевается битва под Полтавой (1709), в ходе которой русские войска во главе с Петром I нанесли тягчайшее поражение шведской армии Карла XII (1682—1718).

119. Т, 1807, с. 53. *Нерон* — см. прим. 95, 110. *Из Перу золото*. Перу, завоеванная испанскими конкистадорами в XVI в., славилась серебряными рудниками и золотыми месторождениями. *Стен Семирамиды*. Исторический прототип легендарной Семирамиды — ассирийская царица Шаммурамат (809—806 до н. э.); предания приписывают Семирамиде основание Вавилона, возведение величественных архитектурных сооружений, в том числе одного из семи чудес древнего мира — висячих садов (сады Семирамиды).

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

120. ПИ, с. 102. Автограф — ГПБ, с датой: 1800. В Вольном обществе было прочитано 21 июня 1802 г. Утверждено к публикации на экстраординарном заседании Общества 6 февраля 1804 г. *Таврический сад* — пейзажный парк при одноименном дворце; возведен в 1783—1789 гг. архитектором И. Е. Старовым для Г. А. Потемкина (с 1791 г. принадлежал царской фамилии).

121. ПИ, с. 34. *Канадой* автор условно называет Россию.

* **122.** ЖРС, 1805, № 1, с. 50, под загл. «Истина во дворце»; БиС, 1814, под загл. «Происхождение басни». Печ. по БиС, ч. 1, 1826, с. 1. Сюжет заимствован из французского сб. «Альманах муз» (анонимная басня «L'origine des fables», Paris, 1770). Существуют три редакции этой басни, причем первая — сатирически наиболее острая (автограф — 1-й том рукописного собр. соч. А. Е. Измайлова — ГПБ). Во второй редакции 1813 г. (автограф — ГПБ) есть места, значительно смягченные в окончательном тексте.

123. ЖРС, 1805, № 10, с. 98. В Вольном обществе было прочитано 7 октября 1805 г. *Пиэса... о воспитании*. Автором ее был А. Ф. Бестужев. *Почтенный друг Пнина* — тот же А. Ф. Бестужев.

124. Цв, 1809, № 4, с. 54, подпись: И. (криптоним Измайлова). Автограф — ГПБ, с датой: 1805 г. Было прочитано автором в Вольном обществе 28 июля 1806 г.

125. ЛС, 1806, № 11, с. 157. Подлинное имя Вольтера (1694—1778) — Франсуа-Мари *Аруэ*. Псевдоним писателя образован от названия местечка Эрво (близ г. Сен-Лу) путем перестановки слогов: Airvault — Voltaire.

126. Цв, 1809, № 1, с. 97. Автограф — ГПБ, под загл. «Мать и дочь», с датой: 1808.

* **127.** Цв, 1809, № 2, с. 250, подпись: И. Автограф — ГПБ, др. ред.

128. Цв, 1809, № 3, с. 369, подпись: И.

129. СПВ, 1812, № 1, с. 64, подпись: И.

130. СПВ, 1812, № 1, с. 64, подпись: И. Перевод эпиграммы французского писателя Сен-Ламбера (1716—1803) «Le jeune Eglé quoique très peu cruelle...». Эпиграмма переводилась многими русскими поэтами. *Клариса* — это имя обязано своей популярностью во второй половине XVIII — начале XIX в. сентиментально-нравоучительному роману С. Ричардсона (1689—1761) «Клариса Гарлоу». *Пенелопа.* В «Одиссее» Гомера рассказывается о том, как после двадцатилетнего отсутствия Одиссея, царя острова Итака, его супругу Пенелопу стали принуждать к новому браку. Пенелопа обещала выбрать мужа как только закончит ткать покрывало. Но за ночь она успевала распустить все сотканное за день. Хитрость Пенелопы была все-таки раскрыта, но именно тогда вернулся на родину Одиссей.

* **131.** СПВ, 1812, № 5, с. 165, без ст. 25—28. Печ. по БиС, ч. 1, 1826, с. 13. Автограф — ЛГУ. Было прочитано в Вольном обществе 31 мая 1812 г. в отсутствие заболевшего автора. Два адресата басни раскрыты в записках Д. И. Хвостова: «Разумеется, что Филин — Шишков, Соловей — Карамзин; Филин очень похваляет Ворона, своего соседа, и Сыча, своего ученика» («Литературный архив», т. 1, М.—Л., 1938, с. 376). *Шишков* — см. прим. 132. Прочие адресаты расшифрованы В. П. Степановым. По его мнению, *Ворон, мой сосед* — Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835), плодовитый поэт-графоман, живший недалеко от Шишкова, на Фурштадтской улице (ныне ул. Петра Лаврова) в Литейной части. *Черный Грач* — Львов Павел Юрьевич (1770—1825), писатель-сентименталист, член «Беседы любителей русского слова». *Кукушкин* — вероятно, Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829), переводчик мистической поэмы «Ночи» английского поэта Э. Юнга (1683—1765). *Сыч* — Ширинский-Шихматов Сергей Александрович (1783—1837), ученик А. С. Шишкова, автор эпических поэм «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» и «Петр Великий». Все адресаты басни были членами литературного объединения «Беседа любителей русского слова», созданного А. С. Шишковым в 1811 г. (см.: «Русская басня XVIII—XIX вв.», «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1977, с. 586).

132. СПВ, 1812, № 6, с. 270. Печ. по НБиС, с. 59. Сюжет заимствован из ст-ния Ж. Расина «Contre le Froade de Pradon». В Вольное общество представлена 27 июня 1812 г. Перепечатка эпиграммы в «Трудах Общества любителей словесности при имп. Московском университете», 1817, кн. 13, с. 68 сопровождалась прим.: «Сие не относится к переводам Кострова и Гнедича». По предположению А. Н. Егунова, адресат эпиграммы — Шишков Александр Семенович

(1754—1841), писатель консервативного направления, глава «Беседы любителей русского слова»; в 1806 г. издал свой прозаический перевод (с английского) XVI песни «Илиады» (см.: А. Н. Егунов, Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв., М.—Л., 1964, с. 145—146). *От лошади погиб несчастный Илион.* Греки, осаждавшие Илион (Трою), смогли овладеть городом только с помощью хитрости: забравшись в полую деревянную статую коня, которую троянцы забрали к себе в крепость, греки вышли ночью и открыли ворота города.

133. СПВ, 1812, № 6, с. 269, под загл. «Лизанька и Чиж». Печ. по БиС, ч. 1, 1826, с. 54. В Вольном обществе было прочитано 27 июня 1812 г.

134. СО, 1814, № 37, с. 194. Печ. по БиС, ч. 1, 1826, с. 28.

* **135.** СО, 1815, № 32, с. 246, с вариантом ст. 9—10. Печ. по БиС, ч. 1, 1826, с. 37. Написана на сюжет басни французского поэта конца XVIII в. Ле Маршан де ля Вьевиля «Les échelons». Басня явилась откликом на поражение Наполеона в битве при Ватерлоо 1815 г. и его вторичное отречение от престола.

136. СО, 1816, № 21, с. 66. Печ. по БиС, ч. 2, 1826, с. 38. Ст-ние особенно способствовало укреплению репутации Измайлова как поэта «низкой» природы. А. Ф. Воейков в поэме «Дом сумасшедших» назвал Измайлова писателем «не для дам», заметив, что он «ходит с музою в трактир». Измайлов очень обиделся на эту оценку и с тех пор, вписывая стихи в альбом знакомых, подписывался: „Писатель для мужчин и дам“» (Е. Колбасин, Литературные деятели прежнего времени, СПб., 1859, с. 261). *Советник титулярный* — по «Табели о рангах», статский чин 9-го класса, не дававший права на дворянство. *Промена С бумажки беленькой напрасно не платить.* В начале XIX в. бумажный рубль котировался в 66 копеек серебром. При обмене медных или бумажных денег взимался промен, или лаж (здесь пятидесятирублевая ассигнация — «беленькая»). *Два воина... с секирами, в броне сермяжной.* Городские сторожа были вооружены секирами (топорами в форме полумесяца) и одеты в кафтаны грубой крестьянской выделки. Приведенные стихи А. С. Пушкин использовал для характеристики будочника в повести «Гробовщик».

137. СО, 1816, № 45, с. 267.

138. СО, 1817, № 20, с. 27. *Зоил* — древнегреческий филолог и критик (IV в. до н. э.), известный своими нападками на сочинения Гомера; в нарицательном значении — несправедливый, придирчивый критик.

139. СО, 1817, № 27, с. 28. По мотиву эпиграммы Марка Валерия Марциала (ок. 40 — ок. 102) «Nubere Paulla cupit nobis; ego ducere Paullam. . .». Переложена на французский язык Сент-Аманом (1594—1660): «Laure m'offre sa main; moi, je refuse Laure: vieille, je la voudrais beaucoup plus vieille encore».

140. ВЕ, 1817, № 8, с. 264. Печ. по БиС, ч. 2, 1826, с. 45. В Вольном обществе под загл. «Каприз барыни» было прочитано 8 февраля 1817 г.

141. СО, 1817, № 40, с. 68. Печ. по БиС, ч. 1, 1826, с. 50. В Вольном обществе было прочитано 19 апреля 1817 г.

142. Б, 1819, № 1, с. 10, с подзаг. «Подражание Оберу». Печ. по БиС, ч. 2, 1826, с. 61. В Вольном обществе было прочитано 28 ноября 1818 г.

143. Б, 1819, № 2, с. 74. Печ. по БиС, ч. 1, 1826, с. 72. Представлена в Вольное общество между 1 января и 1 июля 1819 г.

А. Г. ВОЛКОВ

144—149. ПР, с. 319—322 и 316, где опубликованы по автографам ААН (рукописный сб. ст-ний 1799 г. А. Г. Волкова и В. В. Попугаева «Минуты муз»). 145. *Троица* — здесь: три грации.

150. СвМ, кн. 1, с. 111. *Хотя на край земли, под полюс поезжай.* Видимо, речь идет о поездке Борна в 1799 г. в Иркутск.

151. СвМ, кн. 1, с. 9, подпись: — ЛК — (так подписаны все стихотворения Волкова в СвМ). Подражание тринадцатому эподу Горация.

152. СвМ, кн. 1, с. 36. Одно из многочисленных подражаний в русской литературе XVIII — начала XIX в. идиллии Феокрита «Ужаленный Эрот».

153—165. СвМ, кн. 1, с. 38, 54, 65, 92, 104, 109, 110, 112, 113, 115, 119, 120. *Цаппи* Жан-Батист-Феликс — итальянский поэт (1667—1719), автор сонетов, канцон, эклог, кантат; итальянский оригинал не установлен.

166. СвМ, кн. 2, с. 3. В Вольном обществе было прочитано 17 мая 1802 г. А. Х. Востоков в рецензии на это ст-ние писал: «Желательно, чтоб российская поэзия обогатилась приятными размерами греков и римлян; язык наш духом своим ближе всех языков европейских к Вергилиеву и Горациеву языку. Сия Горациева ода, асклепиадическим размером писанная, переведена весьма удачно. Рецензент не может удержаться, чтобы не прочесть некоторые поразившие его места, например:

Ниже́ громко в триумф, лавром увенчанный
По блистательным подвигам

и т. д.

Я спрошу у всякого любителя поэзии, в каких ямбах можно течь так естественно и плавно, так легко порхать и так игриво звенеть? И нужны ли еще к таким стихам рифмы?» (ЖМНП, 1890, № 3, с. 65).

Истмийский бой — гимнастические, конные, позже — поэтические состязания в Древней Греции; происходили на Коринфском перешейке (Истме); победители награждались пальмовой ветвью и венком. *Капитолий* — центральный из семи холмов, на которых был построен Древний Рим; здесь были расположены храмы и общественные здания. *Тибур* — река Тибр. *Песни лесбийские* — песни греческих поэтов Алкея и Сафо, живших в VI—V вв. до н. э. на острове Лесбосе.

В. В. ДМИТРИЕВ

167. «Ореады», 1809, ч. 1, с. 1. *Сирий* — Сириус, самая яркая из звезд. *Орион* — здесь: созвездие. *В трех царствах естества* — в земле, воде и воздухе.

168. «Ореады», 1809, ч. 1, с. 6. *Мозарт* — Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791), австрийский композитор. *Гейден* — Гайдн Иосиф (1732—1809), австрийский композитор.

169. «Ореады», 1809, ч. 1, с. 8. *Высоты Левантские* — горные массивы на Ближнем Востоке — Ливан и Антиливан, родина ливанского кедра.

В. И. КРАСОВСКИЙ

170—173. СвМ, кн. 1, с. 26, 116, 147, 105. **173.** Перевод ст-ния Гёте «An die Entfernte». В Вольном обществе было прочитано 21 июня 1802 г.

174. ПИ, с. 4. Перевод ст-ния Жана-Франсуа Панара «Le Ruisseau de Champigni (Chanson anacréontique)».

Н. Ф. ОСТОЛОПОВ

175. Ип, 1801, № 47, с. 399. Печ. по ПрД, с. 41. Этим ст-нием Остолопов дебютировал в Вольном обществе 3 мая 1802 г.

176. «Московский Меркурий», 1803, № 1, с. 40, без строфы 7 и без эпиграфа. Печ. по ПрД, с. 31. Первая редакция ст-ния была представлена в Вольное общество в мае 1802 г. Оценивая ст-ние, А. Х. Востоков сделал ряд грамматических замечаний, а по поводу строф 6—9 и 11 заметил, что они исполнены благородных чувств. *И грудь осыпана звездами* — реминисценция из ст-ния Г. Р. Державина «Вельможа» («Осел останется ослом, хотя осыпь его звездами»).

177. ЛС, 1806, № 9, с. 213. Печ. по ПрД, с. 93. В Вольном обществе было прочитано 21 июня 1802 г. *На славной четверне вседневно разъезжаешь* и т. д. По древнегреч. мифу, Аполлон утром выезжает с востока на колеснице, запряженной четверкой быстроногих огнедышащих коней, а вечером спускается на запад в Океан. *Твой славный,*

чудный храм и т. д. В 31 г. до н. э. в Риме близ Палатина был выстроен храм Аполлона, один из самых богатых в античную эпоху.

178. ЖРС, 1805, № 4, с. 225, с подзаг. «Басня». Печ. по ПрД, с. 83. Ст-ние было прочитано при вступлении Остолопова в Вольное общество 3 мая 1802 г.

179. СвМ, кн. 2, с. 51, с подзаг. «Русская басня». Печ. по ПрД, с. 61. В Вольном обществе было прочитано 28 июня 1802 г.

180. ПИ, 1804, с. 1. Представлено в Вольное общество 6 февраля 1804 г. По мнению В. Н. Орлова (ПР, с. 803), не вошло в сб. ПрД (1816) по цензурным причинам. Перевод басни Вольтера «Les Abeilles», восходящей, в свою очередь, к «Басне о пчелах» английского поэта Бернарда Мандевиля (1670—1733). Последний ст. («Ах, скоро ли пчела́м мы станем подражать») у Вольтера отсутствует. Более точный перевод басни принадлежит члену Вольного общества Д. Ф. Бринкену (см. ПР, с. 445). Об этих переводах см. также: сб. «От классицизма к романтизму», Л., 1970, с. 169—170.

181. ЛС, 1806, № 3, с. 209. Печ. по ПрД, с. 60. Перевод XIX идиллии Феокрита. В Вольное общество представлено в ноябре 1804 г.

182. ЛС, 1806, № 3, с. 211. Печ. по ПрД, с. 66. Утверждено к печати экстраординарным собранием цензуры Вольного общества (Борн, Попугаев, Востоков) 6 февраля 1804 г. *Метастазио* Пьетро (1698—1782) — итальянский поэт.

183. СВ, 1804, № 4, с. 107, с подзаг. «Перевод». Печ. по ПрД, с. 101. Оригинал не установлен.

184. ЛС, 1806, № 2, с. 116. Печ. по ПрД, с. 99. В Вольном обществе было прочитано 9 сентября 1805 г.

185. ЖРС, 1805, № 1, с. 46, с подзаг. «Кантата», подпись: Н. Печ. по ПрД, с. 44. Ст-ние представляет собой пересказ древнегреческой легенды о любви Геро (жрицы Афродиты) к юноше Леандру. *Оно произвело Из недр своих, Венера милосердна.* По мифам, богиня красоты Афродита (Венера) родилась из морской пены.

186. ЖРС, 1805, № 6, с. 96, под загл. «Русская песня» (под этим загл. ст-ние поступило в Вольное общество 3 июня 1805 г.). Печ. по ПрД, с. 75.

187. ЖРС, 1805, № 2, с. 98. Печ. по ПрД, с. 131. *Херасков* Михаил Матвеевич (1733—1807) — поэт и драматург, считался образцовым поэтом в конце XVIII — начале XIX вв. *Девять сестр* — девять муз-богинь (Клио, Евтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания, Каллиопа), покровительниц поэзии, искусств и наук. *Строфами длинными читателя душу* и т. д. Имеется в виду поэт-одописец Роман Сладковский и его поэма «Петр Великий» (1803), написанная чрезвычайно усложненным языком, с многочис-

ленными библейскими и архаическими оборотами. *Писать другую принимаюсь: Большому барину на орден иль на чин* — т. е. поздравительные стихи наподобие од, которые сочиняли мелкие стихотворцы в надежде на подарки и покровительство чиновных и богатых особ. *Локк* Джон (1632—1704) — см. прим. 109. *Невтон* — Ньютон (см. прим. 16). *Смоленский.* Титул князя Смоленского М. И. Кутузов (1745—1813) получил в Отечественную войну 1812 г. *Хочу ли испытать и в притчах дарованья?* Притчи были излюбленным жанром Д. И. Хвостова. *Бюффон* Жорж-Луи (1707—1788) — французский ученый-естествоиспытатель. *То голубь у меня является с зубами.* «Голубь с зубами», действительно, упоминается в притче Хвостова «Два голубя». *Федр* — римский баснописец (I в.). *Лафонтен* — см. прим. 8.

188. ЛС, 1806, № 4, с. 1. Печ. по ПрД, с. 69. Автограф — ЛГУ. В Вольном обществе было прочитано 9 сентября 1805 г. *Шограш* (или Шогриш) — приток реки Ирбит в Пермской губернии (прим. в автографе).

189. ЖРС, 1805, № 10, с. 96. Печ. по ПрД, с. 50. 23 сентября 1805 г. было прочитано автором на траурном заседании членов Вольного общества, посвященном памяти Пнина. В прим. Остолопова к данному ст-нию допущен ряд неточностей (надо: «Вопль невинности, отвергаемой законами», «Опыт о просвещении относительно к России»; в 1798 г. Пнин издавал совместно с А. Ф. Бестужевым не «Санктпетербургский вестник», а «Санктпетербургский журнал»). *Нимало не боялся В твореньях правду говорить* — перифраз строки из ст-ния Пнина на смерть А. Н. Радищева: «Был гражданин, отец примерный И смело правду говорил».

190. ЛС, 1806, № 1, с. 27. Печ. по ПрД, с. 27. Перевод ст-ния французского поэта Жака Делиля «Hymne à la Beauté» из сб. «Poésie fugitives et morceaux choisis de Je. Delile». Paris, 1802. В переводе опущены последние двенадцать строк ст-ния Делиля. *Происхождением обязана волнам* — богиня Афродита (см. прим. 185). *Мильтон* — см. прим. 8. *Choiseul* — граф Шуазель-Гуффье Морис-Габриэль (1752—1817), французский дипломат, знаток античной древности, автор трехтомного описания памятных мест Древней Греции («Voyage pittoresque en Grèce», Paris, 1782, 1809, 1820). *Milady Craven* — Крейвен Элизабет (1750—1828), автор «Путешествия в Крым и Константинополь в 1786 году».

191—192. ЛС, 1806, № 3, с. 269 и № 7, с. 69. Печ. по ПрД, с. 76, 77.

* **193.** ЛС, 1806, № 5, с. 134, с дополнительными четырьмя ст. между 8 и 9. Печ. по ПрД, с. 93.

194. ЛС, 1806, № 2, с. 180. Печ. по ПрД, с. 64.

* **195.** ЛС, 1806, № 7, с. 46, др. ред., под загл. «Послание к Правдослову». Печ. по ПрД, с. 122. В Вольном обществе было прочитано 30 июня 1806 г. В «Послании» Н. Ф. Остолопов осмеивает ряд конкретных лиц, подлинные фамилии которых расшифрованы лишь ча-

стично (Музин и Сердечкин). *Ты, верно, думаешь, что ты осьмой мудрец* — реминисценция из Евангелия (Апокалипсис), где упоминаются семь трубных ангелов-мудрецов. *Господь ли сам его за вклады наградил* — т. е. за добровольные пожертвования в монастыри. *С тебя ж возьмут бесчестье* — т. е. в судебном порядке изымут определенную сумму за так называемый оговор или оскорбление чести. *Пиндар на него писать хотел сатиру.* Пиндар (см. прим. 85) был лириком; жанр сатиры был для него совершенно чужд. *Кант* — см. прим. 16. *Невтон* — см. прим. 16. *Боннет* — Бонне Шарль (1720—1793), швейцарский философ и естествоиспытатель. *Музин* — имеется в виду А. С. Шишков (см. прим. 132), выступавший за очищение русского языка от иноязычных заимствований и заменявший иностранные слова тяжеловесными русскими эквивалентами или словами, сочиненными им самим. *Сердечкин* — Петр Иванович Шаликов (1768—1852), автор приторно чувствительных повестей и стихотворений. *Научатся летать за разумом в луну.* Высказывание восходит к философской повести Вольтера «Микромегас» (1752), герои которой — посланцы Сириуса и Сатурна — приняли Землю за необитаемую планету.

196. ДВ, 1808, № 41, с. 117, с подзаг. «Отрывок из Тассова «Аминты», действие I, явление I». Печ. по ПрД, с. 35. Перевод отрывка из пасторальной драмы Тассо «Aminta» (1573) о любви пастуха Аминты к нимфе Сильвии. Перевод был представлен в Вольное общество 24 августа 1807 г. В тот же день А. Х. Востоков дал следующее письменное заключение о нем: «Стихи прекрасные. Что, если бы г-н Остолопов так перевел нам всего «Аминта»? Он кажется более нежели кто-либо способен к этому, зная хорошо итальянский язык и будучи притом наиболее склонен к этому роду поэзии. В одном месте заметили мы излишнюю, как кажется, протяженность». Далее приводятся ст. 106—112 (ЛГУ).

197. Цв, 1809, № 1, с. 89, подпись: О... Печ. по ПрД, с. 74.

198. Цв, 1810, № 5, с. 247, под загл. «К другу в столицу», с вариантом ст. 87 («Не для царей, не для князей») и подписью: Н. О.... из В. (т. е. из Вологды). Печ. по ПрД, с. 116. Адресовано послание поэту А. Е. Измайлову. *Из С...* — т. е. из Сольвычегодска, где, видимо, Остолопов бывал во время своей службы в Вологодской губернии. *Читал я трижды Уложенье, Читал раз десять Учрежденье.* Под Уложением подразумевается свод русских законов, известный под названием «Уложения царя Алексея Михайловича»; под Учреждением, видимо, имеется в виду «Учреждение о губерниях», принятое в 1775 г. в царствование Екатерины II. *Устав о соли, о вине* — законы о продаже и налогах на эти товары. *Сепаратные указы* — частные именные указы правительства по конкретным поводам. *Простаковы* — персонажи комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». *Кохтин* — персонаж комедии В. В. Капниста «Ябеда», чиновник — сутяжник и взяточник.

199—201. ПрД, с. 116, 42, 56.

202. ПрД, с. 109. Именем Марка *Бавия* (ум. 33 г. до н. э.), незначительного римского поэта, критиковавшего Горация и Вергилия, Остолопов называет Д. И. Хвостова (см. о нем в прим. 131), чье ав-

торское честолюбие в 1800—1820-е годы служило поводом для множества язвительных насмешек. *«Тилемахида»* — поэма В. К. Тредиаковского (1703—1769). Одна из причин пренебрежительного отношения к ней — языковая пестрота, крайняя запутанность синтаксиса, многословие, что не помешало Пушкину положительно оценить труд Тредиаковского. *Платон* — см. прим. 19. *Цветами терние он любит украшать.* Один из атрибутов страданий Христа — терновый венок, который, согласно библейскому преданию, на него был надет перед распятием. *Вергилий меньше ли теперь Энея славен?* Известность Вергилия (см. прим. 8) приравнивается здесь к славе героя его эпопеи Энея, участника Троянской войны, совершившего бесчисленные подвиги. *Отважился, дерзнул, запел и — осрамился* — цитата из пародийной эпитафии М. В. Ломоносову, принадлежащей А. П. Сумарокову («Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер. . .»). *И отдавать люблю в печать мои труды* — перифраз строки из ст-ния Д. И. Хвостова «Послание к ***» (И. И. Дмитриеву): «Люблю писать стихи и отдавать в печать». *В минуту аксиос — и новый наш поэт* — т. е. в минуту делаешься достойным имени поэта; аксиос (греч.) — достойный. *Услышишь приговор перед его зерцалом* — т. е. правосудие потомков неизбежно.

М. ОЛЕШЕВ

203. СвМ, кн. 2, с. 69. В Вольном обществе было прочитано 5 июля 1802 г. Написано под явным воздействием «баллады» И. И. Дмитриева «Отставной вахмистр», с которой ст-ние совпадает и по метрике и по сюжету: возвращение героев домой после долгой солдатской службы.

204. СвМ, кн. 2, с. 78. В Вольном обществе было прочитано 17 мая 1802 г. А. Х. Востоков в рецензии от 24 мая 1802 г. писал: «Пиеса вообще весьма прекрасна; богата картинами и нравится чистотою слога. Поэт умел избрать для предмета своего приличную версификацию: краткие дактилохореические стихи совершенно гармонируются с четверостопными ямбами. Но употребленные в двух местах хореи скачущим своим ходом, кажется, несколько нарушают общее согласие:

И, обратя свой взор на мрамор,
Лотрек, вздыхая, говорит.

Урождается ли мрамор в отечестве Оссиана? . . А если и урождается, вероятно ли, чтобы древние, полудикие шотландцы различали поименно породы камней?

Смерть ужасною косою
Прекратила жизни нить
Милой, нежной Дезагрены
В цвете юных ее лет.

В рассуждении первых двух стихов заметим, что это совсем не в духе шотландских бардов сказано: они не знали нашу смерть с косою, не знали также нить греческих парк: у них по-своему умирали» (ЖМНП, 1890, № 3, с. 68). С некоторыми из замечаний своего рецензента Оле-

шев согласился и внес в текст своего ст-ния соответствующие изменения. *Оссиан* — легендарный герой кельтского эпоса, будто бы живший в III в. на юге Ирландии. Шотландский поэт Джемс Макферсон (1736—1796) приписал ему цикл шотландских народных песен и поэм, обработанных и в ряде случаев написанных им самим.

205—206. СМ, 1809, № 3, с. 231, 247, подпись: М....лъ О.е.е.ъ.

207—208. СМ, 1809, № 5, с. 136 и № 8, с. 103, подпись: М....лъ О.е.е.ъ.

И. А. КОВАНЬКО

209. НРЛ, 1802, ч. 1, с. 58, подпись: И — ъ К — о, с прим. издателя: «Произведение анакреонтическое того же пера, чья в сей книжке первая ода «Бог», с оборотами и замыслами превосходными». Название подсказано последними строками ст-ния Державина «К лире»: «Переладим струны вновь, Петь откажемся героев, А начнем мы петь любовь». *Пиндар* — см. прим. 85. *Орион* — см. прим. 107. *И гром от них пошел с огнем* — перефразировка строк Державина из стих. «К лире» («Гром от лиры раздавался И со струн огонь летел»). *Крез* — см. прим. 39. *Сократ* — см. прим. 18. *Царь-диво* — Петр I. *Пленира* — этим условным поэтическим именем Державин называл в стихах свою первую жену Екатерину Яковлевну Державину, урожденную Бастидон (1760—1794). *Милена* — условно-поэтическое имя второй жены Державина — Дарьи Алексеевны, урожденной Дьяковой (1767—1842). *Тимон* (V в. до н. э.) — житель Афин, резко порицавший современников за безнравственность и порвавший с ними всякое общение; позже — синоним человеконенавистника, мизантропа.

210. НРЛ, 1802, ч. 1, с. 92, подпись: И. К — ко. Посвящено Г. Р. Державину. *Владетельницы Геликона* — музы. *Омир* — Гомер. *Флакк* — Гораций (см. прим. 8). *Марон* — Вергилий (см. прим. 8). *Кордильеры* — горная система, простирающаяся вдоль западных берегов Южной и Северной Америки. *Фарос* — первоначально маяк, построенный Птолемеем Филадельфом на о. Фаросе; в переносном смысле — указатель, ведущий к цели, светоч.

211. НРЛ, 1802, ч. 2, с. 78, подпись: И. К — ко, с прим. издателя к ст. 32: «Сравнение превосходно выражено!»

212. СвМ, кн. 2, с. 127, подпись: — Вань. — *Звук трубы* — трубы архангела, который, по предсказанию Евангелия, будто бы должен возвестить о наступлении Страшного суда. *«Нашел!» — ...воскликнул древле Архимед* и т. д. Согласно легенде, царь Сиракуз Гиерон заподозрил ювелира, сделавшего ему корону, в том, что тот добавил к золоту медь. Царь обратился за советом к ученому Архимеду (ок. 287—212 до н. э.). Исходя из открытого им закона о том, что на тело, погруженное в жидкость, действует со стороны этой жидкости «подъемная сила», равная весу вытесненной им жидкости, Архимед без труда нашел доказательство, изобличающее мошенника-ювелира.

213. СО, 1815, № 21, с. 57. Написано накануне окончательного поражения Наполеона и вступления союзной армии (войска России, Великобритании, Австрии, Пруссии и др.) в Париж. *Эльбский сорванец* — Наполеон I, бежавший с о. Эльбы и высадившийся 1 марта 1815 г. во Франции, после чего последовали известные «Сто дней» (20 марта — 22 июня 1815 г.) его последнего воцарения.

Н. А. РАДИЩЕВ

214. ПИ, 1804, с. 10. Перевод ст-ния «Ode sur le temps» французского поэта Антуана-Леонара Тома (1732—1785).

215. СВ, 1805, № 11, с. 171, подпись: —евъ, с прим. издателя И. И. Мартынова: «Помещаю для сличения с переводом сего же гимна, напечатанным в прошлом октябре месяце сего издания» (имелся в виду «Имн Венере», переведенный С. С. Бобровым и помещенный в СВ, 1805, № 10, с. 72). В Вольном обществе было прочитано 21 октября 1805 г. Авторство Н. А. Радищева установлено В. Н. Орловым по записи в журнале Вольного общества (см. ПР, с. 811). Перевод оды «Гимн Афродите» древнегреческой поэтессы *Сафо* (см. прим. 117). *Фаон* — см. прим. 117.

216. СВ, 1805, № 9, с. 345. В Вольном обществе было прочитано 23 сентября 1805 г. на траурном заседании, посвященном памяти Пнина. *Невинность смело защищая* и т. д. — намек на трактат Пнина «Вопль невинности, отвергаемой законами» (см. с. 130 наст. изд.).

А. А. ПИСАРЕВ

217. СВ, 1804, № 1, с. 61, вместо подписи: „———— „ (об атрибуции Писареву этого и других ст-ний со знаком „————„ см. прим. 221). *Сократ* — см. прим. 18. *Сенека* Луций Анней (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ-стоик, политический деятель; был обвинен в заговоре против Нерона и по его приказу покончил жизнь самоубийством. *Платон* — см. прим. 19. *Эпиктет* (ок. 50 — ок. 138) — древнегреческий философ-стоик. *Век в бочке лишь сидел* — имеется в виду древнегреческий философ Диоген (ок. 404—323 до н. э.); основатель кинической школы, Диоген проповедовал пренебрежение к роскоши и удобствам жизни; в согласии с своим учением жил, по преданию, в бочке. *Лаиса* (V в. до н. э.) — древнегреческая гетера, прославившаяся своей красотой; позже — нарицательное имя продажной женщины. *Аспазия* (р. ок. 470 до н. э.) — жена известного политического деятеля Древней Греции Перикла; славилась умом, образованностью и красотой, собирала вокруг себя философов, поэтов и художников. Позже ее именем называли женщин, покровительствовавших наукам и искусствам. *Певец бессмертной «Россияды»* — М. М. Херасков (см. прим. 187). *Воспевшего Фелицу, бога.* Речь идет о Державине, авторе «Оды к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице» (1782) и оды «Бог» (1784). *«Наталью», «Лизу» пишут нам.* Речь идет о повестях Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792) и «Бедная Лиза» (1792). *Но кто взялся хулить «Дидону», «Росслава»,*

«Тита», «Хвастуна» — *перечень драматических произведений* Я. Б. Княжнина: трагедий «Дидона» (1769). «Росслав» (1784), «Титово милосердие» (1785) и комедии «Хвастун» (1786).

218—219. СВ, 1804, № 2, с. 199 и № 5, с. 231, вместо подписи: „————".

220. ЖдПУ, 1805, № 8, с. 114, вместо подписи: „————". *Строганов* Александр Сергеевич (1733—1811) — граф, сенатор, президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки. В его великолепном особняке, построенном в 1752—1754 гг. В. В. Растрелли, находились знаменитый «Минеральный кабинет» и картинная галерея, в которой были собраны полотна виднейших европейских художников, эстампы, медали и монеты. В последние годы жизни Строганов руководил постройкой Казанского собора (проект архитектора Воронихина). *Пуссен* Никола (1594—1665) — французский живописец-классицист. *Рубенс* Петер Пауль (1577—1640) — фламандский художник. *Вернет* — Верне̄ Клод-Жозеф (1714—1789) — французский художник-пейзажист, представитель позднего классицизма. *Карраш* — Карраччи Аннибале (1560—1609) — итальянский художник-жанрист и портретист. *Ван-Дик* — Ван-Дейк Антонис (1599—1641) — фламандский художник-портретист, ученик Рубенса. *Лересс* Герард де (1641—1711) — голландский живописец и офортист, представитель академического классицизма.

221. ЖРС, 1805, № 10, с. 93, вместо подписи: „————". Прочитано на траурном заседании Вольного общества, посвященном памяти И. П. Пнина, 23 сентября 1805 г. В сообщении об этом заседании, напечатанном в журнале СВ, были названы члены Общества, выступившие с речами. «Александр Александрович Писарев, — говорилось там, — написал в присутствии Общества экспромт в четырех стихах» (СВ, 1805, № 10, с. 86). Благодаря этому указанию устанавливается автор и других ст-ний, подписанных знаком: „————".

Ф. И. ЛЕНКЕВИЧ

222. НРЛ, 1802, ч. 1, с. 26, подпись: Лнквч. Издатель журнала П. А. Сохацкий сопроводил текст рядом прим. К загл.: «Изобретение этой оды хорошо. При мысли о Новом годе встретилось течение жизни человеческой, а там краткое нравственное замечание, как ею пользоваться»; к строфе 1: «Хорошо ученая мысль в чувственном образе представлена»; к ст. 9: «Этот стих темен здесь в связи»; в ст. 17 к слову «брошен»: «Выражение низко, а притом означает случайность, а не презрение»; в ст. 18 к слову «влечется»: «Не лучше ль «несется»? Автор хотел выразить насильство вместо увлекается, но оставил идею медленности»; к строфе 4: «Строфа о рождении человека очень удачная. «Бысть» хотя славенское, в нынешнем языке неупотребительное, однако ж выразительно, вместо: „начал быть"»; к ст. 30: «мысль счастливая и истинная»; к ст. 56: «„Долго простирать" больше можно разуметь о времени этого действия; здесь автор, конечно, разумеет в дальность простирать». *На ладии вдруг роковой* — на ладье Харона, перевозившего души умерших через реку в царство мертвых.

223. ЛС, 1806, ч. 4, с. 155, подпись: Л. . . . Издатель журнала Н. Ф. Остолопов сделал к ст-нию прим.: «Искренно благодарю господина Л. . . . . . . за сообщение как сих стихов, так и «Феодицеи», его же сочинения, напечатанной в шестой книжке сего журнала». В Вольном обществе было прочитано 12 июля 1805 г.

224. ЛС, 1806, № 6, без подписи, с прим.: «Читана в С. Петербургском Обществе любителей наук, словесности и художеств маия 19 дня 1806 года». Вероятно, ст. 35 дефектен. *Феодицея* — правильнее: теодицея (оправдание бога — греч.) — первоначально название трактата немецкого философа-идеалиста Г. В. Лейбница, позже — религиозно-философское понятие, обозначающее совместимость зла с премудростью, всемогуществом и правосудием бога. *О ты, что в гордости надменной* и т. д. — перефразировка первой строфы «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова. *Гераклит* Эфесский (VI в. — ок. 475 г. до н. э.) — древнегреческий философ, учение которого отличалось крайне пессимистическим характером, за что он и получил прозвище «вечно плачущего Гераклита». *Фалес* (ок. 625—574 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист. *Данаи* — первоначально название жителей Аргоса в Греции; в Троянской войне во главе греков стоял царь Аргоса Агамемнон, поэтому Гомер называет в «Илиаде» всех греков данаями. *Илион* — см. прим. 75.

225. ЛС, 1806, ч. 4, с. 155, подпись: Л. . . . В Вольном обществе было прочитано 1 декабря 1806 г. *Зороастр* (Заратустра) — полулегендарный основатель религии древнего Ирана. По его учению, в мире противоборствуют два враждебных начала — добро и зло, свет и мрак. Первое воплощено в верховном божестве — Ормузде, второе — в духе зла Аримане.

226. Цв, 1809, № 2, с. 171. В Вольном обществе было прочитано 10 августа 1807 г. «Счастливый выбор стихотворного переложения, — писал об этом переводе А. Х. Востоков. — Нынешнее время удивляет нас такими же чудными, неожиданными происшествиями, каков Горациев Юпитер, который по безоблачному небу гремит «per purum tonantes egit equos» etc., а Фортуну, которая играет венцами, срывая с одной головы и надевая на другую, видим мы ныне своими глазами. Во второй строфе стихи еще ближе были к оригиналу, ежели бы сделать следующую легкую перемену: вместо «Уже нисходит к нам Зевес» и пр., поелику на латинском namque Diespiter etc.

Зане к нам ныне сшел Зевес
Не в бурях, не во тьме, не в молниях багровых,
Но с колесницею коней своих громовых
Внезапно устремил по ясности небес:
Земля, и рек струи, и гор кремнистых ребра,
И Стикс, и адовы восколебались недра.

В третьей строфе последние два стиха не лучше ли были так:

Фортуна с шумом там венцы с одних срывает
И на чело других с улыбкою кладет».

(ЖМНП, 1890, № 3, с. 111). Публикация в Цв показывает, что Ленкевич впоследствии исправил свой перевод.

227. Цв, 1809, № 1, с. 83, подпись: Л — чъ. Представлено в Вольное общество в августе 1807 г. А. Х. Востоков по поводу ст. 5 писал в своей рецензии: «„Протек" вместо „протекши". Стихотворческая вольность! Не знаю, правильно ли, но мне оно нравится, и я бы не поставил вместо того „прошед" или „промчась". Сии последние тяжелым шипящим звуком своим не выражают той скорости и легкости, какая здесь в усеченном деепричастии „протек"; ежели оно не новое, а находится уже в книгах, то тем лучше» (ЖМНП, 1890, № 3, с. 112). В рецензии Востокова это ст-ние озаглавлено: «Мысль при взгляде на реку».

228. НРЛ, 1802, ч. 1, с. 17, под загл. «Бог», редакция, настолько отличающаяся от последующей, что их тексты можно считать двумя различными ст-ниями на одну тему. В НРЛ два прим. издателя П. А. Сохацкого: 1) «Ода о том же высочайшем предмете прислана к нам в то же время от другого сочинителя. Мы, помещая и ее непосредственно за первою (речь об оде И. А. Кованько «Бог». — *П. О.*), думаем доставить ценителям приятный повод к сравнению обеих»; 2) «Мысли, чувствования и стихи очень хороши. Нам кажется, что первая ода более стихотворная, а эта более философическая». Печ. по Цв, 1809, № 1, с. 1. В Вольном обществе было прочитано 5 октября 1807 г. *Кедр ливанский*, упоминаемый в Библии, славился своей высотой (до 40 метров). *Всё, еже бысть, тобою бысть* — все, что было, было благодаря тебе. *Тем тьмами.* В древнерусском языке «тьма» — десять тысяч, «тьма тем» — сто тысяч; здесь — в значении: очень много, бесчисленно.

229. Цв, 1810, № 4, с. 60, подпись: Л — чъ. *Парфяне* — народ иранского происхождения, отличавшийся воинственным нравом.

А. П. БЕНИТЦКИЙ

230—233. ЖРС, 1805, № 3, с. 177, подпись: А. Бе.; № 5, с. 35 и 36; № 6, с. 85, подпись: Бу. Ки. О подписях поэта см. прим. 238.

234. ЖРС, 1805, № 7, с. 141, подпись: А. Б. Сохранилась копия ст-ния в составе цензурного экземпляра № 7 ЖРС (ПД, Дашковское собрание). В копии эпиграф: «Hier ist es also, wo Staub zu Staub, wo Erde zu Erde Sich zulezt gesellt? Zachariae» («Так всегда прах земли возвращается к земному праху? Захария»).

235. ЖРС, 1805, № 7, с. 154, подпись: А. Бе. Копия ст-ния сохранилась в том же цензурном экземпляре № 7 ЖРС (см. прим. 234). *Санграда* — врач-шарлатан, герой романа «Жиль-Блаз» французского писателя А.-Р. Лесажа (1668—1747). *Магомет* (Мохаммед) (571—632) — религиозный проповедник, основатель ислама.

236. ПР, с. 670, где опубликовано по копии Н. П. Брусилова, входившей в состав цензурного экземпляра № 7 ЖРС, 1805 г. с под-

писью: Бу. Ки. Цензор И. Тимковский вычеркнул это двустишие, являющееся ответом на анонимную эпиграмму, написанную вскоре после постановки на петербургской сцене 23 ноября 1804 г. трагедии В. А. Озерова (1769—1816) «Эдип в Афинах»:

Во храм бессмертия наш *** ⟨Озеров⟩ идет.
Но как ему дойти? Слепой его ведет.

Эта эпиграмма была помещена в том же № 7 журнала (вместо подписи: ,———— ,) непосредственно перед «Ответом» Бенитцкого и также была зачеркнута цензором. Смысл ответа Бенитцкого заключается в том, что Озерова ведут великие поэты-слепцы — Гомер и Мильтон — и, стало быть, его ожидает столь же бессмертная слава.

237. ЖРС, 1805, № 6, с. 90, под загл. «Надпись к портрету Амура», подпись: А. Бе. Перевод двустишия Вольтера:

Qui que tu sois voici ton maître
Il l'est, le fut ou le doit être.

238. ЖРС, 1805, № 9, с. 33, подпись: А. Бенитцки, с прим. Н. П. Брусилова: «Издатель приятнейшею обязанностию поставляет благодарить г. Бенитцкого как за сию пиесу, так и за многие другие, помещенные в сем журнале и означенные литерами А. Бе, и Бу. Ки.».

239. ЖРС, 1805, № 8, с. 201, подпись: А. Бе. Эпиграф — из трагедии «Разбойники» Ф. Шиллера (д. 2, сц. 2). *Шиллер* умер 9 мая 1805 г. Произведения и личность Шиллера были чрезвычайно популярны в Вольном обществе. А. Х. Востоков написал ст-ние «При известии о смерти Шиллера», а также перевел три его ст-ния и трактат «Рассуждение о высоком», И. А. Кованько перевел оду «К радости» («Радость. Ода г-на Шиллера»). Бенитцкому принадлежит перевод под названием «Мысли об употреблении в искусстве обыкновенного и низкого. Из сочинений Шиллера». *Дщерь Мнемозины* — т. е. одна из муз, в данном случае — Мельпомена.

240. Цв, 1810, № 1, с. 28, без подписи. На авторство Бенитцкого указывает прим. к статье «Мысли об употреблении в искусстве обыкновенного и низкого. Из сочинений Шиллера» (Цв, 1810, № 1, с. 7): «Перевод покойного Александра Петровича Бенитцкого. Следующая за сим пиеса «Печаль» написана также им, года за три до его кончины». Отсюда дата ст-ния. *Орион* — см. прим. 107.

241. Т, с. 121, без подписи. С подписью автора посмертно — «Пантеон русской поэзии», издаваемый П. А. Никольским, ч. 4, СПб., 1815, с. 107.

242. Т, с. 122, подпись: — ъ. — и —. *Мудрец афинский* — Сократ (см. прим. 18).

243—252. Т, с. 122, 125, 126, 127, 128, без подписи, кроме №№ 247—248 (подпись: — ъ. — и —). № 251 впервые — ЖРС, 1805,

ч. 1, с. 144, подпись: А. Бе, ст. 1: «Здесь славный мот лежит... он жизнь свою скончал».

253—254. Т, с. 202, без подписи.

255. ДВ, 1808, ч. 3, с. 120, подпись: А. Бе. Адресат неизвестен.

256—257. Цв, 1809, № 2, с. 178, 184, подпись: Б. № 257 был перепечатан с фамилией автора в «Опыте русской анфологии» М. Л. Яковлева, СПб., 1828, с. 130. *Сократ* — см. прим. 18.

258. Цв, 1809 № 3, с. 293, подпись: Б. (В ПР, с. 704—705, ст. 112—139 ошибочно перенесены в конец ст-ния). Вольный перевод дифирамба «Der Bachus Rückzug aus Indien» из книги «Johann-Gottlieb Willamov's poetische Schritten», 1799. Миф о походе Вакха (Бахуса) в Индию, равно как о возвращении его, возник в связи с походами Александра Македонского в эту страну (327 до н. э.); по мнению ученых, сам культ Вакха в основе своей имеет индийское происхождение. *Ктезий* (правильнее: Ктесия) (V—IV до н. э.) — древнегреческий историк, автор полулегендарных описаний Индии и Персии. *Стравон* (правильнее: Страбон) (I в.) — греческий географ. *Омир* — Гомер. *Овидиевы «Превращения»* — книга Овидия (см. прим. 8) «Метаморфозы». *Мерос* — лесистая область Древней Греции. *Она, питая к Вакху злобу* — имеется в виду Гера, жена Зевса, погубившая из ревности Семелу, мать Вакха. *Властителя парнасских дев* — Аполлона, предводителя муз.

259. Цв, 1809, № 8, с. 190, подпись: Б. . . .

260. Цв, 1810, № 3, с. 362, подпись: Б. *Антология* — сборник древнегреческой эпиграмматической поэзии преимущественно лирического характера, составленный в X в.; позже — сборник, в котором представлены стихотворные произведения разных авторов.

Г. П. КАМЕНЕВ

261. «Муза», 1796, ч. 1, с. 159, подпись: I — * VII — *, с припиской издателя «Музы» И. И. Мартынова: «Покорно благодарю за сию пиесу». Печ. по ПР, с. 524, где текст уточнен. Ст. 88 и 101, очевидно, неисправны. Атрибуция Каменеву произведений, подписанных этим цифронимом, дана А. Н. Неустроевым в его «Историческом розыскании о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 г. . .», СПб., 1874, с. 799—801.

262. «Муза», 1796, ч. 2, с. 1, подпись: I — * VII — *. Адресат послания и слова́, скрытые за начальными буквами в ст. 46 и 162 (М* и С* Л*), неизвестны *Образ тли* — образ непрочности, тленности бытия. *Юнг* Эдуард (1683—1765) — английский писатель-сентименталист, автор поэмы «Жалоба, или Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии». Эта книга в переводе А. М. Кутузова (1785) находилась в библиотеке Каменева.

263—264. «Муза», 1796, ч. 2, с. 11 и 157, подпись: I — * VII — *.

265. «Муза», 1796, ч. 2, с. 157, подпись: I — * VII — *. Перевод ст-ния Э.-Х. Клейста (см. прим. 8) «Gedanken eines betrunkenen Sternsehers». *Коперник* Николай (1473—1543) — польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира.

266. «Муза», 1796, ч. 2, с. 159, подпись: I — * VII — *. Перевод идиллии Геснера (см. прим. 8) «Morgenlied».

267—268. «Муза», 1796, ч. 2, с. 218; ч. 4, с. 93, подпись: I — * VII — *.

269—270. Ип, 1799, ч. 3, с. 23 и 40. Оба ст-ния из повести немецкого писателя Людвига Готхорда Козегартена (1758—1818) «Эдальвина», переведенной Каменевым (в Ип имеется прим.: «Переведена с немецкого в Казани 1799 года марта 21 дня»). Содержание повести сводится к следующему. Дочь рыцаря Эдальвина и бард Ханнинг любят друг друга, но робость и стыдливость мешают им признаться в своих чувствах. В замок, где живет Эдальвина, приезжает наглый рыцарь — «владелец Рееталя» — и совершает над ней насилие. Эдальвина лишает себя жизни. Обе песни в повести принадлежат Ханнингу: в первой он воспевает красоту Эдальвины, во второй — оплакивает ее кончину.

271. Ип, 1800, ч. 7, с. 545, подпись: Г. Кмнв. Перевод антивоенной оды Э.-Х. Клейста «Sehnsucht nach Ruhe». Датируется по письму Каменева к С. А. Москотильникову от 10 октября 1800 г. (см.: Бобров, т. 3, с. 129). *Коринф* — город Древней Греции, славился своей архитектурой, производством бронзовых изделий, дорогих ваз (коринфские вазы). Коринф считался родиной греческой драмы.

272. Бобров, т. 3, с. 146. Четверостишие послано Каменевым в письме к С. А. Москотильникову от 12 ноября 1800 г. с пояснением: «В скучный час перевел я эпиграмму „Exprom[illegible]um“». Под текстом прим. Е. А. Боброва: «С немецкого». Источник перевода не установлен.

* **273.** Ип, 1801, ч. 10, с. 32. В записке Каменева к С. А. Москотильникову от 21 марта 1801 г. — ранняя редакция этого четверостишия (Бобров, т. 3, с. 154). Отклик на известие о воцарении Александра I.

274—275. НРЛ, 1802, ч. 4, с. 273 и 303.

276. ПИ, с. 110. Посмертно, с изменениями, внесенными издателями (Н. Ф. Остолоповым и В. А. Жуковским), — ЛС, 1806, ч. 4, с. 1 и «Собрание русских стихотворений», ч. 2, СПб., 1811, с. 224 (см. об этом: П. Н. Берков, К истории текста «Громвала» Г. П. Каменева. — «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1934, № 1, с. 63). Печ. по ПИ. В Вольном обществе была прочитана 30 августа 1802 г. Поэма интересна своей метрикой: в каждой строфе сочетаются

два дактилических стиха с двумя стихами, написанными анапестом. Сюжет «Громвала» — похищение красавицы злым волшебником и освобождение ее отважным рыцарем — восходит к многочисленным сказочным сборникам и сказочным поэмам XVIII в. («Пересмешник, или Славенские сказки» М. Д. Чулкова, «Русские сказки» В. А. Левшина и др.). Оттуда же взяты «славенские» имена некоторых героев и героинь: имя Громвал встречается в поэмах М. М. Хераскова «Владимир» и «Бахариана», имя волшебницы Добрады — в «Русских сказках» Левшина. В поэме Каменева сказалось также влияние рыцарских и готических (А. Радклиф) романов XVIII в.

277. Полностью печ. впервые. Автограф — ГПБ. В 1845 г. Н. Второв опубликовал 12 начальных стихов этой поэмы с прим.: «Некоторое внимание может обратить на себя разве одна повесть в стихах «Граф Глейхен», написанная размером «Ильи Муромца» Карамзина. Содержание ее взято, кажется, из Коцебу» (Н. Второв, Гаврила Петрович Каменев. — Сб. «Вчера и сегодня», кн. 1, СПб., 1845, с. 38). Текст всей поэмы считался утраченным, и в ПР, с. 549 были напечатаны те же 12 начальных стихов. «Граф Глейхен» был прочитан на заседании Вольного общества 30 августа 1802 г. А. Х. Востоков отобрал поэму для 2-й части ПИ, позже запрещенной цензурой (см. ЖМНП, 1890, № 3, с. 80). Легенда о рыцаре-крестоносце графе Ромуальде фон Глейхене была очень популярной в европейской литературе, особенно немецкой, в конце XVIII — начале XIX в. Женитьба графа на девушке-мусульманке воспринималась как протест против национального и религиозного фанатизма. Этот сюжет использовал Гёте в трагедии «Стелла» (1776). Граф Глейхен — главный герой пьесы Августа Коцебу «Рыцари крестовых походов» (русский перевод — 1803), но ее содержание мало походит на поэму Каменева. В Цв (1810, №№ 1, 2, 3, с. 31, 172 и 314) напечатана анонимная повесть, переведенная с французского языка, «Граф Глейхен». Сюжет поэмы Каменева ближе всего к рассказу о графе Глейхене Н. М. Карамзина, помещенному в «Письмах русского путешественника» (ч. 2, М., 1797, с. 128—157). Автор их 22 июля 1789 г. видел в церкви Бенедиктинского монастыря в Эрфурте надгробную плиту на могиле Глейхена и двух его жен. Прим. Каменева — «подражание немецкому» — видимо, указывает не на конкретный литературный текст, а на немецкий источник сюжета его поэмы. *Бельт* — см. прим. 21.

278. ПИ, с. 51.

279. ПИ, с. 53, с прим. редакторов: «Сия пьеса есть последняя автора — он скончался 26 июля — к сожалению общества, которое надеялось со временем от него плодов, могущих украсить российскую словесность». Название ст-ния подразумевает не время его написания, а какое-то знаменательное для Каменева событие.

280. Бобров, т. 4, с. 147, с прим. С. А. Москотильникова: «„Сон“ друга, написанный им пред своею кончиною и впоследствии пережившим его другом исправленный» (т. е. самим Москотильниковым). Ст-ние близко к прозаическому этюду Каменева, опубликованному Н. Второвым (в сб. «Вчера и сегодня», кн. 1, СПб., 1845, с. 35). Под

вечер автор заходит на кладбище и засыпает там под деревом. Во сне он видит некоего «человека в черной одежде», который подводит его к могиле, подняв с нее плиту, показывает ему мертвеца. В нем автор узнает самого себя, ужасается и просыпается. В ст-нии и «отрывке» описаны кладбище и роща близ Кизического монастыря в Казани, которые Каменев любил посещать в последние годы жизни. Здесь он и был похоронен.

281. «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности», 1815, кн. 1, с. 294.

Н. С. АРЦЫБАШЕВ

282. СВ, 1805, № 16, с. 45. В «Русской беседе», 1841, т. 1, с. 1 (особой пагинации) было напечатано с ошибочной атрибуцией Державину. *Лейбниц* — см. прим. 224. *Ты уважаешь дух Невтонов... Всех к центру в мире тел стремленье.* Речь идет о разложении солнечного луча с помощью трехгранной призмы на составляющие цвета. Это открытие И. Ньютона положило начало спектральному анализу. Здесь упоминается также открытый английским физиком закон всемирного тяготения. *Отрепьев* Григорий — согласно версии правительства Годунова, беглый монах, выдававший себя за сына Ивана IV Грозного, царевича Дмитрия. *Минин*-Сухорук Кузьма Минич (ум. в 1616 г.) — организатор народного ополчения против польской интервенции в период так называемого Смутного времени. *Анкерштрем* — Иоганн Яков Акарстрем (1762—1792) — организатор покушения на шведского короля Густава III. Схваченный после того, как он смертельно ранил короля, Анкерштрем, несмотря на пытки, не выдал участников заговора. *Монадой воли одаренный* и т. д. В идеалистической философии Лейбница монады — простые, вечные, неделимые духовные первоэлементы, обладающие способностью представления и стремления. Согласно концепции Лейбница, эти независимые друг от друга духовные элементы составляют основу мироздания. *Потозы* (Потози) — название городов в Боливии и в США; первый известен серебряными рудниками, второй — добычей свинца. *Мирабо.* По убедительному мнению В. Н. Орлова, речь идет здесь о Поле Гольбахе (1723—1789), французском философе-материалисте, издавшем в 1770 г. свой известный труд «Система природы» под псевдонимом Мирабо (ПР, с. 819). *Спиноза* Бенедикт (1632—1677) — голландский философ-материалист.

283. «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности», 1815, кн. 1, с. 267. *Пракситель* — см. прим. 92. Ода «Бог» Державина впервые была опубликована в «Собеседнике любителей российского слова» (1784, ч. 13, с. 125) и вскоре приобрела широкую известность в России; она была переведена почти на все европейские языки и ряд восточных. *Нортон* — английский часовщик XVIII в. *Чтоб Гайдны Времена.* Гайдн (см. прим. 168) был автором оратории «Четыре времени года». *Гершель* Фридрих Вильгельм (1738—1822) — английский астроном и конструктор зеркальных телескопов. *Монгольфьеры* — братья Монгольфье, Жозеф (1740—1810) и Этьен (1745—

1799), изобретатели воздушного шара. *Компас Джиойа истребил.* Итальянский мореплаватель XIV в. Джойа ошибочно считался изобретателем компаса. *Дает перунам направленье:* Имеется в виду громоотвод, изобретенный в 1753 г. Б. Франклином (см. прим. 16).

С. А. МОСКОТИЛЬНИКОВ

284. Бобров, т. 4, с. 142, с авторской пометой: «Писана в Казани 1801 года» и с прим. издателя: «Эта ода С. А. Москотильникова относится к известному запрещению пыток императором Александром I по поводу гибели одного обвиняемого, но невинного в Казани при полицейском розыске» (там же, с. 146). Указ «О запрещении пыток в России» был издан 27 сентября 1801 г. *Калас* Жан (1698—1762) — французский купец-протестант, уроженец г. Тулузы. Старший сын Каласа, страдавший душевным заболеванием, повесился. После этого католическая церковь обвинила Каласа в убийстве сына, который будто бы возбудил гнев отца тем, что хотел перейти в католичество. По приговору суда Калас был колесован. *Муз фернейских глас.* В защиту Каласа в трактате «О веротерпимости» (1763) выступил Вольтер, живший тогда в своем имении — Фернее. Он добился посмертной реабилитации Каласа и отмены приговора тулузского суда (1765). *Великий Генриха певец* — Вольтер; его поэма «Генриада» о французском короле Генрихе IV (1553—1610) утверждала идею веротерпимости. *Екатерина II* (1729—1796) упомянута в связи с тем, что Александр I обещал следовать основным принципам ее правления. *Изверг гнусный естества* — по-видимому, намек на Павла I.

285. Бобров, т. 4, с. 150. Первое четверостишие было вырезано на надгробной плите Каменева. Датируется годом смерти поэта.

286. Бобров, т. 4, с. 160, с авторской пометкой: «Писана в 1815 году».

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Аид (греч. миф.) — бог подземного царства мертвых, а также само царство мертвых.

Аквилон (римск. миф.) — бог северного ветра. Изображался в виде грозного крылатого мужчины. Соответствует древнегреческому Борею.

Алкид (греч. миф.) — одно из имен Геркулеса (см.), внука царя Алкея.

Амброзия (греч. миф.) — чудесный напиток, пища богов, которая поддерживала их бессмертие и вечную молодость; в переносном смысле — изысканные яства.

Амфисвена (греч. миф.) — фантастическая чудовищная ящерица.

Антей (греч. миф.) — великан, сын Посейдона (см.) и богини земли Геи. Был непобедим, пока соприкасался с землей. Побежден Гераклом (см.), который оторвал его от земли и задушил.

Аполлон (греч. миф.) — бог солнца, покровитель наук и искусств, предводитель муз. Его изображали с кифарой (лирой), луком и стрелами.

Аркадия (греч.) — область в Греции, население которой в древности занималось скотоводством. В мифологии — страна идиллического счастья на лоне природы.

Астрея (греч. миф.) — богиня справедливости, дочь Зевса и Фемиды (см.); Астреин век — царство справедливости, золотой век на земле.

Атлант (греч. миф.) — титан, держащий на своих плечах небесный свод; позже в архитектуре — мужская фигура, заменяющая колонны или пилястры.

Атропа (греч. миф.) — см. парки.

Ахерон (Ахеронт) (греч. миф.) — река, через которую старик Харон (см.) перевозил в Аид (см.) души умерших.

Ахилл, Ахиллес (греч. миф.) — бесстрашный и благородный воин, один из предводителей греческой рати, осаждавшей Трою, главный герой «Илиады» Гомера.

Бассарей (греч. миф.) — фригийско-фракийское прозвище Вакха (см.); произошло от «бассара» (греч.) — лисья шкура, которую носил Вакх и его жрецы.

Бахус (римск. миф.) — Вакх, соответствует древнегреческому Дионису (см.).

Борей (греч. миф.) — см. Аквилон.

Вакх (греч. миф.) — прозвище Диониса (см.).

Вакханки (греч.) — участницы празднеств в честь Вакха.

Гарпократ (греч. миф.) — бог молчания.

Геба, Гебея (греч. миф.) — богиня вечной юности; на пиршествах богов была виночерпием, изображалась с чашей в руках, наполненной нектаром (см.).

Геенна — название ада в Новом завете.

Геликон (греч.) — гора в Греции, считавшаяся местопребыванием муз.

Геркулес (Геракл, Иракл) (греч. миф.) — непобедимый герой, сын Зевса и смертной женщины Алкмены. Совершил двенадцать подвигов, в том числе похитил и укротил коней царя Диомеда, вывел из подземного царства трехглавого пса Кербера, охранявшего вход в Аид (см.), и т. д.

Геспериды (греч. миф.) — дочери Атланта (см.) и Геспериды. В саду, где они жили, росли золотые яблоки; сад Гесперид — цветущее, живописное место.

Гидра (греч. миф.) — огромная девятиголовая змея, жившая в болоте; была уничтожена Геркулесом (см.).

Гименей (греч. миф.) — бог бракосочетаний.

Горы (Оры) (греч. миф.) — богини времен года.

Дафна (греч. миф.) — нимфа (см.), дочь речного бога Ладона и богини земли Геи. Чтобы спасти Дафну от Аполлона, преследовавшего ее на Темпейском лугу, Гея превратила свою дочь в лавровое дерево.

Девкалион (греч. миф.) — сын Прометея. Во время потопа, которым Зевс решил наказать людей за их грехи, Девкалион, вместе с женой Пиррой, спасся в ковчеге. Позже, по воле Зевса, они дали начало новым поколениям человеческого рода.

Дедал (греч. миф.) — талантливый изобретатель, строитель лабиринта. Он же сделал крылья, на которых вместе с сыном Икаром улетел с острова Крита от царя Миноса, у которого они томились в плену. Во время этого полета Икар разбился. В литературе имя Дедала употреблялось и как синоним слова «лабиринт».

Диана (римск. миф.) — богиня луны, а также богиня охоты; изображалась юной охотницей; в литературе — синоним девственной чистоты.

Дидимей (греч. миф.) — одно из имен Аполлона (см.) как близнеца Артемиды (дидимий — близнец); возможно, это имя происходит от местечка Дидим, где он почитался.

Диомед (греч. миф.) — сын царя Тидея; отличался большой смело-

стью и другими воинскими доблестями, один из героев «Илиады» Гомера.

Диониз, Дионис (греч. миф.) — бог вина и веселья, в честь которого устраивались шумные и веселые празднества — дионисии; у римлян ему соответствовал Бахус.

Зефир (греч. миф.) — божество, олицетворяющее мягкий, теплый западный ветер на Средиземном море.

Зимцерла (псевдослав. миф.) — «богиня, владычествующая над началом дня, то есть заря» (М. Д. Чулков, Абевега русских суеверий, М., 1786, с. 201).

Ио (греч. миф.) — дочь Инаха, к которой воспылал любовью Зевс; была превращена его ревнивой супругой Герой в корову.

Ир (Иаир) — один из израильских судей в Библии, известный благосостоянием своего дома.

Иракл — см. Геракл.

Кадуцей — жезл бога Меркурия (римск. миф.), покровителя путников и купцов; кадуцей изображался в виде палочки, обвитой змеями; символ мира и торговли.

Кастальский ток (греч. миф.) — источник на горе Парнас, символ поэтического вдохновения.

Кастор и *Полидевк* (греч. миф., у римлян — Кастор и Поллукс) — сыновья Зевса и Леды, близнецы-диоскуры; их имена стали синонимом неразлучной братской дружбы. Именами Кастора и Поллукса названы звезды в созвездии Близнецов.

Кентавры (греч. миф.) — дикое фессалийское племя, полулюди-полулошади, изображались с туловищем лошади и головой человека.

Киприда (греч. миф.) — одно из имен Афродиты, богини любви; названа Кипридой потому, что ее культ был особенно распространен на острове Кипре.

Купидон (римск. миф.) — божок любви; соответствует древнегреческому Эроту.

Лада (Ладо) (псевдослав. миф.) — «богиня браков, любви и веселья» (М. Д. Чулков, Абевега русских суеверий, М., 1786, с. 229).

Лахеза (греч. миф.) — см.: парки.

Мельпомена (греч. миф.) — муза трагедии.

Менады (греч. миф.) — участницы празднества в честь бога Диониса (см.).

Минерва (римск. миф.) — богиня мудрости.

Мнемозина (греч. миф.) — титанида, мать девяти муз, отцом которых был Зевс.

Морфей (греч. миф.) — бог сновидений.

Нектар (греч. миф.) — напиток богов.

Нептун (римск. миф.) — бог моря.

Нереиды, нереяды (греч. миф.) — см.: нимфы.

Нимфы (греч. миф.) — олицетворения природных сил и явлений: деревьев (дриады), гор (ореады), моря (нереиды), водных источников (наяды); изображались в виде юных прекрасных женщин.

Оракул — у древних греков и римлян — «прорицания», предсказания, якобы исходившие от божества; оракулом называлось как само прорицание, так и место (обычно храм), где оно давалось и истолковывалось жрецами.

Ореады — см.: нимфы.

Орест и *Пилад* (греч. миф.) — двоюродные братья и друзья, вместе претерпели множество опасностей, сохраняя трогательную верность друг другу; в переносном значении — верные, неразлучные друзья.

Орион (греч. миф.) — охотник, в которого влюбилась богиня зари Эос и похитила его; убитый богиней охоты Артемидой, Орион был взят богами на небо; его именем названо созвездие.

Оркус (греч. миф.) — одно из имен бога подземного царства Плутона; иногда употреблялось и как название самого царства мертвых.

Орфей (греч. миф.) — поэт и певец, пение которого очаровывало богов, людей, животных и даже неодушевленные предметы. Спускался в Аид (см.) за своей умершей женой Евридикой, но не смог вывести ее из царства мертвых, ибо нарушил наказ богов идти, не оглядываясь назад.

Пан (греч. миф.) — низшее божество, бог лесов, покровитель стад; изображался с козлиными ногами, бородой и рогами; в римской мифологии отождествлялся с Сильваном (см.), Фавном (см.) и другими спутниками Вакха (см.).

Пандора (греч. миф.) — красивая, хитрая и любопытная женщина. Зевс послал ее к людям с ящиком, наполненным всякого рода бедствиями. Сгорая от любопытства, Пандора открыла ящик, и люди с тех пор сделались жертвами отпущенных на волю болезней и бедствий.

Парки (греч. миф.) — богини, прявшие нить человеческой жизни: первая из них, Клото, начинала нить, вторая, Лахезис, продолжала ее, а третья, Атропа, перерезала.

Пафосский храм (греч.) — храм Афродиты, расположенный в древности в городе Пафосе на острове Кипре.

Пегас (греч. миф.) — крылатый конь, обитающий на горе Геликон (см.). Ударом копыта выбил волшебный источник — Иппокрену, вода которой вдохновляет поэтов.

Пилад — см. Орест.

Пинд (греч.) — горный хребет в Греции. В число его вершин входили Парнас и Геликон (см.), вследствие чего Пинд также сделался эмблемой поэзии и поэтического вдохновения.

Поллукс (римск. миф.) — см. Кастор.

Помона (римск. миф.) — богиня плодов.

Посидон, Посейдон (греч. миф.) — бог моря.

Промефей, Прометей (греч. миф.) — титан-богоборец, друг человечества; похитил у Зевса огонь и передал его людям; в наказание

Зевс велел приковать его к одной из скал Кавказа, где орел ежедневно выклевывал у Прометея печень, которая за ночь снова отрастала. Был освобожден Геркулесом (см.).

Ромул и *Рем* (римск. миф.) — братья, вскормленные волчицей, легендарные основатели города Рима.

Сатиры (греч. миф.) — лесные и горные духи, веселые и чувственные, непременные участники оргий в честь Диониса (см.).

Сатурн (римск. миф.) — бог времени и плодородия, покровитель земледелия; соответствовал древнегреческому Кроносу.

Семела (греч. миф.) — возлюбленная Зевса, от которого родила Вакха (см.). Была погублена супругой Зевса Герой, воспылавшей ревностью к сопернице, вследствие чего Вакха донашивал в своем бедре сам Зевс.

Сивилла (греч. миф.) — мудрая жрица-прорицательница; изречения сивилл будто бы записывались в особые сивиллины книги и хранились в глубокой тайне.

Сизиф (греч. миф.) — легендарный царь Коринфа, разгневавший богов своим коварством. Понес за него после смерти в Аиде (см.) тяжкое наказание: он должен был вечно вкатывать на гору огромный камень, который, как только Сизиф приближался к ее вершине, срывался в пропасть.

Силен (греч. миф.) — воспитатель и спутник Диониса (см.), в свите Диониса изображался подвыпившим стариком с мехом вина в руке.

Сильван — италийское лесное божество.

Сирены (греч. миф.) — полуженщины-полуптицы, жившие на одном из островов Средиземного моря; своим волшебным пением они завлекали мореплавателей, а затем губили их.

Стикс (греч. миф.) — река, через которую лодочник Харон (см.) перевозит души умерших в Аид (см.).

Тантал (греч. миф.) — сын Зевса; за преступление против богов был обречен на жестокие мучения: он должен был стоять по горло в воде и изнывать от жажды, видеть перед собой плоды и томиться от голода.

Тартар (греч. миф.) — самая глубокая часть ада.

Темпейский луг — живописный уголок Древней Греции, был воспет древними поэтами как земной рай.

Тидей (греч. миф.) — царь Аргоса, один из героев древнейшего греческого эпоса «Фиваиды», отец Диомеда (см.).

Тирс (греч. миф.) — жезл Диониса (см.) и его спутников, увитый плющом и виноградной лозой.

Урания (греч. миф.) — муза движения небесных тел.

Фавны (римск. миф.) — полубоги, козлоногие покровители пастушества; позже стали отождествляться с греческими сатирами (см.).

Фаэтон (греч. миф.) — сын бога солнца Гелиоса; упросил отца передать ему на один день управление солнечной колесницей,

но не смог удержать коней и чуть было не сжег землю. Чтобы предотвратить несчастье, Зевс поразил Фаэтона молнией.

Феб (греч. миф.) — одно из имен Аполлона (см.) как божества солнечного света, отождествлявшегося с Гелиосом; по мифам, Феб объезжает небо на колеснице, влекомой четверкой огнедышащих коней.

Фемида (греч. миф.) — богиня правосудия, изображалась с завязанными глазами (символ беспристрастия) и с весами в руках (символ справедливости).

Фсникс — мифическая птица, сжигающая себя и возрождающаяся из собственного пепла.

Фиады (греч.) — одно из названий вакханок (см.).

Филомела (греч. миф.) — афинская царевна, которую боги, спасая от преследований мужа ее сестры, превратили в соловья; в поэзии — синоним соловья.

Флора (римск. миф.) — богиня цветов, плодов и весны.

Фортуна (римск. миф.) — богиня удачи и счастья; изображалась с повязкой на глазах.

Фракийские кони (греч. миф.) — принадлежали царю Диомеду (см.); были похищены и укрощены Гераклом (см.).

Фурия (римск. миф.) — богиня отмщения; в переносном смысле — разъяренная женщина.

Харон (греч. миф.) — лодочник, который в подземном мире переправляет через реку Стикс (см.) души умерших. Кроме малой платы за провоз Харон ничего не брал и ни за какие щедрые посулы не соглашался возвращать умерших из Аида (см.).

Химера (греч. миф.) — фантастическое чудовище с головой льва, туловищем козы и хвостом дракона; в переносном смысле — уродливая фантазия, безудержная игра воображения.

Церера (римск. миф.) — богиня плодородия, соответствует греческой Деметре.

Эван, эвое! — возгласы вакханок (см.) на дионисиях (см.).

Эвмениды (греч. миф.) — богини-мстительницы; изображались со змеями в волосах, с бичом и факелом в руках.

Эвтерпа (греч. миф.) — муза игры на флейте.

Эгида (греч. миф.) — щит бога Зевса, в переносном значении — защита, покровительство.

Эгова, Егова — одно из имен бога в Библии.

Эдем (библ.) — рай, по библейской легенде, до грехопадения первых людей находился на земле.

Элизиум (греч. миф.) — область, расположенная на крайнем западе земли, где вечно наслаждаются души умерших, снискавших благоволение богов.

Эол (греч. миф.) — бог ветров.

Эрмий (Гермес) (греч. миф.) — глашатай богов.

Эхо (греч. миф.) — нимфа (см.), которая от безответной любви к прекрасному юноше Нарциссу, иссохнув, превратилась в камень и сохранила только свой голос.

Юнона (римск. миф.) — богиня неба и брака, супруга Юпитера; соответствует древнегреческой Гере.

Юпитер (римск. миф.) — верховное божество; соответствует древнегреческому Зевсу.

Янус (римск. миф.) — один из главных богов древних римлян, почитавшийся как бог времени; изображался в виде мужчины с двумя лицами — старым и молодым: одно олицетворяло прошлое, другое — будущее.

Япет, Яфет (греч. миф.) — титан, от которого произошел человеческий род

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Агнец — ягненок.

Адамант — алмаз; адамантовый — крепкий, несокрушимый

Адепт — так назывался у алхимиков человек, владеющий философским камнем, способным превращать в золото недрагоценные металлы

Адрес-календарь — официальное издание с именными списками чиновников и военнослужащих и с указанием званий, чинов и должностей каждого из них.

Амфиктион, амфиктиония — у древних греков союз различных племен, объединенных общими интересами и постановлениями.

Аргамак - рослая и быстроходная азиатская лошадь.

Аспид — черный слоистый сланец.

Басненный — сказочный, фантастический.

Бемоль — нотный знак, обозначающий понижение звука на полутон.

Бостон — карточная игра.

Бысть — был, стал.

Ваяны — изваяния, скульптуры.

Велелепие — высшая степень красоты, великолепие.

Велий — великий.

Вепрь — кабан.

Вереи — столбы, на которых навешиваются створы ворот.

Вержет — свергает.

Вертеп — пещера.

Вертоград — сад.

Весь — деревня, село.

Ветрило — парус.

Внезапу — неожиданно, внезапно.

Вниду — войду.

Вотще — напрасно

Втуне — напрасно.

Выя — шея.

Вящий — больший.

Горний — небесный.

Готфы — шведы.
Грядый — идущий.

Дебело — толстое, массивное.
Дека — доска.
Денница — утро, утренняя заря.
Десная, десница — правая рука.
Десть — старинная русская единица счета писчей бумаги (24 листа).
Диез — нотный знак, обозначающий повышение звука на полутон.
Длань — рука.
Днесь — сегодня.
Довлеть — быть достаточным.

Ехидна — разновидность ядовитых змей.

Жантиль (франц. — geantil) — благородный, милый.
Женет — сражает.

Заие — потому что, так как.
Запнуть — создать преграду, помеху, помешать.
Зеница — зрачок, глаз.
Зерцало — эмблема законности, представляющая собой трехгранную призму.
Зрак — лицо, облик, вид.

Иверни — осколки.
Ирой — герой.
Исполать — хвала! слава! (междом.).
Истнить — свести на нет, уничтожить.

Кадриль — первоначально небольшой отряд всадников, разделенный на четыре группы.
Канастер (кнастер) — сорт трубочного табака.
Кафры — устаревшее название юго-восточных африканских народов; позже стало синонимом слова «негр».
Кимвал — древний ударный музыкальный инструмент, подобный современным тарелкам.
Клоб — клуб.
Ковчег — в православной церкви ларец для хранения предметов, признанных священными.
Кокушка — кукушка; считалась в народе предвестницей беды.
Комуждо — каждому.
Краль — король.
Крин — лилия.
Купина — группа деревьев, кустов.
Купно — вместе.
Куртина — клумба, грядка.

Лакт, лакоть — локоть, старинная мера длины (ок. 14 вершков).
Ланиты — щеки.
Лапонец — старинное русское название лопарей (лапландцев), народа финского происхождения.

Лествица — лестница.
Лик — хор.
Лунь — порода хищных птиц, самки которых отличаются серовато-белым оперением.

Марьяж (франц.) — старинная карточная игра; а также законная супружеская любовь, брак.
Мерзеть — гнушаться, испытывать отвращение.
Мирра — благовонная смола, употреблявшаяся на Востоке как курение и как пряность.
Мумьи — мумии, в данном случае кариатиды (в зодчестве человеческие изображения, заменяющие колонны или обрамляющие их).

Надмеваться — гордиться, кичиться.
Надмеру — чрезмерно, слишком много.
Намет — крыша, шатер.
Нетопырь — летучая мышь.
Нижé — даже, даже не (после отрицания).

Овен — баран.
Отверзать — открывать.
Отженется — отделится, отгонится.

Пажить — луг или поле, где пасется стадо.
Паки — опять, еще, снова.
Палевый — бледно-желтый, соломенного цвета.
Паша (персидск.: падишах) — титул первых сановников в Турции.
Персть — пыль, прах, земля.
Петел — петух.
Плевелы — сорные полевые травы; в переносном смысле — всё вредоносное, мешающее жить.
Плектр (греч.) — роговая или черепаховая пластина, с помощью которой извлекаются звуки при игре на некоторых струнных инструментах.
Плена — плен, неволя.
Повытье — отделение в канцелярии, которым ведал чиновник, называвшийся повытчиком.
Полуда — слой олова, которым покрывают поверхность металла, чтобы предохранить его от окислений.
Понт — море.
Понтёр — игрок в карты, противник банкомета.
Поприще — место богатырской игры, турнира.
Пореваться — порываться, устремляться.
Потщиться — постараться, попытаться.
Препнуть — создать препятствие, помешать.
Претить — мешать, запрещать.
Пристав частный — полицейский чин, в ведении которого была определенная часть города.
Провещиться — изречь.
Процессия — процесс, судебное дело.
Пядь — старинная мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев.

Разрешать — освобождать.
Рамена — плечи.
Расседина — расселина, трещина, провал.
Реляция — письменное донесение начальнику.
Ристалище — площадь, служащая местом для конных, гимнастических и других состязаний.
Рцы — скажи, изреки.

Сарацины (лат. — saraceni) — у античных авторов наименование населения западной и южной Аравии; в период крестовых походов сарацинами называли все народы, исповедующие ислам.
Святцы — список святых и праздников в календарном порядке.
Сераль (франц.) — гарем.
Серена — сирень.
Скудельный — глиняный; в широком смысле — хрупкий, непрочный.
Смурый — темного цвета; смурое сукно — некрашеное сукно.
Сретенье — встреча.
Стогны — площади.
Стопа — старинная русская единица счета писчей бумаги (20 дестей или 480 листов).
Сторичный — сто раз повторенный.
Студенцы — ручьи, ключи.
Сячется — сочится, капает, моросит.

Твердь — небо.
Тенеты — силки, сети.
Титл — титул.
Тля — тленность, бренность.
Толико — столько.
Трудник — человек, обреченный на тяжелый физический труд.
Тын — забор.

Угобзить — оплодотворить, удобрить.
Улучить — подстеречь.
Уреченный — назначенный.
Утлый — ветхий, истлевший.

Фиал — древнегреческий сосуд (плоская тонкостенная чаша); им пользовались на пирах и в культовых обрядах.
Фимиам — благовонное вещество для курения; на Востоке употреблялся в культовых целях. «Курить фимиам» — означает льстить кому-либо, угодничать.
Флер — тонкая, прозрачная ткань; флеровый — прозрачный.

Хитон — короткая (до колен) одежда древних греков.
Хлябь — водная глубина.

Цевница — духовой музыкальный инструмент, род флейты.

Чалый — конская масть: серый с примесью шерсти другого цвета.
Часть — участь, судьба.

Червленый — красный.
Чресла — бедра.

Шербет — восточный прохладительный напиток из фруктовых соков с прибавлением пряностей.
Шишак — шлем.
Шугай — старинная крестьянская одежда; кофта с короткими полами.
Шуйца — левая рука.

Эоны — философско-религиозный термин в учении мандеев (древняя секта в Месопотамии); означает многочисленные частицы, из которых состоит вселенная, воплощающие в себе сущность и волю божества.

Юдоль — судьба, участь, жизнь с ее лишениями и печалями.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *С. 85.* Титульный лист сборника стихов А. Х. Востокова «Опыты лирические», ч. 2, СПб., 1806.

2—3. *Между с. 112 и 113* А. Х. Востоков. Портрет маслом Л. Г. Варника, товарища поэта по Академии художеств. 1803 (Гос. Эрмитаж).

На обороте. А. Х. Востоков. Литография с рисунка М. И. Белоусова. 1821.

4—5. *Между с. 144 и 145.* А. Е. Измайлов. Литография с портрета неизвестного художника. 1802.

На обороте. Н. Ф. Остолопов. Литография неизвестного художника.

6. *С. 163.* Начало статьи-некролога Н. П. Брусилова «О Пнине и его сочинениях» в «Журнале российской словесности»,1805, № 10, с. 57.

7. *С. 201.* Титул сборника стихов «Свиток муз» В. В. Попугаева и А. Г. Волкова, СПб., 1802.

8. *С. 211.* Последняя страница устава Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Устав скреплен подписями И. Пнина, Д. Языкова, А. Измайлова, В. Попугаева, Н. Арцыбашева, Н. Радищева, И. Лапена, Ф. Ленкевича, Н. Остолопова, Н. Брусилова, Н. Борна, А. Востокова (ЛГУ).

9. *С. 247.* Титул книги А. Е. Измайлова «Новые басни и сказки. . .», СПб., 1817.

10. *С. 265.* Начало статьи В. В. Попугаева «История Общества любителей словесности, наук и художеств» в «Периодическом издании Вольного общества. . .», ч. 1, СПб., 1804, с. 1.

11. *С. 283.* Из протокола заседания Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (ЛГУ).

12. *С. 335.* Обложка сборника стихов Н. Ф. Остолопова «Прежние досуги», СПб., 1816.

13. *С. 425.* Извещение о работе Вольного общества любителей словесности, наук и художеств в журнале «Северный вестник», 1804, № 2, с. 227.

14—15. *Между с. 432 и 433.* И. А. Кованько. Миниатюрный акварельный портрет неизвестного художника.

На обороте. А. А. Писарев. Гравюра неизвестного художника.

16—17. *Между с. 464 и 465.* Г. П. Каменев. Фотография с портрета неизвестного художника. Местонахождение оригинала не установлено.

На обороте. С. А. Москотильников. Гравюра с пастельного портрета неизвестного художника. 1810-е годы.

Иллюстрации №№ 3, 4—5, 14—15, 16—17 воспроизведены с оригиналов Музея Института русской литературы АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

И. П. ПНИН

Стихотворения, приписываемые И. П. Пнину

И. М. БОРН

Стихотворения, приписываемые И. М. Борну

В. В. ПОПУГАЕВ

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

А. Г. ВОЛКОВ

В. В. ДМИТРИЕВ

В. И. КРАСОВСКИЙ

Н. Ф. ОСТОЛОПОВ

М. ОЛЕШЕВ

И. А. КОВАНЬКО

Г. П. КАМЕНЕВ

Н. С. АРЦЫБАШЕВ

С. А. МОСКОТИЛЬНИКОВ

ПОЭТЫ-РАДИЩЕВЦЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1979 г.
592 стр. План выпуска 1979 г. № 389.
Редактор *В. С. Киселев.*
Художник *И. С. Серов.*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова.*
Техн. редактор *З. Г. Игнатова.*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 714

Сдано в набор 22.01.79. Подписано к печати 17.05.79. М-07107. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 31,5. Уч.-изд. л. 30,42. Тираж 40 000 экз. Заказ № 158. Цена 2 р. 70 к.

Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
7	3 св.	природы"	„природы"
35	5 св.	участии	участи
178	8 сн.	перестали.	перестали".
492	12 св.	издано посмертно в 1836 —	частично издано посмертно в 1838 —

2 р. 70 к.

ПОЭТЫ РАДИЩЕВЦЫ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА